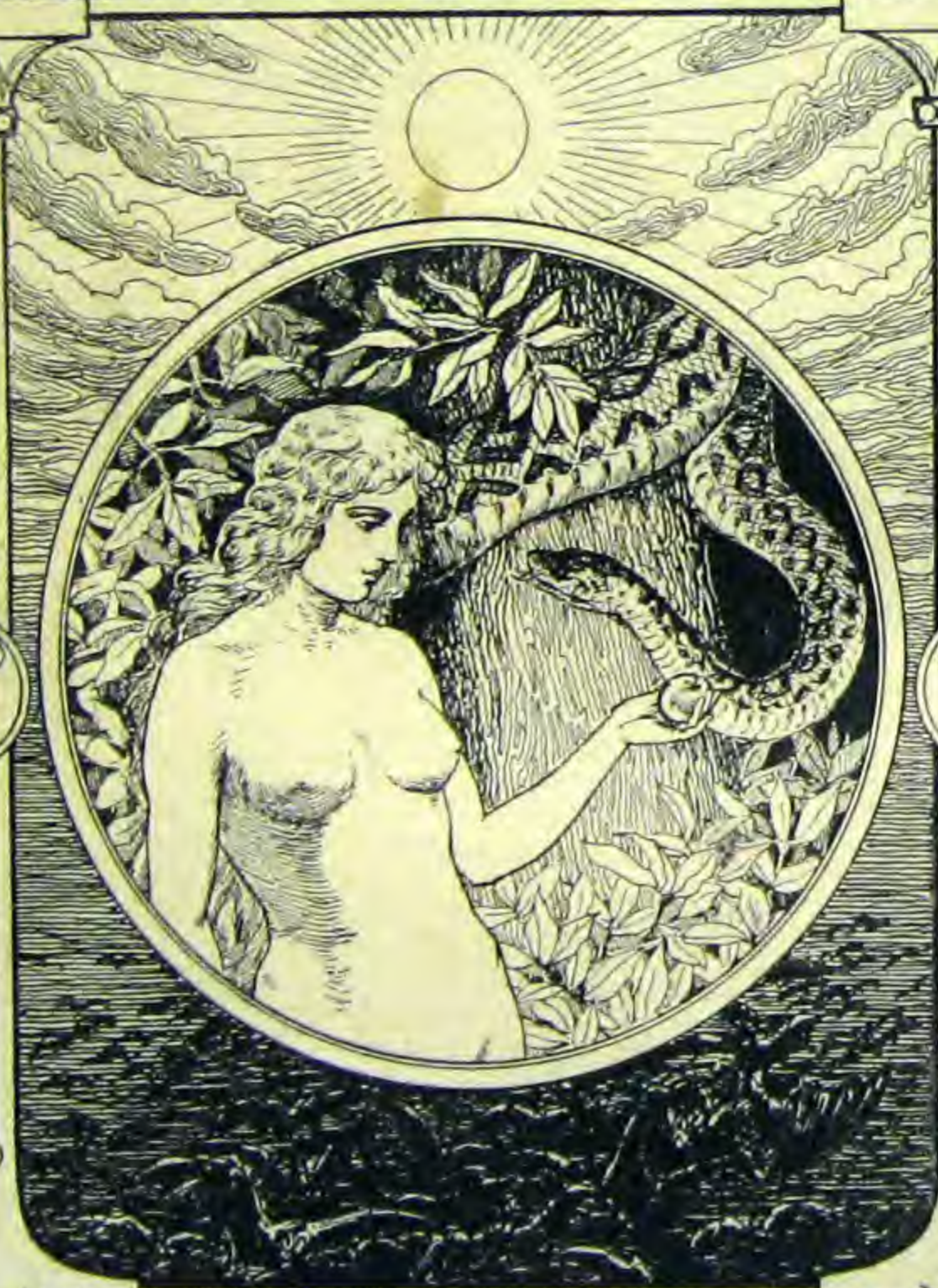

Проф. А. ФОРЕЛЬ.
Половой Вопросъ.
Томъ второй.

ОТДѢЛЪ ЭТИЧЕСКІЙ

Проф. А. ФОРЕЛЬ.

Половой Вопросъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Русское изданіе снабжено множествомъ рисунковъ въ текстѣ, отдѣльных картинъ, таблицъ и хромофотографій.

Томъ второй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ“ (В. В. ВИТНЕРА).

Проф. А. ФОРЕЛЬ.

Половой Вопросъ.

Томъ второй.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

СОБРАНИЕ
КАПИТАЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНИЙ

ИЗЪ ВСѢХЪ ОБЛАСТЕЙ ЗНАНІЯ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ

В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕР

БУРГЪ.

Проф. А. Форель.

Половой вопросъ.

Томъ второй.

ГЛАВА XI.

Вліаніе вѣшнихъ условій на половую жизнь.

Какъ ни могуче проявляется, съ одной стороны, половая жизнь индивида, построенная на основѣ древнихъ, филогенетически унаслѣдованныхъ побужденій, все же, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что у такого сложнаго организма, какимъ является человекъ съ его многосторонней половой жизнью, привычка и приспособленіе къ вѣшнымъ условіямъ жизни оказываютъ огромное вліаніе на половое побужденіе и любовь. Здѣсь мы хотимъ изслѣдовать наиболѣе поразительныя относящіяся сюда явленія, поскольку они не были затронуты въ другихъ главахъ.

Климатъ. Мы уже видѣли въ концѣ шестой главы, что климатъ оказываетъ вліаніе на половую жизнь, при чемъ болѣе теплый климатъ обыкновенно дѣлаетъ ее болѣе интенсивной. Въ жаркихъ странахъ люди, по большей части, рано достигаютъ половой зрѣлости и болѣе склонны къ половымъ эксцессамъ. Другія вліанія климата мы неизвѣстны. Весьма возможно, что огромное вліаніе, оказываемое климатомъ на все существованіе человекъ, — прежде всего, тяжелыя жизненныя условія, а также болѣе упорный трудъ, выпадающіе на долю народовъ холодныхъ областей, — ослабляетъ косвеннымъ образомъ интенсивность половой жизни. Въ жаркихъ странахъ нѣтъ надобности ни въ топливѣ, ни въ болѣе сложныхъ постройкахъ и одеждахъ; жизнь значительно упрощается, и все это возбуждаетъ человекъ къ болѣе интенсивной половой жизни.

Сельская и городская жизнь, уединеніе, общественность, фабричная жизнь. Общественныя отношенія людей оказываютъ выдающееся вліаніе на ихъ половую жизнь. Поучительны въ этомъ отношеніи условія, наблюдаемыя у отшельниковъ и живущихъ въ уединеніи фермеровъ. Продолжительное одиночество, обыкновенно, дѣлаетъ человекъ капризнымъ, причудливымъ, вызываетъ у него меланхолическое настроеніе, если только человекъ не удаляется отъ міра съ цѣлью обработать въ тиши солидный запасъ знаній. Но этотъ опытъ нельзя считать поставленнымъ правильно, такъ какъ человекъ пріобрѣтаетъ эти знанія въ культурномъ обществѣ, въ которомъ онъ мысленно продолжаетъ жить и въ своемъ уединеніи. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ бѣднымъ въ духовномъ отношеніи человекомъ или съ отшельникомъ, удалившимся съ юности отъ людей. Онъ становится въ своемъ родѣ дикаремъ, возвращается къ условіямъ первобытной жизни, дѣлается неподвижнымъ и атрофируется въ духовномъ отношеніи. Если врозь съ обществомъ со скудной и бѣдной духовной жизнью ведетъ жизнь фермера въ пустынѣ, то у него съ теченіемъ времени развивается предрасположеніе къ душевному разстройству; это часто можно наблюдать въ Сѣверной Америкѣ, какъ въ этомъ убѣдилъ меня мой покойный другъ, профессоръ Е. Сегунтъ въ Нью-Йоркѣ. Профессоръ Сегунтъ былъ врачомъ по нервнымъ болѣзнямъ и прекрасно былъ знакомъ съ вышеупомянутыми условіями. Кроме того, человекъ, живущій одиноко, очень часто склоняется къ половымъ не-нормальностямъ, представляющимъ для него возможнымъ при данныхъ условіяхъ, а именно — къ кровосмѣшенію, содоміи, педерастіи и онанизму.

Съ другой стороны, у союзовъ людей, занимающихся въ деревнѣ земледѣліемъ, мы встрѣчаемъ самыя здоровыя половыя отношенія, да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ члены этихъ союзовъ наиболѣе нормальны. Это мы видимъ не только у французскихъ земледѣльцевъ, переселившихся въ Канаду (см. гл. VI), но, вообще, у здоровыхъ, самостоятельныхъ занимающихся хозяйствомъ людей, если только земля распределена между жителями сравнительно равномерно. Въ крестьянскихъ семьяхъ дѣтей, въ среднемъ, больше, и послѣднія здоровѣе, чѣмъ въ семьяхъ городскихъ жителей. Если даже въ современныхъ городахъ смертность дѣтей, благодаря врачебному гигиеническому искусству, меньше, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ гигиеническія условія значительно хуже, то все же деревенскія дѣти лучше по натурѣ и во всѣхъ отношеніяхъ (въ среднемъ) здоровѣе и нормальнѣе. Я самъ это знаю по долготѣнному опыту въ бытность мою директоромъ дома для умалишенныхъ. Городскіе жители обоехъ половъ въ большинствѣ случаевъ не годились въ роли служителей. Правда, они обыкновенно быстрѣе свыкались со службой, но у нихъ не было ни терпѣнія, ни выдержки, ни характера, и при ближайшемъ испытаніи они оказывались очень неразвитыми въ умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Напротивъ того, взятые на службу крестьяне были сначала неуклюжими и неловкими, но затѣмъ явно становились болѣе способными и пригодными къ исполненію своихъ обязанностей. Такое наблюдение можно сдѣлать повсюду, и это ясно показываетъ, что крестьянскій ребенокъ по натурѣ, въ среднемъ, лучше, чѣмъ городской ребенокъ. Правда, у послѣдняго вслѣдствіе разнообразныхъ сношеній и городского лоска быстрѣе и полнѣе развиваются его способности, чѣмъ у крестьянскаго ребенка, который, поэтому, кажется болѣе отстающимъ и менѣе способнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ куда даровитѣе городского ребенка. Это и вводитъ въ заблужденіе поверхностнаго наблюдателя. Деревенская жизнь образуетъ и поддерживаетъ въ человѣческомъ организмѣ также болѣе запасъ силъ, чѣмъ городская. Половые эксцессы носятъ въ деревнѣ менѣе противоестественный характеръ и проявляются, обыкновенно, въ формѣ конкурената, супружеской невѣрности, а также иногда въ формѣ проституціи, которая, однако, вслѣдствіе малочисленности населенія, когда всѣ близко знаютъ другъ друга, никогда не можетъ достигать значительнаго распространенія. Тщательное и серьезное изученіе вопроса объ алкоголизмѣ привело меня къ тому заключенію, что половыя безобразія и наследственные вырожденія обусловлены въ деревнѣ почти исключительно алкоголизмомъ и вызываемой имъ бластофторіей (см. гл. I). Только тогда, когда вслѣдствіе появленія фабрикъ, горныхъ промысловъ и т. п. создаются нездоровыя условія заработка, измѣняющія жизнь крестьянъ, мы видимъ и у нихъ отрицательныя стороны городской жизни, часто даже въ еще большемъ размѣрѣ.

Общество крупныхъ городскихъ центровъ слагается изъ множества отдѣльныхъ круговъ, которые совсѣмъ или почти совсѣмъ не соприкасаются между собою, ничего не знаютъ другъ о другѣ и очень мало интересуются другъ другомъ. Отдѣльный индивидъ извѣстенъ лишь въ своемъ кругу. Это дѣлаетъ возможнымъ тайное развитіе порока, что оказываетъ губительное дѣйствіе. Сюда присоединяются часто плохія, антигигиеническія помѣщенія, безпокойная жизнь, безчисленныя удовольствія, а все это дѣлаетъ жизнь человѣка противоестественной и крайне нервной. Жизненные условія, необходимыя для здоровья человѣка — воздухъ, свѣтъ, природа, достаточное и не слишкомъ однообразное движеніе и работа — въ городской жизни, особенно у бѣдныхъ, отсутствуютъ. За это городскихъ жителей вознаграждаютъ искусственныя, нездоровыя почныя удовольствія, ненаказуемая, не находящаяся подъ контролемъ общественнаго мнѣнія проституція со всѣми вышеизложенными опасностями и послѣдствіями, тогда какъ дѣтей, рожденных въ дѣйствительно здоровой и естественной любви, они едва-едва могутъ прилично содержать, кормить и воспитывать. Вотъ каковы обычныя условія жизни городского пролетаріата, о которыхъ въ настоящее время говорятъ такъ много, что мы не будемъ на нихъ долѣе останавливаться. Особенно плохи, на ряду съ проституціей и венерическими болѣзнями, ужасныя условія жилищъ многихъ пролетарскихъ центровъ, ведущія къ самымъ безпорядочнымъ половымъ отношеніямъ.

Пожалуй, въ еще большей степени все вышесказанное относится къ фабричнымъ центрамъ, горнымъ округамъ и т. д. Здѣсь люди портятся и развращаются отъ односторонней, самой нездоровой работы въ плохихъ помѣщеніяхъ и при ужаснѣйшихъ половыхъ отношеніяхъ. Алкоголь, проституція, безпорядочныя половыя отношенія соединяются здѣсь съ азартными играми и бездѣльемъ и ведутъ къ полному вырожденію фабричнаго населенія. Высокую степень физическаго и психическаго вырожденія фабричнаго населенія я имѣлъ случай наблюдать въ кантонѣ Цюрихъ. Всѣ наиболѣе непригодныя для вышеупомянутой службы въ домѣ умалишенныхъ лица обоюго пола были прежде фабричными рабочими и работницами. Они были, по большей части, такими выродившимися въ физическомъ, психическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, что часто не годились ни къ чему другому, какъ къ выполненію одного какого-нибудь заученнаго автоматическаго занятія, напр., тканья или наматыванія шелка и т. п. Во многихъ другихъ мѣстахъ условія еще хуже, напримѣръ, среди англійскаго городского пролетаріата (напр., въ Ливерпуль), польскаго, еврейскаго пролетаріата въ Варшавѣ, среди населенія нѣкоторыхъ бельгійскихъ горнопромышленныхъ округовъ и т. д. Стыдливость, этическія чувства и здоровье — все погибаетъ въ этой клоакѣ. Фабричныя дѣвушки — это, по большей части, то же, что и проститутки. Въ тѣхъ бельгійскихъ промышленныхъ округахъ, гдѣ свирѣпствуетъ алкоголизмъ, люди часто совокупляются, какъ животныя, ночью на улицахъ, не лучше пьяныхъ кафровъ въ Южной Африкѣ. Что тутъ остается для любви, семьи, воспитанія дѣтей, и что можно ожидать отъ потомковъ такихъ людей? Въ сравненіи съ этимъ, нѣсколько грубоватыя, но все же человѣчески естественныя нравы крестьянскаго конкубината и брака — чистое золото.

Но здѣсь мы должны принять во вниманіе крайне интересное и въ высшей степени современное явленіе, которое я, въ краткихъ словахъ, могу охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: чудовищное развитіе и удешевленіе путей сообщенія въ связи съ прогрессомъ жилищной гигіены, все болѣе и болѣе пробуждаютъ и развиваютъ современное стремленіе перенести городъ въ деревню, а одновременно съ этимъ — и деревню въ городъ, т. е. сдѣлать ихъ болѣе похожими другъ на друга, и въ этомъ я вижу возможность спасенія для будущаго. Уже современные американскіе города обнаруживаютъ большую тенденцію уподобляться деревнѣ какъ своимъ огромнымъ пространственнымъ протяженіемъ, такъ и тѣмъ, что каждый домъ представляетъ собою виллу, окруженную садомъ. Электрическіе трамваи сокращаютъ разстоянія, что облегчаетъ этотъ способъ застройки. Если техники удастся — а въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія — сдѣлать пути сообщенія еще болѣе дешевыми и простыми и распространить ихъ на всю страну, то постепенно и американскій городъ окажется болѣе ненужнымъ. Тогда можно будетъ и въ деревнѣ пользоваться всѣми дѣйствительными и серьезными выгодами городской жизни, не подвергаясь за то опасности, связанной съ безпорядочными половыми сношеніями въ городахъ. Отрицательная сторона деревни заключается въ атрофированіи естественныхъ духовныхъ задатковъ вследствие недостатка въ возбужденіи. Но посредствомъ улучшенныхъ путей сообщенія это духовное возбужденіе становится все болѣе и болѣе доступнымъ деревнѣ. *Agropolis* (агрополисъ — городская деревня или деревенскій городъ) — вотъ какъ можно назвать будущее культурное государство, какое я имѣю въ виду. Такимъ путемъ предоставляется возможность осуществить болѣе идеальную психическую и нравственную жизнь людей и соединить ее съ болѣе здоровой, а также и болѣе идеальной половой жизнью. Для крестьянскаго сословія бракъ — явленіе, благоприятное не только потому, что онъ устраняетъ условія для развитія проституціи, но также и потому, что, во-первыхъ, фактъ близкаго знакомства всѣхъ людей между собой въ деревнѣ значительно ослабляетъ опасность венерическихъ болѣзней, а, во-вторыхъ, здоровое потомство необходимо для счастья и прочности деревенскаго брака. Съ церковной точки зрѣнія часто возмущались безнравственностью нѣкоторыхъ половыхъ крестьянскихъ нравовъ. Последніе обыкновенно заключаются въ томъ, что парни и дѣвушки вступаютъ до брака въ извѣстныя свободныя половыя сношенія. Эти отклоненія часто являются своего рода пробой, подобно тѣмъ пробнымъ бракамъ, какіе мы наблюдали у дикихъ народовъ (см. гл. VI). Люди, которые терпятъ проституцію и въ то же

времени провозвѣщать моральныя проповѣди, возмущающія естественными вѣщными отношеніями въ крестьянствѣ, должны были бы постыдиться своего лицемерія для нравственной извращенности. Какъ здорова сельская жизнь для развитія дѣтей — это мы видимъ изъ успѣховъ дачныхъ колоній для городскихъ дѣтей.

Само собою разумѣется, что есть другія причины, вызывающія вырожденіе также и въ деревнѣ; таковы извѣстные эндемичныя, лобъ, малярія, изолированность, въ которой живутъ вѣвѣтныя племена (напр., въ Колумбій), и подѣ влияніемъ которой они опускаются, тупѣютъ и т. п.

Хуже всего условія жизни городского пролетаріата, съ которымъ, по большей части, живетъ и преступный пролетаріатъ. Въ кругу сводниковъ, содержателей про-

ститутковъ, мошенниковъ, привычныхъ и прирожденныхъ преступниковъ и т. д. складывается особое міровоззрѣніе, съ точки зрѣнія котораго самый ловкій плутъ считается наиболѣе уважаемымъ лицомъ. Если ребенокъ обнаруживаетъ соответствующія наслѣдственныя склонности, то онъ считается „многообщающимъ“. Въ такомъ обществѣ хорошія дѣти съ альтруистической душой считаются помѣхой, дурачками и поэтому часто возбуждаютъ презрѣніе и ненависть у другихъ и даже подвергаются побоямъ. Тѣмъ болѣе

Флиртъ. Скульпт. Морева.

государства и благотворительныя общества обязаны вступаться и заботиться объ этихъ бѣдныхъ созданіяхъ.

Вѣдь эти отдѣльныя вышеупомянутыя вредныя влиянія, конечно, не всесильны. Но они, совместно съ другими вредными условіями, дѣйствуютъ на половую жизнь. Въ зависимости отъ различныхъ влияній мы можемъ быть свидѣтелями половой испорченности въ деревнѣ и нормальныхъ отношеній въ городѣ; надо повсюду остерегаться преувеличивать или обобщать значеніе одного какого-нибудь фактора. Въ деревнѣ, отравленной алкоголемъ, мы можемъ встрѣтить худшія и болѣе нездоровыя половыя отношенія, чѣмъ въ чистомъ, трезвомъ, хорошо управляемомъ городѣ.

Бродяжество: семейство Зеро. Въ „Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie“ 1905 г. докторъ Јергеръ (Joergel) рассказываетъ тщательно изслѣдованную исторію многихъ поколѣній одной четы бродягъ (семейство Зеро). Прямотаки ужасно видѣть, что почти вѣсь члены этой семьи стали бродягами, ворами, проститутками и, вообще, вредными для общества элементами. Число ихъ очень велико.

Община тиетно старалась хорошимъ воспитаніемъ исправить некоторыхъ изъ членовъ этой семьи, работая о нихъ съ ихъ ранней юности: они убѣгали изъ школы и порядочныхъ семействъ и начинали вести бродяжническую жизнь. Но у другихъ воспитаніе все же давало кое-какіе, хотя и не особенно блестящіе, результаты. Алкоголизмъ и его бластофторія играютъ въ этомъ семействѣ значительную роль.

Приведу этотъ случай адѣсь, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаемъ, что мы могли бы привести его также при описаніи бластофторіи, наследственности или въ гл. VIII при описаніи послѣдствій употребленія алкоголя, такъ какъ всѣ эти факторы вмѣстѣ съ вліяніями бродячей жизни приводятъ къ такому ужасному результату. Мы не можемъ допустить, чтобы упомянутые въ первой главѣ мнѣшечскіе процессы могли сказаться замѣтнымъ образомъ на человѣкѣ въ такой короткій срокъ, какъ два-три столѣтія. Правда, родоначальница семейства Зеро происходила сама изъ бродячей семьи изъ Сѣверной Италіи. Поэтому я думаю, что не ошибусь, если выставлю алкоголическую бластофторію въ связи со свойственнымъ бродяжничеству, часто повторявшимся неудачными конъюнкціями, главною причиною этого типичнаго семейнаго или группового вырожденія, въ которомъ рѣзко преобладаетъ половое распутство, и которое я настоячиво рекомендую серьезно изучать каждому интересующемуся этимъ вопросомъ.

Американизмъ. Подъ американизмомъ я понимаю то нездоровое явленіе въ половой жизни, которое основывается, въ особенности, на взглядахъ и возрѣніяхъ сѣверо-американскаго общества и объясняется той погоней за долларами, т. е. безудержной индивидуальной конкуренціей изъ-за денегъ, которая достигаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Здѣсь я хочу поговорить о неестественной жизни сѣверо-американцевъ и, specially, о неестественной половой жизни американокъ. Житель Сѣверной Америки съ презрѣніемъ относится къ сельской работѣ и, вообще, къ ручному труду, и такое отношеніе къ физическому труду проявляется не только у женщинъ, но также и у мужчинъ. Американецъ все хотѣлъ бы замѣнить машинами, все централизовать и т. д. для того, чтобы жить лишь умственной дѣловой жизнью и соотвѣтственнымъ образомъ пользоваться ею. Американки считаютъ униженіемъ женскаго достоинства заниматься вѣсколько болѣе тяжелымъ физическимъ трудомъ и, въ особенности, сельскимъ трудомъ. Это—пережитокъ эпохи рабства, когда всѣ такія работы предоставлялись неграмъ; неграмъ же часто предоставляются эти работы еще и теперь. Такъ какъ американка (я не говорю о французской Канадѣ, гдѣ нравы совершенно другіе) хочетъ оставаться, по возможности, дольше молодой, сохранить розовый цвѣтъ лица и предотвратить увяданіе своихъ прелестей; такъ какъ она, кромѣ того, боится опасностей, болѣй и послѣдствій беременности, а также бремени семьи,—то она, вообще, питаетъ большое отвращеніе къ беременности, рожденію и кормленію грудью дѣтей и къ болѣе многочисленной семьѣ. Такъ какъ, кромѣ того, со времени освобожденія негровъ прислуга въ Соединенныхъ Штатахъ сильно вздорожала, то семьи стараются помочь себѣ тѣмъ, что все чаще и чаще начинаютъ вести отельную жизнь (Boarding House), и это тоже побуждаетъ женщинъ всѣми средствами препятствовать рожденію дѣтей и избѣгать многочисленной семьи. Ясно, что этотъ видъ женской эмансипаціи въ высшей степени нездоровъ и ведетъ къ социальному вырожденію. Вслѣдствіе этого, безъ переселенія извнѣ, аріійская (европейская) смѣшанная раса Сѣверной Америки постепенно вымирала бы и была бы замѣнена китайцами и неграми. Подобно мужчинамъ, женщина должна работать и слѣдовать своему естественному назначенію. Раса, не понимающая этого, гибнетъ. Идеаль женской жизни не долженъ заключаться въ томъ, чтобы читать романы или лежать въ качалкахъ, въ крайнемъ случаѣ работать въ конторахъ, стремясь по возможности дольше сохранить свой свѣжій цвѣтъ лица; нѣтъ, женщина должна развиваться сильной и здоровой, работать физически и умственно на ряду съ мужчиной и производить на свѣтъ много здоровыхъ въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ дѣтей. Это, конечно, не мѣшаетъ тому, чтобы ограничивать рожденіе дѣтей тамъ, гдѣ не хватаетъ духовнаго и физическаго здоровья, способностей и силы.

Трактиръ и алкоголь. Здѣсь я не буду повторять то, что я сказалъ въ главѣ I о бластофорѣ, въ главѣ VIII (§ III, 9a) о дѣйствиіи алкоголя на зародыши нашего потомства, на мозгъ и на половую жизнь, а также въ главѣ X объ отношеніи алкоголя къ проституціи. Я хочу только поговорить о томъ вредномъ влияніи, какое оказываетъ трактирная среда. Пьянство дѣйствуетъ растлѣвающимъ образомъ на всю половую жизнь человѣка. Какъ это мы уже видѣли при описаніи проституціи и сводничества, пьянство является носителемъ ихъ грязнѣйшихъ формъ, служить вспомогательнымъ средствомъ для обольщенія дѣвушекъ и поддерживаетъ все это отвратительное ремесло. Мнѣ остается только упомянуть еще о служанкахъ въ пивныхъ и ресторанахъ для того, чтобы показать растлѣвающее влияние алкоголя на половую жизнь. Вотъ что объ этомъ пишетъ мнѣ Ю. В. Эд. Вундзамъ (Julius V. Ed. Wundsam) изъ Цюриха:

„Прямо-таки удивительно, съ какимъ цинизмомъ и безцеремонностью относятся къ трактирнымъ служанкамъ даже мужчины изъ образованныхъ классовъ.

„Мужчины, которые никогда не осмѣлились бы сказать что-нибудь нахальное приказницѣ въ магазинѣ, позволяютъ себѣ все по отношенію къ трактирной служанкѣ. Не зачѣмъ для такихъ наблюденій ходить въ маленькія пивныя. Въ первоклассныхъ ресторанахъ можно ежедневно видѣть, какъ врачи, кушцы, профессора — мужчины, которые даже въ пьяномъ видѣ умѣютъ сдерживать себя въ присутствіи барышень — позволяютъ себѣ по отношенію къ трактирнымъ служанкамъ такія шутки и жесты, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ этическихъ чувствъ этихъ господъ.

„И нѣтъ надобности въ томъ, чтобы прислуживающая дѣвушка своимъ поведеніемъ поощряла этихъ господъ, — проявленіе побужденія говорить сальности и двусмысленности и заниматься грубѣйшимъ флиртомъ происходитъ у посетителя само собою, вслѣдствіе одного только сознанія, что передъ ними трактирная служанка.

„Сдержанное поведеніе дѣвушки высмѣивается, какъ жеманство, и многіе трактирные хозяева, которые требуютъ въ своихъ ресторанахъ строгаго „соблюденія приличія и порядка“, въ случаѣ оскорбленія дѣвушки посетителями становятся на сторону послѣднихъ.

„Несомнѣнно, что въ основѣ этого самопроизвольнаго отказа отъ всякаго такта лежитъ дѣйствіе алкоголя, хотя не оно одно играетъ здѣсь роль: тутъ, кромѣ того, примѣняется принципиальный предразсудокъ: трактирная служанка считается ничтожнымъ субъектомъ, иногда проституткой, къ которой, правда, надо проявлять нѣсколько болѣе галантное отношеніе, но по отношенію къ которой не зачѣмъ соблюдать какихъ-либо нравственныхъ требованій“.

Подъ заглавіемъ „Kellnerinnen-Elend“ („Бѣдствія трактирныхъ служанокъ“) журналъ „Abstinenz-Rundschau“ даетъ слѣдующее прекрасное и правдивое описаніе ужасныхъ условій существованія нѣмецкихъ трактирныхъ служанокъ:

„Трактирные служанки являются, безъ сомнѣнія, достойными глубочайшаго сожалѣнія жертвами пьянства. Въ этой профессіи скрыта ужасная опасность, въ этомъ словѣ — бездна скорби. Быть можетъ, кое-гдѣ не только въ порядочныхъ гостиницахъ, но даже въ трактирахъ есть приличныя и нравственныя служанки, но все же масса ихъ гибнетъ въ тинѣ трактирной жизни. Молоденькая дѣвушка съ хорошенькимъ личикомъ беззаботно, подъ влияніемъ ложныхъ представлений, втягивается въ этотъ потокъ опасной профессіи — для того, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ быть выброшенной на берегъ въ видѣ нравственно-погибшаго и часто дѣйствительнаго трупа.

„Ея профессія предъявляетъ къ ней неслыханныя требованія! Она требуетъ отъ нея такого физическаго напряженія, которое выходитъ за предѣлы возможности: 10—16 часовъ — это обычная продолжительность ея рабочаго дня; столько времени работаютъ даже служанки въ королевской придворной пивной въ Мюнхенѣ (въ правительственномъ „образцовомъ заведеніи“), а въ такъ называемую „Bockbierzeit“ (периодъ продажи пива „Bock“) даже 17 часовъ! Неудивительно, что при такомъ переутомленіи очень скоро наступаетъ упадокъ физическихъ силъ, такъ, что на трактирныхъ служанокъ приходится въ среднемъ почти вдвое больше дней болѣзни

въ годъ, чѣмъ на средняго человѣка, и что несоотвѣтственно большое число ихъ становится жертвами чахотки. Но это еще не худшее.

„Служба трактирныхъ служанокъ сводится преимущественно къ прислуживанію другому полу, при чемъ большую часть времени, особенно по ночамъ, дѣвушкамъ приходится прислуживать мужчинамъ, представляющимъ для нихъ наибольшую опасность, ведущимъ „свободную“ жизнь, ищущимъ развлеченій въ ресторанахъ и чувствующимъ себя тамъ, какъ дома. Такое положеніе становится для служанокъ тѣмъ гибельнѣе, что онѣ не получаютъ никакого жалованья. Примѣромъ опять-таки можетъ служить королевская придворная пивная въ Мюнхенѣ. Занятая тамъ служанки не получаютъ ни жалованья, ни квартиры, ни завтрака, но должны еще ежедневно платить содержателю пивной за полосканіе кружекъ 1 марку 20 пфенниговъ, т. е. свыше 400 марокъ въ годъ! Кромѣ того, онѣ должны сами покупать и стирать обязательные у нихъ бѣлые передники, а также салфетки. Если такой порядокъ господствуетъ въ правительственной пивной, то можно себѣ представить, какъ обстоитъ дѣло въ частныхъ ресторанахъ. Поэтому служанка должна стараться получить возможно больше на чай, такъ какъ это—ея единственный заработокъ. Она должна научиться искусству побуждать мужчинъ къ питью, „поощрять“ ихъ, и это она дѣлаетъ тѣмъ охотнѣе, что хозяинъ часто даетъ ей нѣсколько грошей за „комиссіонерство“. Она должна научиться нравиться мужчинамъ, въ извѣстной степени привлекать ихъ къ себѣ, быть съ ними за панибрата, чтобы время отъ времени перепадало кое-что и на ея долю. Легко понять, что она, по мѣрѣ того, какъ алкоголь оказываетъ на нее и ея кліентовъ свое дѣйствіе, постепенно продаетъ свою нравственность за іудину плату необходимыхъ ей чаевыхъ. Какое растлѣвающее дѣйствіе должно оказывать на женскую душу такое постоянное общеніе съ болѣе или менѣе поднавшими подъ вліяніе алкоголя мужчинами, съ мужчинами, отъ которыхъ ради чаевыхъ приходится сотни разъ выслушивать то, за что обыкновенно дѣвушка должна была бы отвѣтить здоровой оплеухой! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ любящій выпить господинъ — не сторонникъ трезвости! — специально изучавшій жизнь трактирныхъ служанокъ, сообщалъ въ газетѣ „*Vaterland*“: „То, что я узналъ, и то, что я видѣлъ, не поддается никакому описанію, и потому не будетъ преувеличеніемъ, если я назову служанокъ очень многихъ такъ называемыхъ лучшихъ ресторановъ (ресторановъ перваго и втораго класса) какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціальныхъ городкахъ „бѣлыми рабынями безхарактерныхъ образованныхъ холостяковъ и образованныхъ супруговъ съ обручальными кольцами въ карманахъ жилетки“. При видѣ такого печальнаго положенія вещей нечего удивляться тому, что среди трактирныхъ служанокъ мы видимъ ужасающе высокій процентъ больныхъ венерическими болѣзнями, въ Берлинѣ, напримѣръ, $13\frac{1}{2}\%$, а среди „такъ называемыхъ“ трактирныхъ служанокъ, для которыхъ эта профессія служить лишь ширмой — даже 30% , и что изъ трехъ трактирныхъ служанокъ одна заражена венерической болѣзью“.

„Въ Германіи есть „агентства“, которыя подъ предлогомъ посредничества въ пріисканіи работы занимаются прямо-таки торговлей трактирными служанками. „Kiste“ („ящикъ“) — это условное выраженіе для обозначенія этихъ несчастныхъ объектовъ торговли, людей, при письменныхъ и телеграфныхъ сношеніяхъ между хозяевами и „агентствами“. Смотря по фигурѣ и способности занимать гостей, какою обладаютъ данныя трактирныя служанки, въ такихъ сообщеніяхъ говорится такъ: „предается или требуется ящикъ средней прочности или слабый, толстый, тонкій, элегантный или золотой и т. п.“. Конечно, эти торговцы дѣвушекъ зарабатываютъ много денегъ при постоянной сѣмѣ трактирныхъ служанокъ, получая по 10 марокъ отъ служанокъ, а отъ хозяевъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ 10 до 75 марокъ. Въ восточной Пруссіи есть агентства, изъ которыхъ нѣкоторыя, часто въ теченіе одного мѣсяца, доставляютъ мѣста 100 — 130 трактирнымъ служанкамъ. Послѣднія „поставляются“ не только на Германію, но и во всѣ части свѣта. Такимъ образомъ, трактирная служанка опускается на степень товара, а отсюда всего лишь одинъ шагъ до проститутки“.

Подъ вліяніемъ алкоголя мужчины и женщины дѣлаются чувственными и грубыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпечными, легкомысленными, забывающими всякую предосторожность. Я старался — какъ уже выше было упомянуто — статистически установить отношеніе венерическихъ заболеванийъ къ алкоголю (см. главу VIII, III, 9) и нашелъ его вліяніе въ 3/4 случаевъ. Недавно докторъ Лакеръ (Висбаденъ) высказался въ томъ же смыслѣ: „Захмелѣвшій человѣкъ выходитъ или выкаливается изъ трактира на улицу... мимо проходить проститутка, начинается торгъ, и несчастье (зараженіе венерической болѣзью) готово“ — или изъ трактира отправляются цѣлой компаніей въ публичный домъ и тамъ все заражаются.

Трактиръ отвлекаетъ человѣка отъ домашнего очага. Такимъ образомъ, алкоголизмъ идетъ рука объ руку съ половымъ вырожденіемъ. Этотъ фактъ мы должны особенно подчеркнуть, такъ какъ нѣтъ ни одной среды, менѣе благоприятной для здоровой половой жизни, чѣмъ та, гдѣ господствуетъ алкоголь. Пьянство дѣйствуетъ непосредственно противъ прироста населенія. Это можно наблюдать въ Россіи,

Въ отдѣльномъ кабинетѣ. Рис. Гибсона.

если сравнить пьющихъ сектантовъ съ остальными, пьющими русскими. Бластофторически (т. е. въ направленіи поврежденія зародыша) вредное вліяніе оказываетъ не только хроническое потребленіе алкоголя, но и однократное опьяненіе. Укажемъ еще разъ на уже приведенную выше статистику д-ра Беццола (максимумы рожденія иждивенцевъ). Этотъ и многіе другіе факты ясно доказываютъ намъ, какими губительными послѣдствіями часто сопровождается зачатіе, совершившееся въ состояніи опьяненія. Я самъ много писалъ о вырожденіи народа подъ вліяніемъ алкоголизма и укажу здѣсь еще на сочиненіе фонъ-Бунге „Отравленіе алкоголемъ и вырожденіе“ (v. Bunge „Alkoholvergiftung und Degeneration“, Leipzig 1904, bei Johann Ambrosius Barth), а также на мою книгу о „Гигиенѣ нервовъ и духа“ („Hygiene der Nerven und des Geistes“, Stuttgart 1903, bei Ernst Heinrich Moritz). Если бы человѣчество отказалось отъ употребленія алкоголя, то значительная часть полового вопроса была бы разрѣшена въ наиболее благоприятномъ и здоровомъ смыслѣ.

Богатство и бѣдность. Тогда какъ на средней ступени культуры богатый человѣкъ считаетъ большое количество женщинъ и дѣтей одновременно и условіемъ и продуктомъ своего богатства, мы видимъ въ нашей современной культурѣ своеобразное явленіе, а именно, что съ увеличеніемъ богатства уменьшается число дѣтей. Съ одной стороны, дѣти, какъ мы видели, не являются уже больше источникомъ богатства, но содержаніе ихъ, особенно при современныхъ болѣе высокіхъ запросахъ, стоитъ очень дорого; съ другой стороны, болѣе высокое социальное

положеніе женщины внушаетъ ей боязнь передъ беременностью. Подъ вліяніемъ болѣе утонченнаго образа жизни она дѣлается также болѣе слабой и чувствительной и потому не такъ легко выносить рожденіе дѣтей. Эти послѣднія явленія, достигающія прямо-таки патологической степени въ вышеописанномъ американизмѣ, представляютъ собою крайне нездоровыя порожденія нашей культуры. Денежный бракъ (проституцію богатыхъ) мы уже обсуждали выше: точно такъ же мы не разъ говорили о проституціи, часто представляющей собою результатъ бѣдности, а также о вліяніи денегъ на половую жизнь. Здѣсь, въ общемъ, обнаруживается тотъ фактъ, что при умѣренномъ благосостояніи, которое, хотя позволяетъ жить безъ нужды и заботы о скудномъ насущномъ хлѣбѣ и при гигиеническихъ благопріятныхъ условіяхъ, но все же побуждаетъ человѣка работать для добыванія средствъ существованія, мы наблюдаемъ наиболѣе здоровыя половыя отношенія, какъ и, вообще, наименѣе здоровыя жизненные отношенія. На богатаго человѣка губительно дѣйствуютъ въ половои отношеніи роскошь, эксцессы, лѣнь и то, что онъ, по большей части, испорченъ уже въ дѣтствѣ. На бѣдняка губительно дѣйствуетъ недостаточное питаніе, нездоровыя условія жилища, небрежное воспитаніе и порочные примѣры, которые у него совпадаютъ съ тѣми же явленіями въ жизни богача, такъ какъ здѣсь въ одной грязи встрѣчаются эксплуататоръ и эксплуатируемый. Это мы видимъ, напримѣръ, въ игрѣ, при проституціи, половыхъ ненормальностяхъ, гдѣ бѣднякъ иногда является эксплуататоромъ, а богачъ — эксплуатируемымъ, тогда какъ, съ другой стороны, послѣдній косвенно способствуетъ проституціи, являясь социальнымъ эксплуататоромъ.

Какъ мы уже видѣли, деньги, вообще, дѣйствуютъ губительно на половыя отношенія, отклоняя ихъ съ естественнаго пути, превращая совокупленіе въ чистое удовольствіе, а бракъ или актъ совокупленія, какъ таковой (послѣднее при проституціи), въ объектъ спекуляціи, т. е. тѣло бѣдныхъ дѣвушекъ низводится на степень предмета купли-продажи.

Постоянно возрастающая при нашихъ современныхъ условіяхъ легкость добыванія денегъ всѣми возможными способами, но только не работой, портитъ половую жизнь не только сибаритствующихъ богачей и голодающаго пролетаріата, но, къ сожалѣнію, и средняго сословія. Нормальная и здоровая половая жизнь является результатомъ честной и непрерывной работы.

Выше мы говорили, что разрѣшеніе полового вопроса отчасти зависитъ отъ прекращенія потребленія алкоголя. Мы можемъ здѣсь прибавить, что другая часть его была бы разрѣшена, если бы были устранены источники погони за деньгами. Если бы человѣчество могло работать для общаго блага безъ приманки частной денежной выгоды, то половыя отношенія немедленно вступили бы на болѣе нормальный путь: но здѣсь крайне трудно найти формулу практическаго осуществленія дѣла.

Знать и сословія. Такъ называемыя классовыя и сословныя различія всегда играли и играютъ извѣстную роль въ половой жизни. Это наблюдается, въ особенности, тамъ, гдѣ извѣстные сословныя нравы или предрасудки предписываютъ особый кодексъ брака. Скрещиваніе въ средѣ высшаго дворянства и владѣтельныхъ особъ, которые могли заключать браки только въ узко замкнутомъ кругу, повело, какъ извѣстно, къ опасному вырожденію. Первоначальной цѣлью его было стремленіе сохранить чистоту дворянской крови. Въ прежнія времена это до извѣстной степени способствовало достиженію данной цѣли. Но такой односторонній подборъ, въ концѣ концовъ, приводитъ къ очень губительнымъ результатамъ. Съ другой стороны, эта строгость приводила къ тому, что знать старалась вознаградить себя за тягостныя условныя союзы вибическимъ распутствомъ, и аристократы и даже коронованные особы обыкновенно влюблялись не въ честныхъ трудолюбивыхъ дѣвушекъ, а въ распущенныхъ актрисъ, балеринъ, вестеричныхъ сиренъ и всевозможныхъ искательницъ приключеній. Въ особенности послѣ того, какъ дворянство вслѣдствіе паденія феодальнаго режима утратило свой настоящій смыслъ существованія, оно живетъ только традиціей и ведетъ праздную жизнь, приводящую къ вырожденію, поскольку оно, вѣрное этимъ традиціямъ, не приспособилось къ современной трудовой жизни. Въ послѣднемъ случаѣ оно сохранило отъ стараго лишь одинъ пороки. Въ высшей

степени сомнительные въ качественномъ отношеніи плоды тѣхъ избирательныхъ дворянскихъ союзовъ. въ послѣдствіи часто возводились въ дворянское достоинство. Князья и княжны даровали дворянское достоинство часто недостойнымъ созданіямъ, которыя умѣли возбуждать и эксплуатировать ихъ чувственную страсть, и поэтому нечего удивляться тому, что въ результатъ такого подбора являлись вырождавшіеся продукты въ жилахъ которыхъ была смѣшана кровь высшей аристократіи съ кровью (или съ зародышевыми энергіями) самыхъ плохихъ людей, даже преступнаго пролетаріата. Другой причиною и въ то же время признакомъ вырожденія дворянства было то, что обѣдѣвшие дворяне съ цѣлью позолотить свой фамильный гербъ женились на богатыхъ наслѣдникахъ, дочкахъ банкировъ и т. п. даже тогда, когда онѣ не отличались хорошими качествами души и тѣла. Господствовавшее въ средніе вѣка предубѣжденіе дворянства противъ работы, какъ источника существованія, тоже ускорило его вырожденіе въ нашъ вѣкъ, когда нѣтъ поля дѣйствія для рыцарскихъ средневѣковыхъ подвиговъ.

Другія сословія тоже обнаруживаютъ половыя особенности. Упомянемъ о безбрачій католическихъ священниковъ и объ его губительныхъ послѣдствіяхъ; съ одной стороны, оно не даетъ размножаться значительной части интеллигенціи, а съ другой — способствуетъ тайному разврату (тайная исповѣдь и проч.).

Такое же дурное дѣйствіе на половыя отношенія оказываетъ военная и морская служба. Во-первыхъ, она поддерживаетъ одну изъ самыхъ низкихъ, грубыхъ и опасныхъ формъ проституціи. Солдатскія проститутки вошли въ пословицу. Одна такая проститутка можетъ заразить цѣлый батальонъ. Во-вторыхъ, невозможность имѣть нормальныя половыя сношенія вызываетъ всевозможныя извращенія, какъ, напримѣръ, педерастію и онанизмъ. Далѣе, въ результатъ отвратительныхъ половыхъ отношеній у солдатъ арміи и флота, мы видимъ, что большинство ихъ развращается въ половомъ отношеніи и въ послѣдствіи вносятъ въ бракъ, на ряду со всевозможными дурными половыми привычками, также и сифилисъ и гоноррею, заражаетъ своихъ женъ и въ слѣдствіе этого часто производитъ на свѣтъ уродливое потомство, при чемъ, конечно, большую роль играетъ здѣсь также и алкоголь. Въ своемъ родѣ развращающимъ образомъ дѣйствуетъ вышеупомянутая система, въ силу которой небогатый офицеръ можетъ жениться только на богатой женщинѣ для того, чтобы жить прилично своему званію. Благотворный въ сравненіи съ этимъ контрастъ представляютъ порядки норвежскаго торговаго флота, гдѣ, по крайней мѣрѣ, офицеры живутъ на судахъ вмѣстѣ со своими женами. Норвегія, вообще, могла бы служить образцомъ въ области полового вопроса. Развѣ не трогательно и не справедливо, что тамъ съ цѣлью поощренія семейной жизни съ женъ, путешествующихъ вмѣстѣ со своими мужьями, взимается лишь половинная плата!

Остальныя сословія, въ общемъ, обнаруживаютъ менѣе явное вліяніе на половую жизнь. Во всякомъ случаѣ, всякая сословная исключительность, какъ таковая, дѣйствуетъ неблагопріятно. Повсюду, гдѣ какой-либо классъ народа замыкается во имя сословныхъ предразсудковъ отъ остального народа и совершаетъ браки только въ кругу своего сословія, тамъ мы въ результатъ этого видимъ явленія извѣстнаго односторонняго вырожденія. Предметомъ положительнаго подбора во всѣхъ классахъ должна была бы быть не знатность, а настоящее внутреннее благородство, придаваемое хорошими человѣческими качествами.

Индивидуальный образъ жизни. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что индивидуальный образъ жизни оказываетъ вліяніе на половую жизнь человѣка. Половое побужденіе, въ среднемъ, усиливается благодаря обильной и здоровой пищѣ и незначительной физической работѣ, а, наоборотъ, оно ослабляется при недостаточномъ питаніи и интенсивномъ физическомъ трудѣ. Умственная работа дѣйствуетъ различно. Тогда какъ одинъ выдающійся ученый и тонкій психологъ увѣрялъ меня въ томъ, что всякая интенсивная работа возбуждала его въ половомъ отношеніи, другіе говорили мнѣ діаметрально противоположное. Въ общемъ, половое побужденіе усиливается при сидячемъ образѣ жизни, а при болѣе подвижномъ — скорѣе ослабѣваетъ. Но тутъ играютъ роль и всевозможныя другіе моменты. Мы уже видѣли, какое огромное вліяніе оказываетъ алкоголь на половую жизнь.

онъ, съ одной стороны, ослабляетъ потенцію, а съ другой — повышаетъ и извращаетъ половое побужденіе. Нѣсколько иначе дѣйствуютъ всевозможныя искусственныя раздраженія полового побужденія, какія жажда наживы дала нашей культурѣ. Этому вопросу мы уже касались при обсужденіи порнографіи. Эротическія картины, неприличныя романы, такіе же пьесы, кафе-шантаны и т. д. создаютъ нездоровую атмосферу, которая въ нашихъ культурныхъ центрахъ постоянно возбуждаетъ и развращаетъ половое чувство. Тотъ, кто ищетъ такой среды, обыкновенно скоро вытягивается въ нее, если только его не охватитъ и не оттолкнетъ здоровое побужденіе. Чѣмъ тоньше благоуханіе этой отравленной атмосферы, чѣмъ граціознѣе и эстетичнѣе утонченность, съ какою она щекочетъ чувства, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ соблазнъ.

Своеобразную роль играетъ вопросъ о совместной жизни обоихъ половъ. Мы видѣли въ главѣ VI, что совместная жизнь съ дѣтства мальчиковъ и дѣвочекъ обыкновенно притупляетъ у нихъ половое чувство другъ къ другу, и то же мы видимъ между родными или приемными братьями и сестрами. Никто соответственное этому мы встрѣчаемъ при непринужденномъ свободномъ совместномъ сожителствѣ въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, въ школахъ, при сельской работѣ и, вообще, при совместныхъ работахъ и развлеченияхъ.

Конечно, есть ограниченія и исключенія изъ этого правила, и его, вообще, нельзя догматически обобщать. При нѣкоторыхъ условіяхъ болѣе интимное совместное жителство обоихъ половъ ведетъ къ дурнымъ половымъ раздраженіямъ и извращеніямъ. Это имѣетъ, прежде всего, мѣсто подъ вліяніемъ алкоголя и у психически или нервно разстроенныхъ людей. Нѣкоторые директора психіатрическихъ больницъ поступаютъ очень неправильно, устраивая, напримѣръ, балы и т. п. для душевно-больныхъ обоого пола и допуская подавать на нихъ шиво. Мнѣ приходилось наблюдать только дурныя послѣдствія такихъ баловъ, и, наоборотъ, прекрасныхъ результатовъ я достигалъ тѣмъ, что устраивалъ на общихъ вечерахъ душевно-больныхъ какъ всѣ спиртные напитки, такъ и всякій поводъ, могущій повести къ половому раздраженію, прежде всего — танцы и взаимное сближеніе лицъ, раздражимыхъ въ половомъ отношеніи и извращенныхъ. Мнѣ пришлось однажды лѣчить дѣвушку, страдавшую половымъ раздраженіемъ и онанизмомъ съ нервными припадками; она горько жаловалась мнѣ на то, что ей, какъ телеграфисткѣ, постоянно приходится работать среди совершенно постороннихъ ей молодыхъ людей, вслѣдствіе чего она постоянно возбуждается въ половомъ отношеніи, не получая удовлетворенія.

Этотъ послѣдній случай, очень часто наблюдающійся у обоихъ половъ, даетъ намъ важное указаніе. Конечно, совместная жизнь обоихъ половъ естественна и нормальна, но лишь при условіи, что она, въ концѣ концовъ, можетъ привести къ нормальнымъ половымъ отношеніямъ для лицъ, жаждущихъ любви и полового удовлетворенія. Тотъ, кто изъ религіозныхъ или какихъ-либо иныхъ соображеній хочетъ жить воздержно, тотъ не долженъ постоянно раздражать себя слишкомъ интимными или слишкомъ разнообразными сношеніями съ другимъ поломъ, а, наоборотъ, долженъ всячески избѣгать всего того, что его возбуждаетъ, и содѣйствовать тому, что притупляетъ его половое чувство. Само собою разумѣется, что все сказанное относится въ куда меньшей степени къ холоднымъ въ половомъ отношеніи или индифферентнымъ мужчинамъ и женщинамъ.

Такимъ образомъ, нѣкоторыя профессіи, напримѣръ, приказчиковъ, телеграфистовъ и др., при которыхъ оба пола тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ, нѣсколько обоюдоостры и, смотря по природѣ человѣка, могутъ возбуждать его половое чувство или притуплять его. Напротивъ, такіе профессіи, которыя требуютъ одиночества или притупляютъ его. Напротивъ, такіе профессіи, которыя требуютъ одиночества, одиночества, нездорового образа жизни и соединены съ плохой квартирой, недостаточнымъ питаніемъ, какъ, напримѣръ, профессія фабричныхъ рабочихъ, оказываютъ крайне неблагоприятное вліяніе на половую жизнь. Послѣдняя, безусловно, дурна тамъ, гдѣ оба пола работаютъ совместно, и врядъ ли лучше тамъ, гдѣ они раздѣлены только на время работы.

Къ индивидуальному образу жизни относятся, конечно, описанныя выше индивидуально приобретенныя привычки. Но это не относится къ нашей главѣ и было уже разсмотрѣно выше.

Интернаты. Своеобразное вліяніе на половую жизнь оказываютъ все интернаты, т. е. все учрежденія, гдѣ представители одного и того же пола долгое время

Древне-римская оргія. Празднество Ваха. Съ карт. Л. Шмундера.

живутъ въ непосредственной близости другъ съ другомъ въ болѣе или менѣе обширномъ заведеніи. Къ таковымъ принадлежатъ все монастыри и закрытыя учебныя заведенія, напримѣръ, французскіе лицеи. Опасность зараженія ихъ питомцевъ онанистическими или гомосексуальными привычками составляетъ темную сторону закрытыхъ учрежденій. Гомосексуалисты или урининги (см. гл. VIII, III, 7 б) чувствуютъ необычайное влеченіе къ такимъ учрежденіямъ, что и неудивительно. Тамъ они на-

ходить желанную похоть для того, чтобы въ тиши и безъ помѣхи предаваться своей влюбленной страсти, и въ спальнѣ такого института они чувствуютъ себя, какъ нормальный мужчина въ дортуарѣ женскаго пансіона. Объ этомъ слишкомъ мало думали при организаціи мужскихъ и женскихъ интернатовъ, такъ какъ раньше не знали, что гомосексуальные инстинкты прирождены, ихъ считали просто результатомъ дурныхъ привычекъ. Особенно большую притягательную силу имѣють для гомосексуалистовъ психіатрическія больницы, такъ какъ они разсчитываютъ тамъ въ качествѣ надзирателя или надзирательницы тайно удовлетворять свою страсть съ вѣренными ихъ присмотру душевно - больными обою пола.

Но и не будучи гомосексуальными и соблазняясь или не соблазняясь гомосексуалистами, многие чувственно-эротическіе индивиды стремятся удовлетворять свое половое возбужденіе съ товарищами, мужчины посредствомъ педерастіи, женщины — лесбійской любви, или оба пола посредствомъ взаимнаго онанизма. Во всякомъ случаѣ, опасность всегда существуетъ потому, что среди многихъ людей всегда можетъ незамѣтно втѣряться извращенный въ половомъ отношеніи индивидъ, и онъ одинъ можетъ заразить, т. е. соблазнить многихъ, а контролировать его труднѣе, чѣмъ въ семьѣ. Во многихъ интернатахъ нѣтъ достаточно строгаго присмотра, но еще хуже отсутствіе взаимнаго довѣрія между учителями и учениками.

Флиртъ. Въ отпуску. Съ карт. Р. Армения.

Разныя вліянія. Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы захотѣлъ описать все мыслимыя вліянія среды, окружающей человека. Однако, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ опять-таки видно, что при такомъ естественномъ побужденіи, каково половое, объ крайности (аскетизмъ и эксецсы) приводятъ къ противоестественнымъ вреднымъ послѣдствіямъ, и что, прежде всего, надо стараться найти или создать здоровую среду для здоровой половой жизни. Часто говорятъ о роли счастья и случайности въ любви. Тѣмъ хуже, что наша, такъ называемая, общественная прав-

ственность дѣлаетъ такимъ затруднительнымъ исправленіе промаховъ и недоразумѣній божья дѣла. Въ этомъ отношеніи условія должны быть измѣнены къ лучшему. Тогда будетъ меньше несчастій въ любви, и то, что попортили неблагоприятная или дурная вѣзая среды, могло бы быть исправлено посредствомъ развода или перемѣны условій, если бы только была предоставлена возможность своевременнаго вмешательства.

ГЛАВА XII.

Религія и половая жизнь.

Мы узнали въ высшей степени интересный этнографическій фактъ, а именно, что человѣческія племена часто съ теченіемъ времени безсознательно вводили въ составъ своихъ религіозныхъ вѣрованій первоначально свѣтскіе обычаи: или этимъ обычаямъ приписывали божественное происхожденіе, или ихъ начинали считать заповѣдями божіими, или ихъ связывали съ какими-нибудь другими догмами, или сплетали съ культомъ и т. д. Тутъ половыя отношенія играютъ очень важную роль. Очень многіе обычаи и обряды представляютъ собою не что иное, какъ символизированные обычаи половой жизни (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), а нѣкоторые догматы, въ свою очередь, служатъ лишь для того, чтобы придать такимъ половымъ обычаямъ религіозную подкладку и тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ болѣе обязательными. Съ своей стороны, они оказываютъ могучее вліяніе на половую жизнь и на ее пониманіе. Приведемъ здѣсь нѣсколько яркихъ примѣровъ.

Въ главѣ VI мы видѣли, что полигамія находится въ особенно тѣсной связи съ формой владѣнія и бракомъ посредствомъ купли (Kaufehe), и что исторически она развилась отсюда. Но, благодаря тому, что она, напримѣръ, въ исламѣ и у мормоновъ стала составной частью религіозной догмы, она оказала своеобразное вліяніе на все социальное устройство и мышленіе этихъ народовъ или религіозныхъ общинъ. Хотя фактически мы такъ же полигамны, какъ и они, но у насъ — моногамная, а у нихъ — полигамная этика, при чемъ каждая основывается на относящихся сюда предполагаемыхъ заповѣдяхъ Бога. Странныя религіозныя представленія нѣкоторыхъ буддистовъ предписываютъ, чтобы жены слѣдовали въ могилу за своими мужьями, а это, конечно, въ свою очередь, оказываетъ глубокое вліяніе на половую жизнь. У многихъ дикарей существуетъ обычай наслѣдованія по женской линіи, что дѣлаетъ положеніе женщины болѣе высокимъ. Этотъ обычай тоже получилъ религіозный характеръ, хотя первоначально онъ вытекалъ изъ вполне естественной идеи, что дѣти куда болѣе тѣсно связаны съ матерью, чѣмъ съ отцомъ. Такое же предписаніе существуетъ у полигамныхъ гоахировъ (индѣйцевъ) Колумбій. Обязанность мужчины жениться на вдовѣ своего брата была первоначально свѣтскимъ предписаніемъ для урегулированія брачныхъ отношеній и лишь съ теченіемъ времени была поднята на степень религіозной догмы. Точно такъ же обрѣзаніе у евреевъ сначала не имѣло ничего общаго съ религіей, это была чисто гигиеническая мѣра. Несмотря на это, оно впоследствии играло такую же важную роль въ еврейской религіи, какъ крещеніе въ христіанской, и это значеніе оно сохранило до сихъ поръ. Оно было выгодно для еврейскаго народа въ томъ отношеніи, что предохраняло его въ значительной степени отъ венерическихъ болѣзней, а отчасти и отъ онанизма. Выше мы говорили уже о безбрачій католическихъ священниковъ и объ его происхожденіи. Но въ католической религіи есть еще цѣлый рядъ лишь впоследствии ставшихъ догмами подробныхъ предписаній относительно половыхъ сношеній, вообще, и брака, въ особенности, и эти предписанія, опредѣляя взгляды и обычаи въ половой области, оказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительное вліяніе на социальную жизнь. Такъ, абсолютное запрещеніе развода („что Богъ соединяетъ, того человѣкъ не разлучаетъ“) рѣшаетъ навсегда судьбу несчастлѣйшихъ браковъ, въ результатъ чего мы видимъ всевозможное физическое расхожденіе супруговъ и вѣнчаемыя связи. Далѣе, католическая церковь предписываетъ всевозможныя подробности брачныхъ половыхъ отношеній (особенно детально эти проблемы разработаны знаменитымъ Лигуори).

Такъ, наоборотъ, считается грѣхомъ, если женщина ложится на мужчину, а не наоборотъ. Вообще, положеніе и пріемы при совокупленіи предписаны точнѣйшимъ образомъ, при чемъ женщина играетъ въ высшей степени недостойную роль, а мужчина разрѣшена большая свобода дѣйствій. Затѣмъ, строго католическій бракъ предписываетъ имѣть столько дѣтей, сколько можетъ родиться, такъ какъ употребленіе всякихъ предохранительныхъ мѣръ при совокупленіи супруговъ строго воспрещается; поэтому супруги должны выбирать между полнымъ воздержаніемъ (въ случаѣ если обѣ стороны согласны на это) или непрерывнымъ дѣтороженіемъ, если жена очень плодотворна. Жена не должна отказывать мужу въ совокупленіи, ни мужъ жонѣ, насколько онъ на это способенъ. Отсюда легко можно заключить, какое могучее дѣйствіе оказывали эти предписанія на брачную жизнь католиковъ, а также на количество и качество ихъ потомства.

Особеннаго упоминанія заслуживаетъ здѣсь тайная исповѣдь. Въ своей книгѣ: „Cinquante ans dans l'église romaine“ знаменитый канадскій реформаторъ Шиники (Chiniqui), долгое время игравшій большую роль среди тамошняго католическаго духовенства и имѣвшій сношенія съ высшими іерархами, но позднѣе перешедшій въ протестантизмъ, перечисляетъ на стр. 151 слѣдующіе предметы, о которыхъ духовный отецъ долженъ спрашивать исповѣдующихся. Въ некомпетентности автора нельзя упрекнуть. Ниже я привожу неискаженный текстъ латинскаго оригинала. Здѣсь говорится о вещахъ, которыя я подробно обсуждалъ въ VIII главѣ, и потому я привожу текстъ безъ перевода.

Денсъ требуетъ, чтобы духовный отецъ предлагалъ исповѣдующимся слѣдующіе вопросы:

1. Peccant uxores, quae susceptum viri semen ejiciunt, vel ejicere conantur. (Dens, vol. VII, p. 147).
2. Peccant conjuges mortaliter, si copula incepta, prohibeant seminationem.
3. Si vir jam seminaverit, dubium fit an femina lethaliter peccat, si se retrahat a seminando; aut peccat lethaliter vir non expectando seminationem uxoris (p. 153).
4. Peccant conjuges inter se circa actum conjugalem. Debet servari modus, sive situs; imo ut non servetur debitum vas, sed copula habeatur in vase praepostero, aliquoque non naturali. Si fiat accedendo a postero, a latere, stando, sedendo, vel si vir sit succumbus (p. 166).
5. Impotentia. Est incapacitas perficiendi copulam carnalem perfectam cum seminatione viri in vase se debito, seu, de se, aptam generationi. Vel, ut si mulier sit nimis arcta respectu unius, non respectu alterius (p. 273).
6. Notatur quod pollutio, in mulieribus possit perfici, ita ut semen earum non effluat extra membrum genitale. Indicium istius allegat Billuart, si scilicet mulier sensiat seminis resolutionem cum magno voluptatis sensu, qua completa, passio satiatur (Vol. IV, p. 168).
7. Uxor se accusans, in confessione, quod negaverit debitum, interrogatur an ex pleno rigore juris sui id petiverit (Vol. VII, p. 168).
8. Confessarius poenitentem, qui confitetur se peccasse cum sacerdote, vel sollicitatam ab eo ad turpia, potest interrogare utrum ille sacerdos sit ejus confessarius, an in confessione sollicitaverit (Vol. VI, p. 294).

Въ четвертомъ, пятомъ и седьмомъ томахъ труда Денса можно найти еще много другихъ вопросовъ, которые, по мнѣнію благочестиваго казуиста, священникъ долженъ предлагать исповѣдующимся.

Лигуори, въ свою очередь, перечисляетъ цѣлый рядъ неприличнѣйшихъ вопросовъ эротическаго характера, изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующіе два:

1. Quaerat an sit semper mortale, si vir immitat pudenda in os uxoris...? Verius affirmo, quia in hoc actu ob calorem oris, adest proximum periculum pollutionis, et videtur nova species luxuriae contra naturam, dicta irruminatio.
2. Eodem modo, Sanchez damnat virum de mortali qui, in actu copulae, immitteret digitum in vas praeposterum uxoris; quia, ut ait, in hoc actu, adest affectus ad Sodomiam (Liguori, tom. VI, p. 935).

Но оставимъ всѣмъ извѣтнаго Лигуори. Знаменитый вормскій епископъ Бурхардъ нанялъ книгу о тѣхъ вопросахъ, какіе священникъ долженъ задавать на исповѣди. Хотя этой книги больше нѣтъ, но она въ теченіе цѣлыхъ столѣтій была

руководствомъ для римскаго духовенства на неповѣди. Денсъ, Лигуори, Дебрейнъ и друг. заимствовали изъ нея самыя характерныя страницы, чтобы рекомендовать ихъ для изученія современнымъ священникамъ. Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ:

а) Молодымъ мужчинамъ:

1. Fecisti solus decum fornicationem ut quidam facere solent; ita dico ut ipse tuum membrum virile in manum tuam acciperes, et sic duceres praeputium tuum, et manu propria commoveres, ut sic per illam delectationem semen projiceres?

2. Fornicationem fecisti cum masculo intra coxas; ita dico ut tuum virile membrum intra coxas alterius mitteres, et sic agitando semen funderes?

3. Fecisti fornicationem, ut quidam facere solent, ut tuum virile membrum in lignum perforatum aut in aliquod hujus modi mitteres et sic per illam commotionem et delectationem semen projiceres?

4. Fecisti fornicationem contra naturam, id est, cum masculis vel animalibus coire, id est, cum equo, cum vacca vel asina, vel aliquo animali? (Vol. I, p. 136).

Дѣвушкамъ или женщинамъ (то же собр., стр. 115):

1. Fecisti quod quaedam mulieres solent, quoddam molimen, aut machinamentum in modum virilis membri ad mensuram tuae voluptatis, et illud loco verendorum tuorum aut alterius cum aliquibus ligaturis ut fornicationem faceres cum aliis mulieribus, vel alio eodem instrumento, sive alio tecum?

2. Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, ut jam supra dicto molimine, vel alio aliquo machinamento, tu ipsa in te solam faceres fornicationem?

3. Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, quando libidinem se vexantem extinguere volunt, quae se conjugunt quasi coire debeant et possint, et conjugunt invicem puerperio sua, et si fricando pruritum illarum extinguere desiderant?

4. Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, ut cum filio tuo parvulo fornicationem faceres, ita dico ut filium tuum supra turpitudinem tuam poneres ut sic imitaberis fornicationem?

5. Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, ut succumberes aliquo jumento et illud jumentum ad coitum qualicumque posses ingenio ut sic coiret tecum?

На эту же тему знаменитый Дебрейнъ написалъ цѣлую книгу для поученія молодыхъ священниковъ, въ которой онъ перечислилъ все мыслимыя половыя извращенія и ненормальности [Maechiologie, ou traité de tous les péchés contre le sixième (septième dans le décalogue) et le neuvième (dixième) commandements, ainsi que de toutes les questions de la vie mariée qui s'y rapportent].

Эта книга очень знаменита и повсюду изучается въ католической церкви. Приведемъ отсюда лишь два слѣдующихъ вопроса:

Мужчинамъ:

Ad cognoscendum an usque ad pollutionem se tetigerint, quando tempore et quo fine se tetigerint; an tunc quosdam motus in corpore experti fuerint, et per quantum temporis spatium an cessantibus tactibus nihil insolitum et turpe acciderit; an non longe majorem in corpore voluptatem perciperint in fine inactum quam in eorum principio: an tum in fine quando magnam delectationem carnalem senserunt, omnes motus corporis cessaverint; an non madefacti fuerint? etc. etc.

Дѣвушкамъ:

Quae sese tetigisse fatentur, an non aliquem pruritum extinguere tentaverit, et utrum pruritus ille cessaverit cum magnam senserint voluptatem; an tunc ipsimet tactus cessaverint? etc. etc.

Кенрикъ, епископъ Бостонскій (Соединенные Штаты), преподаетъ исповѣдующимъ священникамъ среди тысячи другихъ подобныхъ же наставленій слѣдующія:

Uxor quae, in usu matrimonii, se vestit, ut non recipiat semen, vel statim post illud acceptum surgit, ut expellatur, lethaliter peccat; sed opus non et ut diu resupina jaceat, quum matrix, brevi, semen attrahat, et mox, artissime claudatur.

Puellae patienti licet se vertere, et conari ut non recipiat semen, quod injuria et immittitur; sed, acceptum non licet expellere, quia jam possessionem pacificam habet, et haud absque injuria naturae ejiceretur.

Conjuges senes plerumque coeunt absque culpa, licet contingat semen extra vas effundi, id enim par accidens fit ex infirmitate naturae. Quod si vires adeo sint fractae ut nulla sit seminandi intra vas spes, jam nequeunt jure conjugii uti (Vol. III, p. 317).

Вотъ каковы данныя, почерпнутыя у Шиники, этого сильнаго челоѣка, проведшаго реформу трезвости въ Канадѣ. Въ теченіе всей своей долгой жизни онъ былъ непреклоннымъ борцомъ за соціально-этическія реформы на христіанской основѣ. Слѣдуетъ прочесть въ оригиналѣ его вышеупомянутую книгу, написанную съ поразительнымъ интересомъ. Онъ умеръ 90 лѣтъ отъ роду.

Я цитировать официальные эротическіе элементы исповѣди по его книгѣ, такъ какъ хотѣлъ почерпнуть нужныя мнѣ свѣдѣнія изъ вполне надежнаго и компетентнаго источника. Шиники оставилъ католическую церковь не съ легкимъ сердцемъ, а лишь послѣ многолѣтней, тяжелой и горькой внутренней борьбы. Онъ начинаетъ относящуюся сюда соответствующую главу слѣдующими словами:

„Пусть законодатели, отцы и супруги прочтутъ эту главу и тогда зададутъ себѣ вопросъ, не должны ли они изъ уваженія къ своимъ матерямъ, женамъ и дочерямъ запретить имъ тайную исповѣдь. Неужели дѣвушка можетъ остаться чистой сердцемъ и душою послѣ такого разговора съ глазу на глазъ съ неженатымъ мужчиной? Не подготавливается ли она этимъ скорѣе къ безднѣ порока, чѣмъ къ брачной жизни?“

Это пишетъ челоѣкъ, бывшій исповѣдникомъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и видѣвшій, какъ тайная исповѣдь развращаетъ въ половомъ отношеніи и женщинъ, и священниковъ. Само собою разумѣется, что очень твердые характеры и особенно холодныя натуры (какъ священники, такъ и женщины) противостоятъ половому возбужденію. Но, вѣдь, для нихъ менѣе всего предназначена исповѣдь!

Католики горячо протестовали противъ всего вышензложеннаго. Само собою разумѣется, что они стараются выставить Шиники дурнымъ челоѣкомъ и не заслуживающимъ довѣрія. Это, однако, врядъ ли удастся имъ, такъ какъ дѣла его свидѣтельствуютъ о немъ достаточно краснорѣчиво, а его характеръ былъ слишкомъ невышненнымъ. Во всякомъ случаѣ, я охотно вѣрю, что въ цивилизованныхъ странахъ, какою была тогда Канада, съ этими вопросами обращались деликатнѣе и такту исповѣдника предоставляли рѣшать, какіе вопросы онъ долженъ задавать на исповѣди, и потому онъ не былъ обязанъ спрашивать молодыхъ дѣвицъ о такихъ непристойныхъ вещахъ. Но все же онъ имѣлъ право дѣлать это. Эти протесты католиковъ побудили меня разспросить объ исповѣди, не предупреждая — зачѣмъ, одну въ высшей степени честную, солидную, пожилую, давно извѣстную мнѣ строго-ортодоксальную дѣвушку-католичку. Она, не колеблясь, сказала мнѣ, что священникъ задаетъ на исповѣди очень много вопросовъ и не ожидаетъ того, что ему скажутъ сама исповѣдующіеся. На мой вопросъ, касается ли онъ половыхъ отношеній, дѣвушка отвѣтила: „главнымъ образомъ.“ Я не сталъ разспрашивать о подробностяхъ. Этотъ вполне достовѣрный и высказанный безъ всякаго посторонняго вліянія отвѣтъ очень знаменателенъ.

Результатомъ этого тѣснаго смѣшенія половой жизни съ религіозными предписаніями является смѣсь забавнѣйшаго жеманства со скрытымъ эротизмомъ. Въ нѣкоторыхъ католическихъ монастырскихъ пансіонахъ (напр., въ монастырскихъ пансіонахъ Галиціи) монахини запрещаютъ своимъ воспитанницамъ мыть половыя органы, такъ какъ это-де неприлично! Въ иѣмекской Австріи монахини часто закрываютъ распятія въ спальняхъ платкомъ „для того, чтобы Христосъ не видѣлъ ихъ наготы!“ Но именно женскіе монастыри были часто въ средніе вѣка настоящими публичными домами, и въ нихъ нерѣдко подъ маской религіознаго экстаза лицемѣрныхъ или истерично-эротичныхъ индизидовъ (мужчинъ или женщинъ) разыгрывались половыя оргіи, посвятивъ ужаснѣйшій, часто извращенный характеръ. Вынужденный аскетизмъ вызываетъ извращенія, какъ и „всякій грѣхъ противъ природы.“

У готтентотовъ малыя срамныя губы у женщинъ искусственно вытягиваются; на Востокѣ свирѣпствуетъ обычай дѣлать свиухомъ. И эти вещи, которыя сами по себѣ не имѣли ничего общаго съ религіей и первоначально были вполне свѣтскими обычаями, превратились въ предметы религіозныхъ предписаній, подъ давленіемъ которыхъ они затѣмъ укоренились, какъ народныя нравы.

психіатры имѣютъ для этого специальное обозначеніе: „*Délire érotico-religieux*“. Какъ мы уже говорили, достаточно хоть разъ пройти по женскому отдѣленію психіатрической больницы, чтобы ивоволь насмотрѣться на все это.

Гораздо меньше обращали вниманія на исторически очень важный фактъ, а именно, что психопатическія личности, въ особенности, истеричныя (но и сумасшедшія), издавна оказывали огромное вліяніе на судьбы человѣчества, главнымъ образомъ, въ силу гипнотизирующаго дѣйствія половыхъ и религіозныхъ представлений, связь между которыми не всегда выяснена. Это надо понимать правильно.

Каждый психіатръ знаетъ душевно-больныхъ, душевное разстройство которыхъ связано съ религіозными или какими-либо иными мистическими мечтаніями, и которые именно этимъ, т. е. своими мистическими бредовыми идеями, оказывали и продолжаютъ оказывать глубокое вліяніе на цѣлый рядъ нормальныхъ людей или, извините за выраженіе, человѣческихъ нормальныхъ овецъ. Эти больные до такой степени находятся сама подъ патологическимъ вліяніемъ своихъ самовнушеній или бредовыхъ идей, что обнаруживаютъ фанатизмъ пророковъ, проявляютъ необыкновенную энергію и настойчивость для достиженія цѣли ихъ болѣзненныхъ представлений и своей увѣренностью, чувствомъ непогрѣшимости, пламеннымъ убѣжденіемъ, выражающимся въ ихъ пророческихъ приемахъ, одурачиваютъ все болѣе слабыя окружающіе ихъ умы и даже посредствомъ внушенія принуждаютъ ихъ слѣдовать за собою. Вполнѣ обычно соединеніе этого бреда съ часто весьма изыменнымъ эротизмомъ. Но послѣдній скрытъ подъ покровомъ религіознаго экстаза, импонирующаго мечтательнымъ натурамъ, такъ что онъ не видятъ замаскированной низости. Такіе больные убѣждаютъ другихъ потому, что они сами убѣждены. Нормальный человѣкъ руководится, какъ извѣстно, чувствомъ гораздо больше, чѣмъ разумомъ. А такія личности, какихъ мы выше описали, сильно дѣйствуютъ именно на чувство и гораздо больше своимъ взглядомъ, своимъ тономъ, всей своей фигурой, чѣмъ своими часто крайне сбивчивыми рѣчами и ученіями. Такимъ путемъ происходятъ постоянно мелкія оболъщенія и совращенія отдѣльныхъ людей подобными душевно-больными пророками, мессіями, святыми дѣвами и тому подобными просвѣщенными. Такимъ образомъ возникаютъ даже душевные разстройства, называемыя инфекціонными психозами (*Folie à deux, trois, quatre*). Если пророкъ болѣе порядоченъ въ своемъ образѣ жизни, или если окружающая его среда еще въ высшей степени невѣжественна и суевѣрна, то стадо вѣрныхъ быстро увеличивается, и еще теперь, въ особенности, въ менѣе культурныхъ странахъ, такимъ путемъ образуются преходящіе секты и религіозныя общины. Нерѣдко собранія вѣрующихъ вырождаются въ половыя оргіи, которыя вызываються духомъ пророка. Однако, у болѣе трезвыхъ и болѣе развитыхъ культурныхъ народовъ пророка своевременно удаляютъ въ домъ для умалишенныхъ къ великому разочарованію его немногочисленныхъ послѣдователей (обыкновенно — жены и нѣсколькихъ слабыхъ головъ). Но зато благодаря современной дешевой печати часто случается, что такіе психически ненормальные пророки обнародываютъ свою новую религіозную систему (въ худшемъ случаѣ на свой собственный счетъ). У меня имѣется цѣлый рядъ такихъ сочиненій, посланныхъ мнѣ самими авторами, повидимому, въ смутномъ опасеніи, что ихъ могутъ счесть сумасшедшими. По ихъ представленію, основанному на бредѣ, богъ якобы открылъ имъ новую вѣру и выбралъ ихъ провозвѣстниками ея. При этомъ обыкновенно играютъ роль эротическія представленія. Такъ, напримѣръ, одинъ душевно-больной обозначалъ въ своемъ сочиненіи свои патологическія половыя чувства, какъ „психо-сексуальный контактъ дѣйствіемъ на разстояніи!“ У другого Богъ назывался J.h.a.h.u и былъ руководителемъ планетъ, которыя якобы представляютъ собою отчасти мужскія, отчасти женскія существа, и т. д. Все такія явленія встрѣчаются теперь на каждомъ шагу въ психіатріи и даютъ намъ ключъ къ слѣдующему выводу:

Если мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ, страдающимъ настоящимъ помѣшательствомъ или какимъ-нибудь другимъ тяжелымъ душевнымъ разстройствомъ, а съ конституціональнымъ наслѣдственнымъ психопатомъ, который лишь „наполовину сумасшедшій“ (напримѣръ, страдаетъ отъ роду частичнымъ умопомѣшательствомъ) или даже только истериченъ, и если онъ при этомъ талантливъ, то все дѣло, хотя

оно походитъ на той же основѣ, принимаетъ совершенно другой оборотъ. Данный человѣкъ соединяетъ свой бредъ съ часто сильной въ отдѣльныхъ пунктахъ логикой, и только основа, изъ которой она исходитъ, болѣзненна. Кромѣ того, онъ облачаетъ свои теоріи въ болѣе или менѣе красивыя и поэтичныя формы, и такимъ образомъ ему удается увлечь за собою не только нѣсколькихъ незначительныхъ, ограниченныхъ или невѣжественныхъ человѣческихъ „нормальныхъ овецъ“, но даже и болѣе широкіе круги человѣческаго общества. Въ такихъ случаяхъ патологическая мечтательность можетъ соединяться съ высокими этическими или интеллектуальными идеалами, способными прикрыть болѣзненные бредины пророка, и, такимъ образомъ, здѣсь мы сталкиваемся съ поразительнымъ, но несомненнымъ фактомъ, что значительныя историческія личности, оказывавшія могучее вліяніе на человечество, часто бывали вполнѣ патологическими натурами. Эротически-религіозныя черты въ большей или меньшей степени представляютъ собою руководящія нити ихъ учений. Эта въ высшей степени важная категорія людей представляетъ рядъ переходовъ отъ вышеупомянутыхъ вполнѣ душевно-больныхъ пророковъ къ гениальнымъ, но сохраняющимъ душевное равновѣсіе людямъ. Есть цѣлый рядъ стадій между духовной ненормальностью и гениальностью, который далъ и будетъ продолжать давать поводъ къ разнообразнымъ, очень измѣнчивымъ, часто труднымъ толкованіямъ. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что многіе гении были патологическими натурами, не даетъ намъ права дѣлать поспѣшные обобщенія и объявлять психически ненормальной всякую гениальную оригинальную личность, разъ она выступаетъ противъ рутины и предрассудковъ своихъ неспособныхъ къ критическому мышленію современниковъ и идетъ новыми путями. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ: Жанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва) была, по моему, гениальной истеричкой, галлюцинація которой носила характеръ самовнушенія. Бѣдственное положеніе Франціи глубоко взволновало ее. Она была охвачена стремленіемъ помочь своему отечеству, и ея мозгъ, подъ вліяніемъ самовнушенія, сталъ слышать святыя голоса, ему стали представляться видѣнія, при чемъ голоса якобы возвѣщали ей о возложенной на нее миссіи, а она ихъ приписывала дѣйствительнымъ святымъ, жившимъ на небѣ. Чудесный ходъ судьбы привелъ къ тому, что эта патологическая и въ то же время гениальная дѣвушка, одушевленная своимъ визионерно-экстатическимъ состояніемъ, повела Францію къ побѣдоносной войнѣ за освобожденіе и спасла ее. Изъ достовѣрныхъ историческихъ источниковъ извѣстно, что нравственная жизнь Жанны д'Аркъ была въ высшей степени чиста, а на ея допросѣ пиквицией обнаружился какъ ея высокій разумъ, такъ и ея высокія этическія чувства. Любовныя чувства приняли у нея, повидимому, форму экстатически-религіознаго восхищенія или перешли въ увлеченіе ея идеальной миссіей, какъ это нерѣдко наблюдается у женщинъ.

Другой замѣчательный примѣръ представляетъ собою Тома Бекетъ: его внезапное превращеніе изъ свѣтскаго человѣка въ аскетическаго священника (правда, вѣнчаніемъ поводомъ послужило его назначеніе на постъ архіепископа) и изъ покорнаго друга и слуги англійскаго короля въ его яраго противника и приверженца власти церкви надъ государствомъ произошло, повидимому, подъ вліяніемъ самовнушенія, такъ какъ только такимъ образомъ можно объяснить противорѣчія, обнаруживаемыя этой истеричной личностью. Религіозныя мечтанія мормонскаго пророка Смита были смѣшаны съ значительной долей эротизма, и вотъ почему онъ придалъ полигамный характеръ организованной имъ сектѣ.

Магометъ тоже имѣлъ видѣнія, и половыя отношенія играли большую роль въ его ученіи. Видѣнія имѣлъ также и апостолъ Павелъ, а Паскаль, Руссо и Наполеонъ отличались рѣзко патологическими чертами характера, которыя у Руссо въ значительной степени обнаруживались въ половой области.

Хотя нѣкоторые изъ этихъ случаевъ не находятся въ непосредственной связи съ половымъ вопросомъ, но я привелъ ихъ для того, чтобы показать, какимъ образомъ подобные люди оказываютъ вліяніе на массу и тѣмъ самымъ на исторію. Какъ только эти люди обращаются къ окружающему міру, ихъ половыя особенности и воззрѣнія — какъ бы ненормальны они ни были — оказываютъ интенсивное дѣйствіе на остальныхъ людей, и это мы еще теперь видимъ въ дѣлѣ съ Толстымъ. Вне-

злыми ображеніями — какого бы рода они ни были — особенно, если обращенный впадаетъ изъ одной крайности въ другую, являются обыкновенно не плодомъ размышленій разума, а происходятъ на почвѣ аффектовъ въ результатъ внушеній или самовнушеній у лицъ, склонныхъ къ истеріи (см. гл. IX).

Половые ненормальности оказываютъ влияние на поступки истеричныхъ личностей и другихъ психопатовъ также и въ другомъ направленіи. Такъ, римскіе императоры Неронъ, Тиверій, Каракала были, безъ сомнѣнія, садистами и ощущали половое сладострастіе при видѣ мученій ихъ жертвы. Историческими садистками были Валерія Мессалина и Екатерина Медичи. Опять-таки подъ покровомъ религіи послѣдняя была, какъ извѣстно, главной организаторшей Варолюмеевской ночи въ Парижѣ и сладострастно наслаждалась зрѣлищемъ убійства гугенотовъ.

Съ другой стороны, мазохизмъ является основнымъ тономъ полового мышленія и чувствованія у нѣкоторыхъ выдающихся личностей (напримѣръ, у Руссо) или у аскетическихъ сектъ и братствъ, напримѣръ, у факировъ, флагеллянтовъ и т. п.

Такимъ образомъ, половое чувство каждаго пророка и основателя религіи — часто лишь въ теченіе короткаго періода его жизни — произвольно опредѣляетъ отчасти его религіозную систему и основанное на этой системѣ религіозное ученіе, продолжающее существовать послѣ его смерти. Въ результатъ этого бывало, что чувствованія, могущія быть весьма различными у различныхъ индивидовъ, должны были подчиняться гнету косныхъ, тираническихъ догмъ, составлявшихъ въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій пытку для людей съ иными чувствованіями.

Повсюду въ религіи мы видимъ идеализированный эротизмъ, а идеализмъ часто носитъ эротическій оттѣнокъ. Первоначально свѣтская, подобно большинству религіозныхъ вещей, Пѣснь Пѣсней Соломона была и всегда останется эротическимъ произведеніемъ, хотя экзегетики заднимъ числомъ старались объяснять ее, какъ аллегорію Христа и его церкви. Зло и фривольно, какъ всегда, Гейне пародируетъ этотъ фактъ въ своей Пѣснѣ Пѣсней, представляющей собою болѣе или менѣе порнографическое произведеніе. Не стоитъ особенно распространяться на тему о томъ, что эротическая подкладка нормальнаго человѣка нерѣдко заставляетъ быть отвратительно лицемерными самихъ строгихъ и аскетическихъ проповѣдниковъ, стремящихся „убивать въ себѣ плоть“. Ни для кого не тайна, что нѣкоторые духовныя лица и другіе набожные господа публично проповѣдуютъ идеальнѣйшій аскетизмъ, а втайнѣ предаются грязнѣйшимъ половымъ эксцессамъ. Само собою разумѣется, что имъ особенно грозитъ опасность съ этой стороны. Но не надо слишкомъ рѣзко осуждать такія кричащія противорѣчія: они часто происходятъ полубезсознательно подъ давленіемъ страсти, съ одной стороны, и тирани догмы и общественнаго мнѣнія — съ другой. Часто они представляютъ собою продукты психическихъ ненормальностей. Пусть наука свободно и открыто освѣтитъ половую жизнь; тогда здоровые люди перестанутъ лицемерить, а у психически ненормальныхъ это лицемеріе можно будетъ вскрывать и обезвреживать болѣе своевременно, чѣмъ теперь.

Въ гражданской жизни мы повсюду находимъ слѣды смѣшенія религіи съ половыми представленіями и чувствованіями. Краснорѣчивымъ пережиткомъ этого являются религіозныя брачныя церемоніи у всѣхъ народовъ. Если мы станемъ въ доискиваться причинъ внезапно или постепенно наступившей религіозной мечтательности, то обыкновенно или, по меньшей мѣрѣ, очень часто, таковой является нераздѣленная, обманутая или разочарованная любовь, нашедшая себѣ возмѣщеніе въ этой мечтательности. Я говорю здѣсь о внутренней искренней пламенной религіозности, которою охвачено все „я“, вся душа, а не о привычной религіи, о которой нормальный дюжинный человѣкъ, вообще, вристъ ли даже вспоминаетъ въ суто-

Екатерина Медичи.

докъ обыденной жизни, и которую онъ, самое большее, по воскресеньямъ, вытаскиваетъ изъ шкафа вмѣстѣ съ воскреснымъ платьемъ для того, чтобы, какъ это принято, прогуляться въ церковь. Конечно, такая примичная религія представляетъ лишь пустую форму, не вызывая у своихъ адептовъ болѣе никакихъ ощущеній, и потому здѣсь мы не видимъ ни намековъ, ни связи съ эротическими ощущеніями. Но это не исключаетъ того, чтобы у другихъ людей наблюдалось иное: въ особенности же, въ прежнія времена дѣло обстоитъ совсѣсть иначе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, — д. скорѣе, все подтверждаетъ нижеслѣдующую мысль — что горячія, мечтательныя чувства симпатій, въ которыхъ, отчасти, сложилась наша религія, затѣмъ священный пылъ, блаженство молитвы, восторженности и экстаза, которое они часто доставляли (и теперь еще доставляютъ), при чемъ предметами поклоненія ихъ могли быть Богъ, Христосъ, Богородица и Святые, — все это тѣмъ не менѣе часто коренится въ эротическихъ чувствахъ или прямо-таки представляетъ трансформацию ихъ. Мнѣ кажется вѣрнымъ особенно подчеркивать тотъ фактъ, что это можетъ происходить совершенно безсознательно и по чистой совѣсти. Само собою разумѣется, что множество, можно сказать, болѣе или менѣе истинно-религіозныхъ чувствъ вытекаетъ изъ совершенно другихъ источниковъ.

Если углубиться въ изученіе религіозныхъ чувствъ, именно въ христіанской религіи и, въ особенности, въ католицизмѣ, то на каждомъ шагѣ мы наталкиваемся на вышеупомянутое смѣшеніе ихъ съ эротизмомъ. Мы видимъ это въ мечтательномъ обожаніи Христа святыми дѣвами (Марія Магдалина, Марія изъ Виванніи и т. д.), затѣмъ въ святыхъ легендахъ, въ средневѣковомъ культѣ Маріи и, въ особенности, въ искусствѣ. Стоитъ только всмотрѣться въ экстазъ мадоннъ, устремляющихъ повсюду въ художественныхъ галлерейхъ свои пламенные взоры на Христа или на небо. Выраженіе лица Мадонны на картинѣ Мурильо „Immaculata conceptio“ можно съ одинаковымъ правомъ объяснить, какъ высшій любовный экстазъ или религіозную восторженность. „Святые“ Корреджіо смотрятъ на Богоматерь съ выраженіемъ любовной страсти, которая, правда, должна быть небесной, но носитъ въ высшей степени земной, человѣческой характеръ.

Не менѣе чувственный характеръ носятъ многія старыя и современныя секты. Упомянемъ хотя бы о половой распущенности перекрещенцевъ въ прежнія времена и о болѣе современныхъ половыхъ „экстазахъ“, характеризующихъ нравы американскихъ сектъ. Если мнѣ возразятъ, что секты представляютъ собою патологическіе наросты на религіи, то я отвѣчу вмѣстѣ съ приверженцами этихъ сектъ, которые говорятъ слѣдующее: „Секты образовались потому, что наши государственныя религіи впали въ индифферентизмъ, лицемеріе и пустой формализмъ и не могутъ дать человѣческому сердцу болѣе ничего, кромѣ пустыхъ фразъ. Мы пробуждаемъ отъ сна и приносимъ воодушевленіе и пылъ для того, чтобы переродить внутреннюю сущность человѣка и обратить людей“. А въ этомъ именно и заключается гипнотизирующий факторъ въ религіи. Я самъ часто наблюдалъ въ Цюрихѣ послѣдовательницъ своеобразной сектантской ортодоксіи пастора Целлера въ Меннедорфѣ. Пасторъ Целлеръ представляетъ собою нѣчто въ родѣ просвѣтленнаго пророка, излѣчивающаго больныхъ наложеніемъ рукъ и помазаніемъ елеемъ на манеръ Иисуса Христа и Іоанна Крестителя. Достигаемая имъ излѣченія объясняются, конечно, внушеніемъ, тогда какъ онъ приписываетъ ихъ чуду. Однажды онъ намъ самъ наивно рассказывалъ, что при одномъ переломѣ костей онъ слышалъ хрустѣніе, означавшее чудесное исцѣленіе. Этого человѣка обожало цѣлое полчище женщинъ, въ особенности, истеричекъ, и пылъ ихъ безсознательно гораздо болѣе относился къ его личности, чѣмъ къ святости Бога или Христа, яко бы олицетворенной въ ней. Я лѣчилъ нѣсколькихъ больныхъ, бывшихъ у него, и они связывали съ его личностью сладчайшія, но въ то же время самыя плотскія эротическія представленія. Я далекъ отъ мысли упрекать за эти факты этого человѣка и многихъ другихъ подобныхъ убѣжденных и окруженныхъ ореоломъ святости людей, въ особенности, пасторовъ. Я констатирую только то, что, если человѣкъ мечтаетъ о чистомъ духѣ и чистой святости и тѣмъ самымъ отрѣ-

дается отъ своей дѣйствительной природы, то ему грозитъ серьезная опасность безвѣстнаго впасть въ грубѣйшую чувствительность, прикрывая ее святими словами.

Швейцарскій поэтъ Готфридъ Келлеръ гениально и прекрасно обработалъ этотъ мотивъ религіознаго эротизма въ различныхъ произведеніяхъ, особенно же въ семи легендахъ. Прочтите хотя бы его „Dorotheas Blumenkörnchen“, гдѣ земной женихъ Доротея, въ коннѣ конюшн, ринуется къ себѣ небесному жениху, о которомъ она постоянно грезитъ, выражая по это адресу свои самыя пламенныя чувства. Она рассказываетъ, гдѣ она стояла, куда шла и гдѣ нашла этого небеснаго жениха, употребивъ самыя нѣжныя, страстныя выраженія, рассказываетъ, что хотѣла ее въ своей безсмертной красотѣ для того, чтобы прижать ее къ своей сіяющей груди, дать ей розу вѣчной жизни и т. д. Но когда злой штатthalтеръ приказалъ растопить Доротею на желѣзной рѣшеткѣ, подъ которой были положены медленно разгораващійся уголь, то ее нѣжному тѣлу стало больно. Нѣсколько разъ она глухо простонала. Тогда, пробравшись черезъ толпу, къ ней подошелъ ея земной женихъ Теофиль и, намѣреваясь разрѣзать ея узы, спросилъ съ горькой усмѣшкой: „Больно тебѣ, Доротея?“ Но она внезапно отвѣтила, какъ бы не опущая никакой боли и исполненная сладчайшаго блаженства: „Развѣ мнѣ можетъ быть больно, Теофиль? Вѣдь я лежу на розахъ моего дражайшаго жениха. Сегодня моя свадьба!“ Здѣсь же Келлеръ изображаетъ гипнотизирующее дѣйствіе (см. гл. XVIII) экстаза, которое у мучениковъ, какъ извѣстно, можетъ доходить до полной потери чувствительности (анестезіи).

Гете тоже изобразилъ эротически-религіозный экстазъ. Прочтите, напримѣръ, заключительную сцену второй части „Фауста“, въ которой различные анахореты обращаютъ мистически-эротическія молебны къ небесной царицѣ:

Pater extaticus.

Вѣчный блаженства даръ,
Вѣчный любви пожаръ,
Горе томящее,
Счастье блестящее,
Громъ пусть убьетъ меня,
Стрѣлы сразятъ меня,
Конья пронзятъ меня,
Камни сожмутъ меня!
Пусть разорвутъ меня,
Пусть уничтожусь я —
Но да блеститъ оно,
Вѣчной любви зерно!

Doctor Marianus.

(восторженно)

О, владычица моя!
Въ сферѣ поднебесной
Въ тайнѣ пусть увижу я
Образъ твой чудесный!
О дозволь, чтобъ мужъ душой
Строгой умилился,
Чтобы, полнъ любви святой,
Весь къ Тебѣ стремился!
Исполняемъ полны силъ
Мы Твой велѣнья;
Ты огня смиряешь пылъ
Словомъ примиренья.
Дѣва, чистая душой,
Матерь передъ нами
И царица надъ землей

Равная съ богамъ.

О, непомраченная!
Кто того не знаетъ,
Что толпа прельщенная
Лишь къ тебѣ взываетъ?
Слабы женщины душой,
Трудно ихъ спасенье.
Кто разрушить самъ собой
Хитрый ковъ прельщенья?
Ахъ, ногой на гладкомъ льду
Кто не спотыкался?
Льстивой рѣчью на бѣду
Кто не увлекался?

Magna peccatrix

(Отъ Луки VII, 36).

За любовь, съ какою каясь,
Я къ ногамъ Христа припала
И, слезами обливаясь,
Фарисеямъ не внимала;
За сосудъ, что со слезами,
Благовоиный принесла я
И за то, что волосами
Богу ноги отерла я

Chorus mysticus.

Нашъ духъ возносится сюда
Лишь женственностью вѣчной.

(Перев. И. Холодковского).

Но вѣтъмъ живмъ мы — какъ уже выше было упомянуто — вовсе не хотимъ сказать, будто религія исключительно, или хотя бы только главнымъ образомъ, возникаетъ изъ половыхъ чувствованій и переживаній. Такое утвержденіе было бы такъ же одностороннее, какъ и ложно. Само собою разумѣется, что выдающуяся, отчасти даже решающую роль при возникновеніи религіи играютъ чувство страха передъ смертію и загадками бытія, чувство слабости, бренности жизни, потребность утѣшенія въ невзгодахъ жизни и надежда на загробную жизнь. Но все же нельзя недооценивать огромную, съ одной стороны, возбуждающую, а, съ другой (въ особенности, для чувствующихъ иначе) — часто тираническую роль эротически-полового момента въ религіозныхъ чувствахъ и догмахъ.

Поэтому научному познанію предстоитъ разрѣшить важную для будущности человечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудную задачу, а именно: освободить половые

Послѣ Вареломеевской ночи. Екатерина Медичи смотритъ на трупы гугенотовъ.

отношенія отъ всякой тираніи религіозной догматики и вмѣсто этого по возможности гармонично согласовать ихъ съ чисто человѣческой этикой.

Я ни въ коемъ случаѣ не хочу отрицать того, что религія, основанная на вѣрѣ въ откровеніе, на надеждѣ на вѣчную жизнь послѣ смерти, на вѣрѣ въ „рай для добрыхъ“ и „адскія муки для злыхъ“, оказываетъ огромное влияние на человѣческія чувства. Такое отрицаніе было бы нелѣпо. Я допускаю, что прежде всего страхъ передъ адскими вѣчными муками побуждаетъ многія слабыя и суевѣрные натуры къ относительно этическому образу жизни. Убѣжденіе, что земная жизнь представляетъ собой лишь испытаніе Божіе и подготовку къ вѣчной жизни, тоже могло вызывать много геройскихъ поступковъ и привести къ самоотверженнымъ дѣйствіямъ. Но при этомъ совершенно упускаютъ изъ виду дурные плоды невѣжества, фанатизма, нетерпимости и пренебреженія къ человѣческой этикѣ, — которые вызываетъ эта слѣпая вѣра! Неужели социальную жизнь людей надо основывать на пустой Fata Morgana, на иллюзіяхъ, на обѣщаніяхъ и принципахъ мнимыхъ пророковъ или священниковъ божіихъ, которые сами были и теперь являются лишь невѣжественными людьми и даютъ полный просторъ своимъ низкимъ страстямъ и честолюбію, скры-

идея подъ миской посланниковъ Бога?—Мы рѣшительно отвѣтимъ: „Нѣтъ“. Если бы всемогущество вселенной захотѣло открыться людямъ, то оно сдѣлало бы это теперь не посредствомъ неясныхъ старыхъ легендъ, а при яркомъ свѣтѣ солнца. Високъ недвусмысленно мы знаемъ лишь человѣческую этику, всегда составляющую самый лучший элементъ въ религіяхъ, и мы должны держаться за нее.

Выше мы видѣли, что чувства симпатіи въ царствѣ животныхъ, въ общемъ, представляютъ собою филогенетическіе отпрыски ихъ первой формы проявленія, именно: чувствъ полового влеченія, а теперь мы знаемъ, что у человѣка разочарованная, отвергнутая или просвѣщенная половая любовь часто старается найти себѣ возмѣщеніе или идеализированіе въ страстной религіозной мечтательности. Тутъ самъ собою напрашивается вопросъ, необходимо ли это возмѣщеніе или идеалъ, и не могутъ ли ихъ замѣнить другіе объекты, но не мистической, а человѣческой природы? Выше мы сказали, что религіозный пылъ отнюдь не всегда долженъ превращаться въ чувственную любовь. Если такой переходъ совершается, то здѣсь передъ нами человѣческое возмѣщеніе. Если этого нѣтъ, то, по нашему мнѣнію, есть чисто человѣческіе идеалы, которые такъ же хорошо, если этого хотѣть, могутъ преобразиться въ „религіозные“, какъ мистика мнимаго божественнаго откровенія. Христіанство называютъ „религіей любви“, и апостолъ Павелъ ставитъ даже любовь къ ближнимъ выше вѣры. Но что же представляетъ собою любовь къ ближнимъ, какъ не синтезъ социальныхъ чувствъ симпатіи къ современному и будущему человечеству? Но неужели же она не можетъ проявляться на какой-нибудь другой основѣ, кромѣ закладной, оплачиваемой обѣщаніями будущаго рая? Нельзя ли святость, мечтательность, пылъ примѣнить въ болѣе красивой и возвышенной формѣ для социальныхъ идеаловъ и для будущаго блага нашихъ дѣтей? Неужели нельзя поставить религію нашихъ потомковъ и ихъ счастье на мѣсто культа предковъ и прославленія дѣлъ Іеговы, рассказываемыхъ въ библіи? По моему, гипнозъ религіознаго любовнаго экстаза дѣйствительно можно примѣнить въ цѣляхъ достиженія добра, социального блага. Его фанатизмъ отличается значительной побудительной силой, превосходной способностью расшевеливать человѣческое равнодушіе и косность. Но только эту силу не надо попусту тратить на поклоненіе пустымъ фантастическимъ образамъ, а ее надо использовать для чисто человѣческой религіи любви въ теченіе нашей земной жизни.

ГЛАВА XIII.

Право въ половой жизни.

А. Общія правовыя понятія.

Человѣческія правовыя понятія—это крайне своеобразная вещь. Каждый человѣкъ кричитъ о правѣ и свободѣ, при чемъ думаетъ, конечно, прежде всего о самомъ себѣ и не замѣчаетъ того, что своимъ постояннымъ провозглашеніемъ и желаніемъ себѣ и не замѣчаетъ того, что своимъ постояннымъ провозглашеніемъ и желаніемъ осуществлять свои собственныя „неотъемлемыя“ права онъ на каждомъ шагѣ нарушаетъ права другихъ. Какъ красиво звучатъ слова о свободѣ и правѣ, но какъ непримиримо стоятъ они другъ противъ друга въ практической жизни. Мое право на свободу, какъ я ее понимаю, право на полное неограниченное развитіе моего „я“ сообразно моимъ естественнымъ чувствамъ, представляетъ собою вѣчто невозможное, т. е. ее невозможно осуществить, не нарушая постоянно такое же право моихъ ближнихъ на такую же свободу. И все же люди горячимъ тономъ глубочайшаго убѣжденія сыплютъ громкими фразами на эту тему, бранятъ наши социальные учрежденія, клещутъ отрицательныя стороны другихъ людей, но при всемъ этомъ оказываются совершенно неспособными практически разрѣшить всѣ тѣ противорѣчія, которыя выдвигаетъ ихъ внутренняя потребность свободы. Этотъ вопль нашего современнаго общества о правѣ и свободѣ представляетъ собою не что иное, какъ проявленіе инстинктивнаго чувства негодованія и возмущенія, основаннаго на нашемъ филогенезѣ и являющагося значительнымъ пережиткомъ хищнаго звѣря въ человѣческой природѣ; человѣкъ возму-

щается яромъ соціальной жизни, ставшей теперь необходимою для него, онъ вымучается ограниченными пространствомъ на земномъ шарѣ, ставшемъ теперь уже слишкомъ тѣснымъ для человѣческаго рода.

Итакъ, человѣкъ въ естественномъ состояніи жаждетъ расширенія и свободы своего собственнаго „я“ и неохотно подчиняется тѣмъ крупнымъ ограниченіямъ, которыя налагаютъ на него социальная необходимость. По своей природѣ человѣкъ — полудикое животное съ стремленіями охотника и властелина, съ множествомъ эгоистическихъ потребностей; а въ настоящее время, куда бы онъ ни повернулся, онъ наталкивается на другихъ людей, на чужія права, на чужія стремленія къ господству и свободѣ, и это все принуждаетъ его къ ограниченію своего „я“. Этимъ объясняется слабый и безсильный крикъ обиды и злобы, волею объ отрицательныхъ сторонахъ другихъ людей и соціальныхъ учреждений. И все же этотъ вопль обиды и злобы крайне необходимъ для того, чтобы для будущаго найти и практически провести по возможности болѣе подходящую формулу рѣшенія соціального вопроса. Кроме вопроса о владѣніи и трудѣ, врядъ ли есть другая область, гдѣ бы эта нужда давала себя такъ резко чувствовать, какъ въ половомъ вопросѣ.

Но что же такое человѣческое право? Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ формально признаннымъ подраздѣленіямъ права, мы должны съ психической и человѣческой точекъ зрѣнія раздѣлить такъ наз. право на двѣ категоріи понятій: естественное право и традиціонное право.

Естественное право. Естественное право — это въ высшей степени относительное понятіе: право на жизнь и на жизненные условія. Но такъ какъ на землѣ, обязанной, по мнѣнію многихъ, своимъ происхожденіемъ божественному творчеству, дѣло устроено такъ мило, что существа не могутъ жить иначе, какъ только пожирая другъ друга, то фактически древнѣйшее естественное право всякаго живого существа состоитъ въ правѣ пожирать другихъ. Такимъ образомъ, это — право сильного. Если хотите, абсолютное естественное право — это право сильного.

Иначе формулируется, однако, понятіе относительнаго естественнаго права. Это право охватываетъ уже не все живыя существа, а лишь опредѣленныя группы живыхъ существъ. Относительность групповаго права двоякая. Съ одной стороны, оно предоставляетъ данной группѣ индивидовъ свободу нарушать жизненные права другихъ группъ, доходя даже до уничтоженія послѣднихъ. Но, съ другой стороны — и это обратная сторона групповаго права — изъ него вытекаютъ такъ наз. обязанности каждаго индивида по отношенію къ индивидамъ той же группы, а именно, обязанность блюсти ихъ права, какъ свои собственные, беречь ихъ и даже защищать. Тотъ, кто говоритъ о групповомъ правѣ, говоритъ о соціальныхъ правахъ и обязанностяхъ. Идеальнѣйшую организацію групповаго права въ царствѣ животныхъ мы видимъ у муравьевъ. Каждый индивидъ какой-нибудь группы (муравьиной колоніи) можетъ пожирать и обижать все то, что не принадлежитъ колоніи (группѣ). Внутри группы онъ имѣетъ право на пищу, жилище и на удовлетвореніе всѣхъ своихъ индивидуальныхъ потребностей, но, съ другой стороны, онъ, постоянно работая и борясь, тѣмъ самымъ принимаетъ участіе въ устройствѣ и поддержаніи общаго жилища, а также въ добываніи пищи, въ дѣлѣ размноженія, въ защитѣ колоніи и нападаніяхъ на вражій міръ; здѣсь права и обязанности превратились, подъ вліяніемъ приспособленія, въ инстинкты, т. е. стали сами собою подразумевающимися и вытекаютъ сами собою изъ естественной организаціи муравьевъ, не нуждаясь въ какомъ-либо внѣшнемъ законодательномъ принужденіи. Здѣсь, слѣдовательно, нѣтъ вышеупомянутаго крика обиды, издаваемого человѣческими хищными животными, такъ какъ муравьи исполняютъ свои обязанности инстинктивно и испытываютъ при этомъ чувства удовольствія. Каждый муравей могъ бы, если бы только захотѣлъ, безнаказанно похититься и ничего не дѣлать; но онъ не хочетъ ни того, ни другого. Муравьиная колонія могла, вообще, возникнуть лишь на основаніи этого соціального инстинкта работы, и, не будь его, онъ немедленно погибалъ бы.

Несравненно сложнѣе и запутаннѣе понятія естественнаго человѣческаго групповаго права. Какъ мы видѣли, самое первоначальное инстинктивное человѣческое

ность соответственныхъ правовыхъ понятій у различныхъ націй. У однихъ многоженство — это право и божественное учрежденіе, у другихъ — преступленіе. Единичное убійство считается, по большей части, преступленіемъ, а массовое, совершаемое во время войны, наоборотъ — добродѣтелью и долгомъ. Воровство и грабежъ въ мирное время считаются преступленіемъ и правонарушеніемъ, а во время войны такой же грабежъ, но въ формѣ добычи и присоединенія странъ — честно приобретеннымъ правомъ побѣдителя. Въ королевствѣ монархъ считается священной личностью, и оскорбленіе величества тамъ — преступленіе. Въ демократическомъ же государствѣ тотъ, кто стремится къ единовластію, подлежитъ наказанію, какъ преступникъ. Ложь и *reservatio mentalis*^{*)} составляютъ — по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ — право и даже обязанность католика, который не долженъ только ложно клясться богомъ и религіей, тогда какъ другіе люди считаютъ всякую ложь болѣе и менѣе дурною, а третьи считаютъ всякую клятву грѣхомъ или недостойной человѣка вещь (да будетъ слово твое „да, да“ и „нѣтъ, нѣтъ“).

„Законы и права, наследное имѣніе,
Какъ старую болѣзнь, съ собой
Несетъ одно другому поколѣніе,
Одна страна странъ другой.
Безумствомъ мудрость станетъ, зломъ благое:
Терпи за то, что ты не дѣдъ.
А право новое, родное —
О немъ — увы — и рѣчи нѣтъ.“

(„Фаустъ“, перев. Н. Холодковского).

Сколько противорѣчій, непоследовательности, противоестественнаго гнета въ такъ называемомъ традиціонномъ правѣ у различныхъ народовъ! Немногимъ лучше обстоятъ дѣло и съ нашими традиционными правовыми понятіями, построенными на римскомъ правѣ.

За правомъ сильного слѣдовали въ исторической последовательности извѣстныя правовыя понятія, которыя тоже можно назвать еще первоначальными; таково, прежде всего, основанное на естественномъ чувствѣ мести, право возмездія или законъ Линча, гласящій: „око за око, зубъ за зубъ“. Право возмездія — это, собственно говоря, очень „естественное“, исполнѣ человѣческое право, и, хотя оно еще полуживотнаго, хищническаго происхожденія, но все же имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, одну положительную сторону, а именно: оно — конечно, въ грубой и жестокой формѣ — признаетъ за всѣми людьми и не принимая въ соображеніе внутреннихъ мотивовъ — признаетъ за всѣми людьми одинаковое право возмѣщать причиненный имъ вредъ. Но въ древнемъ правѣ встрѣчается другое понятіе, выведенное изъ религіозной мистики, а именно: понятіе искупленія. Навязавъ себѣ божество, созданное по его собственному образу и подобию и вѣдѣнное человѣческими страстями, человѣкъ, въ особенности изъ страха, приписавъ ему чувства гнѣва и возмущенія противъ человѣческихъ слабостей и дурныхъ качествъ. И вотъ для умилоустройства божества и примиренія съ нимъ понадобилось приносить ему человѣческія жертвы. Сначала въ жертву приносились отнюдь не всегда преступныя и виновныя личности, а часто горемычныя невинныя агнцы, которыхъ часто считали необходимымъ приносить въ жертву для умилоустройства разгнѣваннаго божества, при чемъ нерѣдко ихъ при этомъ подвергали всевозможнымъ мученіямъ и пыткамъ. Но постепенно этотъ обычай становился все гуманнѣе и проскользнулъ въ право въ преобразованной формѣ современнаго понятія искупленія. Кто совершилъ преступленіе, тотъ долженъ искупить его какимъ-либо наказаніемъ или даже смертью. Понятія искупленія и возмездія часто смѣшиваются въ современномъ уголовномъ правѣ. Понятія искупленія и возмездія часто изучать ихъ корни въ этнологіи, то мы переставемъ удивляться и если мы станемъ изучать ихъ корни въ этнологіи, то мы переставемъ удивляться тому, что еще въ настоящее время должны быть искупаемы и наказываемы такъ называемыя преступленія противъ божества или религіи. Тутъ мы наталкиваемся на замѣ-

^{*)} Въ прямомъ смыслѣ — мысленная оговорка; по ученію иезуитовъ *reservatio mentalis* во время клятвы, произносимой громко, позволяла безъ грѣха нарушить ее.

чуждое смѣшеніе религіозныхъ и правовыхъ понятій! Удивительный способъ умилостивленія божества представляеть принесеніе въ жертву животныхъ и другіе дары, которые приносились почти всѣми древними и дикими народами для того ли, чтобы обрадовать божество, или чтобы поблагодарить за одержанную побѣду или какое-нибудь другое счастливое происшествіе, или умилостивить его въ предполагаемомъ гнѣвѣ. Всѣмъ этимъ хотѣли удовлетворить антропоморфически представляемыя вождѣнія божества.

Но при всемъ томъ, цивилизованная древность считала идеаломъ права, богиню правосудія, *Темиду*, съ повязкой на глазахъ и въсами въ рукахъ. Въсы обозначалъ что право и нарушеніе права должны быть точно взвѣшены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, повязка — что судья долженъ выносить приговоръ, не глядя на лицо, и былъ недоступнымъ всякому внѣшнему неправоу воздействию со стороны заинтересованныхъ лицъ. Для прежнихъ понятій возмездія и искупленія, бывшихъ почти единственными правовыми понятіями, эта женщина съ повязкой на глазахъ и съ въсами даетъ почти точное и исчерпывающее изображеніе права. Тогда еще не беспокоились о болѣе глубокой психологіи человѣческой природы, о душевномъ разстройствѣ и невмѣняемомъ состояніи, о высшихъ соціальныхъ идеалахъ и улучшеніяхъ. Если судья бралъ деньги за то, чтобы наказать невиннаго или освободить виновнаго, или если онъ дѣлалъ то или другое лишь изъ страха передъ властью деспота, или возбужденной страстью народа, то этотъ судья былъ недостойнъ имени судьи. *Темиды* снимала свою повязку и трусливо и пристрастно надавливала на одну чашку въсовъ такъ, что опускалась не та чашка. Въ дѣйствительности эта *Темиды* съ повязкой на глазахъ была, по крайней мѣрѣ, уже безпартійной, и въ этомъ отношеніи она теперь и въ будущемъ имѣетъ право претендовать на уваженіе къ себѣ.

Но въ настоящее время *Темиды* не находится въ такомъ простомъ положеніи, какъ раньше, такъ какъ прогрессъ гуманности и науки, въ частности — психологіи и психіатріи, принуждаетъ ее снять свою повязку, но не для того, чтобы стать доступной партійности, а для того, чтобы, руководствуясь болѣе глубокими мотивами справедливости, ясно разбираться въ тайникахъ человѣческой души. Теперь дѣло не идетъ уже просто о томъ, чтобы рѣшить, совершилъ ли обвиняемый приписываемый ему поступокъ или нѣтъ, но также и о томъ, сознавалъ ли онъ, что онъ дѣлаетъ, каковы мотивы руководили имъ при этомъ, и кто былъ настоящимъ виновникомъ преступленія. Алкоголь, психическія ненормальности и болѣзни, внушенія, страсти и другіе факторы стараются — каждый по мѣрѣ силъ — оказать такое вліяніе на бѣдный человѣческій мозгъ, что нельзя или почти нельзя считать его отвѣтственнымъ за его поступки. Кроме того, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи обычное понятіе свободной воли, абсолютной свободы воли человѣка, являющееся предпосылкой нашего стараго уголовного правосудія, становится не только все болѣе и болѣе проблематичнымъ, но долженъ считаться прямо-таки человѣческой иллюзіей, основанной на томъ, что косвенныя, отдаленныя мотивы нашихъ поступковъ, по большей части, безсознательны и потому остаются неизвѣстными намъ. Уже великій философъ Спиноза мастерски изложилъ эту идею, и современная наука подтверждаетъ это въ самомъ широкомъ смыслѣ. Всякое дѣйствіе имѣетъ въ мірѣ свою причину, и потому все наши рѣшенія обусловлены дѣйствіями нашего мозга, которыя, въ свою очередь, находятся подъ вліяніемъ унаслѣдованныхъ и пріобрѣтенныхъ энграммъ, являющихся внутренними, комбинационными съ внѣшними причинами. Признаемъ же разъ навсегда свободно и открыто всю ошибочность древней аксіомы свободы человѣческой воли и поймемъ, что то, что мы чувствуемъ и считаемъ свободной волей, представляетъ собою не что иное, какъ индивидуально очень измѣнчивую и болѣе или менѣе развитую способность нашего мозга приспособляться своими поступками къ окружающей средѣ и, въ частности, къ другимъ людямъ (къ обществу): если мы, наконецъ, поймемъ, что наша воля и все наши поступки опредѣляются несравненно болѣе широкимъ комплексомъ наслѣдственныхъ энергій (характеромъ), въ связи съ внѣшними энергіями, дѣйствующими на насъ въ теченіе нашей жизни, а также чувственными впечатлѣніями даннаго момента, — если мы признаемъ это, то должно будетъ измѣниться все наше понятіе о правѣ, въ частности, объ уголовномъ правѣ. Возмездіе должно окончательно исчезнуть, какъ варварскій пережитокъ животныхъ правовыхъ чувствъ нашихъ предковъ.

искусство, — какъ отбросить устарѣлой суевѣрной мистики. Современное чисто научное направление юридической реформы уже согласилось со всѣмъ этимъ. Несмотря на полную безуспѣшность прежней системы наказаній въ смыслѣ исправленія преступности, оно, однако, до сихъ поръ могло провести на практикѣ лишь очень незначительную часть своихъ воззрѣній. Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго въ силѣ остаются лишь два принципа, которые дѣйствительно оправдываютъ существованіе права:

I. Задача человеческого общества такова, что преступникам мешают наносить вред, и, вообще, создаются понятия и законы, которые стараются согласовать взаимные интересы людей так, чтобы они, по возможности, способствовали созданию благоприятных естественных жизненных условий как для отдельных лиц, так и для всего общества;

2. Изслѣдованіе причинъ преступленія, а также соціальныхъ различій, несовершенствъ и неравенства и прогрессивное улучшеніе самихъ людей и ихъ соціальныхъ условій посредствомъ постоянной цѣлесообразной борьбы съ этими причинами.

То, чего мы здѣсь требуемъ, означаетъ, конечно, коренное преобразование обычныхъ правовыхъ понятій, не только нашего древняго устарѣвшаго уголовного права, но и часто нашихъ гражданскихъ правовыхъ понятій. Но такое преобразование неизбежно, и, впрочемъ, оно уже началось. Оно должно будетъ привести къ освобожденію права изъ когтей древней метафизически-религіозной догматики и застывшихъ принциповъ, выведенныхъ изъ отжившихъ обычаевъ; въ основу его онъ положить прикладную, социальную естественную науку о человѣкѣ, который только тогда получить право на линеевское названіе: „*homo sapiens*“. Слишкомъ долго юристы оперировали съ прикладной метафизикой на основѣ догматизированныхъ варварскихъ правовыхъ и суевѣрной мистики. Пора Ѳемидѣ снять свою повязку, позаняться психологіей, психопатологіей и наукой и тогда начать работать безпартиійно на основѣ болѣе здоровыхъ, внутренне справедливыхъ, болѣе человѣческихъ принциповъ, хотя бы при этомъ ея работа была сложнѣе и труднѣе.

Тогда какъ, съ одной стороны, половыя чувства принадлежать къ интимнѣйшимъ и священнѣйшимъ условіямъ индивидуальнаго счастья, они, съ другой стороны, такъ же тѣсно и постоянно связаны съ социальнымъ благомъ человѣчества. Ни въ какой другой области не такъ трудно, какъ здѣсь, гармонически согласовать общее благо съ индивидуальнымъ, и потому половыя правовыя отношенія принадлежать къ труднѣйшимъ. Выше мы сказали, что удовлетвореніе полового инстинкта человека принадлежитъ къ его естественнымъ правамъ. Естествознаніе заставляетъ насъ выставить это положеніе. И тѣмъ не менѣе это положеніе важно по своимъ послѣдствіямъ — послѣдствіямъ часто роковымъ, такъ какъ человѣкъ, удовлетворяющій свое половое побужденіе, этимъ самымъ задѣваетъ другихъ людей не только непосредственно, но и косвенно, при чемъ часто приноситъ имъ больше вреда, чѣмъ счастья. Не будь акта воспроизведенія, было бы относительно легко гармонически сочетать индивидуализмъ съ социализмомъ. Но вслѣдствіе наличности этого обстоятельства, именно, половыя отношенія составляютъ главную трудность въ этой области. Наше современное право, несмотря на достигнутый уже огромный прогрессъ, придерживается въ значительной части еще варварской точки зрѣнія, признавая правовое неравенство половъ. Конечно, душа мужчины и женщины качественно не одинаковы. Но въ обществѣ, гдѣ нѣтъ безполыхъ индивидовъ, и гдѣ оба пола должны совместно и мирно работать на пользу общества, нѣтъ ни одного вѣскаго основанія подчинять въ правовомъ отношеніи одинъ полъ другому. Пусть даже мозгъ мужчины будетъ въ среднемъ на 130 или 150 граммовъ тяжелѣе мозга женщины, пусть мужчина превосходитъ женщину даромъ изобрѣтательности и комбинированія, но, вѣдь, это не даетъ ему никакого основанія предоставлять своей подругѣ жизни и матери меньшія социальныя права, чѣмъ себѣ. Его физическая сила, вѣдь, все равно всегда защититъ его отъ какихъ-либо чрезмѣрныхъ притязаній со стороны женщины. Поэтому первое требованіе, какое мы выставляемъ, это — уравниеніе женщинъ въ социально-правовомъ отношеніи съ мужчинами. Точно такъ же дѣти не должны считаться собственностью или полезными предметами (см. гл. VI), какъ это часто бывало раньше и происходитъ еще и теперь. Вотъ первая правовая основа естественнаго полового права.

На одно животное не обращается такъ жестоко съ женой и дѣтьми, какъ человекъ. Теперь перейдемъ къ болѣе специальнымъ вопросамъ.

В. Гражданское право.

Задачей гражданского права является регулирование взаимныхъ отношений между людьми. Оно не знаетъ наказаній въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. возмездія, и не занимается вопросомъ о преступленіи. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы создать социальный балансъ для взаимныхъ договоровъ и обязательствъ. Тѣмъ не менѣе оно, благодаря понятію о гражданскомъ возмѣщеніи за причиненный ущербъ, и примѣненію административныхъ принудительныхъ мѣръ, граничитъ съ уголовнымъ правомъ. Хотя гражданское право опирается на болѣе естественную основу и приспособлено къ цѣлямъ достиженія человеческого блага и къ социальнымъ потребностямъ гораздо лучше, чѣмъ уголовное право, но все же оно обнаруживаетъ на каждомъ шагѣ слѣды религіозной мистики и обычныхъ дурныхъ нравовъ. Мы хотимъ кратко проанализировать существующее и желательное, поскольку это касается нашей темы. Однако, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы входить въ обсужденіе законодательныхъ деталей, такъ какъ у меня нѣтъ необходимыхъ для этого специальныхъ знаній, и кромѣ того это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Бракъ и половыя отношенія сами по себѣ. Что касается этого вопроса, то я отсылаю читателя къ главамъ VI, VIII, X, XI и XII и прошу также имѣть въ виду остальные изложенныя главы. Самъ по себѣ актъ совокупленія двухъ индивидовъ, рѣшившихся на него свободно и не причиняющихъ при этомъ обиды или ущерба какому-нибудь третьему лицу, представляетъ собою такое же частное дѣло, какъ рукопожатіе или поцѣлуй, и не долженъ имѣть никакого отношенія ни къ гражданскому, ни къ уголовному праву. Какимъ бы ограниченіямъ ни подвергалось въслѣдствіе это положеніе, но въ принципѣ оно должно быть признано и установлено. Общество имѣетъ право ограничивать индивидуальную свободу лишь тогда, когда осуществленіе ея вредитъ ему самому или его отдѣльнымъ членамъ. Но свободный актъ совокупленія, если только онъ не имѣетъ дальнѣйшихъ послѣдствій и совершается взрослыми вѣтвляемыми лицами, не наноситъ никакого ущерба обществу или его членамъ.

Тѣмъ не менѣе практика права долгое время не вездѣ признавала этотъ принципъ. Многіе законы, особенно у германскихъ народовъ, наказываютъ конкубинатъ, т. е. вѣтбратный половой актъ, какъ таковой. А тамъ, гдѣ конкубинатъ терпѣть, къ нему, въ большинствѣ случаевъ, относятся отрицательно, вѣдствіе чего отъ него особенно страдаютъ женщины и дѣти. Хотя упомянутыя выше предписанія католической церкви (Лигуори) относительно подробностей процесса совокупленія представляютъ собою лишь церковныя предписанія, тѣмъ не менѣе они оказываютъ огромное вліяніе на брачныя условія въ католическихъ странахъ.

Въ общемъ, гражданское право признаетъ совокупленіе только въ формѣ брака. Но въ главѣ VI мы уже видѣли, какъ измѣняется форма брака отъ полигиніи (полигамія въ болѣе узкомъ смыслѣ) черезъ моногамію до полиандріи, и отъ непродолжительнаго временнаго брака до безусловной обязательности брачнаго союза въ теченіе всей жизни (въ католическихъ странахъ) или даже до индійскаго предписанія женѣ слѣдовать въ могилу за ея умершимъ мужемъ. Въ брачномъ правѣ религіозныя преданія (происходящія, какъ мы это видѣли, въ большинствѣ случаевъ изъ варварскихъ обычаевъ) играютъ огромнѣйшую роль. Лишь съ большимъ трудомъ и съ большими усиліями принципъ гражданского брака могъ пробить себѣ дорогу въ большей части культурныхъ государствъ. Часто и теперь церковный бракъ представляетъ собою единственную форму брака. Почти повсюду онъ господствуетъ, какъ главный обычай, на ряду съ гражданскимъ бракомъ. Этотъ простой фактъ показываетъ намъ, какъ крѣпки еще тиски преданій. При томъ господствуетъ представленіе, будто бракъ—это божественное учрежденіе, особаго рода обѣтъ Богу, который человекъ можетъ дать, но отъ котораго не можетъ отказаться, и т. п. Здѣсь мы не будемъ входить въ подробности религіозныхъ брачныхъ формъ.

и в отеллаво читатели въ глнхмъ VI и XII. Вообще ясно, что мы съ нашей современной чисто чловѣчески-соціальной точки зрѣнія можемъ признать лишь гражданскій бракъ. На религіозныя брачныя формальности надо смотрѣть, какъ на совершенно частное дѣло. Онѣ не имѣютъ никакого отношенія ни къ государству, ни къ

Знаменитая авантюристка. Теодора. Съ карт. Бредта. (Теодора, византийская императрица, была въ молодости актрисой и куртизанкой).

обществу, и противъ нихъ, какъ государственныхъ учреждений, и противъ такъ наз. государственной религіи надо энергично бороться во имя блага чловѣчества и въ цѣляхъ освобожденія его отъ рабскихъ цѣпей догмы.

Но что же такое гражданскій бракъ, чѣмъ онъ долженъ быть? Нашъ современный гражданскій бракъ — это еще не совсѣмъ удачное начало, нуждающееся въ исправленіяхъ и усовершенствованіяхъ. Онъ представляетъ собою договоръ между

двумя людьми различного пола съ цѣлью совместнаго воспроизведенія потомства. Но при такомъ договорѣ законъ еще слишкомъ много нечетъ о личныхъ интересахъ супруговъ другъ къ другу и слишкомъ мало заботится объ интересахъ наступающаго потомства, къ результату этого брака потомства, которое почти неизбежно должно было бы интересовать социальнаго законодателя. Затѣмъ дѣль указывается еще зависящее положеніе женщины, что угрожаетъ правовой чистотѣ гражданскаго брака.

Первымъ основнымъ положеніемъ гражданскаго брака должно было бы быть, по моему мнѣнію, абсолютное правовое равенство и полное раздѣленіе имущества супруговъ. Не слѣдуетъ, чтобы, подъ вліяніемъ минутнаго любовнаго опьяненія женщины, мужчины получать возможность присваивать себѣ имущество жены. Это присваиваніе представляетъ собою настоящее варварское учрежденіе, которое должно совершенно исчезнуть изъ нѣдръ гражданскаго права. Тамъ, гдѣ жена обладаетъ большими правами, она, впрочемъ, можетъ (если отличается злобнымъ характеромъ) сильно вредить мужу посредствомъ этой общности имущества. Даже больше: при совместной брачной жизни домашняя работа женщины не должна считаться само собою подразумевающейся и не подлежащей оплатѣ обязанностью, но ее надо оценивать такъ же, какъ заработокъ трудящагося мужчины, и соответствующій чистый доходъ относить на счетъ имущества женщины. Общность имущества не только не должна быть правиломъ, а, наоборотъ, должна считаться неимѣющей гражданско-правового значенія. Супруги могутъ, пока они живутъ душа въ душу, осуществлять ее на практикѣ. Но, если дѣло доходить до раздоровъ или даже до развода, то она не можетъ, да и не должна быть признана законною, такъ какъ отъ нея, по большей части, страдаетъ честная трудящаяся сторона и дѣти. Не будь ея, люди избѣгали бы тѣхъ многихъ золъ, которыя представляютъ собою результатъ многочисленныхъ браковъ. Даже если бракъ и не несчастенъ, то все же расточительность или неопытность одного изъ супруговъ можетъ, при общности имущества, разорить всю семью.

Затѣмъ крайне важна продолжительность брака. Если при заключеніи брачнаго контракта требуется половая вѣрность до гроба, то разводъ — безсмыслица, и все же практически прямо-таки жестоко приковывать закономъ двухъ людей другъ къ другу, хотя они не могутъ и не хотятъ жить больше вмѣстѣ. Поэтому на разводъ надо смотрѣть какъ на граждански-правовую необходимость (конечно, онъ — не идеаль) или, по меньшей мѣрѣ, считать его безусловно нужнымъ для того, чтобы спасти семью отъ длительного разложенія и не санкціонировать заранѣе молчаливо обходоу закона.

Главную роль среди поводовъ для многихъ разводовъ играютъ венерическія болѣзни, психическое расстройство, нарушение супружеской вѣрности, порочный образъ жизни, жестокое обращеніе, преступленіе и, прежде всего, семейные раздоры и неумѣнье ужиться другъ съ другомъ. Безплодіе одного изъ супруговъ или его неспособность къ совокупленію тоже во многихъ случаяхъ можетъ быть причиной развода, хотя при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ мы это ниже увидимъ, ограниченная полигамія или полиандрія можетъ быть гуманнѣе, чѣмъ разводъ. Я никогда не забуду одного случая, когда одна женщина вслѣдствіе продолжительной психической болѣзни ея мужа послѣ апоплексіи получила разводъ, чтобы вторично выйти замужъ. Но все-таки она часто навѣщала его въ домѣ умалишенныхъ. Когда онъ впослѣдствіи поправился, она взяла его снова къ себѣ въ домъ, и онъ жилъ тамъ вмѣстѣ съ ея другимъ мужемъ, находившимъ такое положеніе вещей вполне естественнымъ и справедливымъ. Когда происходитъ разводъ, то, если имѣются дѣти, поднимаются запутанные и сложные правовые вопросы. Впрочемъ, объ этомъ мы ниже поговоримъ подробнѣе. Такимъ образомъ, законодательное допущеніе полнаго развода дѣйствительно превращаетъ бракъ во временный договоръ, стоящій уже недалеко отъ идеальныхъ свободныхъ отношеній любви. Но для того, чтобы съ самаго начала предотвратить необдуманныя увлеченія, мы должны изслѣдовать, какія обстоятельства, кромѣ рожденія дѣтей, могутъ придать половымъ отношеніямъ двухъ лицъ гражданско-правовое значеніе. Здѣсь я подчеркиваю, что гражданское законодательство вполне можетъ создать и для вѣнчаемыхъ дѣтей такіа правовыя условія,

подозреваемых, они были бы уравниемы въ правахъ съ дѣтьми, рожденными въ бракѣ. Кроме того, должно прибавить, что такое уравниеніе соответствовало бы демократическимъ, человѣческимъ чувствамъ справедливости, если бы они не были искажены предубежденіями и мистическими догмами.

Далѣе, гражданское право должно установить, что люди, лишившіеся юридической способности, и несовершеннолѣтніе не имѣютъ права вступать въ бракъ. Это въ истинныхъ случаяхъ можетъ показаться жестокимъ. Но все же общество имѣетъ неоспоримое право влиять на это дѣло. Во-первыхъ, не достигшія зрѣлости дѣти нуждаются въ заботѣ и не должны заключать браки или жить половой жизнью. Ни одна дѣвушка моложе семнадцати лѣтъ, ни одинъ юноша моложе восемнадцати-двадцати безусловно не должны вступать въ половыя сношенія. Этого требуетъ здоровая социальная и индивидуальная гигиена, а вслѣдствіе этого — и здоровое гражданское право. То же самое мы можемъ сказать и о психически больныхъ. Правда, здѣсь возникаетъ трудный вопросъ. Должны ли мы насильно разлучать супружескую чету (или парочку, живущую въ конкубинатѣ) оттого, что одна сторона заболѣла психически, хотя другая сторона не хочетъ разлученія? Для такихъ случаевъ въ Германіи было придумано объявленіе брака несуществующимъ. Но отъ этого выигрышъ не большой. Я вернусь къ этому въ связи съ другими вопросами, но здѣсь я хотѣлъ бы только обратить вниманіе читателя на то, что въ такихъ случаяхъ обществу наносится вредъ не продолженіемъ брака и половыхъ отношеній, а лишь рожденіемъ дѣтей. Поэтому рожденіе дѣтей въ такихъ случаяхъ должно быть безусловно недопустимо, половыя сношенія, наоборотъ, должны быть разрѣшаемы лишь тогда, когда на это согласна здоровая сторона, или когда это необходимо въ интересахъ больного. Регулированіе подобныхъ отношеній составляетъ задачу будущаго.

Извѣстные скрытые физическіе недостатки тоже могутъ быть поводомъ къ разводу супруговъ: къ такимъ недостаткамъ относятся, напримѣръ, хроническія заразыя, прежде всего, венерическія болѣзни, а также половая импотенція мужчинъ или неспособность женщины къ зачатію. Но и въ такихъ случаяхъ законъ долженъ удовлетворять требованія лишь пострадавшей стороны и принимать мѣры лишь противъ возможнаго рожденія дѣтей, но не запрещать половыя сношенія какъ таковыя.

Важный вопросъ — это вопросъ о нарушеніи супружеской вѣрности. И здѣсь мы придерживаемся того взгляда, что законъ не долженъ въ это вмѣшиваться. Прежде всего, доказанное нарушеніе обѣта супружеской вѣрности должно просто, какъ и до сихъ поръ, давать потерпѣвшей сторонѣ право на разводъ, давая ей извѣстныя преимущества. Но съ извѣстными формами нарушенія супружеской вѣрности, которое, съ согласія обѣихъ сторонъ, принимаетъ скорѣе характеръ бѣгамъ или бѣандрій, гражданскій, какъ и уголовный, законъ не долженъ имѣть ничего общаго. Упомяну, напримѣръ, о такомъ случаѣ, гдѣ супруги по всевозможнымъ другимъ соображеніямъ хотятъ оставаться жить вмѣстѣ, но гдѣ импотенція или безплодіе побуждаютъ одну сторону разрѣшить другой извѣстныя вѣнчащія половыя сношенія. Въ такомъ случаѣ не наносится никакого вреда ни индивиду, ни обществу, и, слѣдовательно, нѣтъ повода для правового вмѣшательства (см. приложение: *André Couvreur, La Graine*).

Дѣло крайне затрудняется въ томъ случаѣ, когда надо рѣшить вопросъ, что предпринять, если одна сторона хочетъ развода, а другая не хочетъ, и если нѣтъ никакихъ другихъ поводовъ для развода. Здѣсь дѣло идетъ лишь о капризныхъ шалостяхъ „божка любви“, — шалостяхъ, неустранимыхъ изъ этого міра. По моему мнѣнію, здѣсь законъ долженъ имѣть въ виду почти исключительно (но тѣмъ болѣе строго) права дѣтей и обязанность невѣрнаго супруга матеріально поддерживать семью. Кроме того, онъ долженъ блюсти матеріальныя и другія гражданскія права стороны, желающей продолжать брачную жизнь. Какъ разъ здѣсь остро сказывается необходимость раздѣленія имущества. По моему мнѣнію, нельзя насильно поддерживать бракъ, если одна сторона не хочетъ этого. Практически этимъ не достигается ничего хорошаго. Это — вопросъ морали въ болѣе узкомъ смыслѣ, но не вопросъ правовой. При этомъ оставшаяся вѣрною сторона приходитъ въ одинаковое отчаяніе

отъ разрыва, неизбежно отъ того, живетъ ли она въ конкубинатѣ или въ законномъ бракѣ. Законъ ничего не можетъ сдѣлать, отъ тутъ безсильно. Онъ можетъ сдѣлать попытки примиренія, но не больше.

Здѣсь мы подходимъ къ очень щекотливому вопросу. Мы уже видѣли, что право на удовлетвореніе полового инстинкта должно быть необходимо ограничено во многихъ отношеніяхъ, во избежаніе нарушенія правъ другихъ людей. Но наибольшее

затрудненіе заключается здѣсь въ томъ, что для такого удовлетворенія необходимы (патологическіе случаи и исключая) два существа, и то, что удовлетворяетъ одного, можетъ глубоко оскорбить или повредить другому. Последнее можетъ быть дѣломъ уголовнаго права, и мы вернемся къ этому при обсужденіи послѣдняго. Но уже въ гражданско-правовомъ отношеніи необходимо поставить свободное удовлетвореніе полового побужденія въ зависимость отъ добровольнаго согласія обѣихъ сторонъ. По моему мнѣнію, въ этомъ правилѣ нельзя допускать никакихъ исключеній. Недостаточно защищать однихъ несовершеннолѣтнихъ; совершеннолѣтніе тоже должны подвер-

Знаменитыя авантюристки. Маркиза Помпадуръ.
Съ картины Мориса Контанъ де-Латуръ.

гаться физическому насилію. Но фактически нашъ институтъ такъ называемый христіанскаго брака въ этомъ отношеніи изобилуетъ варварскими грубостями, такъ какъ законъ, въ большинствѣ случаевъ, приказываетъ женѣ отдаваться въ половомъ отношеніи своему господину и повелителю всегда, когда бы тотъ ни захотѣлъ. Въ этомъ состоитъ, такъ сказать, обратная сторона мужской вѣрности, формально требуемой въ брачномъ союзѣ. Съ другой стороны, уже по физиологическимъ соображеніямъ очень зрѣлая и чувственная женщина не можетъ требовать для себя такого же права, такъ какъ у мужчинъ эрекция не можетъ наступать по приказу. Она можетъ требовать разнада лишь тогда, когда доказана полная импотенція мужчины. Указаній изъ этихъ обстоятельствъ вполне достаточно для доказательства того

какъ неудачно желаніе урегулировать закономъ половыя отношенія. При этомъ право необходимо должно превратиться въ несправедливость. Мы видѣли, какъ безконечно индивидуально половое побужденіе. Желаніе урегулировать его соответственно моногамическому законодательному брачному кодексу приводитъ къ великимъ мученіямъ и все-таки неосуществимо. Поэтому, глубоко преклоняясь передъ этическими взглядами Толстого, мы все же должны признать, что его строгія воззрѣнія на брачную жизнь представляютъ собою не что иное, какъ неосуществимыя мечтанія. Если сильно чувствительный мужчина женится на холодной въ половомъ отношеніи дѣвушкѣ, не зная предварительно объ этомъ, и если для его жены совокупленіе долгое время остается гадостью и составляетъ мученіе, то одинаково жестоко требовать отъ мужчины воздержанія, а отъ женщины — согласія на совокупленіе. Здѣсь только разводъ или конкубинатъ или бигамія могутъ создать для супруговъ терпимыя отношенія, конечно, если окажется невозможнымъ урегулировать отношенія путемъ взаимныхъ уступокъ. Наши современные взгляды допускаютъ въ такихъ случаяхъ, самое большее, разводъ. Но тамъ, однако, гдѣ мужъ и жена связаны другъ съ другомъ или беременностью, или наличностью любимого ребенка, или, независимо отъ различія ихъ половыхъ потребностей, любовью и уваженіемъ, разводъ опять-таки будетъ жестокостью.

Само собою разумѣется, мы признаемъ, что такія крайнія отношенія не являются общимъ правиломъ, и что во многихъ случаяхъ болѣе страстная сторона можетъ сдерживать себя, а болѣе холодная приучить себя къ половому акту. Добрая воля можетъ достигнуть многого. Но въ этой главѣ намъ приходится имѣть дѣло не съ моралью, а съ правомъ, и мы должны отвѣтить на вопросъ, какъ быть, если въ половомъ отношеніи одна сторона постоянно хочетъ совокупленія, а другая — нѣтъ. Соціально благопріятное въ другихъ отношеніяхъ обстоятельство, а именно, что половая страсть человѣка часто сосредоточивается на одномъ единственномъ индивидѣ, для такихъ случаевъ является наиболее роковымъ. Мужчина страстно влюбляется въ женщину, или, наоборотъ, женщина страстно влюбляется въ мужчину; но любовь не встрѣчаетъ отвѣта, а отвергается. Это, къ сожалѣнію, повседневное несчастье, ведущее какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи къ самымъ трагическимъ конфликтамъ, можетъ обыкновенно быть смягчено лишь отказомъ влюбленному. Это безусловно не такъ жестоко, какъ сдѣлаться добычей человѣка, внушающаго неприязнь или отвращеніе. Поэтому нечеловѣчно, т. е. безразлично, проповѣдывать исключительность или зумѣваю здѣсь „моногамію“ въ смыслѣ принципа: „Женщина (и даже мужчина!) можетъ и должна любить лишь одинъ разъ въ жизни“. Надо рѣшительно и смѣло протестовать противъ этого жестокаго принципа. Объ этомъ могутъ мечтать сантиментальные поэты, но какъ часто бываютъ несчастны тѣ, кто придерживается этого принципа изъ догматической совѣстливости. Не только смерть и болѣзни супруговъ, семейные раздоры и невѣрность, но часто шлоить обычный на счетъ другихъ любви дѣлаютъ изъ такихъ мечтателей совершенно безцѣльныхъ существъ, которые, во-первыхъ, умерщвленіи плоти содержатъ сильный элементъ освобожденія отъ обязанности, въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ въ себѣ поддерживать, потому, что до зачатія не обязательно долженъ обладать правомъ отвергать, а потомъ, что до зачатія не только законъ, но даже и мораль требуютъ различія между виновнымъ при винѣ, но вмѣсто этого встрѣчаетъ отказъ, сдѣлать, а въ общемъ, хотѣть говорить о виновности въ любви встрѣчаетъ болѣе снисходительныя отношенія. И по-французски называютъ „естественно рѣшаются на это и переносятъ собственныя вѣдѣнія и по-нѣмецки „natürliche Kinder“? Не только во избѣжаніе того, чтобы не было законномъ бракѣ, „сверхъестественнымъ“ Поэтому законодатель обязанъ удалить. И не стыдно ли, что все наши зомъ могло бы санкционировать такое. И виновныхъ дѣтей, рожденных вне брака, Въ настоящее время уже повсюду, что они, въ видѣ исключенія, непосредственныя половыя поврежденія и, какъ мы видѣли, неспос. для развода, но, къ сожалѣнію, по образованію путемъ прибавленія уменьшительной дательныя постановленія прижизненно. „Herflein“, соответственно, означеніе. Прям. перек.

что грубое нанесеніе вреда дать, кромѣ того, право требовать гражданскаго удовлетворенія или уголовной кары. Во всякомъ случаѣ, здѣсь надо замѣтить, что гражданская жалоба, а тѣмъ болѣе уголовный искъ одного супруга къ другому, представляетъ собою безъ развода, собственно говоря, нѣчто чудовищное. Если же супруги въ своихъ раздорахъ зашли такъ далеко, что возбуждаютъ одинъ противъ другого судебный процессъ, то бракъ фактически разрушенъ, и продленіе его — возмутительно.

Съ гигиенически-гуманитарной точки зрѣнія очень важенъ вопросъ о зараженіи венерическими болѣзнями. По моему мнѣнію, надо считать прямо преступленіемъ, если заведомо страдающій венерической болѣзнью человекъ совершаетъ совокупленіе, если только другая сторона не страдаетъ той же болѣзнью. Здѣсь законъ долженъ вмѣшаться въ томъ смыслѣ, что обманутый или зараженный имѣетъ право претендовать на значительное гражданское вознагражденіе, а виновная сторона должна нести известное наказаніе. Здѣсь, конечно, можетъ идти рѣчь объ обманѣ довѣрія, и лицо, потерпѣвшее ущербъ, должно жаловаться, чего оно въ настоящее время почти никогда не дѣлаетъ изъ стыдливости. Но это дало бы лучшіе результаты и было бы счастьемъ для человечества, такъ какъ этимъ было бы дано одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для борьбы съ зараженіемъ венерическими болѣзнями и нанесеніемъ серьезнаго вреда семьѣ и потомству. Далѣе, было бы очень желательно найти гдѣ средства и пути, посредствомъ которыхъ можно было бы предупреждать размноженіе дѣтей-сифилитиковъ. Супруги-сифилитики должны предупреждать зачатіе дѣтей употребленіемъ презервативовъ (см. гл. XIV).

Другимъ щекотливымъ вопросомъ, котораго мы уже отчасти коснулись въ главѣ X, является отношеніе гражданскаго права къ проституціи. Мы уже сказали, что безусловно порицаемъ всякую терпимость, регулированіе и государственное признаніе проституціи. Но какую позицію долженъ занять гражданскій законъ по отношенію къ свободной проституціи? Мы достаточно убѣдились въ томъ, что проституція представляетъ собою съ этической точки зрѣнія огромное зло. Но мы также уже видѣли, что попытки устраненія ея будутъ совершенно излишни до тѣхъ поръ, пока мы рѣшительно не ополчимся противъ господства маммоны. Продажность человека влечетъ за собою торговлю своимъ собственнымъ тѣломъ. Запретить послѣднее, къ сожалѣнію, нельзя. Пока за деньги можно получать все, за деньги можно получать и согласіе на совокупленіе. Противъ этого должно все общество выступить съ рѣзкимъ осужденіемъ. Поэтому государство должно прежде всего убрать отъ этой грязи свою охраняющую и тѣмъ самымъ признающую это зло руку и всеми находящимися въ его распоряженіи законодательными и административными средствами преслѣдовать не только сводничество, но также и общественныя проявленія проституціи, для того, чтобы послѣдняя свелась къ чисто личнымъ, болѣе интимнымъ отношеніямъ, пока болѣе справедливая общественная организація труда и возмездія за него и энергичная борьба съ потребленіемъ алкоголя постепенно не искоренитъ эти корни самопродажи.

Сказанному, мы приходимъ къ тому заключенію, что посредствомъ постепенныхъ реформъ, стать болѣе свободной половой жизни, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь. Знаменитая авантюристка и стремиться къ половому оздоровленію его въ

Съ картины Мориса

ужныхъ, недействительныхъ и лишь вредныхъ любви, а путемъ регулированія обязанностей гаться физическому насилию. Но различіе между бракомъ и свободной любовной христіанскаго брака въ этомъ отношеніи то, что законодатель будетъ обращать какъ законъ, въ большинствѣ случаевъ, женнаго якобы какою-то вѣтхѣйшею силою отношеній своему господину и повелителю ихъ семейныхъ отношеній, подымающихъ этомъ состоятъ, такъ сказать, обратная ищется въ брачномъ союзѣ. Съ другой стороны, держаться отъ улыбки, когда слышишь, женіямъ очень эротическая и чувственная, деньги офицеромъ или бракъ содержи- такого же права, такъ какъ у мужчинъ мѣшаютъ институтомъ, установленнымъ Она можетъ требовать развода лишь тогда, когда при совершеніи браковъ путемъ вна. Указаній на эти обстоятельства впо

этических и социальных чувства. Были сделаны различные предложения относительно того, какъ придать болѣе достойный видъ тѣмъ свободнымъ любовнымъ отношеніямъ, которыя фактически существуютъ. Современныя даже женщины вполне правильно указали на то, какъ одностороннею обычай называть незамужнюю женщину иначе, чѣмъ замужнюю, подвергать социальной оцѣнкѣ цѣлую категорию бѣдныхъ женщинъ и ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, и что было бы одинаково правильно называть неженатыхъ мужчинъ „Herrlein“, какъ незамужнихъ женщинъ — „Fräulein“*). Одно такое обращеніе накладываетъ уже печать позора на дѣвушку, родившую вне брака ребенка и не сдѣлавшую при этомъ ничего дурного, а лишь подчинившуюся голосу природы. Я до сихъ поръ еще помню, что мнѣ отвѣтила на мое обращеніе: „барышня“ одна женщина, родившая въ свободномъ сожителствѣ съ однимъ и тѣмъ же мужчиной девять человѣкъ дѣтей и затѣмъ заболѣвшая психическимъ расстройствомъ: „хороша барышня съ девятью дѣтьми“. Одиный этотъ отвѣтъ перевѣшиваетъ цѣлый кодексъ. Бракъ скрѣпляется дѣтьми. Если нѣтъ дѣтей, то государству нѣтъ никакого смысла вмѣшиваться со своими сложными законодательными постановленіями въ такія брачныя отношенія, пока этимъ никому не наносится никакого вреда; тогда гражданскій бракъ можно было бы обставить крайне просто. Пока я удовольствуюсь этими замѣчаніями. Сейчасъ мы коснемся болѣе важнаго пункта вопроса. Уже въ настоящее время законы о гражданскомъ бракѣ можно было бы использовать въ нѣкоторыхъ странахъ для того, чтобы заключать брачныя договоры, устанавливающіе раздѣленіе имущества, а также право каждой стороны на доходъ отъ труда; кромѣ того съ ихъ помощью можно было бы заранее регулировать нѣкоторые взаимныя права и обязанности родителей и дѣтей, такъ что, въ извѣстной степени, могли бы быть исправлены недостатки законодательства.

Своеобразно и характерно страстное стремленіе многихъ ненормальныхъ въ половомъ отношеніи людей, въ особенности, гомосексуалистовъ (см. гл. VIII b), совершать тайныя обрученія и заключать браки съ предметами ихъ любви. Само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о законодательномъ урегулированіи такихъ „браковъ“. Но если они никому не вредятъ, то законъ тѣмъ болѣе долженъ считать ихъ частнымъ дѣломъ, такъ какъ въ результатѣ ихъ не могутъ явиться дѣти.

Гражданско-правовое положеніе дѣтей. Матріархатъ. Настоящимъ филогенетически и психологически глубоко коренящимся цементомъ брака и семьи являются дѣти. Это настолько вѣрно, что, какъ мы это видѣли въ главѣ VI, у многихъ дикихъ народовъ бракъ не считается узаконеннымъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ дѣтей, да и у большинства культурныхъ народовъ на безплодныхъ женщинъ смотрятъ какъ на нѣчто малоцѣнное. Поэтому мы смѣло можемъ назвать глубокой несправедливостью противъ природы и гражданско-правовой чудовищностью тѣ параграфы кодекса Наполеона, которые запрещаютъ отцу ребенка, въ силу обязанности, которая берется на себя два человѣка, производить на свѣтъ другихъ людей, очень высоки; пожалуй это — высшія социальные обязанности, которыя вообще можетъ взять на себя человѣкъ. Поэтому законъ освобождаетъ отъ обязанностей одного изъ производителей, мужчину, только потому, что до зачатія не были соблюдены извѣстныя религіозныя и юридическія формальности. Это — отвратительная противоестественность. Развѣ мужчина менѣе виновенъ при вѣнчанномъ зачатіи, чѣмъ женщина, если здѣсь, вообще, хотѣть говорить о виновности? Не смѣшно ли, что вѣнчаныхъ дѣтей по-французски называютъ „естественными дѣтьми“ — „enfants naturels“ (а по-англійски и по-нѣмецки „natürliche Kinder“)? Не являются ли зато дѣти, рожденные въ законномъ бракѣ, „сверхъестественными“ („supernaturs“) или „неестественными“. И не стыдно ли, что все наши законы накладываютъ на ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, рожденных вне брака, уже съ самаго ихъ рожденія пятно тѣмъ, что они, въ видѣ исключенія, но-

*) Слово „Fräulein“ — барышня — образовано путемъ прибавленія уменьшительной частицы „lein“ къ слову „Frau“ — женщина, дама. „Herrlein“, соответственно, означаетъ бы по-русски „господишко“.

снть фамилію матери, а не отца? Элементарное естественное право требуетъ того, чтобы всѣ дѣти, независимо отъ того, рождены ли они въ законномъ бракѣ или вне брака, получали одинаковыя социальныя права, и чтобы они всѣ поэтому носили имя ихъ настоящаго отца, или имя ихъ матери. Последнее было бы, несомнѣнно, болѣе логичнымъ и болѣе естественнымъ. Наслѣдованіе имѣть по женской линіи соответствуетъ часто встрѣчающейся у дикихъ народовъ системѣ матриархата (см. гл. VI и XIX), которая гораздо справедливѣе и приноситъ гораздо меньше зла, чѣмъ патриархатъ. Впрочемъ, когда женщина приобретаетъ всѣ подобающія ей

Сомненіе. Дѣвы. Съ карт. Ж. Давиде.

социальныя права, юридическое господство одной личности надъ другой въ бракѣ должно будетъ прекратиться. Равноправіе обоихъ половъ приведетъ къ тому, что материнское имя станетъ само собою — вслѣдствіе ясности и простоты — семейнымъ именемъ, такъ какъ, по природѣ вещей, мать гораздо ближе ребенку, чѣмъ отецъ, и хотя, правда, материнство нерѣдко остается неизвѣстнымъ или сомнительнымъ (найденныши, мошенническій обмѣвъ или подмѣна дѣтей), но все же, въ общемъ, его несравненно легче установить, и оно несравненно чаще устанавливается, чѣмъ отцовство. Такъ, напримѣръ, достаточно матери имѣть половыя сношенія съ двумя мужчинами, и часто невозможно будетъ установить, кто отецъ. Кромѣ того, при рожденіи и воспитаніи дѣтей матери приходится переносить гораздо больше заботъ, опасностей, тратить гораздо больше здоровья, чѣмъ отцу, и потому, согласно природѣ и, слѣдовательно, праву, ея фамилія должна быть передана ребенку. Къ сожалѣнію, наши законодательства еще слишкомъ далеки отъ признанія такихъ естественныхъ правъ. Однако, мы должны выставить ихъ, такъ какъ признаніе ихъ устранить, по моему мнѣнію, много трудныхъ спорныхъ вопросовъ.

Повсюду въ природѣ, гдѣ дѣтенышамъ приходится проводить долгое безпомощное дѣтство, родители ихъ обязаны кормить ихъ и воспитывать. Отнять эту обязанность у родителей на основаніи извѣстныхъ незрѣлыхъ и неестественныхъ социальныхъ теорій — значило бы положить начало социальному вырожденію. Безъ всякой опасности можно измѣнять лишь такіе социальные обычаи, которые основаны на искусственныхъ, традиціей освященныхъ догмахъ, модахъ и привычкахъ, будь они религіозной или какой-либо другой природы. Но никогда не слѣдуетъ оскорблять введеніемъ какого-либо социального учрежденія священнѣйшіе законы естественныхъ, филогенетически глубоко укоренившихся въ человѣческой природѣ инстинктовъ, такъ какъ такіа мѣры вкорѣнятся въ дурными социальными послѣдствіями. Въ главахъ VI и VII мы представили неоспоримое доказательство того, что семья, чувства симпатіи между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми образуютъ филогенетическую основу половыхъ отношеній у людей, и что поэтому фактическая моногамія представляетъ у человѣка самыя нормальныя, самыя естественныя и лучшія половыя отношенія.

какъ бы ни были сильны, въ особенности, у мужчины, эгоистическіе полигамные инстинкты. Мы ни въ коемъ случаѣ не упускаемъ изъ виду, что есть и должно быть много исключеній, и что о нихъ надо позаботиться. Всего меньше мы упускаемъ изъ виду, что особенно испорченные социальныя нравы создаютъ неестественныя отношенія, при которыхъ родители отвратительно относятся къ дѣтямъ, эксплуатируютъ ихъ, толкаютъ на путь проституціи и преступленій, обижаютъ ихъ, мучаютъ и т. д. Нерѣдко даже бываетъ, что неудобныхъ для нихъ дѣтей родители незамѣтно и медленно замучиваютъ до смерти. Для всѣхъ этихъ исключительныхъ случаевъ должны быть особыя законодательныя постановленія, которыя освобождали бы дѣтей отъ родительской власти или, по крайней мѣрѣ, защищали бы ихъ отъ дурного обращенія. Въ особенности заслуживающими вниманія и подражанія я считаю новѣйшіе законодательные проекты въ Австріи, сдѣланные по иниціативѣ г-жи Лидіи фонъ-Вольфрингъ въ цѣляхъ правовой защиты дѣтей^{*)}. Государство должно воспитывать въ благотворительныхъ учрежденіяхъ дѣтей, страдающихъ отъ дурного обращенія, заброшенныхъ или покинутыхъ, при чемъ ихъ отнимаютъ отъ ихъ недостойныхъ родителей, ни въ коемъ случаѣ не освобождая, однако, послѣднихъ отъ несенія издержекъ по ихъ воспитанію. Всего лучше будетъ, по предложенію г-жи Вольфрингъ, отдавать ихъ группами на воспитаніе хорошимъ бездѣтнымъ супругамъ, гдѣ они найдутъ какъ разъ недостающую имъ семейную жизнь, при чемъ сами воспитатели должны находиться подъ контролемъ государства. Изъ педагогическихъ соображеній такія искусственныя семьи, подражая естественнымъ, должны воспитывать дѣтей обою пола и различнаго возраста. Такимъ образомъ, правило будетъ лучше всего подтверждаться этими исключеніями.

Нормальное же положеніе вещей есть и будетъ такое, когда родители, и при томъ оба, заботятся о воспитаніи своихъ дѣтей. Правда, государство должно здѣсь помогать, главнымъ образомъ, при посредствѣ школъ и даже дѣйствовать принудительно, такъ какъ общество должно подымать дѣтей на извѣстную ступень культуры, и родительская власть не должна быть тормазомъ въ этомъ дѣлѣ. Тѣмъ самымъ обязательное и бесплатное обученіе въ школѣ принадлежитъ къ обязанностямъ государства, впрочемъ, почти уже повсюду признаннымъ, но часто выполняемымъ еще очень неудовлетворительно. Далѣе, государство должно охранять дѣтей установленіемъ для родительской власти извѣстныхъ, болѣе узкихъ границъ, чѣмъ это теперь имѣетъ мѣсто. Ребенокъ не долженъ быть источникомъ дохода для своихъ родителей. Онъ имѣетъ также право претендовать на защиту въ случаѣ вредныхъ, самодурскихъ истязаній, въ особенности, если они носятъ характеръ дурного обращенія. Само собою разумѣется, что дозволяемое еще и понынѣ во многихъ мѣстахъ наказаніе въ школѣ розгами и т. п. должно быть безусловно устранено, какъ варварская грубость.

Но прежде всего государство должно строго слѣдить за тѣмъ, чтобы мать и отецъ кормили своихъ дѣтей. Ни одинъ отецъ (и ни одна мать), будь онъ (или она)

Религіозный экстазъ.
Воскрешеніе Лазаря. Съ карт.
Э. фонъ-Гёбгарда.

^{*)} Lydia von Wolfring: Wie schützt man die Kinder vor Misshandlung und Verbrechen. 1899; Kindermisshandlungen. 1902; Aberkennung der väterlichen Gewalt. 1903. Wien, Deutsche. Далѣе, того же автора: Beschränkung der Zivillrechte bei Gewohnheitstrinkern. Wiener Gerichtszeitung. 1903; Landwirtschaftlich-gewerbliche Kinderkolonien. Verlag des Pestabzgebundes, Wien, 1904.

богаты или бѣдны, не можетъ быть освобожденъ отъ этой обязанности, независимо отъ того, является ли ребенокъ „законнымъ“ или вѣнчанымъ. При нашихъ несовершенныхъ социальныхъ условіяхъ въ настоящее время мужчине, въ особенности, не обладающему собственностью, легко еще бываетъ выйти сухимъ изъ воды и предоставить произведенныхъ имъ на свѣтъ дѣтей матери или воспитательному дому. Собственника легко захватить. Если онъ не захочетъ, его надо заставить выдать достаточное количество денегъ на жизнь и воспитаніе своихъ какъ вѣнчаныхъ, такъ и рожденных въ бракѣ дѣтей. Если у него нѣтъ ничего, его надо принудить къ выполнению какой-либо работы для содержанія дѣтей. Такимъ путемъ супружеская вѣрность и моногамія будутъ лучше охранены, чѣмъ непосредственнымъ вмешательствомъ закона въ половыя отношенія. Я снова подчеркиваю, что тѣ недостойные родители, у которыхъ пришлось бы отнять дѣтей, должны были бы доставлять средства на воспитаніе дѣтей или зарабатывать на это.

Здѣсь мы сейчасъ же возразятъ, какъ это я безсердечно взваливаю такое бремя обязанностей на бѣдныхъ людей, которымъ часто самимъ нечего вѣтъ. Правда, при нашихъ современныхъ социальныхъ учрежденіяхъ несеніе такого бремени обязанностей часто представляетъ собой невозможную вещь. Но кто говоритъ: „обязанность“, тотъ говоритъ: „право“. Поэтому само собою разумѣется, что обязанностямъ, которыя мы должны требовать отъ родителей, противопоставляются соотвѣтствующія права. Но прежде всего полная справедливость въ этой области можетъ быть достигнута лишь путемъ существеннаго прогресса социализма. Подъ социализмомъ я понимаю здѣсь не застывшія, коммунистическія, даже не марксистскія доктрины, а существенный социальный прогрессъ въ борьбѣ съ владычествомъ капитала. Люди должны быть поставлены въ такія условія, чтобы имъ дѣйствительно доставался весь продуктъ ихъ труда полностью, благодаря чему они могли бы и въ половой области вести достойный человѣка образъ жизни. Но этого, однако, недостаточно. Съ социальной точки зрѣнія несправедливо, чтобы люди, имѣющіе дѣтей, одни несли на себѣ бремя воспитанія будущихъ поколѣній.

Религіозный экстазъ. Святая Мизалона съ карт. Барокки.

Здоровое социальное законодательство не должно потакать эгоистическому принципу бездѣтныхъ людей, говорящихъ: „я могу сдѣлать себѣ жизнь удобной, наслаждаться и лѣниться, такъ какъ я добровольно или невольно отказался отъ счастья имѣть дѣтей“. Государство обязано дѣлать крупныя облегченія многодѣтнымъ семьямъ и тѣмъ самымъ облегчать производство здоровыхъ, хорошо воспитанныхъ дѣтей, но зато тѣмъ сильнѣе облагать бездѣтныхъ людей работою или доставкой продуктовъ труда. Раньше (1695—1706 г.) въ Англіи существовалъ налогъ на холостыхъ. Въ недавнее время тамъ опять заговорили о томъ, чтобы ввести его.

Я упоминалъ уже о современномъ норвежскомъ обычаѣ возить за полціны на пароходахъ женъ и болѣе взрослыхъ дѣтей моряковъ. Здѣсь не мѣсто касаться подробностей этого вопроса. Но когда будутъ осуществлены упоминавшіяся выше социальные реформы, когда повсюду достаточно позаботятся о безвозмездномъ школьномъ обученіи, о призрѣніи стариковъ, сиротъ, больныхъ и т. д., тогда ни одинъ человѣкъ не будетъ въ правѣ отказаться отъ заботы о прокормленіи своихъ дѣтей и домашнемъ воспитаніи ихъ. Лишь лѣнтяи и дурные люди будутъ и тогда пытаться избавиться отъ этой обязанности. Здѣсь мы снова энергично взываемъ къ Гемидѣ, снявшей свою повязку: „Открой глаза и смотри за тѣмъ, чтобы съ помощью естественно-научнаго и социального познанія держать твои вѣсы въ настоящемъ и правильномъ равновѣсіи“.

Здѣсь мы, какъ всегда, возразятъ, что установленіе истиннаго отцовства часто представляетъ собою очень трудное и неважное дѣло. Этого я не отрицаю. Но

если женщинамъ дать подобающія имъ права, а при воспитаніи дѣвушекъ придержи-
ваться тѣхъ принциповъ, которые мы выставляемъ въ главѣ XVI, то дѣло существенно
облегчится. Впрочемъ, уже и теперь при добромъ желаніи и достаточной энергіи,
въ большинствѣ случаевъ, удастся установить отцовство. И если, напримѣръ, усо-
вершенствование путей сообщенія облегчаетъ, съ одной стороны, отъѣздъ и исчезно-
веніе изъ города, то съ другой—оно облегчаетъ разыскиваніе людей во всѣхъ
частяхъ свѣта. Интернаціональныя взаимныя отношенія всѣхъ культурныхъ госу-
дарствъ улучшаются и совершенствуются съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ того, какъ
земной шаръ будетъ становиться все болѣе и болѣе культурнымъ, можно будетъ
надѣяться, что мошенникамъ будетъ гораздо труднѣе ускользать отъ выполненія
своихъ обязанностей. Принимая все это во вниманіе, мы ни при какихъ обстоя-
тельствахъ не можемъ отречься отъ основного условія соціального существованія,—
условія, состоящаго въ томъ, чтобы считать родителей отвѣтственными за прокор-
мленіе и воспитаніе ихъ дѣтей.

Но родительская отвѣтственность простирается, какъ мы видѣли, также еще
на другую область, а именно—на обязанность не производить на свѣтъ умственно
или физически искалѣченныхъ дѣтей. Однако, этотъ вопросъ относится не къ данной
главѣ, и мы вернемся къ нему ниже.

Прекраснымъ учрежденіемъ въ нашей современной государственной жизни
является попеченіе о сиротахъ, душевно-больныхъ и т. д. Но оно нуждается въ
основательной и тщательной разработкѣ. Наоборотъ, нельзя не порицать существую-
щее въ нѣкоторыхъ странахъ право и обычай общинъ отдавать бѣдныхъ покину-
тыхъ дѣтей или сиротъ на попеченіе тѣхъ, кто дешевле всего беретъ за ихъ содер-
жаніе. Отсюда возникаютъ отвратительныя злоупотребленія (пріученіе къ нищен-
ству, безпризорность и т. п.). Еще хуже приходится выбраннымъ дѣтямъ, отданнымъ
безсердечными матерями на воспитаніе женщинамъ, создающимъ т. наз. „фабрики
ангеловъ“. Къ такимъ результатамъ приводитъ алчность къ деньгамъ, соединяющаяся
здѣсь съ соціальнымъ половымъ лицемѣріемъ, которое лежитъ въ основаніи такъ
называемыхъ добрыхъ нравовъ. Далѣе, нужда въ деньгахъ и чувство стыда обусло-
вливаютъ дѣтоубійства и вытравленія плода. Здѣсь гражданское право вмѣстѣ съ
уголовнымъ должно принять самыя энергичныя мѣры для постепеннаго устраненія
такихъ печальныхъ явленій.

Когда всѣ выставленныя нами требованія будутъ достигнуты соціально-законо-
дательнымъ путемъ, тогда между бракомъ и свободной любовной связью будетъ почти
только формальное различіе. Послѣдствія для родителей и дѣтей станутъ тогда оди-
наковыми въ обоихъ случаяхъ. Вся разница заключалась бы лишь въ наличности
или отсутствіи официальнаго брачнаго договора. Но отъ этого истинная моногамія
ничего не потеряла бы, а, наоборотъ, лишь очень много выиграла бы. Правда,
тогда у насъ не было бы больше нашей современной принудительной моногаміи,
искусственно поддерживаемой посредствомъ проституціи и влѣдствіе этого становя-
щейся призрачною, но зато у насъ имѣлась бы прочно построенная на основѣ
естественнаго закона, формально болѣе свободная, однако болѣе крѣпкая (влѣдствіе
обязанности заботиться о дѣтяхъ) относительная моногамія.

Формы и продолжительность гражданского брака. Во избѣ-
жаніе повтореній я отсылаю читателя къ главѣ VI, а именно—къ §§ 15 и 16. Кромѣ
того, выше мы уже въ значительной части высказали и обосновали свой взглядъ
относительно этого вопроса. Хотя моногамія, во всякомъ случаѣ, является самой
нормальной и естественной формой брака и семьи, и хотя она предоставляет или, по
крайней мѣрѣ, можетъ предоставить лучшія условія для продолжительнаго счастья
какъ для супруговъ, такъ и для дѣтей, однако, надо имѣть слишкомъ предвзѣтое
мнѣніе, чтобы не видѣть, что было бы основной ошибкой противъ природы считать
моногамію единственной спасительной брачной формой, единственнымъ якоремъ спа-
сенія для половыхъ сношеній и выкраивать изъ нея правовую смиренную рубашку
для человечества. Во-первыхъ, изъ исторіи и этнографіи мы знаемъ, что, по край-
ней мѣрѣ, полигиническіе народы успѣшно развивались и еще теперь развиваются,
тогда какъ, правда, полиандрические народы влечать довольно-таки жалкое суще-

ствование. Во-вторыхъ, безпристрастно наблюдая нашу современную моногамию, мы не можемъ не видѣть, что она къ значительной степени основывается на простой

Приданство во времена Нерона. Съ юртъ Миа Спайен.

видимости, полна обмана и лицемерія, и что попытка законодательнымъ путемъ гарантировать ей прочность и длительность совершенно не удалась. Въ тѣхъ католическихъ странахъ, гдѣ запрещенъ разводъ, его пришлось замѣнить отлученіемъ отъ

стола, ложа и дома (*Trennung von Tisch, Bett und Haus*), и этот обычай, какъ известно, представляетъ собою богатѣйшій источникъ нарушенія супружеской вѣрности. Кроме того, страны съ моногамическими законами вынуждены давать тѣмъ больше свободы проституции, чѣмъ строже эти законы, и, какъ мы видѣли, доходить до такого безобразія, какъ законодательное регулирование сводничества. Эти грубые уроки, данные практикою сторонникамъ принудительной моногаміи, показываютъ намъ, какъ глупо стараться насильно удержать въ искусственныхъ рамкахъ vlastныя нормальныя, естественныя побужденія. То, что не всегда безъ значительныхъ усилій удастся отдельнымъ болѣе сильнымъ личностямъ или легче удастся людямъ холоднаго темперамента, то невозможно строго провести для массы.

Поліандрія обыкновенно представляетъ собою результатъ бѣдности: полиандрическія расы мало плодovitы и, повидимому, обречены на гибель. Кроме того, нормальный мужчина инстинктивно болѣе полигамиченъ, чѣмъ нормальная женщина

Вальпургіева ночь. Сладострастные видѣнія Фауста. Съ карт. К. Гартмана.

поліандрична. Тѣмъ не менѣе, бываютъ случаи, которые оправдываютъ даже поліандрію. Хотя на, болѣе или менѣе, патологической основѣ, но есть такіе ненасытныя въ половомъ отношеніи женщины, что ихъ не можетъ удовлетворить одинъ нормальный мужчина. Въ такихъ случаяхъ, въ концѣ концовъ, лучше, если какіе-нибудь Донъ-Жуаны вступятъ въ связь, на основаніи свободнаго соглашенія, съ такими женщинами, чѣмъ если онѣ изъ отчаянія предадутся проституціи (такъ какъ — мы это уже видѣли — есть проститутки въ силу нимфоманіи), или чѣмъ если эти Донъ-Жуаны будутъ систематически соблазнять и развращать порядочныхъ нормальныхъ дѣвушекъ. Извѣстныя формы полигнии допустимы тамъ, гдѣ безплодіе или отвращеніе женщины къ половымъ сношеніямъ омрачаютъ семейную жизнь. Благодаря такимъ вспомогательнымъ средствамъ, было бы устранено множество семейныхъ несчастій и безплодіе многихъ полезныхъ представителей нашего общества. При описаніи полигаміи въ главѣ VI мы уже показали, что есть много формъ ея, и что отноше не все онѣ такъ унижительно для женскаго пола, какъ обыкновенно многіе думаютъ, считая типомъ ея мусульманскій бракъ. Что прежде всего унижаетъ полигнію, это — варварская система покупки женщинъ, при которой женщины являются не только объектами торговли, но и собранными въ кучу рабынями. Мы видѣли,

насколько выше стоитъ полигинія извѣстныхъ индѣйскихъ племенъ, у которыхъ господствуетъ матриархатъ, и гдѣ каждая женщина является обладательницей и повелительницей дома и семьи. Когда женщина уравнена съ мужчиной какъ въ правовомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, опасность униженія ея посредствомъ полигиніи исчезаетъ. Дѣйствительно, при такомъ социальномъ положеніи полигинія можетъ быть лишь исключеніемъ. Она основана на добровольномъ соглашеніи и становится тѣмъ невиннѣе и безвреднѣе, чѣмъ больше, съ одной стороны, облегчается разводъ, а съ другой стороны — строгіе законы, касающіеся обязанности содержанія дѣтей, ставятъ необходимо тѣсныя границы половой разнузданности мужчины. Мнѣ прямо хотѣлось бы сказать, что устойчивость моногамическаго брака, который долженъ быть основанъ на чувствахъ взаимнаго уваженія и любви, будетъ гарантированъ рекомендуемой здѣсь юридической свободой, съ одной стороны, и возлагаемыми обязанностями, съ другой, гораздо лучше, чѣмъ это имѣло мѣсто до сихъ поръ. Разъ установился такой обычай, то людямъ, способнымъ понимать и продолжительное время любить другъ друга, будетъ гораздо легче находить одинъ другого, и затѣмъ само собою, съ теченіемъ времени, они привяжутся другъ къ другу тѣмъ крѣпче, что узы ихъ добровольны. Если при этомъ будутъ происходить пробные браки въ формѣ кратковременныхъ связей, которыя оканчивались бы разрывомъ, то это не будетъ, во-первыхъ, особенно большимъ несчастіемъ (уже и теперь ежедневно наблюдаются такіе пробные браки въ болѣе отвратительной и печальной формѣ), а, во-вторыхъ, строгое гражданское законодательство относительно рождаемыхъ дѣтей было бы надежнѣйшей преградой для легкомыслія и страсти къ наслажденію. Если мнѣ на это возразятъ, что тогда легкомысленные люди для того, чтобы создавать себѣ такимъ путемъ разнообразіе, откажутся отъ рожденія дѣтей, то на это мы отвѣтимъ, что это будетъ не особенно большой бѣдой, если какъ разъ такіе люди посредствомъ такого отрицательнаго отбора сами обрекутъ свою породу на вымирание. Такимъ образомъ, будутъ весьма целесообразно противопоставлены другъ другу два естественныхъ побужденія: побужденіе къ дѣторожденію и размноженію, съ одной стороны, и побужденіе къ чувственному половому наслажденію — съ другой. Тотъ, кто захочетъ отдаться первому, болѣе высокому и сохраняющему видъ побужденію, тотъ будетъ вынужденъ поставить извѣстныя границы второму побужденію, не впадая, однако, въ противоположный аскетизмъ. Гражданское законодательство должно будетъ практически урегулировать детали. Это врядъ ли будетъ представлять особыя трудности.

Бракъ между родственниками. Отсылаю читателя къ сказанному мною въ главѣ VI, § 10. По моему мнѣнію, для предотвращенія вреднаго скрещиванія между людьми, совершенно достаточно запретить браки или половыя сношенія съ цѣлю рожденія дѣтей между прямыми родственниками по нисходящей линіи (прежде всего, между родителями и дѣтьми) и между братьями и сестрами. Совершенно нѣтъ законовъ, запрещающихъ браки между людьми, находящимися въ свойствахъ къ такимъ законамъ относятся, напримѣръ, запрещеніе жениться на сестрѣ покойной жены и ми. др. Вѣдь, были же народы, законы которыхъ, наоборотъ, предписывали подобныя браки! Точно такъ же я не вижу никакого достаточнаго основанія запрещать браки между дядей и теткой, съ одной, и племянниками и племянницами, съ другой стороны, а также между дѣтьми братьевъ и сестеръ. Нѣтъ ни одного доказательства, которое говорило бы за то, что подобныя связи были бы вредны для потомства. Какъ мы видѣли, вредно лишь накопленіе наслѣдственныхъ недостатковъ, а оно можетъ происходить какъ при бракахъ съ посторонними, такъ и при бракахъ съ родственниками. Въ общемъ же, однако, повторяющіеся родственные браки въ одной и той же семьѣ ни въ коемъ случаѣ не желательны, и отъ нихъ надо, по крайней мѣрѣ, отсвѣтывать.

Ограниченія личной свободы социально вредныхъ или социально опасныхъ людей въ отношеніи половой жизни. Однимъ изъ самыхъ роковыхъ факторовъ въ социальной области является неспособность людей отличать бодрствующее отъ здороваго и способнаго къ приспособленію или измѣненію въ мотивахъ поступковъ ихъ собратьевъ и неумѣніе разграничивать эти явленія. Этотъ фактъ крайне затрудняетъ какъ рациональное законодательство, такъ и разумныя

административная мѣропріятія. Страстная, неясная и некритическая впечатлительность массы приводитъ къ двумъ противоположнымъ несправедливостямъ и несправедливостямъ въ общественномъ мнѣніи: во-первыхъ, возмущаются произвольными актами насилія, нарушеніемъ личной свободы и неправомернымъ ограниченіемъ свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда компетентные судьи въ видахъ обезпеченія общественной безопасности помещаютъ въ больницу для психически больныхъ или какимъ-нибудь другимъ образомъ ограничиваютъ свободу психически ненормальнаго, опаснаго для общества чловека, который, однако, несвѣдущимъ людямъ кажется совершенно нормальнымъ въ психическомъ отношеніи; во-вторыхъ, стоятъ только подобному субъекту, находящемуся на свободѣ, совершить мошенничество, грабежъ, убійство или садистскую гнусность, какъ та же возбужденная толпа, внезапно охваченная чувствомъ мести, завопить о возмездіи и отмщеніи. Ей хотѣлось бы тутъ же разорвать живьемъ и четвертовать это чудовище.

Компетентному психіатру, котораго и такъ очень часто обвиняютъ въ томъ, что онъ повсюду видитъ душевно-больныхъ и склоненъ, въ силу своей специфической складки ума, заперать въ больницу для умалишенныхъ психически нормальныхъ людей, очень трудно добиться спокойнаго и дѣловаго отношенія къ этому вопросу. Ему хотѣлось бы видѣть осуществленіе гуманныхъ и въ то же время защищающихъ общество мѣропріятій, которыя установили бы, по возможности, правильное отношеніе къ менѣе вмѣняемымъ и совсѣмъ невмѣняемымъ злодѣямъ; ему хотѣлось бы видѣть осуществленія законныхъ учрежденій, которыя охраняли бы душевно-больныхъ отъ ихъ самихъ и отъ злоупотребленій со стороны другихъ, но которыя въ то же время пренятствовали бы имъ наносить вредъ обществу. Подъ вліяніемъ боязливости и въ силу непониманія, общество, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые юристы стараго закала требуютъ, прежде всего, введенія такихъ мѣропріятій, которыя защищали бы психически нормальныхъ людей отъ врачей психіатровъ, при чемъ они совершенно упускаютъ изъ виду дѣйствительные интересы какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ! При этомъ боязнь и недовѣріе общества постоянно разжигаются исторіями о злодѣяхъ, которыя распускаются вздорными, страдающими маніей преслѣдованія душевно-больными и полусумасшедшими, и распространяются прессою.

Эти обстоятельства, отравляющія атмосферу вокругъ каждаго дома для умалишенныхъ и дѣлающія профессію психіатра очень тяжелой и часто мучительною, чрезвычайно тормазятъ развитіе необходимѣйшихъ реформъ. Почтеннѣйшая публика и присяжные юристы, не понимающіе ничего въ человѣческой психологіи и психопатологіи, считаютъ себя (я говорю лишь о честныхъ людяхъ, а не о неразборчивыхъ адвокатахъ) защитниками или поборниками личной свободы и не замѣчаютъ того, что ихъ усилія приводятъ, главнымъ образомъ, къ тому, что при-мѣчается въ тюрьмахъ большое число душевно-больныхъ и психически ненормальныхъ, тогда какъ другіе, въ высшей степени опасные, живутъ на волѣ и постоянно совершаютъ ужаснѣйшія преступленія или становятся не менѣе ужасными мучителями множества бѣдныхъ, невинныхъ и терпѣливыхъ, психически здоровыхъ людей, въ особенности, своихъ женъ и дѣтей!... Психіатръ, сталкивающийся лицомъ къ лицу со всѣми этими ужасами и несчастьями, легко становится пессимистомъ, такъ какъ онъ ясно сознаетъ свое безсиліе противъ непонятности массы и ея порывовъ чувства. Естественная трусость приводитъ людей къ тому, что они охотно закрываютъ глаза и терпятъ именно злодѣевъ, дѣйствующихъ силою, изъ опасенія, чтобы самимъ не подвергнуться непріятностямъ, и, такимъ образомъ, муки бѣдныхъ женъ и дѣтей, истязаемыхъ многими хроническими алкоголиками, садистами, самодурами и мн. др., не прекращаются потому, что этого такъ хочется трусливой волѣ о мнимой опасности, якобы угрожающей личной свободѣ. Въ дѣйствительности же, поддаваясь гипнотическому вліянію воплей о свободѣ, издаваемыхъ насильниками и кривунами, люди угнетаютъ слабыхъ и добродушныхъ и попираютъ ихъ свободу.

На этой почвѣ выдающуюся роль играютъ половые преступленія и гнусности. Въ значительной части своей обусловленные алкоголизмомъ. Не забываясь о предразсудкахъ, я здѣсь, въ краткихъ словахъ, скажу то, что считаю необходимымъ.

Пока юристы и законодатели не будутъ изучать психологію и психіатрію и пока всѣ привычные преступники и опасные люди не будутъ подвергаться тщательной психіатрической экспертизѣ, до тѣхъ поръ не сможетъ произойти поворотъ къ лучшему. Для такого улучшенія условий необходима тѣсная совместная работа юристовъ съ психіатрами, и взаимное пониманіе возможно лишь тогда, если юристы будутъ изучать психологію и во время этого изученія проходить особаго рода практическій клиническій курсъ занятій надъ преступниками въ тюрьмахъ. Какъ можно рѣшить судьбу своего ближняго, не имѣя ни малѣйшаго представленія о душевныхъ свойствахъ преступниковъ, этихъ парій общества? Всѣ юристы, сочувствующие человечеству, должны поддержать стремленія ученаго юриста профессора Франца фонъ-Листа*) и ревностно приступить къ дѣлу реформы.

Вѣдь вполнѣ ясно, что не только надо бороться противъ непосредственнаго вреда, наносимаго такими индивидами (напримѣръ, садистами) другимъ людямъ, и отдавать этихъ опасныхъ людей подъ надежный присмотръ, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, но также надо найти средства и пути для предотвращенія того, чтобы изъ ихъ зародышевой плазмы (см. гл. I), въ большинствѣ случаевъ, бластофторически испорченной родителями-алкоголиками, не развивалось дальнѣйшее потомство. Первый вопросъ нашъ здѣсь не интересуется: по поводу второго, наоборотъ, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Очень усердные и далеко заходящіе поборники реформъ предложили въ такихъ случаяхъ примѣнять кастрацію (въ новѣйшее время, напримѣръ, Рюдинъ), что вызвало единодушный крикъ возмущенія. Наши крайне чувствительные современные народы не могутъ примириться съ такою мыслью, тогда какъ нѣкоторые древніе народы и властелины, какъ въ наше время мусульмане, совершенно благодушно принимали себѣ на службу евнуховъ для того, чтобы имѣть удобныхъ и безопасныхъ слугъ для своихъ женъ, подобно тому, какъ они не стѣснялись вѣшать и рубить головы. Даже папа держалъ въ Римѣ кастратовъ, какъ дискантовъ для своихъ церковныхъ концертовъ. Для этого мальчиковъ кастрировали въ дѣтствѣ. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis!* Но современные намъ войны и жестокости европейцевъ въ Африкѣ, Китаѣ и т. д. показываютъ намъ, что достаточно незначительнаго повода, чтобы пробудить дремлющаго въ человѣкѣ хищнаго звѣря, и онъ тогда съ легкимъ сердцемъ и безцѣльно начинаетъ убивать и насиловать. Во всякомъ случаѣ, въ послѣднее время стали производить кастрацію, какъ врачебное средство противъ разныхъ болѣзней у мужчинъ и женщинъ, у послѣднихъ въ особенности противъ истеріи. Я сознаюсь здѣсь совершенно открыто, что самъ разрѣшилъ кастрировать психически больного злодѣя, находившагося въ моей больницѣ и предлагавшаго кастрировать себя, вълѣдствіе болѣе въ стѣнномъ каналикѣ, хотя при этомъ я больше имѣлъ въ виду предупредить возможность рожденія дѣтей этимъ больнымъ, чѣмъ облегчить его личныя страданія. Я разрѣшилъ кастрировать также и истеричную четырнадцатилѣтнюю дѣвушку, мать и бабушка которой были сводницами и проститутками, и которая уже теперь отдавалась изъ удовольствія первому понашедшему мальчику на улицѣ; и этой кастраціей я хотѣлъ предотвратить появленіе несчастнаго потомства. Тогда была мода кастрировать истеричныхъ съ терапевтическими цѣлями, и я воспользовался этой модой, какъ предлогомъ, но на самомъ дѣлѣ преслѣдовалъ лишь социальную цѣль. По моему мнѣнію, для того, чтобы, по меньшей мѣрѣ, предупредить размноженіе несчастнѣйшихъ, испорченнѣйшихъ и опаснѣйшихъ существъ, надо было бы допустить если не кастрацію, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя болѣе невинныя операціи, какова, напримѣръ, дилокація фаллоpie-

*) Назову здѣсь еще нѣкоторые книги: Delbrück: Gerichtliche Psychopathologie (bei Joh. Amb. Barth, Leipzig 1897). Delbrück: Die pathologische Lüge und der psychisch abnorme Schwindler (bei Ferdinand Enke, Stuttgart 1891). Forel: Crime et anomalies mentales constitutionnelles (Genève 1902 bei H. Kündig, éditeur). Köller: gerichtlich-psychiatrische Gutachten (aus der Klinik von Prof. Forel in Zürich, Stuttgart 1894 bei Ferdinand Enke). Von Liszt: Schutz der Gesellschaft gegen gemeingefährliche Geisteskrankhe und vermindert Zurechnungsfähige (Monatschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform). Forel: Die Verminderte Zurechnungsfähigkeit (Die Zukunft, 1899, № 15).

выхъ трубъ у женщинъ, вызывающая безплодіе, не разрушая, однако, яичниковъ и не уменьшая *Libido sexualis*. У некоторыхъ индивидовъ, напримѣръ, у садистовъ, половое побужденіе которыхъ опасно для общества, необходимо производить полную кастрацію. По моему мнѣнію, такія операціи должны производиться у всѣхъ тѣхъ индивидовъ, психопатологическое состояніе которыхъ въ этой области таково, что они совершенно неспособны бороться съ охватываемыми ихъ импульсами или внимать требованіямъ разсудка; въ случаѣ кастраціи, ихъ можно было бы часто оставлять на свободѣ, тогда какъ иначе ихъ придется держать въ какихъ-либо мѣстахъ заключенія, что для нихъ было бы, конечно, гораздо хуже.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ настоятельно подчеркнуть, что такая рѣшительная мѣра можетъ быть примѣняема лишь въ вполне ясныхъ, несомнѣнныхъ и опасныхъ случаяхъ. Далѣе, мнѣ кажется, что очень часто, въ особенности, у ненормальныхъ въ половомъ отношеніи и опасныхъ людей, можно было бы добиться добровольнаго разрѣшенія на эту мѣру, какъ это имѣло мѣсто у двухъ больныхъ въ моей больницѣ. Было бы большимъ шагомъ впередъ, если бы гражданскіе законы официально разрѣшали бы кастрацію или дислокацію фаллопиевыхъ трубъ въ случаѣ, еслибы кто-либо

Драма жизни. Съ карт. I. Шварца.

добровольно выразить желаніе произвести надъ собою такую операцію. Въ настоящае время фактически мы, въ большинствѣ случаевъ, оказываемся въ такомъ положеніи, что какой-нибудь психопатологическій злодѣй не можетъ подвергнуться кастраціи, даже если онъ самъ этого хочетъ, такъ какъ врачи отказываются производить такую операцію безъ опредѣленнаго медицинскаго указація, и потому, что такой случай не предусмотрѣнъ нигдѣ, ни въ законѣ, ни гдѣ бы то ни было. Въ особенности, если произвести операцію въ раннемъ возрастѣ, она могла бы предохранить садистовъ, насильниковъ дѣтей и тому подобныхъ людей, одержимыхъ ненормальнымъ и въ то же время опаснымъ для общества половымъ побужденіемъ, отъ несчастной преступной жизни, а общество отъ ихъ преступленій и отъ преступленій ихъ возможныхъ потомковъ. Для женщинъ въ такихъ случаяхъ была бы необходима, конечно, кастрація, а не дислокація фаллопиевыхъ трубъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло, если вопросъ идетъ о рожденіи потомства и если больные способны уяснить себѣ свое поведеніе и его послѣдствія. Тогда достаточно наставленій и примѣненія мѣръ, предупреждающихъ зачатіе и дающихъ каждому человѣку удовлетворять свое половое побужденіе, не производя на свѣтъ дѣтей. Но это не имѣетъ ничего

общаго съ гражданскимъ закономъ, и мы еще вернемся къ этому вопросу въ главѣ XIV.

Принципіально здѣсь для насъ важно подчеркнуть, что современныя условія брака часто, съ одной стороны, способствуютъ размноженію преступниковъ, психически больныхъ и казѣкъ, а съ другой — затрудняютъ или препятствуютъ рожденію здоровыхъ дѣтей отъ умственно и физически нормальныхъ родителей. Разъ психически ненормальный или физически искалѣченный человѣкъ женится, жена его родитъ столько неудачныхъ людей, сколько ему заблагоразсудится. Если же, напротивъ, хорошая, здоровая и способная дѣвушка, такъ наз. „золотая работница“ поступитъ къ услуженію хозяевамъ, то дѣлаютъ все возможное для того, чтобы отговорить ее отъ выхода замужъ, такъ какъ господамъ не хочется терять ее, и это удается тѣмъ легче, тѣмъ добросовѣстнѣе и привязчивѣе она сама. Дѣвушки же, родившія вѣбрачнаго ребенка, теряютъ и мѣсто и честь. Достаточно привести эти два факта для того, чтобы понять, въ чемъ тутъ недостатокъ. Мы требуемъ болѣе личной свободы для нормальныхъ, способныхъ къ приспособленію хорошихъ людей, и болѣе широкаго личнаго ограниченія для ненормальныхъ, опасныхъ и дурныхъ субъектовъ. Гражданское право должно удовлетворить въ будущемъ этому требованію, если только оно хочетъ удержаться на высотѣ своего положенія.

Одно время пытались помочь бѣдѣ тѣмъ, что запрещали душевно-больнымъ вступать въ бракъ или, если онъ уже заключенъ, считать его не состоявшимся или разводить супруговъ. Какъ вспомогательное средство для переходнаго времени, такія мѣропріятія вполнѣ уместны. Они предполагаютъ, что рожденія происходятъ только въ бракѣ, и что бракъ принуждаетъ къ рожденію дѣтей. Но фактически оба предположенія не вѣрны, т. е. они оправдываются лишь отчасти подъ давленіемъ современныхъ обычаевъ и законодательства. Но все же данные параграфы законовъ имѣютъ при современныхъ условіяхъ то преимущество, что они дѣлаютъ возможнымъ разрывъ такихъ ужасныхъ вынужденныхъ отношеній, какъ бракъ психически больныхъ и психически ненормальныхъ субъектовъ худшаго сорта. Но, къ сожалѣнію, разводъ, въ большинствѣ случаевъ, разрѣшается лишь при ясно выраженной психической болѣзни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ самыя ненормальныя условія наблюдаются при бракахъ съ такими ненормальными и не вполнѣ вмѣняемыми лицами, ненормальность которыхъ общество и судъ не можетъ признать или понять. Такіе люди, по болѣе части, вступаютъ въ бракъ въ такомъ періодѣ, когда никто не знаетъ ихъ настоящей природы и не предвидитъ результатовъ этой связи. Тогда несчастная, прикованная къ такому лицу брачная половина становится вѣчной мученицей. Психическія ненормальности играютъ огромную и крайне низко оцѣниваемую роль въ несчастныхъ бракахъ. Всѣ эти основанія опять таки говорятъ за правильность намѣченнаго мною выше рѣшенія всего вопроса.

Лѣтомъ 1905 года Швейцарскій союзный судъ вынесъ принципіально важное рѣшеніе. Одинъ слабоумный базелецъ хотѣлъ жениться. Противъ этого запротестовала его мать, и какъ гражданскій, такъ и апелляціонный судъ Базеля запретила заключеніе этого брака. Базелецъ (30 лѣтъ) апеллировалъ тогда къ союзному суду, большинство котораго, соотвѣтственно заявленіямъ повѣреннаго матери, очень широко объяснило законодательное понятіе „слабоумія“ и этимъ самымъ установило на практикѣ довольно значительное ограниченіе способности вступать въ бракъ. Для вступленія въ бракъ требуется умѣнье понимать связанныя съ вступленіемъ въ бракъ задачи, понимать вытекающія отсюда обязанности. Кандидатъ на вступленіе въ бракъ можетъ быть нормальнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ заниматься различными профессіями, обнаруживать извѣстную ловкость при нѣкоторыхъ практическихъ дѣйствіяхъ, напримѣръ, изъ бойнѣ, при переписываніи бумагъ и т. п.; онъ можетъ принадлежать къ стрѣлковымъ обществамъ, какъ отличный стрѣлокъ, его могутъ не забраковать на военной службѣ изъ-за его психическихъ недостатковъ, но все это не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что онъ обладаетъ достаточнымъ пониманіемъ для уразумѣнія значенія брака. Во всякомъ случаѣ, для запрещенія брака достаточно далеко не одинъ только подлый идиотизмъ. Даже слабоуміе лишь средней степени достаточно для запрещенія брака.

Государство обязано, въ интересахъ семейной жизни и потомства, выступить противъ такихъ браковъ съ слабоумными, подобно тому, какъ было высказано очень желательнымъ *de lege ferenda* еще болѣе сузить по физиологическимъ соображеніямъ законодательнымъ путемъ рамки способности къ браку, чтобы не разводить болѣзненного и слабого потомства. Принципы этого рѣшенія мы безусловно одобряемъ. Видно, что уже начинаютъ ближе подходить къ вопросу.

Право наслѣдства. Право наслѣдства не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія къ половому вопросу, но косвенно между ними имѣется связь.

Право наслѣдства оказываетъ огромное вліяніе на дѣторожденіе. Въ настоящее время бѣдняки рожаютъ больше дѣтей, чѣмъ болѣе состоятельные люди; это происходитъ отъ того, что, съ одной стороны, имъ нечего терять, а половыя отношенія составляютъ ихъ единственную отраду, а средствъ, предупреждающихъ зачатіе, они не знаютъ; съ другой стороны, они надѣются извлечь себѣ выгоду изъ работы дѣтей. Наоборотъ, лица, владѣющія какимъ-нибудь состояніемъ, часто боятся, что если у нихъ пойдутъ дѣти, то они будутъ нуждаться, а еще болѣе богатые люди

„Не пушу“. Съ карт. В. Маковского.

боятся нищеты для своихъ избѣженныхъ дѣтей. Последніе поэтому хотятъ имѣть лишь столько наслѣдниковъ, сколько они могутъ обезпечить послѣ своей смерти „приличнымъ состояніемъ“. Изъ этой последней заботы развилась такъ называемая французская система двухъ дѣтей („*französisches Zweikindersystem*“). Родителя, придерживающіеся этой системы, исходятъ изъ ложнаго представленія, что ихъ дѣти должны появиться на свѣтъ, обладая уже извѣстнымъ состояніемъ, чтобы впослѣдствіи вести беззаботное существованіе. Они не понимаютъ, что работа для добыванія средствъ существованія является прямо таки условіемъ жизни человѣка. Очень богатые люди нерѣдко высказываютъ боязнь, что ихъ крупное состояніе, вслѣдствіе сильнаго дробленія, потеряетъ свое значеніе, а въ результатъ этого понизится и значеніе фамиліи.

Какъ мы уже видѣли, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большая бѣдность и большое богатство представляютъ собою вредныя социальныя крайности. Само по себѣ очень вредно для ребенка, если онъ растетъ, зная, что онъ наслѣдуетъ состояніе, что онъ сможетъ беззаботно и безъ всякаго труда пользоваться жизнью и смотрѣть на неимѣющихъ состоянія людей, какъ на подчиненныхъ, предназначенныхъ къ его услугамъ существа. Но, съ другой стороны, онъ такъ не хорошо, если человѣкъ вступаетъ въ жизнь съ мыслью, что онъ, несмотря на свой трудъ, всю жизнь будетъ объектомъ эксплуатаціи, если только исключительныя способности и исключительное счастье не позволятъ ему выбиться на дорогу съ помощью или безъ помощи безсовѣстнаго домогательства, не признающаго интересовъ другихъ людей. Точно такъ же человѣкъ обезкураживаетъ мысль, что онъ, несмотря на свою усердную работу, не можетъ ничего добиться для себя самого, своей жены и дѣтей, и трудится только для общества, какъ такового.

Человѣчeskій инстинктъ отноду не настолько социаленъ, чтобы побуждать человѣка къ бодрой, хорошей и прилежной работѣ только для общаго блага. Чувство семейственности еще слишкомъ сильно въ немъ.

Если принять во вниманіе всѣ эти условія, то право наследства приобретает известное значеніе. Посредствомъ прогрессивнаго налога на наследство были сдѣланы попытки до нѣкоторой степени уменьшить крупныя состоянія. Но этого, однако, не достаточно. Я не намѣреаюсь высказать на этотъ счетъ опредѣленное мнѣніе; я только хочу поставить вопросъ, нельзя ли ограничить право наследства въ такой степени, чтобы дѣти имѣли право пользоваться родительскимъ наследствомъ лишь до того возраста, когда они, при всякихъ обстоятельствахъ, должны были сами сподобны къ труду и заработку, напримѣръ, до 25 или 26 лѣтъ, притомъ такъ, чтобы сдѣлать имъ доступнымъ также и высшее образованіе. Тогда, съ одной стороны, у человека не отнималась бы охота работать для себя и семьи, а съ другой — каждый молодой человекъ сталъ бы энергично работать и стремиться впередъ, имѣя въ виду, что онъ въ 25 или 26 лѣтъ долженъ будетъ самъ зарабатывать себѣ средства къ жизни, не рассчитывая ни на какое наследство. Здѣсь я вовсе не намѣренъ строить на основаніи такой идеи новую социалистическую систему^{*)}; такія предложенія дѣлались уже во множествѣ. Этимъ я хочу лишь подчеркнуть одинъ изъ элементовъ всей проблемы, заключающейся въ томъ, чтобы уменьшить возможность экстензатива одного человека другимъ, не ослабляя, при этомъ, стремленія къ творческому труду, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказать содѣйствіе рожденію и воспитанію способнаго потомства. Очень часто при оцѣнкѣ социалистическихъ системъ указывалось на то, что извѣстныя области человеческой культуры, напримѣръ, чисто научное изслѣдованіе и искусство, требуютъ очень большихъ средствъ и матеріально, по большей части, или очень плохо, или совсѣмъ не вознаграждаютъ трудовъ индивида. Но объ этихъ важныхъ отрасляхъ стремящейся все болѣе и болѣе впередъ культуры должно какъ-нибудь позаботиться государство, средства котораго въ послѣдствіи сильно увеличатся, и оно должно будетъ также и матеріально обезпечивать дѣйствительно способныхъ ученыхъ и художниковъ, подобно тому, какъ раньше (хотя еще и теперь) это дѣлали короли и меценаты; но этого надо достигнуть, главнымъ образомъ, путемъ созданія средствъ для работы и соответствующихъ центровъ, ненося сюда элемента личнаго покровительства, связаннаго съ кружковщиной.

Мы говорили уже о раздѣленіи имущества и раздѣленіи заработка, какъ объ единственно правильныхъ отношеніяхъ въ бракѣ. Еще разъ подчеркнемъ, что достиженіе полной справедливости возможно лишь при полномъ признаніи за женщиною ея правъ, т. е. при широкомъ равноправіи женщинъ.

С. Уголовное право.

Уголовное право есть право наказанія. Последнее базируется на понятіяхъ вины и искупленія, а эти, въ свою очередь, — на понятіи свободы воли, несостоятельность котораго мы уже имѣли случай выяснить въ началѣ этой главы. Изъ этого достаточно простаго разсужденія выясняется сомнительное положеніе нашего современнаго уголовного права. Наука уголовного права слишкомъ долго игнорировала прогрессъ остальныхъ наукъ и развитіе гуманитарныхъ идей; она страдаетъ неизлечимой дряхлостью, такъ какъ самое ея основаніе шатко. Само понятіе искупленія развилось постепенно на основѣ мистики изъ жестокаго, унаследованнаго отъ нашихъ животныхъ предковъ права болѣе сильнаго, соединеннаго съ чувствомъ мести. При такомъ положеніи вещей, болѣе слабый наказывается потому, что онъ слабѣе: „*Vae victis!*“ Затѣмъ явилось оскорбленное божество, созданное человекомъ по своему подобію, и потребовало возмездія за дурныя поступки. Но это оскорбленіе божества было лишь неяснымъ выраженіемъ пробуждающейся со-

^{*)} Само собою подразумѣвается, что это дѣло предполагаетъ наличность новыхъ этическихъ, социальныхъ условій, при которыхъ будутъ стремиться надлежащимъ образомъ къ установленію другого семейнаго права, лучшаго воспитанія, всеобщаго школьнаго образованія и т. д. и т. д. Но способные люди всегда будутъ стремиться къ тому, чтобы пробиться еще дальше впередъ и соответственнымъ образомъ заботиться о своихъ дѣтяхъ. Объ этомъ культурномъ инстинктѣ должно тщательно заботиться всякое социальное учрежденіе.

альной совѣсти челоѣка, смутнымъ сочетаніемъ оскорбленныхъ чувствъ добра и потребностей мести, искушений. После того, какъ челоѣкъ привыкъ судить своихъ ближнихъ, главнымъ образомъ, на основаніи права сильного, хотя, отчасти, и смятавшася семейными и дружескими началами, отъ дошелъ въ своемъ страхѣ передъ засадками природы (лѣсъ, ночь, молнія, ураганы, звѣзды и т. д.) и смертію до мысли о вѣншательствѣ въ его жизнь, сперва темныхъ, потомъ высшихъ силъ, которыя вмѣсто него должны были судить о дурныхъ и хорошихъ поступкахъ, причемъ, тогдашнія понятія о добрѣ и злѣ были совершенно отличны отъ таковыхъ же современныхъ намъ понятій. Во всякомъ случаѣ, привилегированные люди сохранили за собою роли уполномоченныхъ и исполнительныхъ органовъ боговъ, и судили затѣмъ отъ ихъ имени, будучи, при этомъ, или жрецами, или королями, или впоследствии судьями. Что, далѣе, можно говорить (и никогда такъ неодобрительно!) о правѣ безъ признанія свободы воли — показываетъ право фаталистовъ-мусульманъ, напр., хотя бы Гарунъ-аль-Рашида. Дѣйствительно, фатализмъ исключаетъ — по крайней мѣрѣ, логически — допущеніе свободы воли, такъ какъ, если все абсолютно предопредѣлено, то должны быть предопредѣлены и мысли и рѣшенія людей, что исключаетъ ихъ свободу.

Въ другомъ мѣстѣ („Die Zurechnungsfähigkeit des normalen Menschen“, München bei Reinhardt) я пытался доказать, что разумно преобразованное уголовное право вовсе не должно беспокоиться о вопросѣ свободы воли. Тотъ фактъ, что мы чувствуемъ себя свободными и неотвѣтственными, вовсе не достаточенъ для того, чтобы оправдать категорическій императивъ Канта. Всякій, тяжело заболѣвшій психически, челоѣкъ чувствуетъ себя субъективно тоже свободнымъ, хотя всякій здравомыслящій челоѣкъ видитъ, что этого нѣтъ. Вопросъ о томъ, существуетъ ли абсолютное предопредѣленіе (фатализмъ), какъ законъ вселенной, или нѣтъ, есть вопросъ чисто метафизическій, т. е. стоять за предѣлами челоѣческой способности познаванія, и потому намъ нечего о немъ беспокоиться. Если же мы спокойно признаемъ научный постулатъ детерминизма, т. е., законъ причинности, распространенный на побудительные мотивы нашихъ дѣйствій и допускающій различныя будущія возможности, въ виду незнанія нами міровыхъ силъ, мы вполне поймемъ, что сложность нашей мозговой дѣятельности, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что она, вмѣстѣ съ побудительными мотивами нашихъ дѣйствій, по большей части, остается безсознательной, вѣрнѣе, подсознательной, — должна приводить и приводитъ насъ къ тому, что наши рѣшенія намъ кажутся свободными. Но, съ другой стороны, мы видимъ, что пластическая способность челоѣческаго мозга приспосабливаться по возможности адекватно, т. е., соотвѣтственно положенію дѣла, къ возможно болѣе многочисленнымъ и разнообразнымъ усложненіямъ нашего существованія и, въ особенности, социальныхъ условій, дѣйствительно, даетъ намъ масштабъ того, что намъ надо понимать подъ относительной свободой. Челоѣкъ, наиболѣе способный къ приспособленію, является самымъ свободнымъ челоѣкомъ *). Но высшая этическая способность приспособленія или свободы не есть свобода челоѣка-волка, который, будучи самъ себѣ цѣлью, эксплуатируетъ другихъ въ свою пользу, а свобода высшего мозга, приспособляющаго свою дѣятельность, прежде всего, къ социальнымъ цѣлямъ челоѣчества. Наоборотъ, самымъ несвободнымъ является тотъ челоѣкъ, который, будучи обуреваемъ низшими страстями и инстинктами, или вслѣдствіе недостатка ума или слабости воли, не въ состояніи въ жизни поступать самостоятельно, поддается каждому соблазну, каждому импульсу, попадаетъ въ каждую разставленную ему ловушку, и потому у него постоянно возникаютъ конфликты съ обществомъ. Чему здѣсь можетъ помочь теоретическая вѣра въ свободу воли? Этотъ сильно связанный

*) Прежде всего, въ смыслѣ активной и сознательной способности приспособленія. Есть также пассивно приспособляющіеся люди, изъ которыхъ, какъ изъ тѣла, можно дѣлать, что угодно. Благодаря этой пассивной пластичности, они всюду уживаются и чувствуютъ себя хорошо, причемъ могутъ вызывать конфликты въ крайнемъ случаѣ только, какъ орудіе въ рукахъ другихъ людей. Правда, эти люди мало свободны, такъ какъ они слѣдуютъ велѣніямъ другихъ. Но все же ихъ эластичность является своего рода относительной внутренней свободой воли. Они не чувствуютъ принужденія.

человѣкъ чувствуетъ себя субъективно такимъ же свободнымъ, какъ и мѣняе слѣдующий, но въ дѣлѣ онъ все же не свободенъ. Если онъ, въ силу своей слѣдующести, нарушитъ законъ и понесетъ за это наказаніе, то онъ сочтетъ послѣднее несправедливостью; а судья, который судитъ его и думаетъ, что дѣйствуетъ по праву, въ действительности, лишь примѣняетъ несправедливые параграфы закона, въ которыхъ въ лучшемъ случаѣ, проявляется лишь болѣе мягкая форма принципа возмездія или искупленія. Или же онъ играетъ роль уполномоченнаго отъ Бога, примѣняя право, являющееся продуктомъ древнихъ, прошедевшихъ или религіозныхъ представлений обычаевъ. Можно даже сказать, что человѣкъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе онъ сознаетъ свою неволю, т. е., что его поступки стоятъ въ зависимости отъ дѣятельности его мозга.

Какъ мы видѣли, уголовному праву не остается ничего иного, какъ обрубить свои собственные корни и рѣшительно встать на научно-соціальную почву. Оно перестанетъ быть уголовнымъ правомъ, а станетъ правомъ защиты общества отъ

Ссора. Съ карт. К. Фельдмана.

опасныхъ ему членовъ и правомъ попеченія о членахъ, которые не могутъ больше руководить своею жизнью. Этимъ его задача близко примкнетъ къ задаче гражданскаго права. Но тогда судья не придется уже заниматься криминальной квалификаціей поступковъ его собратьевъ-людей и ихъ мотивовъ, ему придется перестать быть судьей, вмѣсто Бога. Онъ будетъ уже не судить, а лишь охранять, защищать и улучшать.

Прежде думали, что наказаніемъ можно застрашать людей, въ особенности людей со слабымъ характеромъ и тѣмъ самымъ удержатъ ихъ отъ преступленій. Но опытъ показалъ, что насилие и жестокость заразительны и влекутъ за собою опять таки насилие и жестокость. Теорія утѣшенія оказалась совершенно несостоятельной. Человѣкъ привыкаетъ къ преступленіямъ, наказаніямъ и крови, какъ ко всему другому; это доказываютъ войны. Только внушеніе идей добра и справедливости можетъ оказать благоприятное дѣйствіе. Смертная казнь лишь устраняетъ преступника; тюремное заключеніе дѣлаетъ его безвреднымъ для общества. Послѣднее можетъ быть достигнуто помимо понятія объ искупленіи и наказаніи. Современная тюрьма представляетъ собою лишь школу порока и наказанія. Если же ее посто-

ленно превратить въ воспитательное учреждение, поставленное согласно требова-
ніямъ психологии и ставящее себѣ задачей изолировать общество отъ опасныхъ ему
членовъ, то она можетъ стать исправительной школой, поскольку исправленіе еще
возможно. Для неспособныхъ къ исправленію она будетъ дополненіемъ къ дому ум-
ственныхъ. Что мы тутъ не преувеличиваемъ, показываетъ исторія психіатріи и
процессы вѣдмъ. Еще нѣсколько столѣтій тому назадъ душевно-больные счи-
тались не больными, а, смотря по обстоятельствамъ, преступниками или одержимыми
нечистой силой, и, соответственно съ этимъ, ихъ или наказывали или подвергали закля-
тіямъ. И въ наше время среди католиковъ и даже членовъ нѣкоторыхъ про-
тестантскихъ сектъ есть люди, вѣршіе въ вѣдмъ, и если бы такіе люди сдѣлались
хозяевами положенія, у насъ и теперь еще имѣли бы мѣсто процессы вѣдмъ
со всѣми ихъ ужасами. Какъ извѣстно изъ эпохи этихъ процессовъ, подобное суе-
вѣріе создаетъ ужасное предубѣжденіе противъ душевно-больныхъ.

Кромѣ того, мы еще не отрѣшились отъ того предразсудка, что судебнаго обвинительнаго приговора достаточно для того, чтобы заклеить позоромъ и безчестьемъ осужденнаго. Мнѣ вспоминаются по этому поводу крылатая, правда, нѣсколько парадоксальная, но глубоко правдивая слова, которыя я самъ слышалъ отъ доктора Гильома, бывшаго много лѣтъ директоромъ каторжной тюрьмы, занимающаго нынѣ постъ президента союза статистическаго бюро. Онъ слышалъ, какъ за столомъ говорили по этому вопросу, и затѣмъ, обратившись къ намъ, задумчиво сказалъ, приблизительно, слѣдующее: „Господа, я зналъ многихъ преступниковъ, и все они раздѣлялись только на двѣ категоріи: одни были больны, другіе же — о, что же сказать о другихъ! Всякій разъ, когда я глубже задумывался о нихъ, я задавалъ себѣ вопросъ: „а не поступилъ бы и ты точно такъ же на ихъ мѣстѣ?“ — Конечно, такого рѣзкаго раздѣленія нельзя признать, такъ какъ въ психикѣ больныхъ и преступниковъ мы находимъ элементы, на основаніи которыхъ съ одинаковымъ правомъ можемъ ихъ причислить къ обѣимъ категоріямъ. Тѣмъ не менѣе, основная мысль безусловно согласуется съ дѣйствительностью. Упомяну также о книгѣ Ганса Лейсса (Hans Leuss, „Aus dem Zuchthause“), содержащей очень много поучительнаго.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса, какимъ образомъ половыя отношенія приходятъ въ столкновеніе съ уголовнымъ правомъ, какъ оно разрѣшаетъ эти конфликты въ настоящее время и какъ оно должно ихъ разрѣшать соотвѣтственно высказаннымъ нами выше положеніямъ. Впрочемъ, я не буду здѣсь повторять того, что я говорилъ, касаясь гражданскаго права. Современныя намъ уголовныя законодательства считаютъ преступленіемъ удивительные прямо поступки въ половой области и наказываютъ ихъ болѣе, чѣмъ по страннымъ основаніямъ. Напримѣръ, охваченный неудовлетворенной половой страстью, робкій простофиля, презираемый всѣми дѣвушками, совокупляется въ тишинѣ темнаго хлѣва со спокойно жующей коровой, которая реагируетъ на это полнымъ равнодушіемъ, нисколько не оскорблена въ своей стыдливости и вообще не терпитъ никакого ущерба. Точно такъ же не страдаютъ отъ этого интересы и хозяина животнаго, если таковымъ не является даже самъ злополучный грѣшникъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство существеннаго значенія для суда не имѣетъ, такъ какъ скотоложникъ подвергается тяжкому наказанію, если совокупится даже со своимъ собственнымъ животнымъ. Откуда уголовный законъ возьметъ на себя право облагать наказаніемъ такой поступокъ, который не наноситъ ущерба ни человѣку, ни обществу, ни даже самому потерпѣвшему — животному? Очевидно, передъ нами пережитокъ религіозной мистики, нѣчто подобное наказанію грѣха противъ Святого Духа. Богъ, по преданію, разгнѣвался на грѣшниковъ Содома и Гоморры и потому велѣлъ разрушить эти города. На этомъ основаніи скотоложство, которое, по библейскому сказанію, было распространено среди жителей этихъ городовъ, еще въ настоящее время должно быть каруемо. Но Богъ, по сообщенію библіи, не менѣе былъ недоволенъ и рукоблудіемъ Оана; но почему же тогда наши современные законы не облагаютъ наказаніемъ опанизмъ? Во многихъ швейцарскихъ кантонахъ и въ Германіи подлежитъ уголовной карѣ также половое совокупленіе между мужчинами, какъ таковое. Недавно законодатели имѣли предметомъ

своего обсужденія глубокомысленный вопросъ о томъ, надо ли наказаніе примѣнять лишь въ томъ случаѣ, если мужчина введетъ свой членъ въ задній проходъ другого (недѣрстія) или же непристойныя прикосновенія и взаимный онанизмъ должны уже считаться преступленіемъ? Следовательно, уголовное право можетъ облагать карою или оставлять безъ наказанія, въ зависимости отъ того, употребляется ли для удовольствія давняго побужденія та или иная слизистая оболочка, та или иная область кожи. Это очень странныя разсужденія для законодателя, который въ данномъ случаѣ является некомпетентнымъ физиологомъ, анатомомъ и психологомъ! Но верхомъ неослѣдовательности является то обстоятельство, что въ Германіи — если только я не введенъ въ заблужденіе — наказуемо половое сношеніе между двумя мужчинами, а между двумя женщинами — нѣтъ. Мы кажется, достаточно ограничимся этими примѣрами. Они разительнo показываютъ намъ, на какомъ ложномъ пути стоитъ уголовное право, исходя изъ ошибочнаго принципа и руководствуясь мистическими пережитками. Недавно въ одномъ научномъ журналѣ вполне серьезно отстаивался взглядъ на необходимость понятія преступленія противъ религіи! Попробуемъ теперь произвести анализъ отдѣльных фактовъ съ точки зрѣнія ихъ истинной цѣнности.

Если мы не хотимъ вѣдаться въ произволъ, въ несправедливость, не хотимъ очутиться въ смѣшныхъ противорѣчіяхъ, мы должны, какъ ужъ объ этомъ и выше говорилось, стать на ту точку зрѣнія, что вмѣшательство уголовного права можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ въ томъ только случаѣ, если обществу или отдѣльному индивиду угрожаетъ опасность или нанесенъ явный ущербъ. При этомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо тщательное разслѣдованіе: былъ ли тотъ, кто причинилъ вредъ, невмѣняемымъ, т. е., психически больнымъ, въ моментъ совершенія поступка, или не въ полной мѣрѣ вмѣняемымъ, т. е. полубольнымъ, относительно здоровымъ, или, наконецъ, вмѣняемымъ, т. е., здоровымъ и сравнительно свободнымъ въ вышеупомянутомъ смыслѣ. По тѣмъ или инымъ результатамъ изслѣдованія, судѣ тогда придется рѣшить вопросъ, какимъ образомъ лучше всего оградить общество отъ повторенія подобныхъ вредныхъ дѣяній и какимъ путемъ можно скорѣе всего исправить преступника, если только это представляется, вообще, возможнымъ. Если преступникъ, допустимъ, — алкоголикъ, то, само собой разумѣется, помѣщеніе его въ лечебницу для алкоголиковъ и послѣдующее, затѣмъ, вступленіе его въ общество трезвости во много разъ лучше оградитъ общество отъ его преступной дѣятельности, и исправитъ его самого значительно лучше, чѣмъ всѣ карательныя мѣры. Въ случаѣ же, если онъ окажется неисправимымъ рецидивистомъ, не могущимъ противостоять своимъ преступнымъ импульсамъ, его придется отдать подъ надзоръ или, по меньшей мѣрѣ, лишить его нѣкоторыхъ формъ свободы, представляющихъ опасность для другихъ. Судить объ этомъ вовсе не такъ трудно, какъ это представляетъ себѣ публика. Съ достовѣрностью можно признать, что предшествовавшая жизнь преступника, наказанія, которымъ онъ подвергался раньше, и добросовѣстное изученіе его личности въ огромномъ большинствѣ случаевъ прольютъ достаточный свѣтъ на этотъ вопросъ. Совмѣстная работа психіатровъ и юристовъ — практиковъ дастъ здѣсь благотворные результаты.

Прежде всего, нормальное совокупленіе можетъ стать предметомъ уголовного преслѣдованія тогда, когда оно связано съ насиліемъ или хитростью (изнасилованіе, насильственное совокупленіе съ загнинотизированной и т. д.). Само собой разумѣется, что крайне необходимы защитительныя мѣры противъ такихъ поступковъ, и что потерпѣвшіе должны получать значительное гражданское вознагражденіе. Кстати, сдѣлаемъ оговорку, что здѣсь мы хотимъ не столько смягченія участи виновника преступнаго посягательства, сколько бoльшей защиты для его жертвъ. Въ случаяхъ изнасилованія, когда женщина забеременѣла вопреки своей волѣ, законъ обязанъ, по моему мнѣнію, разрѣшать, въ видѣ исключенія, неусушенный выкидышъ. Ни одной женщины нельзя предъявить требованія, чтобы она противъ своей воли ро- ждала дѣтей. То же самое должно быть допусаемо въ тѣхъ случаяхъ, когда растле- ваютъ несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ. Если же, наоборотъ, совершеннолѣтняя жен- щина соблазнить на совокупленіе несовершеннолѣтняго мальчика, и результатомъ

этой связи будетъ ребенокъ, то, по моему мнѣнію, только женщина обязана имѣть попеченіе о ребенкѣ, и не пользоваться правомъ дѣлать выкидышъ, такъ какъ она сама того хотѣла, а отецъ дитяти былъ еще невмѣняемъ. Болѣе тѣсная связь ребенка съ матерью оправдываетъ подобныя рѣшенія.

При разсмотрѣніи гражданского права намъ приходилось уже говорить о случаяхъ венерическихъ и другихъ зараженій при совокупленія. Тутъ гражданское вознагражденіе пострадавшему лицу скорѣе всего приведетъ къ цѣли. Но наказаніе можетъ иногда налагаться по требованію потерпѣвшей стороны и въ случаяхъ, когда наличность непосредственнаго преступнаго умысла не установлена.

Кровосмѣшеніе. При обсужденіи гражданского права, въ параграфѣ „Бракъ между родственниками“, мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на опредѣленіе понятія кровосмѣшенія. Отсылаю также читателя къ § 10 главы VI. Неоспо- римо, вредные

случаи кровосмѣшенія особенно часто имѣютъ мѣсто между родителями и дѣтьми. Самой обыкновенной причиною ихъ являются: психическія ненормальности, алкоголизмъ, пролетарскій промискуитетъ или разобщенность семьи съ остальнымъ міромъ. У одиноко живущихъ въ горахъ швейцарскихъ семействъ относительно ча-

Признаніе въ любви. Съ карт. Зеву.

сто имѣютъ мѣсто случаи кровосмѣшенія. Вотъ примѣры подлежащаго наказанію кровосмѣшенія перваго рода.

Алкоголикъ мужъ въ пьяномъ видѣ преслѣдовалъ свою жену, требуя совокупленія. Съ цѣлью отвязаться отъ него, жена предоставила ему свою собственную дочь для половыхъ сношеній.

Пьяница-женщина соблазняла своего 17—18 лѣтняго сына на совокупленіе съ нею. Возмущенный тѣмъ, что мать сдѣлала его своимъ любовникомъ, онъ, однажды, будучи въ состояніи опьянѣнія, убилъ ее. Осужденный за убійство матери, этотъ молодой человекъ велъ себя примѣрно въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался убійцей лишь подъ вліяніемъ алкоголя и соблазна.

Въ одной семьѣ, которая состояла изъ слабоумныхъ и психопатовъ и которую мы пришлось пользоваться, отчасти, средствами психической терапіи, кровосмѣшеніе мѣшало почти между всеми членами семейства: отецъ жилъ съ дочерьми, мать — съ сыновьями, братья и сестры — другъ съ другомъ. На основаніи этого, равно какъ и большинства ему подобныхъ случаевъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что кровосмѣшеніе является въ большинствѣ случаевъ, обычно, не причиною, а слѣдствіемъ психическихъ ненормальностей и болѣзней. Этимъ мы не хотимъ сказать, что появившіеся на свѣтъ продукты такихъ соединеній не вредить, до извѣстной степени, также кровосмѣшеніе, какъ таковое. Но у людей они бываютъ

относительно столь редко, что вряд ли могут существенно способствовать ухудшению расы.

На основаніи всего сказаннаго, мы придемъ къ заключенію, что преслѣдованіе въ уголовномъ порядкѣ кровосмѣшенія допустимо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда установлено соvrраженіе малолѣтнихъ или лицъ психически больныхъ или злоупотребленіе законной или какою-либо иною властью, а также, если кровосмѣшеніе связано съ изнасилованіемъ. Достаточно гражданско-правовыхъ и административныхъ мѣропріятій для того, чтобы свести до минимума остальные случаи кровосмѣшенія. То всеобщее врожденное отвращеніе, которое люди испытываютъ къ половымъ сношеніямъ между братьями и сестрами, а, главнѣе всего, между родителями и дѣтьми, является лучшимъ защитительнымъ средствомъ противъ кровосмѣшенія, и это средство по отношенію къ грозящей потомству опасности будетъ оказывать все болѣе и болѣе сильное дѣйствіе, когда болѣе широкіе слои общества ознакомятся со средствами, предупреждающими зачатіе. Независимо отъ этого, устраненіе алкоголизма, раціональное призрѣніе психически больныхъ и улучшеніе социальныхъ условій еще въ болѣеи степени должны способствовать устраненію кровосмѣшенія.

Всѣ покушенія на малолѣтнихъ, само собою понятно, должны облагаться наказаніемъ. Но подходить въ такимъ фактамъ слѣдуетъ различно, въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы дѣло съ патологически-ненормальной склонностью преступника, или же съ злоупотребленіемъ довѣрія со стороны нормальнаго челоѣка. Педагога, который, не будучи въ половомъ отношеніи ненормальнымъ, покушается на совокупленіе съ дѣвочками, надо, прежде всего, устранить отъ выполненія его обязанностей, такъ какъ, по болышей части, онъ только тамъ можетъ быть опасенъ. Если же онъ ненормаленъ въ половомъ отношеніи, то необходимы дальнѣйшія предохранительныя и защитительныя мѣропріятія.

Если мы теперь сдѣлаемъ экскурсію въ область половыхъ ненормальностей, которыхъ мы имѣли уже случай коснуться въ гл. VIII, то тутъ мы ясно увидимъ всю непослѣдовательность и мистику, царящія еще поныгѣ въ нашемъ современномъ уголовномъ правѣ. Какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, это право преслѣдуетъ и караетъ такіе поступки въ половой области, которые никому не причиняютъ ущерба или совершаются по взаимному добровольному соглашенію, а въ такомъ случаѣ умѣстно вмѣшательство морали или врачебнаго искусства, но не уголовного права. Сюда относятся все онанистическія, педерастическія, мазохистическія, фетишистическія и другія дѣйствія, которыя производятся по добровольному соглашенію съ обѣихъ сторонъ и не причиняютъ ущерба третьимъ лицамъ. Зачѣмъ, прежде всего, спросимъ, уголовный законъ преслѣдуетъ уринговъ? Для общества это прямо такъ благо, что эти несчастные психопаты совокупляются другъ съ другомъ и, вѣдѣствіе этого, не оставляютъ послѣ себя потомства. Наоборотъ, преступленіемъ является — какъ на это мы уже указывали — современный санкціонированный закономъ бракъ уринга или гомосексуалиста съ индивидомъ другого пола. Это — преступленіе по отношенію къ нормальному супругу и родившемуся дѣтямъ. Кромѣ того, современные уголовные законы, карающіе уринговъ, даютъ поводъ къ отвратительнѣйшей эксплоатации, что было доказано на безчисленныхъ примѣрахъ фонъ-Крафтъ-Эбингомъ, Моллемъ и другими, и что я самъ могъ установить въ очень многихъ, даже можно сказать, большинствѣ случаевъ.

Совершенно иначе обстоит дѣло при такихъ ненормальныхъ или извращенныхъ формахъ полового побужденія, удовлетвореніе котораго возможно лишь противъ воли объекта и во вредъ ему. Въ такихъ случаяхъ законъ долженъ примѣнять строжайшія мѣры защиты, но не столько для того, чтобы наказать ненормальнаго виновника, сколько для того, чтобы своевременно защитить его жертвы. Сюда относятся, прежде всего, садизмъ, а затѣмъ, растленіе дѣтей. Здѣсь возникаетъ трудный вопросъ, а именно: при знаніи о возможности содѣянія такихъ ужасныхъ поступковъ, промедленіе съ вмѣшательствомъ до тѣхъ поръ, пока не окажется жертва, — не допустимо, съ другой же стороны, нельзя же наказывать, окружать мѣрами предупрежденія человѣка за то лишь, что онъ чувствуетъ въ себѣ опасное побужденіе, особенно, если въ остальномъ онъ — хорошій, честный человѣкъ, всѣми силами бо-

рующийся против ненормального чувства. Мне, какъ врачу, пришлось однажды наблюдать одинъ поучительный случай съ человекомъ, одержимымъ подобнымъ ослеплымъ побужденіемъ. Это былъ въ высшей степени хорошій, высоконравственный человекъ; его приводили въ отчаяніе обуревавшія его страсти, но никогда онъ не позволялъ себѣ рѣшиться на преступное посягательство, а удовлетворялъ себя онанизмомъ и т. п. Въ случаяхъ, подобныхъ приведенному, этическія чувства даннаго лица являются достаточной социальной гарантіей, и врачъ не имѣетъ права и не обязанъ доносить. Но вотъ что онъ долженъ сказать больному: „Если вы почувствуете, что больше не въ силахъ бороться, то приходите ко мнѣ, и пусть за вами приматриваютъ; и это будетъ лучше, чѣмъ если вы совершите преступленіе“. Подобные случаи рѣдко получаютъ огласку, такъ какъ данный человекъ предпочитаетъ молча, страдать или даже кончаетъ самоубійствомъ. Но все же они весьма замѣчательны. Въ иныхъ случаяхъ своевременное обнаруженіе подобнаго извращенія можетъ удасться только случайно, напримѣръ, когда человекъ и не силится бороться противъ своего извращеннаго чувства, а, наоборотъ, ищетъ случая открыто удовлетворить свое побужденіе. Здѣсь могутъ быть вполне примѣнимы психіатрическія мѣропріятія. Но, къ сожалѣнію, въ особенности, садисты превосходно чувствуютъ опасность, которая имъ грозитъ, и умѣютъ, какъ никакіе другіе преступники, безнаказанно совершать свои дѣла. Отсюда слѣдуетъ, что если удалось захватить человека, совершившаго или только покушавшагося на совершеніе садистическаго акта, то его слѣдуетъ подвергнуть тюремному заключенію на продолжительное время. Здѣсь, какъ мы уже говорили, можно поставить вопросъ о принудительной кастраціи. Надо сознаться, вполне достоверно еще неизвѣстно, представляетъ ли эта кастрація относительную защиту противъ подобныхъ ненормальныхъ и опасныхъ побужденій. Но если бы она оказывала благопріятное дѣйствіе даже въ небольшой степени, она была бы вполне уместна.

Особенно трудную категорию представляют собою экегибиционисты. Они не опасны, такъ какъ никого не трогаютъ. Ихъ жертвами — если такъ можно ихъ назвать — являются дѣвушки и женщины, въ присутствіи которыхъ они обнажаются и продѣлываютъ свои онанистическія манипуляціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ сильно можетъ быть оскорблено чувство стыдливости, въ особенности, у молоденькихъ дѣвушекъ и дѣтей. Но, съ другой стороны, я долженъ сказать, что наши законы въ этомъ отношеніи слишкомъ строги. Экегибиционизмъ самъ по себѣ серьезной опасности не представляетъ. Я знаю дѣтей, которымъ неоднократно приходилось наталкиваться на экегибиционистовъ, и, по моему мнѣнію, чувство отвращенія, которое они испытывали, не наносило имъ ни въ какомъ отношеніи никакого вреда: экегибиционизмъ слишкомъ смѣшонъ и отвратителенъ. Собственно говоря, достаточно всякій разъ принуждать такихъ индивидовъ къ непродолжительному леченію въ больницы для душевно-больныхъ, и самое большее, поддержать ихъ тамъ дольше, если страсть слишкомъ сильна. Такую же позицію уголовное право должно было бы занять по отношенію къ простой некрофилии или совокупленію съ трупами. На нее необходимо, однако, обращать особое вниманіе, такъ какъ ей нерѣдко сопутствуетъ садизмъ. Есть некрофилы, которые, изъ боязни совершить преступленіе, удовлетворяютъ свои садистическія наклонности на трупахъ, куски которыхъ они даже поѣдаютъ и т. п. Такихъ людей необходимо заключать въ тюрьмы, такъ какъ они представляютъ большую опасность для общества. Фетишисты же, наоборотъ, обыкновенно, безвредны; самое большее, къ нимъ можно предъявлять обвиненіе въ похищеніи чужихъ вещей, служащихъ для нихъ фетишами. Ихъ жертвами являются, большею частію, дѣвушки, у которыхъ они обрѣзаваютъ косы.

Выше мы отстаивали тотъ взглядъ, что конкубинатъ, какъ таковой, не долженъ быть наказуемъ, хотя въ нѣкоторыхъ странахъ онъ наказывается. Мы также обсуждали вопросъ, насколько законъ и уголовное право могутъ карать проституцію, какъ таковую. Но при всякихъ обстоятельствахъ уголовное право должно строжайше преслѣдовать сводничество и торговлю женщинами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ явнымъ преступленіемъ, совершаемымъ съ корыстною цѣлью противъ общества и индивида. Должно быть строго воспрещено, чтобы челоѣкъ торговалъ тѣ-

домъ другихъ людей. Это соприсасается съ работорговецъ и преступленіями, съ нею сродными. Впрочемъ, отсылаю читателя къ главѣ XII. Далѣе, законъ безусловно долженъ карать публичныя провокаціи, непристойности и грубости въ половомъ отношеніи, хотя эти наказанія должны быть мягче. Половой актъ и все связанное съ нимъ должно быть основано на добровольномъ согласеніи, и человекъ не имѣетъ

никакого права провоцировать въ половомъ отношеніи или приставать къ другому человеку, если послѣдній не обнаруживаетъ стремленія пойти навстрѣчу его предложеніямъ. Здѣсь не такъ легко провести границу, такъ какъ жеманство можетъ заходить далеко и потому считать провоцищей всякій относительно невинный намекъ было бы слишкомъ суровымъ. Нормальному половому ухаживанію, несомнѣнно, долженъ быть предоставленъ извѣстный просторъ: только оно не должно переходить принятыхъ границъ приличія, если нѣтъ взаимнаго согласенія (см. гл. IV, Флиртъ).

При этомъ вполне естественно возникаетъ вопросъ, какъ далеко, даже при условіи взаимнаго согласенія, здѣсь можно заходить, не затрагивая интересовъ третьихъ лицъ. Въ общемъ, наши нравы въ этомъ отношеніи довольно свободны. Большая свобода флирта была бы уже вредна для общества. Нельзя же, въ са-

Вдовушка. Съ карт. П. Федотова.

момъ дѣлѣ, допустить, чтобы люди безстыдно обнажались, совокуплялись и т. п. на улицѣ или, вообще, на глазахъ людей, въ публичныхъ мѣстахъ и т. д. Въ особенности, дѣтей необходимо оберегать отъ подобныхъ половыхъ соблазновъ; и, вообще, слѣдовало бы установить общую, извѣстную, закономъ допускаемую, норму для границъ, которыхъ требуетъ общественное приличіе. Здѣсь уместны, и даже весьма необходимы полицейскія мѣропріятія, которые могутъ защищать женщинъ и дѣтей отъ открытыхъ или тайныхъ приставаній, половыхъ провокацій, или даже покушеній и др. обидъ. Подобные случаи могутъ быть весьма разнообразны. Сюда слѣдуетъ отнести, напримѣръ, совращеніе къ занятію онанизмомъ, безстыдно-непристойныя рѣчи и жесты и т. д.

Напомню далѣе читателю о сказанномъ мною въ гл. V и XII относительно порнографіи. И здѣсь очень трудно провести границу, гдѣ уместно вмѣшательство уголовного права и гдѣ нѣтъ. Наши современные нравы даютъ широкое поле развитію порнографіи. Но самая опасная форма порнографіи это, однако, не то, что грязно и грубо выставляется въ витринахъ магазиновъ и кіосковъ, но болѣе утонченная и болѣе эстетическая порнографія, разставляющая свои сѣти въ формѣ прекрасно исполненныхъ картинъ, эротическихъ романовъ, театральныхъ представлений и т. д. подъ покровомъ искусства и даже моральныхъ тенденцій. Къ сожалѣнію,

Ревность. Сь карт. Э. фонъ-Блааза.

Религиозный экстаз. Жанна д'Арк на пути к месту казни.
Съ карт. Ф. Ро (Roe).

наше общество очень неправильно судить объ этихъ вещахъ. Есть сочиненія, бездифференциально обличающія половые пороки нашего времени — назову, напримѣръ, романы Золя и драмы Бріе, — и ихъ поэтому считаютъ порнографическими. Въ дѣйствительности же названные авторы не заслуживаютъ подобныхъ упрековъ. Это исходитъ изъ того, что ихъ сочиненія ни въ коемъ случаѣ не толкаютъ на развратъ, а, наоборотъ, вызываютъ въ читателѣ чувства омерзѣнія и священный ужасъ при знакомствѣ съ изображаемыми ими извращеніями нашихъ половыхъ нравовъ. Такъ же неправильно разсуждать стыдливый прорицскій полицеймейстеръ, приказавшій снять выставленную въ магазинной витринѣ картину Беклина („Наяды“), считая ее безнравственной и порнографической. Конечно, подобныя произведенія могутъ оказывать эротическое дѣйствіе на субъектовъ нежестественныхъ или малоразвитыхъ. Видѣ, разбивавшіе же тирольскіе крестьяне подъ вліяніемъ чувства моральнаго негодованія женскіе мраморныя бюсты, поставленныя на улицѣ. Однако, это не должно служить критеріемъ. Ложная стыдливость не изгонитъ эротизмъ изъ міра, даже не затормозитъ его движенія, а лишь направитъ на окольный путь. Мы должны предпринять что-либо болѣе цѣлесообразное, чѣмъ преслѣдовать и позорить истинное искусство и гениальныхъ изобразителей извращеній нашего вѣка.

Совершенно въ иной плоскости стоитъ порнографія. Здѣсь половые пороки изображаются не съ тою цѣлью, чтобы дать должную оцѣнку ихъ мерзости или трагическимъ послѣдствіямъ, а съ тѣмъ, чтобы восхвалять ихъ, пѣть имъ дириамбы и привлекать къ нимъ молодежь. Изображается ли порокъ въ блестящей, наглой и грубой наготѣ, или закутанъ покрываломъ, которое только рельефнѣе выставляетъ все то, что какъ будто надо скрывать, выступаетъ ли онъ въ вакхическомъ упоеніи, въ праздничномъ блескѣ электрическихъ лампъ, или въ тиши и полумракѣ эlegantнаго будуара, опредѣленно или двусмысленно, въ какомъ угодно извращеніи — во всякой формѣ онъ подстрекаетъ, щекочетъ, возбуждаетъ, соблазняетъ, будитъ въ человѣкѣ похоть, разжигаетъ въ немъ самыя низменные инстинкты.

Въ большинствѣ случаевъ порнографическая стряпня подается подъ сантиментальнымъ или моральнымъ соусомъ, который, конечно, не заглушитъ настоящаго вкуса преподносимаго кушанья, — иначе вся прелесть исчезла бы; наоборотъ, это часто еще способствуетъ усиленію пикантности, влѣдствіе контраста и, кромѣ того, дѣлаетъ продуктъ болѣе ходкимъ, такъ какъ производство подъ моральнымъ соусомъ даетъ ему извѣстное нравственное оправданіе. Обыкновенно, дѣлаютъ видъ, будто восхваляютъ добродѣтель и для того, чтобы представить ея окончательное надъ порокомъ торжество еще болѣе трогательно и помпезно, порокъ украшаютъ всевозможными чувственными прелестями и изображаютъ его въ высшемъ блескѣ, возбуждающемъ чувственность. Этотъ приѣмъ снабжать порнографическое произведеніе маскою добродѣтели можетъ, кромѣ того, вводить въ заблужденіе наивныхъ людей относительно его внутренняго безстыдства (отрава, конечно, будетъ все-таки дѣйствовать), а менѣе наивнымъ онъ служитъ удобнымъ поводомъ для того, чтобы, не стѣсняясь, покупать и наслаждаться этими отвратительными произведеніями. Надобно обладать большимъ тактомъ и проницательностью для того, чтобы вполне справедливо разобраться въ этомъ трудномъ вопросѣ и не нанести вреда искусству и наукѣ незлыми и вздорными мѣропріятіями. Необходимо найти средній путь и идти по нему.

Надъ душевно-больными и слабоумными совершается цѣлый рядъ такъ наз. преступленій противъ нравственности, т. е. половыхъ покушеній, въ надеждѣ, что эти несчастные не смогутъ защищаться и не донесутъ на преступника. Мы говорили, напримѣръ, объ уринигахъ, которые съ этой цѣлью, стараются получить мѣсто надзирателей въ больницы для душевно-больныхъ. Всѣ подобныя преступленія надлежитъ просто поставить на одинъ уровень съ преступленіями, совершаемыми надъ несовершеннолѣтними, и соответственнымъ образомъ карать ихъ. Но при оцѣнкѣ преступленія необходимо, какъ мы уже говорили выше, прежде всего, принять въ соображеніе качество и степень опасности, а затѣмъ личность преступника, его способность къ размышленію, исправленію и самообузданію.

Въ высшей степени труднымъ представляется рѣшеніе вопроса, насколько женщина имѣетъ право распоряжаться судьбою своего плода, и каковы права и обязан-

ности общества въ данномъ отношеніи. Боясь сомнѣній, на обществѣ лежитъ обязанность защиты уже родившагося ребенка. Здѣсь законы не могутъ быть достаточно суровыми для защиты дѣтей отъ ихъ жестокихъ родителей и отъ такъ наз. дѣла-селаннѣ ангеловъ, занимающихся тѣмъ, что замариваютъ новорожденныхъ дѣтей гонимомъ съ цѣлью поскорѣ избавиться отъ нихъ. То же самое мы можемъ сказать и о среднихъ злоупотребленіяхъ, уже разсмотрѣнныхъ нами при обсужденіи гражданскаго права. Впрочемъ, эти злоупотребленія часто представляютъ собою результаты, съ одной стороны, нашихъ социально-экономическихъ условий, а съ другой — беззащитнаго положенія дѣтей, рожденныхъ вне брака, а также и того позора, какимъ клеймятъ такихъ дѣвушекъ наши лицемерные нравы.

Вопросъ этотъ приобретаетъ еще большую остроту, если мы обратимся къ плоду, находящемуся еще въ утробѣ матери. Долженъ ли законъ карать искусственный выкидышъ или вѣтъ? Мнѣнія по этому вопросу расходятся. Выше я уже говорилъ, что искусственный выкидышъ должно разрѣшать въ случаяхъ беременности, явившейся послѣдствіемъ изнасилованія и т. п. Я полагаю, что слѣдуетъ установить, какъ общее правило, что искусственный выкидышъ въ принципѣ недопустимъ, если совокупленіе, повелвшее къ оплодотворенію, было добровольнымъ съ обѣихъ сторонъ и если врачебныя соображенія не требуютъ примѣненія этой мѣры. Плодъ, уже зародившійся, имѣетъ право на жизнь; рожденіе на свѣтъ — это лишь эпизодъ изъ жизни зародыша; нормально оно происходитъ по истеченіи девятаго мѣсяца беременности. Мѣсяцы беременности считаются въ четыре недѣли, какъ лунные. Но, какъ извѣстно, ребенокъ, родившійся и на седьмомъ мѣсяцѣ, можетъ остаться въ живыхъ.

Съ другой же стороны, слѣдуетъ разрѣшать много изъятій изъ этого правила, и врачи не должны быть слишкомъ строги въ этомъ отношеніи, такъ какъ, прежде всего, имъ приходится рѣшать вопросъ, допустимъ ли искусственный выкидышъ, или нѣтъ. Въ нѣкихъ случаяхъ беременность можетъ быть прямо таки несчастіемъ для родителей и дѣтей, если здоровьемъ матери или ребенка грозитъ опасность въ физическомъ или психическомъ отношеніяхъ. Если душевно-больной сдѣлаетъ свою жену беременной, то долженъ быть разрѣшенъ искусственный выкидышъ: онъ долженъ быть разрѣшенъ, если забеременѣетъ идиотка, эпилептичка или душевно-больная, если безчувственно-пьяный алкоголикъ сдѣлаетъ свою жену беременной противъ ея воли. Само собой разумѣется, выкидышъ долженъ быть разрѣшаемъ въ тѣхъ случаяхъ, если беременность серьезно угрожаетъ жизни или здоровью матери, или если тяжелая болѣзнь заранѣе обрекаетъ быть калѣкой нарождающагося ребенка. Конечно, такія рѣшенія не должны быть предпринимаемы опрометчиво, и здѣсь провести разумную границу — дѣло практики и здраваго смысла.

Въ связи съ этимъ труднымъ вопросомъ, я долженъ коснуться еще другого щекотливаго вопроса, а именно, могутъ ли быть оправдываемы старанія, прилагаемыя для сохраненія жизни прирожденныхъ калѣкъ и дѣтей съ тяжкими уродствами? Вѣдь, по справедливости говоря, ужасно, что законы заставляютъ насъ оставлять въ живыхъ родившихся кретинами, идиотами, гидроцефалами, микроцефалами и т. д. или дѣтей безъ глазъ и ушей или съ уродливыми половыми органами. Не придется ли мы въ будущемъ, по меньшей мѣрѣ, къ тому, чтобы, съ согласія родителей и при тщательной врачебной экспертизѣ, устранять этихъ несчастныхъ новорожденныхъ посредствомъ безболѣзненнаго наркоза, вмѣсто того, чтобы въ силу закона обрекать ихъ на мучительную жизнь? И въ этомъ отношеніи наше законодательство томится подъ гнетомъ старой религіозной догматики. Съ одной стороны, организуютъ огромныя арміи, предназначенныя убивать тысячи самыхъ здоровыхъ людей, позволяютъ, далѣе, десяткамъ тысячъ другихъ людей умирать съ голоду, отъ проституціи, алкоголизма и эксплуатаціи, а, съ другой стороны, отъ медицины требуютъ, чтобы она прилагала все свое искусство и все свои силы на то, чтобы возможно дольше продлить жизнь жалкимъ калѣкамъ въ физическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ. Строить огромныя убѣжища для идиотовъ и восторгаются, если послѣ многолѣтнихъ упорныхъ и трогательныхъ усилій для этой цѣли предназначеннаго персонала какой-нибудь слабоумный сможетъ сказать нѣсколько словъ, какъ попугай, или нацарапать

что-нибудь на бумагу. А какъ радуются, если такіе мартышки, поднявъ глаза, изучатъ механически дебетать слова молитвы! При сопоставленіи этихъ двухъ категорій факторовъ, въ насъ не можетъ не проснуться горькая иронія по адресу нашихъ такъ наз. гуманныхъ нравовъ. *Sine ira et studio*, самоотверженные воспитатели и учителя такихъ идіотовъ поступили бы куда лучше, еслибы такъ или иначе заставили этихъ идіотовъ умереть, а сами нарождали бы здоровыхъ ребятъ! Впрочемъ, вопросъ этотъ не относится, собственно говоря, къ нашей области.

Обыкновенно дѣлаютъ различіе между искусственнымъ выкидышемъ, произведеннымъ въ первые и послѣдніе мѣсяцы беременности. Но если абортъ произведенъ,

когда ребенокъ уже проявлять жизнеспособность, то въ такомъ случаѣ говорятъ уже не объ искусственномъ выкидышѣ, а объ искусственныхъ преждевременныхъ родахъ. Если эта операція производится съ цѣлью устраненія ребенка, то наказаніе за это опредѣляется несравненно болѣе строгое, чѣмъ за простой искусственный выкидышъ. Такое дѣяніе разсматривается, какъ дѣтубійство. Уже въ силу этого одного, да принимая во вниманіе, кромѣ того, всю трудность и щекотливость даннаго вопроса, предоставленіе свободному рѣшенію матери искусственнаго вытравленія плода врядъ ли можетъ быть признано допустимымъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда беременность женщины явилась результатомъ насилія. Подобныя рѣшенія должны быть поставлены въ зависимость отъ врачебной экспертизы. Это тѣмъ болѣе правильно, что наши современные знанія касательно примѣненія противозачаточныхъ средствъ вообще даютъ намъ возможность предотвращенія беременности. Въ виду этого, общество въ правѣ предъявлять къ матерямъ требованіе не прерывать теченія беременности, развѣ онѣ допустили ей возникнуть. Когда мы добьемся — а въ этомъ я не сомнѣваюсь — расширенія правъ женщинъ и болѣе свободы въ половомъ отношеніи, вообще, и, въ частности, въ бракѣ, тогда все рѣже и рѣже придется оправдывать иные мотивы для произведенія искусственнаго выкидыша, чѣмъ строго-медицинскіе или соціально-гигіеническіе. Безусловно, тотъ незаслуженный позоръ, которымъ теперь еще клеймятъ вѣбробачное материнство, во многихъ случаяхъ оправдываетъ искусственное вытравленіе плода и даже дѣтубійство. Но подобному положенію вещей

Оскротѣла. Съ карт. И. Шлеица.

являть къ матерямъ требованіе не прерывать теченія беременности, развѣ онѣ допустили ей возникнуть. Когда мы добьемся — а въ этомъ я не сомнѣваюсь — расширенія правъ женщинъ и болѣе свободы въ половомъ отношеніи, вообще, и, въ частности, въ бракѣ, тогда все рѣже и рѣже придется оправдывать иные мотивы для произведенія искусственнаго выкидыша, чѣмъ строго-медицинскіе или соціально-гигіеническіе. Безусловно, тотъ незаслуженный позоръ, которымъ теперь еще клеймятъ вѣбробачное материнство, во многихъ случаяхъ оправдываетъ искусственное вытравленіе плода и даже дѣтубійство. Но подобному положенію вещей

скоро придет конец: и в будущем и в настоящем береманство не будет опорой для женщины и не будет мотивом для ее смерти.

Мы, пожалуй, возражать, упрямую въ несовершенство, что каждая женщина, и старшая, и женщина, всегда должны иметь право свободно распоряжаться своим собственным телом, и что виноватость сама условлена права, женщине, неуместно; но это и должно ответить, что въ этомъ случаѣ для обстоятельствъ далеко не такъ. Дѣль мы имѣемъ наличие не одного, а двухъ, иногда и больше ступеней и т. д. т. д. Съ момента зачатія эмбриона, какъ бы теломъ не представлялась, сама съ жизни съ жизнью матери, приобретаетъ социальную права, который тѣмъ большую нужду имѣютъ въ защитѣ, что носитель ихъ не въ состоянн ихъ самъ отстоять.

Кающаяся грѣшница. Съ карт. А. Факкера.

Какъ мы могли видѣть, нарушение супружеской вѣрности, еще часто поддержанное насилиемъ и теперь, должно служить просто поводомъ для развода. Этотъ вопросъ мы уже подвергали обсужденію и могли увидѣть, насколько неправильно добиваться насилиемъ супружеской вѣрности. Все относящееся къ данному вопросу я уже высказалъ при разсмотрѣніи гражданского права. По моему мнѣнію, въ цѣломъ своемъ объемѣ вопросъ не имѣетъ отношенія къ уголовному праву, если только съ нарушеніемъ супружеской вѣрности не связанъ обманъ и другія правонарушенія, которыя должны обсуждаться, какъ таковыя, и потому для разсмотрѣнія здѣсь неумѣстны.

Косвенное причиненіе вреда потомству посредствомъ сообщенія дурной наслѣственности — это фактъ, съ которымъ слѣдовало бы серьезно считаться. Къ сожалѣнію, наше уголовное право

пока безсильно здѣсь что-либо сдѣлать. Мы уже видѣли, что гражданское право, въ томъ или иномъ случаѣ, могло бы кое-что предпринимать въ этомъ отношеніи, и кое-какія мѣры кое-гдѣ уже предпринимаются. Но ниже мы будемъ имѣть случай ознакомиться съ совершенно отличными средствами, — средствами, которыми суждено, быть можетъ, произвести цѣлый переворотъ въ данной области. Выше мы ставили уже вопросъ о вастрахи и попутно приводили случаи, гдѣ она можетъ быть разрѣшена. Но, по причинамъ весьма понятнымъ, умноженіе подобныхъ случаевъ далеко, конечно, не можетъ быть поощряемо. И, вообще, по моему мнѣнію, должно было бы установиться на основѣ социальной этики добровольное рациональное урегулированіе дѣторожденія, которое поведетъ къ лучшимъ результатамъ.

пока безсильно здѣсь что-либо сдѣлать. Мы уже видѣли, что гражданское право, въ томъ или иномъ случаѣ, могло бы кое-что предпринимать въ этомъ отношеніи, и кое-какія мѣры кое-гдѣ уже предпринимаются. Но ниже мы будемъ имѣть случай ознакомиться съ совершенно отличными средствами, — средствами, которыми суждено, быть можетъ, произвести цѣлый переворотъ въ данной области. Выше мы ставили уже вопросъ о вастрахи и попутно приводили случаи, гдѣ она можетъ быть разрѣшена. Но, по причинамъ весьма понятнымъ, умноженіе подобныхъ случаевъ далеко, конечно, не можетъ быть поощряемо. И, вообще, по моему мнѣнію, должно было бы установиться на основѣ социальной этики добровольное рациональное урегулированіе дѣторожденія, которое поведетъ къ лучшимъ результатамъ.

тѣхъ, которые пользуются и предоставляютъ свободу иѣропріятія. Не слѣдуетъ никогда забывать того обстоятельства, что въ дѣтскихъ случаяхъ, законы представляютъ собою необходимость, а не желательное дѣло.

Изъ заключенія сдѣлано необходимымъ добавить, что уголовное и гражданское право неразрывно связано между собою и должно быть связано съ административными мѣрами для того, чтобы успѣшно справиться въ области нелегкихъ отношеній какъ между людьми, такъ и обществомъ въ цѣломъ, а также для поддержки интереса будущаго поколѣнія, во имя и той мѣры, поскольку соединенная съ большими страданіями или въ атакахъ отщепенцевъ, болѣе или менѣе чувствительно ощущаемая послѣдствіемъ человѣческихъ слабостей кладутъ препятствія въ свободному развитію столь же усвоеннаго или болѣе удовлетворительнаго результата путемъ эстетическаго и интеллектуальнаго образованія и воспитанія.

Приложеніе къ главѣ XIII.

Случай изъ судебной практики.

Нижеслѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ 1904 году въ кантонѣ Сентъ-Галленъ въ Швейцаріи, служить подтвержденіемъ высказанныхъ нами воззрѣній. Фрида Келлеръ, 25 лѣтъ, родомъ изъ Бишофенелла въ кантонѣ Тургау, происходила изъ честной труженнической семьи. Мать у нея была женщина кроткая, чувствительная, отецъ — честный, но весьма суровый, подверженный вспыльчивости. Фрида была пятымъ изъ 11 дѣтей у своихъ родителей. Она была примѣрной ученицей, но въ весьма раннемъ возрастѣ, четырехъ лѣтъ отъ роду, перенесла воспаленіе мозга, отражавшееся на ней въ послѣдствіи головными болями. Въ 17-лѣтнемъ возрастѣ она приступаетъ къ изученію ремесла портнихи и бѣлорейки, не переставая помогать въ хозяйствѣ своимъ родителямъ. Вскорѣ она получаетъ мѣсто мастерицы въ одинъ изъ модныхъ магазиновъ С.-Галлена и пользуется тамъ, благодаря своимъ добрымъ качествамъ, общимъ расположеніемъ; жалованія она получала 60 франковъ въ мѣсяцъ.

Желая увеличить свой скромный заработокъ, она по воскресеніямъ работала, кромѣ того, въ одномъ изъ кафе въ качествѣ кельнерши. Хозяинъ, женатый человѣкъ, началъ ухаживать за ней, и ей стоило большихъ трудовъ избѣгнуть его преслѣдованій.

Впослѣдствіи она мѣняетъ свое мѣсто въ модномъ магазинѣ на другое, гдѣ получаетъ уже 80 франковъ. Въ одинъ день (это было въ 1898 году, когда ей исполнилось 19 лѣтъ), упомянутый выше содержатель кофейной, давно подстерегавшій ее, заманилъ ее подъ какимъ-то предлогомъ въ погребъ и тамъ, неожиданно набросившись на нее, совершилъ надъ ней насиліе: въ послѣдствіи она сходилась съ нимъ еще два раза. 27 мая 1899 года она родила мальчика въ женской больницѣ въ С.-Галленѣ.

Своимъ родителямъ и сестрамъ она сообщила о совершенномъ надъ ней насиліи, но никому больше другому, а тѣмъ паче властямъ, изъ чувства ложнаго стыда, объ этомъ не заявляла. Мать приняла въ ней полное участіе. Она сама была совращена въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ и перенесла беременность. И она тоже была брошена соблазвившимъ ее человѣкомъ: своего ребенка она убила тотчасъ послѣ разрѣшенія отъ бремени. Судъ принялъ во вниманіе смягчающія вину обстоятельства и приговорилъ ее къ шести годамъ каторжной тюрьмы; но до и послѣ этого она вела себя хорошо. Судъ призналъ, что „она совершила свое преступленіе не столько по своей нравственной испорченности, сколько побуждаемая ложнымъ стыдомъ“. Фрида, вѣрно любившая свою мать, ничего объ этомъ не было извѣстно. Отецъ, напротивъ, отнесся къ своей дочери въ высшей степени сурово, отказался принять въ ней какое-либо участіе и даже намѣревался советомъ прогнать ее изъ дому. Это производило на Фриду удручающее дѣйствіе. Двѣнадцать дней спустя послѣ своего разрѣшенія отъ родовъ, она съ помощью матери помѣстила ребенка въ Сентъ-Галленскій дѣтскій пріютъ.

Дрожающій за свою шкуру соблазнитель обѣщала ей дать денегъ, заѣмляя ее, что расходы по содержанию ребенка онъ приметъ на себя. На самомъ же дѣлѣ, онъ далъ Фридѣ два раза по 40 франковъ, т. е. всего 80 франковъ, и больше не давалъ ей ни гроша. Спустя короткое время, онъ выѣхалъ изъ города, и съ тѣхъ поръ о немъ не стало ни слуху, ни духу.

При разборѣ дѣла, обстоятельства, при которыхъ произошла беременность, остались невыясненными, и соблазнитель не былъ привлеченъ къ ответственности. Правда, вопросъ объ изнасилованіи здѣсь исключается, но, во всякомъ случаѣ, тутъ мы имѣемъ наличность внезапнаго нападенія на безпомощную, запуганную дѣвушку. Защитникъ утверждаетъ, что здѣсь „ни въ какомъ случаѣ нельзя говорить о любовной связи“. Ничего не даютъ намъ для выясненія этой стороны дѣла и судебныя пренія. Ясно, что здѣсь можетъ быть рѣчь о совращеніи или неожиданномъ нападеніи. Насколько объ этомъ можно судить по ходу дѣла, Фрида ничего, кромѣ отвращенія къ своему соблазнителю, которому отдалась только по слабости и изъ страха, не чувствовала. Правда, впоследствии соблазнитель пытался представить дѣло иначе и отрицать отцовство, но эти утвержденія безусловно не заслуживаютъ вѣроятія: тотъ фактъ, что онъ давалъ Фридѣ деньги, говорить намъ другое, и, съ другой стороны, своимъ исчезновеніемъ изъ города онъ только фактически подтвердилъ свою причастность къ данному дѣлу.

Фридѣ надлежало уплачивать за ребенка въ пріютѣ по 5 франковъ въ недѣлю. Изъ своего жалованья Фрида должна была, кромѣ того, платить 34 франка за столъ и квартиру. Въ 1901 году умеръ ея отецъ; въ 1903 году за нимъ послѣдовала и мать, ея послѣдняя опора, такъ какъ единственная подруга Фриды уѣхала. Фридѣ досталось послѣ ея отца наследство въ 2.471 франкъ. Но эти деньги остались вложенными въ сапожной мастерской ея старшаго брата; она никогда не получала съ нихъ процентовъ и даже не подумала требовать ихъ.

Теперь для бѣдной дѣвушки наступаетъ жизнь, полная борьбы и отчаянія. Ее неотступно преслѣдуютъ двѣ навязчивыя мысли: съ одной стороны, у нея не хватаетъ средствъ для содержанія ребенка, съ другой — чувство стыдливости не позволяетъ ей признаться въ его существованіи. Пріютъ ужъ не разъ требуетъ денегъ, которыя она тамъ задолжала. Въ ноябрѣ 1903 года администрація пріюта присылаетъ ей извѣщеніе, что ребенокъ можетъ быть содержимъ въ пріютѣ лишь до Пасхи 1904 года, въ виду достиженія имъ предѣльнаго возраста (пяти лѣтъ).

Что же ей теперь оставалось предпринять?

Фрида Келлеръ находилась тогда въ необычномъ, явно патологическомъ состояніи духа, что вполне вѣрно подчеркивалъ ея защитникъ, докторъ Янгенъ. Ей необходимо сохранить тайну, отыскать средства для содержанія ребенка, и все же она не предпринимаетъ для этого никакихъ шаговъ. Она не ищетъ болѣе дешеваго пріюта, не добивается увеличенія жалованія, не проситъ даже у брата по праву принадлежащихъ ей денегъ, и братъ истрачиваетъ по своему усмотрѣнію проценты съ ея капитала. Она не совѣтуется насчетъ своего ужаснаго положенія ни со своей замужней сестрой, ни съ кѣмъ-либо другимъ, не обращается къ общинѣ. Она дала возможность безнаказанно скрыться ея соблазнителю и отцу ея ребенка, не предъявивъ противъ него, женатаго человека, никакой жалобы, такъ какъ хотѣла сохранить свою тайну. Впрочемъ, по дѣйствующимъ законоположеніямъ не допускается предъявленіе иска объ отцовствѣ къ женатому соблазнителю! Она не обезпечитъ такъ или иначе, ребенка. На судѣ она заявила, что ей и въ голову не приходила мысль о подобной попыткѣ, а просить о повышеніи жалованья она даже не догадалась. Съ понедѣльника Пасхи, т. е. съ того момента, когда ребенокъ долженъ былъ оставить пріютъ, ее неотступно занимаетъ лишь одна мысль, которая постепенно укореняется въ ея слабой, разстроенной, вслѣдствіе стыда и страха, головѣ и представляется ей единственно возможнымъ спасеніемъ; эта мысль — устраненіе ребенка. Долго она борется противъ этого навязчиваго представленія, которое, однако, становится все болѣе интенсивнымъ, въ концѣ концовъ, при водитъ ее къ роковому рѣшенію.

Фрида, всегда проявлявшая столько любви къ дѣтямъ своей замужней сестры, очевидно, не питала материнскаго чувства къ своему собственному ребенку. Надзирательница дѣтскаго пріюта подтвердила это. Она весьма рѣдко пажала ребенка. Она съ трудомъ урывала деньги изъ своего скуднаго заработка на плату за содержаніе ребенка, но больше не проявляла къ нему никакого интереса. Когда она приходила въ пріютъ, ребенокъ радостно бросался къ ней навстрѣчу; но она отвѣчала ему холодно, не приносила ему ни конфетъ, ни другихъ подарковъ, никогда не цѣловала его, рѣдко подавала ему руку. Ее приглашали на елку, но она не приходила. Эта, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ кроткая, незлобивая женщина, которая прекрасно вела себя, которая мухи никогда не обидѣла, глядѣла исподлобья на ребенка и не разговаривала съ нимъ. 9-го апрѣля она послала администраціи пріюта письмо, что въ скоромъ времени пріѣдетъ взять ребенка.

За нѣсколько дней до ужаснаго происшествія, она долго гуляла по такъ наз. Розенбергу, а наканунѣ, плача, металась по дому, отыскивая шнурокъ. Внутренняя борьба, во время которой у Фриды не было ни одного близкаго человѣка, которому она могла бы высказать свое горе, закончилась страшнымъ рѣшеніемъ. „Я иначе не могла освободиться отъ этой навязчивой идеи, какъ только устранивъ своего ребенка“, сказала она на судѣ.

Въ день совершенія преступленія она купила для ребенка новое платье и отправилась въ пріютъ, гдѣ сестрамъ пріюта рассказывала, что ея тетка изъ Мюнхена ожидаетъ ребенка въ Цюрихѣ съ тѣмъ, чтобы взять его съ собою. Затѣмъ, она взяла ребенка на руку, не давъ ему времени проститься, и увела его изъ Хагенбахской дѣт. Здѣсь, найдя упрямое мѣсто, она усѣлась и долго сидѣла неподвижно; ребенокъ же въ это время игралъ сухими листьями. Долгое время — такъ она рассказывала на судѣ — она раздумывала. Она думала, что у нея не хватитъ духу совершить задуманное. Она переживала жестокою внутреннюю борьбу, но вѣкап-то таинственнымъ спазмомъ — по ея словамъ — толкнула ее на преступленіе; она руками и пальцами баннакомъ, какъ лопатой, вырыла для ребенка яму и затѣмъ задушила его шнуркомъ. Пестикъ была затянута такъ крѣпко, что потомъ съ трудомъ только удалось развязать ее. Она стояла нѣсколько мгновеній надъ трупомъ дитяти, охваченнаго, когда послѣднее

Тихая молитва. Съ карт. А. Зейферта.

признаки жизни исчезнуть. Затѣмъ, она зарыла ребенка и, душивая слезами, убѣжала, сдѣлавъ длинный обходъ.

1 июня она извѣстила пріютъ, что ребенокъ благополучно прибылъ изъ Мюнхена. 7 июня сильный ливень размылъ могилу, и трупъ былъ найденъ итальянцами. 11 июня Фрида Келлеръ отослала въ пріютъ деньги, которыя она тамъ оставалась должна за содержание ребенка. 14 июня она была арестована. Въ теченіе всего процесса Фрида Келлеръ утверждала, то въ спокойномъ тонѣ, то со слезами на глазахъ, что на свой поступокъ она рѣшилась, отчасти, вслѣдствіе того, что ей не на что было содержать ребенка, отчасти же для того, чтобы сохранить тайну. Этой тайной была ее стыдъ, позоръ невольнаго материнства и внебрачнаго рожденія ребенка.

Всѣ свидѣтельскія показанія были въ пользу Фриды Келлеръ. По описаніямъ свидѣтелей, кротость, незлобіе, смишенность, трудолюбіе, бережливость были ее постоянными качествами: вообще, она вела себя прекрасно, любила, какъ объ этомъ уже упоминалось, дѣтей своей сестры. Она отнюдь не отрицала факта предумышленности и, вообще, не проявляла стараній оправдать свой поступокъ.

По законамъ Сентъ-Галлена (статья 133) подобное преступленіе карается смертною казнью. Судъ и вынесъ смертный приговоръ. Выслушавъ его, Фрида вскрикнула и упала въ обморокъ.

Но Верховный кантональный совѣтъ Сентъ-Галлена воспользовался своимъ правомъ помилованія и замѣнилъ ей смертную казнь, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, пожизненнымъ заключеніемъ въ каторжной тюрьмѣ.

Передъ нами голые факты, взятые нами изъ протоколовъ суда и правительственнаго совѣта, а также изъ Сентъ-Галленской газеты и прекраснаго отчета въ „Signal de Genève“ (г. А. де-Морсье).

Выстъ съ г. де-Морсье, мы должны воскликнуть: „развѣ законодательство, выносящее въ такихъ случаяхъ смертный приговоръ и оставляющее безнаказаннымъ истиннаго виновника преступленія, не создано для того, чтобы убить всякую вѣру въ правосудіе въ такъ называемой христіанской демократіи. Это — правосудіе настоящихъ варваровъ, позоръ двадцатаго вѣка“. Но прибавимъ къ этому еще слѣдующее:

Fiat justitia, pereat mundus. Судъ и присяжные добросовѣстно примѣнили извѣстный параграфъ закона. Затѣмъ слѣдуетъ точка. И это зовется правосудіемъ.

Фрида Келлеръ, вѣкъ всякаго сомнѣнія, находилась въ ненормальномъ состояніи духа: всего вѣроятнѣе, она находилась подъ вліяніемъ самовнушенія, производящаго такое же дѣйствіе, какъ и навязчивая идея. Такіе случаи весьма не рѣдки. Это самымъ определеннымъ образомъ явствуетъ изъ безотчетнаго образа ея дѣйствій. Еслибы въ головахъ нашихъ судей и присяжныхъ оказалось бы немного больше элементарнѣйшаго психологическаго пониманія и поменьше параграфовъ закона, то у нихъ, по меньшей мѣрѣ, должно было бы зародиться сомнѣніе въ психической нормальности обвиняемой, и они постановили бы подвергнуть ее психіатрической экспертизѣ. Но оставимъ это въ сторонѣ и зададимся вопросомъ: справедливо ли требовать отъ женщины проявленія материнскихъ чувствъ къ ребенку, явившемуся плодомъ нечаяннаго полового нападенія? Въ этой главѣ я защищалъ то положеніе, что женщинамъ должно быть предоставлено право искусственнаго выкидыша въ случаяхъ изнасилованія, и мнѣ кажется, что разбираемая исторія съ Фридой Келлеръ вполне оправдываетъ меня. Этимъ, конечно, я не оправдываю убійства уже родившагося и пятилѣтняго ребенка. Недостатокъ материнской любви въ подобныхъ случаяхъ, наоборотъ, вполне естествененъ и понятенъ.

Что въ предложенномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ украденнымъ половымъ удовлетвореніемъ со стороны отца и съ насильственнымъ материнствомъ, вытекаетъ очень ясно изъ того отвращенія, которое питала подсудимая къ своему ребенку. — отвращенія, которому много объясненія изобрѣсти невозможно. Во всемъ его трагизмъ, случай съ несчастной Фридой Келлеръ служитъ жестокой иллюстраціей варварства и лицемерности нашихъ законовъ въ области половыхъ отношеній и разбѣровъ типично-

перипетияхъ страха, мучительнаго стыда, нравственныхъ пытокъ и отчаянья, вытекающихъ отсюда. Вникнуть въ сущность всѣхъ этихъ фактовъ, врядъ ли найдется кто-нибудь, чтобы сдѣлать мнѣ упрекъ въ преувеличеніи. Остатокъ въ такихъ случаяхъ равнодушными въ состояніи развѣ лишь нѣкоторые изъ юристовъ и бюрократовъ, съ ихъ одеревенѣлыми, потерявшими чуткость чувствами.

Пожизненная каторжная тюрьма для несчастной жертвы столь ужаснаго рока — это помилованіе, напоминающее самое жестокое издѣвательство. У юстиціи Сентъ-Галлена осталось только одно средство исправить дѣло — измѣнить законы и освободить свою жертву.

При простомъ дѣтоубійствѣ, въ большинствѣ случаевъ, истиннымъ убійцей является не мать, налагающая руку на ребенка, а, скорѣе, трусливый отецъ, бросающій беременную и отрекшійся отъ ребенка. Въ данномъ случаѣ наслѣдственность со стороны матери, послѣдствія перенесеннаго воспаления мозговъ, безпомощность, матеріальная недостаточность, чувство стыда и болѣзненная навязчивая идея соединились съ неимѣющимъ достойной квалификаціи поведеніемъ отца для того, чтобы сдѣлать изъ Фриды Келлеръ скорѣе жертву, нежели преступницу. Очевидно, что она тяготилась ребенкомъ не столько изъ-за тѣхъ тяжелыхъ заботъ о прокормленіи и воспитаніи, которыхъ онъ требовалъ, сколько вслѣдствіе того къ нему органическаго отвращенія, котораго она въ себѣ преодолѣть не могла. Все подтверждаетъ это. Какъ же иначе могла бы, въ остальныхъ отношеніяхъ, эта добрая, примѣрная и честная женщина дойти до того, чтобы бояться своего собственнаго невиннаго ребенка и питать къ нему чувство отвращенія. Еслибы господа судьи поставили себѣ на разрѣшеніе этотъ вопросъ и дали бы отвѣтъ на него, чувство справедливости не позволило бы имъ вынести обвинительный приговоръ, не говоря уже о смертной казни, такъ какъ совѣсть слишкомъ ясно подсказала бы имъ истинныхъ виновниковъ преступленія: трусливое варварство мужчинъ, лицемерныя половые права и несправедливые законы.

Въ высшей степени достойнымъ примѣчанія является то обстоятельство, что, въ виду протеста соблазнителя противъ изобличеній печати, Сентъ-Галленскій судъ нашелъ нужнымъ, послѣ вошедшаго въ законную силу и не подлежащаго отмене приговора надъ Фридой Келлеръ, предпринять дополнительное разслѣдованіе, но безъ пересмотра всего дѣла. Правда, этому господину оказали всяческое вниманіе, и мы можемъ лишь искренно привѣтствовать протестъ собранія женскаго союза въ Аарау противъ законодательства, при которыхъ возможны подобные процессы, подобные вердикты. Когда мы дойдемъ до признанія обществомъ достойнымъ уваженія всякой беременности и когда всякой женщиной закономъ будетъ обезпечена защита и помощь ея дѣтямъ, только тогда умѣстно будетъ болѣе строгое наказаніе дѣтоубійства.

ГЛАВА XIV.

Медицина и половая жизнь.

Общія замѣчанія. Если богословіе представляетъ собою вѣроученіе о Богѣ и загробной жизни, а право — кодифицированное собраніе старыхъ и новыхъ обычаевъ и нравовъ, то медицина является — такъ говорятъ — искусствомъ, искусствомъ излечивать больного человека. Одно чувство, одно сознаніе дежитъ въ основѣ каждой изъ этихъ трехъ дисциплинъ. Страхъ передъ мрачными, неизвѣстными, высшими силами и передъ судьбой послѣ смерти, въ связи съ сознаніемъ ограниченности своего знанія и возможности дѣйствовать, привели человека къ религіи и почитанію Бога; совѣсть, т. е. чувство справедливаго и несправедливаго, стоящаго вѣчно, дало начало праву, а медицина возникла въ связи съ сознаніемъ необходимости совмѣстнаго дѣйствованія людей, дало начало праву, а медицина возникла въ связи съ чувствомъ боли и страхомъ передъ смертью, въ связи съ сознаніемъ, что нѣкоторые страданія могутъ быть смягчены или совершенно излечены. Но въ то время, какъ богословіе итается — если оставить безъ вниманія узурпаторски захваченную имъ

истику — только мистикой, которой оно старается посредствомъ пышныхъ обманчивыхъ фразъ придать характеръ естественно-человѣческаго, и въ то время, какъ право, забывшая о своемъ происхожденіи и о цѣли существованія, влечитъ жалкое существованіе, тратя время, преимущественно, на разъясненіе и примѣненіе статей закона, — медицина существуетъ живымъ человѣкомъ.

„Съра, другъ дорогой, теорія, я зелено золотое дерево жизни“.

Эти слова Гете должны постоянно помнить каждый врачъ. Для того, чтобы вылечить болѣзнь, т. е. возстановить нарушенныя или ненормально дѣйствующія

функции тѣла — поскольку, конечно, это представляется возможнымъ, — врачъ долженъ хорошо знать строеніе нормальнаго тѣла и его жизненные проявленія. Поэтому его искусство лечить людей должно быть построено на основѣ вспомогательныхъ и опытныхъ наукъ, сообщающихъ ему это знаніе, и, прежде всего, на анатоміи и физиологіи. Поэтому-то, параллельно съ развитіемъ медицины, шло развитіе ея вспомогательныхъ наукъ. Медицина сдѣлалась въ значительной части двигателемъ къ научному изслѣдованію самыхъ интимныхъ жизненныхъ явленій, напр., въ гистологіи, эмбриологіи, сравнительной анатоміи и физиологіи мозга, а въ новѣйшее время и въ бактериологіи. Какихъ-какихъ только изслѣдованій не производитъ человѣкъ для того, чтобы сохранить и заштонать свое дорогое „я“! Но, влѣдствіе этого, изученіе этихъ наукъ заняло въ медицинѣ такое мѣсто, что врачеваніе въ узкомъ смыслѣ этого слова часто отступаетъ на задній планъ, хотя оно въ послѣдствіи на практикѣ играетъ главную роль и, по весьма понятнымъ причинамъ, больше всего импонируетъ научно-

Въ больницѣ.

необразованной публикѣ. Это искусство имѣетъ очень разнообразную цѣнность. Оно истинно, если свободно отъ шарлатанства и опирается на достаточно солидныя научныя знанія, такъ какъ невѣжда лечить не то, что надо, и употребляетъ непригодныя средства, а шарлатанъ, прежде всего, интересуется кошелекомъ больного. Очень часто встрѣчаются лица, соединяющія въ себѣ истинное искусство съ невѣжествомъ, знаніе съ мошенничествомъ и искусство и знаніе съ недостаткомъ искусства. Идеаль врачъ — это соединеніе знанія и искусства съ честностью и безкорыстіемъ. Но нередко въ одной и той же личности се-

сдѣляются всѣ отрицательныя качества: невѣжество, неспособность, корыстолюбіе и шарлатанство. Къ сожалѣнію, даже прекрасныя въ другихъ отношеніяхъ и научно образованные врачи обращаютъ слишкомъ мало вниманія на приведенный нами выше Гетевскій стихъ. Многія врачебныя догмы и теоріи основаны на сѣдыхъ гипотезахъ и теоріяхъ и отнюдь не представляютъ собою плодовъ на зеленой вѣтви познанія жизни. Многіе врачи являются своего рода безсознательными теологами, клянясь словами учителя и смотря на все его глазами, вмѣсто того, чтобы мыслить и наблюдать самостоятельно. Конечно, больше всего этимъ грѣшатъ приверженцы различныхъ системъ (гомеопаты, „Naturärzte“ и т. д.). Именно, въ половомъ вопросѣ все это ведетъ къ очень тяжелымъ послѣдствіямъ.

Особенно важное значеніе приобретаетъ для насъ собственное признаніе медицины, которая, сознавая слабость своего искусства, выставила слѣдующее гигиеническое положеніе: „лучше предупредить, чѣмъ лечить“.

Но современные взгляды врачей на половой вопросъ, какъ и на вопросъ объ алкоголизмѣ, къ сожалѣнію, еще и теперь страдаютъ предрассудками, а также сильно затуманены косвеннымъ вліяніемъ доктринъ религіозной этики и вѣры въ авторитетъ. Тѣмъ не менѣе, мы не должны бранить медицину, такъ какъ ей и ея вспомогательнымъ наукамъ мы обязаны тѣми познаніями, которыя въ настоящее время даютъ намъ возможность разсматривать половыя отношенія людей съ здоровой, дѣйствительно, естественно-научной и этически-соціальной точки зрѣнія. Я зашелъ бы слишкомъ далеко, еслибы сталъ выяснять здѣсь всѣ отношенія медицины къ половой жизни. Главы I, II, III, IV и VIII моей книги всецѣло опираются на данныя, добытыя медициной и естественными науками. Въ настоящей главѣ мы будемъ, прежде всего, обсуждать вопросъ о половой гигиенѣ, такъ какъ о половой патологіи мы говорили уже въ VIII главѣ. Но я хочу отложить общую и соціальную часть гигиены до заключительной главы, а здѣсь выступить особенно противъ нѣкоторыхъ заблужденій въ медицинѣ относительно полового вопроса.

Я не буду также возвращаться къ тому, что я говорилъ въ главѣ X. Мы уже видѣли, что весь врачебный надзоръ и урегулированіе проституціи представляетъ собою не только съ этической и правовой, но и съ гигиенической точки зрѣнія очень вредное заблужденіе, и что онъ абсолютно не достигаетъ единственно раціональной цѣли — защиты отъ венерическихъ болѣзней. Въ послѣдніе годы врачи, на основаніи догматической вѣры въ авторитетъ уже существующаго учрежденія, ставили вопросъ совершенно неправильно. Они говорили, что противники государственной регламентаціи должны доказать, что при ихъ системѣ свободной проституціи дѣло пойдетъ лучше, между тѣмъ, какъ, въ дѣйствительности, сами сторонники государственной регламентаціи должны доказать намъ, что государственная организація проституціи значительно понизила процентъ заболѣваній венерическими болѣзнями. И тогда надо было бы, во всякомъ случаѣ, спросить, оправдывается ли примѣненіе такихъ жестокихъ мѣръ. Но послѣдняго доказательства, конечно, привести нельзя. Напротивъ, какъ мы видѣли, попытка въ этомъ направленіи потерпѣла полное фіаско. Почему же эта система все же сохраняется? Отнюдь не влѣдствіе уменьшенія, благодаря ей, венерическихъ болѣзней, а влѣдствіе страсти мужчинъ къ половымъ экзецессамъ и половому разнообразію. Но общество не имѣетъ права устраивать въ угоду чрезмерно чувственныхъ и сладострастныхъ людей такое чудовищное учрежденіе, каковымъ является разрѣшенное государствомъ сводничество, въ связи съ систематическимъ униженіемъ нѣкоторыхъ представителей женскаго пола.

Поэтому, если и теперь еще многіе врачи, руководясь различными соображеніями, посылаютъ въ домъ терпимости и къ проституткамъ молодыхъ людей, жалующихся чѣмъ на то или иное недомоганіе, то на ихъ поступокъ мы должны смотрѣть, какъ на вредный результатъ старой, ложной догмы. Такое лекарство хуже и опаснѣе того зла, которое оно должно устранить, хуже ованизма, гораздо хуже ночныхъ поллюцій и т. п. Половыя ненормальности и извращенія не излечиваются въ домахъ терпимости, а скорѣе еще усиливаются тамъ.

Изъ многихъ подобныхъ разсказовъ я привожу здѣсь письмо одного несчастнаго перво-больного, слова котораго вкратцѣ резюмируютъ исторію безчисленнаго множества другихъ лицъ. Вотъ что онъ мнѣ пишетъ.

„Мнѣ теперь 31 годъ. Я былъ женатъ 3½ года и потерялъ два года тому назадъ жену, прохлоравшую 3 года чахоткой. Вскорѣ послѣ похоронъ жены, у моего ребенка заболѣла нога, такъ что мнѣ пришлось продержатъ его въ санаторіи цѣлыхъ полтора года“.

„Этому обстоятельству я приписываю свою болѣзнь, такъ какъ эти два удара судьбы такъ сильно подѣйствовали на меня, что я не могу болѣе поправиться“.

„Но почамъ я не могу спать, а днемъ слоняюсь удрученный, лишенный энергии, одержимый самыми странными мыслями и припадками меланхоли“.

„Я чувствую слѣдующія физическія недомоганія: годовную боль, судороги въ шеѣ, зудъ въ кожѣ, затѣмъ, у меня происходятъ истеченія сѣмени, поллюціи и т. д.“.

„Медицина безсильна помочь мнѣ. Противъ бессонницы мнѣ давали бромъ и опій, противъ истеченія сѣмени — дупулишъ. Когда это не помогло, врачъ сказалъ мнѣ, что мнѣ не поможетъ никакое другое средство, кромѣ возобновленія половыхъ сношеній. Вопреки моимъ этическимъ правиламъ, я мѣсяца три тому назадъ рѣшился

переступить порогъ дома разврата, чтобы въ объятіяхъ проститутки найти исцѣленіе противъ истеченія сѣмени. Но, вмѣсто этого, я заразился гонореей, которую врачъ не можетъ вылечить. Гоносанъ и впрыскиванія не оказали никакого дѣйствія“.

„Я дошелъ до полного отчаянія, и мысль о самоубійствѣ такъ овладѣваетъ мною, что я почти не въ силахъ бороться съ нею. Но я долженъ жить и работать для моего ребенка, который обязанъ мнѣ своимъ несчастнымъ существованіемъ“... и т. д.

Но такъ же нелѣпо, съ другой стороны, какъ мы это видѣли, преувеличивать результаты онанизма и половыхъ эксцессовъ, какъ таковыхъ, и этимъ запугивать людей. Въ главѣ IV (половое побужденіе) мы говорили уже о колебаніяхъ нормъ и лютеровскомъ правѣ. Въ этомъ направленіи врачъ можетъ дать слѣдующіе совѣты.

Молодой холостой мужчина долженъ, пока онъ не намѣревается жениться, насколько возможно, отклонять свои мысли отъ половыхъ сношеній и довольствоваться ночными поллюціями,

Выздоровленіе.

отноудъ не прибѣгая къ намѣреннымъ онанистическимъ манипуляціямъ. То же самое примѣнимо и для молодыхъ дѣвушекъ, половыя побужденія которыхъ, вполнѣ естественно, значительно слабѣе, чѣмъ у мужчины, и не сопровождаются отростаніемъ половыхъ железъ, властно побуждающихъ къ совокупленію. Лицамъ, которыя не въ состояніи сдерживать себя, рекомендуется быть крайне осторожными при вибратичныхъ сношеніяхъ. Впрочемъ, послѣднія отноудъ не должны обязательно носить характеръ проституціи (см. гл. IX, XII и XIX).

Но, самое главное, врачъ долженъ каждому человѣку, который обращается къ нему за совѣтомъ по поводу половыхъ вопросовъ, дружески совѣтовать и поучать, а не брать на себя роли грознаго проповѣдника или прокурора. Онъ не долженъ запугивать или порицать бѣднаго инхондрика, занимающагося онанизмомъ, или человѣка съ половыми ненормальностями и извращеніями, а долженъ стараться ихъ успокоить и помочь имъ. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ сдѣлать очень много добра. Въ гипнотическомъ внушеніи онъ имѣетъ средство для непосредственнаго устраненія или, по меньшей мѣрѣ, смягченія многихъ половыхъ возбужденій, чрезмѣрнаго истеченія сѣмени и въ которыхъ извращеній, и при помощи его онъ можетъ направ-

вести половую дѣятельность на другой, нормальный, путь. Онъ долженъ будетъ принимать въ расчетъ индивидуальныя особенности и различныя условія, о которыхъ мы говорили въ различныхъ главахъ этой книги. Даже въ бракѣ, особенно, вслѣдствіе моногаміи, взаимныя отношенія супруговъ бывають часто очень неудовлетворительны, и, именно, такіе періоды, когда слѣдуетъ избѣгать зачатія (напр., нѣкоторое время послѣ родовъ, а также при многихъ болѣзняхъ и т. д.), часто представляютъ въ этомъ отношеніи значительныя трудности. Въ такихъ случаяхъ неправильный советъ врача можетъ нанести огромный вредъ. Если врачъ запрещаетъ мужу совокупленіе съ женой, то послѣдній, дѣйствительно, оказывается между двухъ огней. Онъ или, дѣйствительно, воздерживается, сильно страдаетъ, долженъ спать, по большей части, въ отдельной комнатѣ, вслѣдствіе чего, какъ мы видѣли, легко отчуждается отъ жены, если такое положеніе вещей продолжается слишкомъ долго; или же онъ заводитъ сношенія съ проститутками, или посторонними женщинами, часто заноситъ въ домъ венерическія болѣзни и, такимъ образомъ, нерѣдко разрушаетъ какъ свое собственное личное счастье, такъ и счастье своей семьи. Врачъ, запрещающій мужу совокупляться съ женой, этимъ самымъ беретъ на себя огромную отвѣтственность: это мы считаемъ нужнымъ настоятельно подчеркнуть. По этимъ и другимъ соображеніямъ, мы должны рассмотреть здѣсь одинъ, очень важный вопросъ.

Что касается вопроса о половомъ воздержаніи, то въ этомъ отношеніи взгляды, конечно, сильно расходятся. Здѣсь всѣ крайнія мнѣнія ошибочны. Вполнѣ вѣрно то, что

Лѣтній отдыхъ. Б. Либшертъ.

вредныя послѣдствія воздержанія часто преувеличивали до смѣшного. При нормальныхъ условіяхъ оно осуществимо, хотя и съ большимъ трудомъ, для обоихъ половъ, и, въ общемъ, надо признать вполнѣ правильнымъ мнѣніе, высказанное медицинскимъ факультетомъ въ Христіаніи, сводящееся къ тому, что никогда не наблюдались заболѣванія въ слѣдствіе воздержанія, но часто вслѣдствіе половыхъ эксцессовъ. Однако, это мнѣніе слишкомъ общее, такъ какъ, въ особенности, нѣкоторые психопаты и люди, страдающіе половой гиперестезіей, вслѣдствіе насильственного воздержанія, иногда выпадаютъ въ такое нервное и психическое возбужденіе, что оно можетъ сдѣлать ихъ психически или нервно-больными. Я наблюдалъ такіе случаи у мужчинъ и даже у женщинъ. Но все это исключенія. Во всякомъ случаѣ, воздержаніе для легко возбудимыхъ въ половомъ отношеніи людей вещь не легкая, и требуетъ отъ нихъ, въ особенности, отъ мужчинъ, часто сверхчеловѣческой, геройской внутренней борьбы. Упомянутый выше канадскій реформаторъ Хиниканъ рассказываетъ объ одномъ честномъ монахѣ, что тотъ, придя въ отчаяніе отъ ужаснаго полового возбужденія, которое онъ не могъ удовлетворить, вслѣдствіе даннаго ему обѣта безбрачія, руками оторвалъ собоѣ половыя части. Такіе факты слѣдовало имѣть въ виду нѣкоторымъ надѣленнымъ холоднымъ темпераментомъ или составившимся господамъ моралистамъ, когда они съ негодованіемъ говорятъ о „безира-

ственности" всѣхъ послѣдствій полового чувства. Одна богатая, образованная, до тѣхъ поръ остававшаяся цѣломудренной, дѣвушка-нимфоманка прямо заявила мнѣ, что если она вскорѣ не выйдетъ замужъ, то станетъ проституткой, такъ какъ не можетъ больше обходиться безъ половыхъ сношеній. Кажется почти насмѣшкой, когда, въ противоположность этимъ явленіямъ, намъ приходится перѣдко наблюдать такіе факты: въ высшей степени холодная натуры, или почти лишенная полового побужденія, для которыхъ всего пріятнѣе было бы жить воздержанно, или посѣщаютъ дома терпимости, или женятся, только для того, „чтобы поступить такъ же, какъ другіе“, или, чтобы надъ ними не смѣялись! Я знаю одного такого богатого, образованнаго молодого человѣка, который, подъ вліяніемъ насмѣшекъ своихъ друзей, пошелъ одинъ единственный разъ въ домъ терпимости, заразился тамъ сифилисомъ и нѣсколько лѣтъ спустя умеръ отъ прогрессивнаго паралича.

Если первоначально у человѣка, какъ и въ животномъ царствѣ, изъ котораго онъ вышелъ, совокупленіе и зачатіе были еще равнозначущи, то теперь дѣло значительно измѣнилось. Какъ мы уже видѣли, жестокой естественный подборъ не устраиваетъ уже больше среди насъ слабыхъ людей. Поэтому крайне важно—что мы тоже уже подчеркивали—по возможности предотвращать появленіе на свѣтъ такихъ слабыхъ и калѣкъ, и отсюда для насъ возникаетъ социальная обязанность рѣзко отдѣлять удовлетвореніе полового побужденія отъ зачатія, чтобы, въ случаѣ необходимости, избѣжать послѣдняго, не препятствуя, однако, первому. Этого властно требуетъ отъ насъ благо нашихъ женъ и дѣтей!

Средства для регулированія и предупрежденія зачатія. Съ механизмомъ оплодотворенія и размноженія мы познакомились въ главахъ I и III. Послѣ всего сказаннаго, достаточно небольшого напряженія здраваго человѣческаго разсудка, чтобы понять, что вовсе не трудно совершить совокупленіе или удовлетворить половое побужденіе и не производя зачатія; для этого надо только препятствовать сѣменной жидкости пройти черезъ маточное устье въ матку. Это достигается различными способами, если мужчина, или женщина, или оба вмѣстѣ принимаютъ извѣстныя предупредительныя мѣры при совокупленіи.

Предупредительныя мѣры со стороны женщины. Немедленно послѣ совокупленія женщина можетъ сдѣлать спринцованіе во влагалище теплой водой. Это средство надо примѣнять всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ рукой нѣтъ другого предупредительнаго средства (или когда мужчина не употребляетъ такого) или въ случаѣ какой-либо неудачи. Но оно ненадежно, такъ какъ уже до его примѣненія маленькіе сперматозоиды могутъ проскользнуть въ матку.

Утверждали также, что совокупленіе незадолго до наступленія менструацій не сопровождается зачатіемъ. Правда, зачатіе въ это время наблюдается значительно рѣже, но оно отнюдь не исключено совершенно; поэтому, тотъ, кто понадеется на это правило, можетъ жестоко разочароваться. Такимъ образомъ, это средство совершенно не надежно.

Примѣняютъ также губочки, пропитанныя дезинфекціонными средствами: передъ совокупленіемъ женщина возможно глубже вводитъ губочку во влагалище, а затѣмъ вытаскиваетъ съ помощью прикрѣпленной къ ней нитки. Но и эти губочки ненадежны, такъ какъ сѣмя легко можетъ пролиться подлѣ нихъ, а потомъ проникнуть въ матку. По крайней мѣрѣ, онѣ должны быть достаточно широки, имѣть форму полого полушарія, и выпуклая сторона ихъ должна быть обращена кнаружи. Но все-таки онѣ ненадежны.

Не менѣе ненадежны такъ наз. замыкающія кольца изъ каучука, вводимыя женщиной передъ совокупленіемъ и располагаемыя передъ маточной шейкой. Достаточно неправильно помѣстить ихъ или какимъ-нибудь образомъ сдвинуть въ сторону, чтобы дѣйствіе ихъ оказалось иллюзорнымъ. Къ тому же они не удаляютъ сѣмени изъ влагалища.

Однимъ словомъ, всѣ примѣняемыя женщиною предохранительныя средства оказываются ненадежными, такъ какъ приходится оперировать въ глубинѣ полости—во влагалищѣ—въ полной темнотѣ, и никакого надежнаго средства примѣнить нельзя. Кромѣ того, всѣ названныя средства несовершенны.

Предупредительныя средства со стороны мужчины. Очень употребительно так. наз. Coitus interruptus (прерванное соитіе), при которомъ мужчина въ моментъ истечения сѣмени вытаскиваетъ свой членъ изъ влагалища, и сѣмя выливается или около живота, или между ногами женщины. Этотъ методъ очень тягостенъ. Онъ пріятствуетъ не только наслажденію, но и истеченію сѣмени, и тоже не вполне надеженъ, такъ какъ членъ можно выдернуть слишкомъ поздно, и, въ особенности, если сѣмя выливается между ногъ, часть сѣмени нерѣдко можетъ попасть въ влагалище и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, произвести оплодотвореніе.

Вмѣсто этого, мужчины, придерживающіеся половой рутины, часто удовлетворяютъ себя посредствомъ *Paedicatio mulierum*, т. е. вводить членъ въ задній проходъ женщины, или заставляютъ раздражать его какимъ-либо другимъ способомъ (ртомъ и т. д.). Не говоря уже о ненормальности и отвратительности этихъ способовъ, они не доставляютъ женщинъ полового удовлетворенія и должны быть отвергнуты.

Самое простое и целесообразное средство—это надеть на возбужденный мужской член непроницаемую оболочку въ формѣ пальца перчатки. Тогда сѣмя остается въ этой непроницаемой оболочкѣ; только изъ предосторожности надо у основанія ея (т. е. у отверстія) укрѣпить эластичное кольцо или просто ватъ и укрѣпить при основаніи члена. Это кольцо прижимаетъ оболочку прочно къ члену и препятствуетъ какъ сдвиганію ея во время движеній при совокупленіи, такъ и истеченію сѣмени во влагалище. Такія оболочки называются кондонами или презервативами.

Очень употребительны каучуковые кондоны, у отверстія которыхъ имѣется утолщенное стягивающееся кольцо. Но они, во-первыхъ, очень неприятны, такъ какъ уничтожаютъ чувствительность головки и, слѣдовательно, ослабляютъ ощущения сладострастія и истеченія сѣмени, такъ какъ они тверды, плотны и не ощущаются, какъ слизистая оболочка. Во-вторыхъ, они ненадежны, такъ какъ могутъ внезапно разорваться. Поэтому приготовляютъ особо препарированные, такъ наз. кишечные кондоны, изъ слѣпой кишки различныхъ животныхъ; они поступаютъ въ продажу подъ названіемъ кондоновъ или презервативовъ изъ рыбьяго пузыря. Если они достаточно прочны и не тонки, какъ паутина, то дѣйствуютъ прекрасно. Но надо принимать слѣдующія мѣры предосторожности: во-первыхъ, надо брать каучуковое кольцо, которое соотвѣтствовало бы объему члена въ возбужденномъ состояніи и которое, какъ мы уже упоминали, надо укрѣплять надъ кондономъ у основанія члена, чтобы кондонъ не собирался въ складки и не слѣзалъ при движеніяхъ во время совокупленія. Затѣмъ, рекомендуется вынимать членъ изъ влагалища прежде, чѣмъ онъ совершенно ослабѣетъ, и осторожно вытягивать кондонъ и кольцо. Наконецъ, послѣдніе надо хорошенько вымыть. Одиный и тотъ же кондонъ, если онъ проченъ, можно употреблять нѣсколько разъ; но послѣ совокупленія его надо вымыть и просушить съ обѣихъ сторонъ платками, затѣмъ вдуть въ него воздухъ и, закрутивъ отверстіе, оставить надутой кондонъ сушиться до утра, лучше всего на кускѣ шерстяной матеріи. Послѣ этого отверстіе раскручиваютъ, расширяютъ его прежде, чѣмъ кондонъ станетъ слишкомъ твердымъ, и презервативъ снова становится годнымъ для употребленія. Такая процедура служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытаніемъ непроницаемости кондона. Если онъ не совсѣмъ непроницаемъ, то онъ скоро опадаетъ, а не остается вздутымъ. Тамъ, гдѣ не можетъ пройти воздухъ или налитая вода, тамъ не сможетъ пройти и ни одно сѣменное глыбе. Надо дѣйствовать очень послѣдовательно и тщательно, чтобы получить вполне надежный результатъ. Если кондоны очень тонки, то можно надѣвать ихъ по два, одинъ на другой: въ худшемъ случаѣ, если послѣ совокупленія обнаружится неплотность, или, вообще, какая-нибудь неудача въ примѣненіи кондона, то женщина должна сдѣлать себѣ спринзованіе водою, подкисленной уксусомъ. Ничто не надо забывать надѣвать каучуковое кольцо. Если соблюдать необходимыя мѣры предосторожности и аккуратности, то можно безусловно избѣжать зачатія. Если женщина не довѣряетъ мужчине, то она можетъ примѣнять одно изъ упомянутыхъ выше средствъ. Всѣ эти подробности очень важны, такъ какъ бѣдные люди не знаютъ. Всѣ эти подробности очень важны, такъ какъ бѣдные люди не знаютъ. Каждый разъ могутъ покупать довольно дорогіе презервативы. Если кондонъ сдѣлался проницаемымъ для воздуха, то надо замѣнить его новымъ. Но хорошій кондонъ можно употреблять много разъ.

Такъ какъ кишетный кондонъ состоитъ изъ животной оболочки, то онъ отнюдь не нарушаетъ наслажденія при совокупленіи. Если предварительно смазать головку члена вазелиномъ и, кромѣ того, смочить надѣваемый кондонъ водою, то эта искусная переноска почти или совершенно не ощущается.

Но есть, пожалуй, еще болѣе простое средство. Можно купить у мясника совершенно свѣжія свѣжия телячьи кишки, хорошенько вымыть ихъ и изъ предосторожности продезинфицировать въ течение сутокъ въ растворѣ еудемы (1 тысячная), а затѣмъ употребить такъ же, какъ покупной, препарированный кишетный кондонъ. Они, пожалуй, еще прѣстѣе, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, въ свѣжеемъ видѣ, ощущаются почти такъ же, какъ слизистая оболочка. Ихъ сохраняютъ просто въ банкѣ съ широкимъ горлышкомъ, наполненной глицериномъ, и вымываютъ ихъ каждый разъ до и послѣ употребленія. Ихъ даже можно употреблять чаще, чѣмъ покупные кондоны: но на нихъ, въ концѣ концовъ, образуются трещины и дыры, такъ что и они не вполнѣ надежны. При употребленіи кондоновъ, совокупленіе совершается вполнѣ нормально, только не происходитъ оплодотворенія.

Я считаю — повторяю это еще разъ — чрезвычайно важнымъ, чтобы эти мѣры проводились практично и дешево, но въ то же время аккуратно и последовательно, такъ какъ они крайне облегчаютъ отношенія нормальнаго брака или, вообще, половыхъ отношеній, даютъ возможность мужу избавлять жену отъ несвоевременной или преждевременной беременности, не нарушая половыхъ отношеній и не охлаждая любви, даютъ возможность, вообще, избѣгать дѣторожденія при неблагоприятныхъ условіяхъ и, такимъ образомъ, регулировать все дѣло дѣторожденія. Врядъ ли мнѣ надо упоминать еще разъ, что тамъ, гдѣ дѣторожденіе опасно, и женщина, вообще, не должна больше рожать, рекомендуется примѣнять неопасную дислокацію фаллопиевыхъ трубъ, что дѣлаетъ ненужнымъ употребленіе кондоновъ и т. д.

Алекс. Пейеръ высказывалъ въ высшей степени вѣрные мысли о мнимой опасности употребленія кондоновъ. Основываясь на нахожденіи немногочисленныхъ, находящихся въ мочѣ почти каждаго мужчины сперматозоидовъ, онъ заключалъ о сперматореѣ и привелъ въ связь съ этимъ нервныя разстройства, которыя не имѣли ничего общаго съ этимъ дѣломъ и которыя онъ въ значительной части внушалъ своимъ пациентамъ въ числѣ разныхъ другихъ вещей.

Но, кромѣ того, противозачаточныя средства позволяютъ удовлетворять половыя потребности тѣмъ достойнымъ сожалѣніемъ патологическимъ субъектамъ, которымъ не слѣдуетъ имѣть дѣтей: они могутъ удовлетворять ихъ, не боясь, что наградятъ мръ несчастными, никуда негодными калѣками. Далѣе, они даютъ возможность вступать въ бракъ молодымъ людямъ въ такое время, когда ихъ матеріальныя средства не позволяютъ имъ еще содержать семью. При помощи ихъ можно точно опредѣлить заранѣе мѣсяцъ рожденія ребенка, если только женщина нормальна и плодвита. Такъ, напр., въ жаркихъ странахъ можно устраивать такъ, чтобы рожденіе ребенка приходилось на осень, а не на начало лѣта. Однимъ словомъ, примѣняя ихъ, можно вполнѣ удовлетворять выставленное мною требованіе — отдѣлять дѣторожденіе отъ удовлетворенія половой потребности. Если мнѣ на это выскажутъ опасеніе, что такимъ образомъ эгоистическіе и стремящіеся къ наслажденіямъ люди будутъ совершенно воздерживаться отъ дѣторожденія, то я еще разъ скажу: въ этомъ нѣтъ никакой бѣды. Тѣмъ болѣе, что зато будутъ размножаться люди, социальныя мыслящіе, любящіе жизнь и дѣтей, — люди, отъ которыхъ можно ожидать добраго, снѣданаго, годнаго для жизни потомства.

Кромѣ того, по вышеупомянутымъ соображеніямъ, эти средства являются также противодѣйствіемъ проституціи, такъ какъ, при примѣненіи ихъ, половыя сношенія не будутъ сопряжены съ беременностью и родами, вслѣдствіе чего будутъ избѣгнуты послѣдствія, которыя въ настоящее время часто носятъ трагическій характеръ. Если это дѣло будетъ свироводиться реформами, которыхъ мы требовали въ главѣ XIII, при обсужденіи гражданско-правовыхъ условій, то постепенно можетъ быть проведено благотворительное оздоровленіе нашихъ половыхъ отношеній. Наконецъ, кондоны являются относительно, хотя отнюдь не вполнѣ надежной, защитой противъ зараженія венерическими болѣзнями.

жизнь для моногамического продолжительнаго брака. Женщина сдѣлываетъ въ половомъ и умственномъ отношеніи раньше, раньше готова къ жизни, но, съ другой стороны, раньше старится и раньше теряетъ способность къ дѣторожденію, тѣмъ мужчина. Полигамическіе народы приходятъ на помощь этому обстоятельству тѣмъ, что у нихъ мальчики женятся въ такихъ же молоденькихъ дѣвочкахъ, но впоследствии постыдныхъ удаляютъ отъ себя и берутъ себѣ болѣе молодыхъ женъ. При нашихъ современныхъ условияхъ мужчина устраивается иначе, а именно, пользуется услугами проституціи. Въ большинствѣ случаевъ, еще въ юности онъ развращается физически и психически въ половомъ отношеніи, часто заражается венерическими болѣзнями и въ такомъ случаѣ часто смотритъ на бракъ, какъ на своего рода убѣжище, въ которомъ жена играетъ, въ болѣе или меньшей степени, роль подчиненной хозяйки. Не такъ-то легко найти средній путь между этими двумя обходными путями и прописать правильное врачебное рецептъ для прочнаго моногамического брака. Полигамія по старой системѣ груба, а проституція еще отвратительнѣе. *Hic Rhodus, hic salta* можетъ сказать намъ по этому поводу злобредный эгоистъ, придерживающійся принципа: «послѣ меня хлѣбъ потопъ». Человѣкъ долженъ сдерживать свои страсти, отвѣтить на это моралистъ-проповѣдникъ. Мы предлагаемъ средній путь и говоримъ: молодой человѣкъ, который обладаетъ достаточной энергіей, чтобы обуздывать свое половое побужденіе, или половое побужденіе котораго умеренно, такъ что воздержаніе переносить ему не трудно, и онъ, скажемъ, до двадцати пяти лѣтъ можетъ остаться разумнымъ и не пользоваться услугами проститутки, не заводить преходящихъ половыхъ отношеній, не заниматься онанизмомъ, — такой человѣкъ, говоримъ мы, имѣетъ наиболѣе шансы на успѣхъ въ жизни. Если онъ безъ предразсудковъ и, въ случаѣ надобности, не постѣсняется примѣнять въ теченіе вѣкотораго времени противозачаточныхъ средствъ, то онъ можетъ жениться, когда еще совершенно не обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, и выбрать себѣ дѣвушку, достаточно юную для того, чтобы привязать ее къ себѣ на болѣе продолжительное время, конечно, при условіи, если ихъ характеры подойдутъ. Дѣвушка, съ своей стороны, можетъ съ успѣхомъ выйти замужъ въ 17—18, во всякомъ случаѣ, въ 18—19 лѣтъ. Она обыкновенно къ этому времени уже достигаетъ половой зрѣлости и достаточно развита умственно, и, такимъ образомъ, можетъ быть соблюдена желательная разница въ лѣта. Поженившись, такіе молодые люди могутъ продолжать учиться и приобретать вышній опытъ. Ихъ связь даже будетъ побуждать ихъ къ работѣ, если имъ захочется поскорѣе имѣть дѣтей.

Въ бракъ, когда пройдетъ опыненіе медоваго мѣсяца, продолжительность счастья измѣняется, какъ мы уже выше говорили (см. гл. V и VII B), на внутреннемъ не пчаскомъ, сердечномъ и половомъ приспособленіи, которое съ обѣихъ сторонъ питается любовью. Общая работа, общіе идеалы, взаимная услужливость, не переходящая въ базованность, и взаимное воспитаніе, не переходящее въ муштровку или тиранство, — вотъ условія счастливаго брака. Все, что какимъ-либо образомъ ведетъ къ отчужденію, хотя бы вѣнному, надо тщательно избѣгать. Расхожденіе по разнымъ спальнямъ и постелямъ, повторяемъ (см. гл. V и примѣръ № 12), — хотя это вѣкоторымъ возвышеннымъ умамъ можетъ показаться ребяческимъ и смѣшнымъ — представляетъ очень опасный шагъ въ бракъ и, если даже основано на самыхъ благородныхъ мотивахъ, легко ведетъ къ отчужденію между супругами. То же самое и съ еще болѣе большимъ основаніемъ можно сказать о половомъ воздержаніи, если оно не дается годами, исключая тѣхъ случаевъ, когда оно вызвано наступившей старческой импотенціей или серьезной болѣзнью. Много говорили о томъ, что для женщины необходимы болѣе продолжительные промежутки между совокупленіями, и въ главѣ VI мы видѣли, что у вѣкоторыхъ дикихъ народовъ къ женщинѣ не прикасаются два года и даже болѣе послѣ разрѣшенія отъ бремени (въ продолженіе періода кормления грудью) потому, что она «нечиста». Но эти случаи ничего не доказываютъ, такъ какъ въ нихъ дѣло идетъ о полигаміи, и дикари находятъ удовлетвореніе, которое имъ не можетъ дать одна жена, у другихъ женъ. Для того, чтобы нашъ моногамный бракъ не былъ неестественнымъ и иллюзорнымъ, половая жизнь должна быть тѣснѣе и постояннѣе, т. е. она должна прерываться лишь

переходами промежутками, соответствующими потребностямъ обоихъ супруговъ при взаимномъ приспособленіи. Помимо ихъ, только менструации и роды представляютъ собою физиологически, т. е. нормально, обусловленные перерывы. По мнѣнію Грубера („Hygiene des Geschlechtslebens, Stuttgart bei Moritz“), послѣдній перерывъ долженъ продолжаться, по меньшей мѣрѣ, четыре недѣли; мы бы посоветовали удлинить этотъ срокъ до шести недѣль. Столько времени можетъ воздержаться всякій мужъ, даже самый страстный человѣкъ, и у него, пожалуй, за это время произойдетъ лишь нѣсколько потныхъ поллюцій. Во время беременности жены мужъ долженъ, принимая во вниманіе ея положеніе, беречь ее еще больше, чѣмъ раньше, а главное, при нѣскольکو подвинувшейся впередъ беременности, онъ долженъ производить совокупленіе сзади, чтобы не принести вреда ребенку.

Но тѣмъ болѣе представляется важнымъ, чтобы между двумя беременностями былъ болѣе значительный промежутокъ. По меньшей мѣрѣ, годъ долженъ пройти между каждымъ рожденіемъ ребенка и слѣдующимъ зачатіемъ, такъ что между двумя родами проходить около двухъ лѣтъ. Все это можно, какъ мы уже выше говорили, урегулировать, примѣняя вышечный кондонъ. Такимъ образомъ, жена остается здоровой, и отъ брака происходитъ здоровое потомство. Вѣдь гораздо лучше произвести на свѣтъ семь здоровыхъ дѣтей, которыя останутся въ живыхъ, чѣмъ родить четырнадцать дѣтей, изъ которыхъ семеро умираютъ; а каково несчастной матери, которая отъ непрерывныхъ беременностей и родовъ быстро увядаетъ и которая этимъ замучивается до полусмерти, если не до самой смерти.

Что касается вопроса о томъ, сколько разъ въ недѣлю надо производить совокупленіе, то относительно этого нельзя выставить никакого общаго правила; это дѣло взаимнаго уговора. Лютеровское правило (два-три раза въ недѣлю), пожалуй, правильно, какъ средняя норма для здоровыхъ лицъ, находящихся въ періодъ наибольшей половой силы.

Нѣкоторыя женщины съ холоднымъ темпераментомъ, которыя хотя и любятъ дѣтей, но для которыхъ совокупленіе является мученіемъ, не представляютъ собою, по моему, типа нормальныхъ женъ и не имѣютъ права требовать отъ своихъ мужей, чтобы тѣ не совокуплялись съ ними, если совокупленіе производится не съ цѣлью зачатія. Но, съ другой стороны, женщина имѣетъ право требовать, чтобы ей были разъяснены половыя отношенія прежде, чѣмъ она вступитъ въ бракъ. Даже болѣе. Женихъ и невеста до вступленія въ бракъ должны выяснить другъ другу свои половыя потребности во избѣжаніе того, чтобы послѣ брака не быть жестоко разочарованными и предотвратить неустрашимое потомъ отвращеніе.

Не испытавъ настоящаго сладострастнаго оргазма, являющагося результатомъ совокупленія или онанизма, нормальная цѣломудренная дѣвушка, если только она понимаетъ кое-что въ половыхъ отношеніяхъ, обыкновенно чувствуетъ, отталкивается отъ нея или привлекаетъ мысль о половомъ совокупленіи съ женщиной, которая ей нравится. То же самое можно сказать о мальчикахъ. Одна женщина, изучавшая медицину, жившая вполнѣ цѣломудренно, но, благодаря своимъ занятіямъ, прекрасно понимавшая половую жизнь, рассказывала мнѣ, что долгое время при видѣ всѣхъ мужчинъ она съ отвращеніемъ думала о совокупленіи, но это продолжалось до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтилась съ человѣкомъ, который ей понравился. Тогда отвраще-

Молодая мать.

иженіе превратилось въ вожделѣніе. Этотъ простой случай въ то же время иллюстрируетъ моногамное половое чувство женщины. Я укажу здѣсь на главу XVII, гдѣ разсказывается, какъ мы должны разъяснять юношеству половой вопросъ. При нашемъ неизбѣжномъ формализмѣ и полномъ невѣдѣніи благовоспитанныхъ дѣвушекъ относительно половыхъ отношеній, взаимное соглашеніе по этому вопросу перестать окончательнымъ обрученіемъ, въ большинствѣ случаевъ, не возможно.

Вслѣдствіе привычки мужчинъ имѣть сношенія съ проститутками, въ настоящее время многія молодыя здоровыя женщины страдаютъ отъ того, что имъ приходится выходить замужъ за изношенныхъ, пожившихъ мужчинъ, съ ослабленной потенціей, вслѣдствіе чего онѣ возбуждаются въ половомъ отношеніи, но не могутъ быть удовлетворены на продолжительное время. Это зло можно устранить лишь посредствомъ коренного преобразованія половыхъ отношеній.

Далѣе, есть видъ патологической, истерической любви, которая разыгрывается лишь въ фантазіи, проявляется въ страстныхъ фразахъ и кокетствѣ, но при первомъ совокупленіи превращается въ отвращеніе и ненависть къ объекту бывшей любви. Хотя эта псевдо-любовь чаще встрѣчается у женщинъ, но она не рѣдка и у истеричныхъ мужчинъ. Затѣмъ, является объясненіе: „Я ошиблась (ошибся); я никогда не любила (или не любилъ) его (или ее)“. Часто это самопризнаніе дѣлается своевременно и является поводомъ для расторгненія обрученія. Для такихъ случаевъ крайне необходимы пробные браки и значительное облегченіе развода. Точно также и другія непредвидѣнныя обстоятельства могутъ внести раздоръ въ семейную жизнь съ самаго начала. Упомяну лишь о въ высшей степени болѣзненномъ влгнизмѣ женщины, который, однако, въ большинствѣ случаевъ, поддается леченію. Во всякомъ случаѣ, врачебное изслѣдованіе до брака и по различнымъ другимъ основаніямъ (назову хотя бы слишкомъ узкій тазъ, дѣлающій роды крайне опасными) является въ высшей степени желательной мѣрой предосторожности.

Если женщина хочетъ по рецепту Толстого выносить совокупленіе только ради рожденія дѣтей, то она должна сначала найти жениха, который бытъ бы согласенъ на это. Если она не найдетъ такого человѣка и если она не хочетъ, чтобы ея мужъ завелъ вторую жену или любовницу, то она должна или отказаться отъ своего желанія, или родить желаемыхъ ею дѣтей внѣ брака. Такое мнѣніе покажется многимъ въ высшей степени безнравственнымъ, но оно естественно и рационально и потому этически правильно. Конечно, этимъ я не хочу сказать, что мужъ вправе принуждать свою жену къ совокупленію, когда это ему вздумается; я высказывалъ уже противоположное мнѣніе. Въ общемъ, это, конечно, очень щекотливый вопросъ. Но все же, при добромъ желаніи и при условіи большей свободы и откровенности, по большей части, этотъ вопросъ можно рѣшить удовлетворительно въ вышеуказанномъ смыслѣ. Взаимная предупредительность и любовь всегда найдутъ здѣсь правильный путь. Надо остерегаться какъ аскетическихъ преувеличеній и напыщеннаго идеализма, такъ и, наоборотъ, трусливой и слабой уступчивости всѣмъ побужденіямъ и страстямъ. Если золотая середина, вообще, гдѣ-либо умѣстна въ человѣческой жизни, такъ это именно здѣсь.

Другимъ важнымъ пунктомъ является вопросъ о дѣторожденіи. Такъ какъ мы можемъ — какъ это мы уже видѣли — регулировать дѣторожденіе по собственному желанію, то мы обязаны производить на свѣтъ возможно болѣе хорошихъ и здоровыхъ людей. Для этого, прежде всего, должны быть хороши сами родители, а для этого, въ свою очередь, важны условія ихъ наследственности, т. е. психическія и физическія качества ихъ предковъ. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣютъ не только психическія дарованія и здоровье, но, еще болѣе, хороший характеръ, добросовѣстность и настойчивая, энергичная воля. Какая польза производить физически здоровыхъ и сильныхъ, интеллигентныхъ или смѣшленныхъ дѣтей, если у нихъ слабая воля, если они эгоисты, импульсивны или даже склонны къ преступленіямъ? Такіе индивидуумы (здоровые негодни) — величайшая изва для хорошихъ трудолюбивыхъ дѣвушекъ, настоящее несчастье для себя и для общества.

Что касается наследственности, то относительно этого я отсылаю читателя къ сказанному въ I главѣ. Затѣмъ, во время зачатія ребенка родители не должны быть

больны и находятся подъ влияніемъ алкоголя, такъ какъ иначе продукты ихъ могутъ оказаться испорченными, вслѣдствіе бластофторіи (см. гл. I). Имѣетъ значеніе также и возрастъ производителя: дѣти, родившіяся отъ слишкомъ старыхъ родителей, обыкновенно слабы.

Но, съ другой стороны, прямо-таки безсмысленно и нагубно то обстоятельство, что въ настоящее время дѣторожденіе сдѣлалось зависимымъ, главнымъ образомъ, отъ денежныхъ отношеній. Спосібные, хорошіе, здоровые родители никогда не должны воздерживаться отъ дѣторожденія, даже если они матеріально совершенно не обеспечены. Продукты хорошаго качества воспитываются, такъ сказать, сами по себѣ и отлично умѣютъ дѣлать себѣ карьеру. Тѣ индивиды, которые не живутъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а лишь прозябаютъ, дурны по наслѣдству, испорчены бластофторически или въ силу какихъ-нибудь другихъ условій. Конечно, случайныя заболѣванія или несчастные случаи всегда могутъ повредить ребенку, но это лишь исключенія, подтверждающія общее правило, такъ какъ и здѣсь индивидъ, происходящій отъ здоровыхъ родителей, является выносливѣе, если только онъ искусственно не ослабитъ свою способность сопротивленія алкоголемъ, венерическими болѣзнями и т. п. У дикарей и еще теперь у многихъ земледѣльческихъ народовъ дѣтей считаютъ скорѣе богатствомъ, чѣмъ обузой, такъ какъ у этихъ людей жизненные отношенія простыя и здоровыя. Наши нездоровыя искусственныя потребности ненужнаго богатства и роскоши, утонченныя наслажденія, наша искусственно развитая слабость мышцъ, нашъ безсмысленный страхъ передъ болѣзнями и бактеріями, говоря короче, вся наша изнѣженность—вотъ что мѣшаетъ намъ просто и дешево воспитывать большія семьи. Къ этому присоединяются, конечно, справедливыя повышенныя требованія лучшаго воспитанія нашихъ дѣтей, и въ этомъ отношеніи въ будущемъ государство должно прійти на помощь родителямъ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ, который въ настоящее время является еще очень щекотливымъ, но въ будущемъ, когда наши пожеланія будутъ осуществлены, онъ станетъ значительно менѣе щекотливымъ. Мужчина и женщина сильно любятъ другъ друга, хотятъ заключить бракъ и спрашиваютъ врача, имѣютъ ли они право сдѣлать это, потому что они страдаютъ той или иной болѣзнью, или потому, что одинъ изъ нихъ или оба надѣлены дурными естественными склонностями. Если одинъ изъ нихъ уже страдаетъ какой-либо психической болѣзнью, или если онъ не вполне оправился отъ душевной болѣзни, или если онъ боленъ туберкулезомъ въ тяжелой формѣ, или не вполне вылечился отъ триппера или сифилиса, то врачъ долженъ прямо заявить, что его бракъ—это легкомысленный антисоціальныи поступокъ. Я, какъ врачъ, всегда считалъ это своей прямой обязанностью.

Но, если дѣло уже не такъ плохо и если мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе серьезнымъ наслѣдственнымъ порокомъ, то можно въ сомнительныхъ случаяхъ (особенно, когда можно ожидать отъ брака дѣтей, стоящихъ въ физическомъ и психическомъ отношеніяхъ ниже средняго уровня) признать бракъ допустимымъ съ врачебной точки зрѣнія, но запретить дѣторожденіе по этически-соціальнымъ соображеніямъ. Здѣсь, именно, и обнаруживается все важное значеніе противозачаточныхъ средствъ. Надо объяснить людямъ, какъ дурно и прямо таки преступно производить на свѣтъ несчастныхъ, склонныхъ къ различнымъ болѣзнямъ, дѣтей, и надо предупредить ихъ отъ такого легкомыслія. Гораздо лучше будетъ, если они усыновятъ здоровыхъ дѣтей-сиротъ.

Однако, не слѣдуетъ быть слишкомъ строгими. Врачу свойственна пессимистическая склонность видѣть болѣзнь повсюду и изображать все въ черномъ свѣтѣ. Нельзя изъ-за каждой душевно-больной матери или тетки, оказавшейся въ семьѣ, запрещать дѣторожденіе послѣдующимъ поколѣніямъ. Онъ долженъ имѣть въ виду расчетъ вѣроятности наслѣдственности, упомянутой въ главѣ I. Принявъ во вниманіе психическое и физическое здоровье и характеръ обоихъ кандидатовъ на бракъ и ихъ предковъ, о которыхъ надо навести возможно тщательныя справки, онъ долженъ спросить себя, какого средняго качества дѣтей можно ожидать отъ этого брака. Смотра по тому заключенію, къ которому онъ придетъ, т. е. должны ли они оказаться ниже или выше средняго уровня населенія, онъ дастъ совѣтъ, болѣе или менѣе,

ограничить дѣторождение. При этомъ, онъ не долженъ переоцѣивать средний уровень населенія и долженъ всегда имѣть въ виду психическую ограниченность, слабоуміе, этическое малодѣяніе и неудовлетворительное физическое состояніе широкихъ слоевъ населенія. Даже, если образованные и интеллигентные, но слегка психопатические

или надѣленные дурными наследственными качествами люди обращаются съ такими вопросами къ врачу, такъ какъ они очень добросовѣстны и предупредительны, то онъ долженъ успокоить ихъ, посо-

первый шагъ.

вѣтовать имъ гигиенической образъ жизни и воздер-

жаніе отъ спиртныхъ напитковъ; но врачъ не долженъ обязывать ихъ воздержаться отъ дѣторожденія, такъ какъ можно ожидать, что ихъ продукты будутъ стоять въ этическомъ и психическомъ отношеніяхъ выше средняго уровня и, при отсутствіи всякихъ бластофторическихъ воздѣйствій, будутъ способны къ регенерации. Однимъ словомъ, въ такихъ случаяхъ врачъ долженъ считаться съ индивидуальными качествами пациента, тщательно изслѣдовать всѣ стороны проблемы и не поддаваться вліянію одностороннихъ догмъ. Только тогда онъ сможетъ дать правильный совѣтъ.

Но особенно важно и успокоительно для насъ знать, что, съ точки зрѣнія социальной ги-

гиены, нѣтъ необходимости запрещать бракъ только потому, что продукты его могутъ оказаться дурного качества. Мы можемъ разрѣшать бездѣтный бракъ несчастнымъ психопатамъ, людямъ съ наследственными дурными качествами, глупымъ и плохимъ людямъ, даже калѣкамъ, но мы должны требовать отъ нихъ, чтобы посредствомъ тѣхъ или иныхъ противозачаточныхъ средствъ въ результатѣ ихъ половыхъ сношеній не рождался дѣти. Въ такихъ случаяхъ лучшимъ средствомъ является оперативная дислокація фаллопиевыхъ трубъ. Такимъ образомъ, мы не лишаемъ ихъ гарантіе любовнаго и жизненнаго счастья, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не толкаемъ ихъ въ

облѣнія проституции или разочарованнаго въ жизнь пессимизма. Не надо забывать, что жестокія мѣры не имѣютъ длительного дѣйствія.

Врачебная тайна. Врачебная тайна и ея границы — это въ высшей степени неопредѣленной вопросъ, который какъ разъ въ области половых сношеній представляетъ особенныя затрудненія. Точка зрѣнія измѣняется, смотря по странамъ и выдающимся. Въ особенности, во Франціи врачебная тайна превратилась почти въ какого-то идола. Она можетъ побудить къ отказу давать показанія на судѣ и даже къ сокрытію преступленій и т. д. Съ другой стороны, есть страны, гдѣ врачи часто съ легкимъ сердцемъ передаютъ другимъ то, что имъ довѣрили ихъ пациенты; говоря короче, врачебная тайна — это очень растяжимое понятіе, которое при софистическомъ толкованіи легко можетъ стать обоюдоострымъ оружіемъ.

Хотя въ отдѣльномъ случаѣ можно натолкнуться на значительныя трудности, но все же есть общая этическая руководящая нить, могущая быть руководствомъ для каждаго добросовѣстнаго врача.

Врачъ обязанъ молчать о всемъ томъ, что ему довѣряютъ его больные, конечно, если сами больные не говорятъ объ этомъ открыто, или если врачъ не получаетъ отъ нихъ яснаго разрѣшенія говорить или писать объ этомъ. Но есть исключенія изъ этого правила. Во-первыхъ, оно предполагаетъ вмѣняемость больного и поэтому при невмѣняемости примѣнимо лишь условно. Если душевно-больной дѣлаетъ врачу, подъ условіемъ полного сохраненія тайны, такое признаніе, которое основывается на бредовыхъ идеяхъ и угрожаетъ безопасности другихъ людей, или требуетъ вмѣшательства въ интересахъ самого больного, то врачъ, во избѣжаніе несчастія, обязанъ сообщить объ этомъ, но въ надлежащее мѣсто. Такъ же надо поступать, когда имѣешь дѣло съ дѣтьми. Само собою разумѣется, что при этомъ врачъ долженъ поступать очень осмотрительно и блюсти интересы пациента или ребенка. Но при столкновеніяхъ съ невмѣняемыми людьми врачебной тайнѣ поставлены извѣстныя границы. По моему мнѣнію, ее надо соблюдать постольку, поскольку это не грозитъ серьезной опасностью правамъ другихъ людей и, самое главное, обществу. Подобно тому, какъ врачъ обязанъ, во избѣжаніе вспышки эпидеміи, указать и добиться изолѣченія больного оспой или холерой, вопреки его желанію, такъ что здѣсь нѣтъ врачебной тайны, точно такъ же онъ обязанъ поступать и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Однимъ словомъ, онъ не долженъ посредствомъ неукоснительнаго соблюденія врачебной тайны дѣлаться соучастникомъ преступленій и несчастныхъ случаевъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ сферы половых отношеній.

Къ врачу обращается за совѣтомъ молодой человекъ, признающійся ему, что онъ страдаетъ садизмомъ или чувствуетъ половую склонность къ малолѣтнимъ. Ясно, что врачъ имѣетъ здѣсь дѣло съ человекомъ, угрожающимъ общественной безопасности, и находится въ очень затруднительномъ положеніи. Крайности въ такомъ случаѣ представляютъ большое зло. Врачъ, пользуясь больнаго, не заботясь объ его возможныхъ жертвахъ, поступаетъ неправильно. Но врачъ, который — какъ это было въ одномъ вполнѣ достоверномъ и уже приведенномъ выше случаѣ — говоритъ

Кузнецъ съ своимъ сыномъ.

пациенту, обращающемуся къ нему за совѣтомъ по поводу извращенія полового чувства: „Вы—свинья, уходите, или и донесу на васъ!“ поступаетъ тоже неправильно. Неправильно поступаетъ также и тотъ, который безъ долгихъ размышленій доносить на такого человѣка. Врачъ долженъ сначала внимательно изслѣдовать больного, постараться возможно лучше узнать его психическую жизнь, опредѣлить степень извращенія и убѣдиться въ томъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ несчастнымъ благороднымъ человѣкомъ, который, прилагая всю свою энергію, отчаянно борется противъ охватившей его болѣзненной склонности, или, наоборотъ, съ эгоистическимъ и не считающимся ни съ кѣмъ индивидумомъ, который обращается къ врачу только потому, чтобы тотъ вывелъ его изъ непріятнаго положенія, куда онъ попалъ, вслѣдствіе своего извращеннаго побужденія, и который, вообще, даетъ полную волю своей опасной склонности, почему является опаснымъ для общества. Въ послѣднихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, наблюдающихся чаще всего, къ врачу обыкновенно обращаются для того, чтобы эксплуатировать его для своихъ цѣлей. Если врачъ, ради собственнаго спокойствія, и въ этихъ случаяхъ убѣждаетъ себя сохранить врачебную тайну, или если онъ искренно убѣжденъ въ необходимости поступить согласно велѣніямъ долга, то онъ становится соучастникомъ преступленія. Само собою разумѣется, что есть переходныя ступени между искренними, порядочными и совершенно безсовѣстными больными. Какъ же въ такихъ случаяхъ долженъ поступать врачъ? Онъ долженъ, прежде всего, внимательно изслѣдовать пациента и воздерживаться отъ высказыванія какого-либо сужденія до тѣхъ поръ, пока данный случай не будетъ ему вполне ясенъ. Если онъ недостаточно опытенъ въ данной области, онъ долженъ обратиться за совѣтомъ къ врачу специалисту (психіатру или неврологу). Тогда онъ долженъ сообразоваться съ результатами совмѣстнаго изслѣдованія пациента. Если онъ убѣдился, что больной искренно намѣренъ энергично бороться противъ охватившей его ненормальной страсти, и до сихъ поръ, сопротивляясь искушенію, не нанеся никому никакого вреда, то онъ долженъ поддерживать его въ этой борьбѣ, стараться излечить его отъ этого недуга всѣми средствами (кроме женитбы), указать всѣ опасности его, порекомендовать ему, во избѣжаніе совершенія преступленія, даже онанизмъ или кастрацію (*horribile dictu!*) и взять съ него слово, что онъ немедленно обратится къ врачу или добровольно отправится въ домъ для умалишенныхъ, если онъ почувствуетъ, что не можетъ больше сопротивляться: вообще же врачъ долженъ сохранить врачебную тайну. Поступая такъ, врачъ часто можетъ спасти какъ самого больного, такъ и лучше всего защитить отъ него общество. Въ болѣе худшихъ случаяхъ, когда врачъ убѣждается въ томъ, что больной не можетъ или не хочетъ удерживаться, или что онъ уже предавался эксцессамъ или даже, быть можетъ, совершилъ уже преступленія, ему лучше всего поступить такъ: онъ объявляетъ больному, что при такомъ положеніи дѣла онъ не можетъ взять на себя ответственности и требуетъ, чтобы больной немедленно отправился въ домъ для умалишенныхъ, иначе онъ будетъ вынужденъ донести на него. Онъ долженъ объяснить больному, что послѣдній грозитъ обществу такой опасностью, которая переходитъ границы дозволеннаго. Если же пациентъ подчинится раціональному приему и будетъ въ надежномъ мѣстѣ, то врачъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы дѣло не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Въ зависимости отъ каждаго отдѣльнаго случая, надо дѣйствовать болѣе или менѣе рѣзко. Но никогда не слѣдуетъ — какъ мы уже сказали — доводить обязанность сохранения врачебной тайны до такихъ предѣловъ, когда врачъ становится соучастникомъ опаснаго для общества преступника. Въ такихъ случаяхъ домъ для умалишенныхъ является единственнымъ убѣжищемъ для больныхъ и лучшимъ пособіемъ для врача, совершенно такъ же, какъ оспенный или холерный баракъ при заболѣваніяхъ оспой или холерой.

Въ качествѣ перваго примѣра, я выбралъ именно одну изъ худшихъ категорій больныхъ, при столкновеніяхъ съ которыми всегда надо считаться съ вѣроятностью, что они опасны или могутъ быть опасны для общества. Но есть еще и другіе случаи, въ родѣ, напр., тѣхъ, какіе драматически изобразилъ Брие въ своемъ сочиненіи „*Les avariés*“. Сифилисъ хочетъ жениться: онъ не излечился вполне и спрашиваетъ врача, можетъ ли онъ вступить въ бракъ. Можетъ ли дѣлать врачъ ограничиться

только тѣмъ, что отвѣтуетъ больному жениться? Можетъ ли онъ, или даже долженъ, молчать объ этомъ и, изъ страха нарушенія врачебной тайны, допустить несчастіе? Не долженъ ли онъ, напротивъ, сказать больному: „Имѣйте въ виду, что если вы не послушаетесь моего совѣта, то я безъ стѣсненій расскажу о вашей болѣзни вашей невѣстѣ и ея родителямъ“. Мнѣ кажется, что онъ обязанъ поступить такъ. Но только въ такихъ случаяхъ врачъ не долженъ дѣйствовать за спиною больного, какъ это ему приходится дѣлать при встрѣчахъ съ невѣняемыми лицами. По моему, онъ долженъ ему прямо грозить доносомъ и сказать приблизительно слѣдующее.

„Вы довѣрились мнѣ. Я, какъ врачъ, конечно, обязанъ не говорить никому другому о вашей болѣзни до тѣхъ поръ, пока ваша болѣзнь никому не опасна. Но если вы, несмотря на мои разъясненія и предупрежденія, рѣшитесь жениться въ вашемъ теперешнемъ состояніи и этимъ безстыдно обманете бѣдную дѣвушку и ея семью и повредите здоровью первой, надѣясь, что обязанность сохраненія врачебной тайны удержитъ меня отъ дальнѣйшихъ шаговъ, то знайте, что у меня есть болѣе высокая обязанность, чѣмъ обязанность врача по отношенію къ пациенту, а именно, обязанность социальная, и я безусловно исполню ее. Имѣйте это въ виду! Я буду слѣдить за вами и сумѣю устроить такъ, чтобы невинное существо не сдѣлалось жертвой вашей преступной безсовѣстности“.

Такъ, а не иначе, я понимаю обязанность добросовѣстнаго врача, сознающаго высокое достоинство своей профессіи. Въ подобномъ же положеніи я оказался, когда ко мнѣ обратился юноша съ ясно выраженнымъ туберкулезомъ и заявилъ мнѣ, что онъ, во чтобы то ни стало, хочетъ жениться. Упрямо и дерзко спорилъ онъ со мною, когда я ему сказать, что, женись, онъ совершаетъ преступленіе по отношенію къ дѣвушкѣ. Тогда я ему хладнокровно и рѣшительно заявилъ, что я скажу объ его болѣзни дѣвушкѣ, и, дѣйствительно, сказалъ ей, такъ что бракъ не состоялся. Правда, ему затѣмъ удалось влюбить въ себя другую дѣвушку, которая, несмотря на мои предупрежденія, вышла за него замужъ. Я считаю, что, по крайней мѣрѣ, исполнилъ свой долгъ.

По моему мнѣнію, врачъ обязанъ такъ же поступать, когда къ нему обращаются съ совѣтами относительно женитьбы люди съ неизлеченнымъ хроническимъ трипперомъ, психически больные, лица съ конституціоннымъ половымъ извращеніемъ и т. д.

Раньше, когда гомосексуальность уриниговъ считали приобритеннымъ порокомъ, ее пробовали излечить тѣмъ, что уринигамъ рекомендовали вступать въ бракъ. Еще и теперь на нашихъ глазахъ происходитъ это социальное безобразіе, и невѣдущіе врачи даже рекомендуютъ его. Нѣкоторые урининги отличаются уже такой утонченной развращенностью, что хотѣли бы имѣть маленькихъ уриниговъ—дѣтей. Такъ какъ, само собою разумѣется, они не могутъ произвести на свѣтъ дѣтей посредствомъ сношеній съ единственно милыми ихъ сердцу мужчинами, то они женятся, чтобы съ большимъ трудомъ, усиліями и отвращеніемъ произвести нѣсколькихъ дѣтей, сходясь съ женщиной, ставшей ихъ жертвой; но и женись, они не находятъ нужнымъ сдерживать свою ненормальную склонность къ мужчинамъ. Тогда жена играетъ у нихъ роль хозяйки или служанки, которая, между прочимъ, должна произвести на свѣтъ нѣсколькихъ дѣтей. Врачъ, случайно замѣшанный въ такое дѣло, никогда не долженъ быть соучастникомъ такого несчастнаго брака. И въ такихъ случаяхъ онъ долженъ грозить уринигу, что онъ расскажетъ о положеніи дѣла невѣстѣ, если тотъ дѣйствительно рѣшится на такой безнравственный поступокъ.

Затѣмъ, врачу приходится быть судьей въ такихъ случаяхъ: къ нему обращается больной и признается, что страдаетъ извѣстными недостатками или пороками, быть можетъ, только наследственными пороками, и спрашиваетъ его, можетъ ли онъ вступить въ бракъ. Но есть сомнительные случаи, когда очень важно знать, какъ относятся къ этому дѣлу другая сторона: желаетъ ли она, во чтобы то ни стало, имѣть дѣтей и не страдаетъ ли она подобными наследственными пороками и недостатками? Тогда врачъ обязанъ, прежде всего, требовать полной откровенности отъ пациента и сказать ему: „Хорошо. При такихъ-то и такихъ-то условіяхъ вы, пожалуй,

могли бы вступить въ бракъ, но ни въ какомъ случаѣ мы не должны скрывать правду отъ вашей невесты (или жениха). Въ вашихъ интересахъ поступить такъ, какъ я советую, такъ какъ бракъ, основанный на обманѣ, не можетъ быть счастливымъ. Позвольте мнѣ поговорить объ этомъ дѣлѣ съ вашей невестой (или женихомъ). Тогда мы увидимъ, какъ будетъ лучше всего поступить". Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ бракъ разрѣшается, и врачъ можетъ сдѣлать много добра и предотвратить несчастье. Конечно, здѣсь нельзя выставить никакого общаго правила. Смотря по степени наследственного порока или по роду его, врачъ можетъ разрѣшить бракъ подъ условіемъ непмѣнія дѣтей или же бракъ съ разрѣшеніемъ имѣть дѣтей. Въ такихъ случаяхъ рѣдко приходится прибѣгать къ угрозѣ сообщить о данномъ порока невестѣ (или жениху), но такая угроза всегда умѣстна, когда приходится имѣть дѣло съ безсовѣстными, дурными людьми.

Выздоровленіе ребенка.

Я нѣсколько разъ испыталъ радость, когда женихъ и невеста приходили вмѣстѣ ко мнѣ, откровенно рассказывали мнѣ о своихъ отношеніяхъ и затѣмъ спрашивали меня, могутъ ли они при такихъ обстоятельствахъ вступать въ бракъ. Еслибы люди были честнѣе въ своихъ половыхъ отношеніяхъ и лучше сознавали бы свои собственные интересы, то они всегда должны были бы поступать такъ въ подобныхъ случаяхъ. Тогда и врачу легче было бы давать имъ раціональный совѣтъ. Надо, впрочемъ, надѣяться, что возрастающее благоразуміе и освѣдомленность широкихъ слоевъ общества будутъ все болѣе и болѣе облегчать имъ возможность правильно поступать въ такихъ случаяхъ, не обращаясь къ содѣйствію врача.

Другой вопросъ, съ которымъ часто приходится сталкиваться врачу, мы уже обсуждали: это вопросъ объ искусственномъ выкидышѣ. Я не буду возвращаться къ нему и отсылаю читателей къ сказанному въ главѣ XIII, подъ лит. С (Уголовное право). Въ такомъ случаѣ врачъ всегда долженъ добросовѣстно взвѣсить всѣ обстоятельства. И еще разъ настоятельно подчеркиваю, что здѣсь онъ долженъ принимать во вниманіе также социальный интересъ и не при всѣхъ обстоятельствахъ (т. е. если здоровье матери не даетъ показаній противъ производства выкидыша) способствовать появленію ребенка на свѣтъ, если онъ будетъ несчастнымъ калѣкой. Однѣмъ словомъ, онъ не долженъ, какъ это практиковалось до сихъ поръ, принимать во вниманіе интересъ исключительно материнскаго здоровья, а считаться также съ интересами плода. Можно сохранять жизнь родившемуся калѣкѣ, но надо, по меньшей мѣрѣ, насколько возможно, предотвращать, чтобы такіе калѣки, вообще, появлялись на свѣтъ. Конечно, мнѣ на это могутъ возразить, что качество плода гораздо легче опредѣлять послѣ рожденія, чѣмъ до него. Это вѣрно. Но пока законъ охраняетъ жизнь даже самыхъ несчастныхъ поворожденныхъ калѣкъ, приходится помогать и злу, поскольку это зависить отъ насъ.

Леченіе половыхъ болѣзней. Въ нашу задачу не входитъ сообщать здѣсь всѣ подробности, такъ какъ дѣло идетъ о чисто медицинскомъ вопросѣ. Здѣсь мы хотимъ коснуться лишь нѣсколькихъ общихъ пунктовъ. Венерическія болѣзни особенно часто лечатся плохо потому, что больные ими — какъ мы уже видѣли въ главѣ X — стыдятся обращаться къ врачу. По моему мнѣнію, надо приложить всѣ средства къ тому, чтобы поставить раціональнѣе леченіе этихъ болѣзней, уважая при этомъ тайну и чувство стыда пациента. Поэтому надо устраивать особыя лечебницы для каждаго пола отдѣльно и больнымъ должно быть разрѣшено лечиться тамъ, не открывая своего настоящаго имени. Больные могли бы впередъ внести деньги за леченіе и даже надѣвать маски, чтобы не быть узнаваемыми. Ничто не

присутствуют въ такой степени лечиться, въ особенности, зараженнымъ венерическими болезнями, женщинами, какъ боясь быть узнанными. Между тѣмъ, какъ наглые безснудные подонки общества нисколько не стѣсняются своихъ болезней, а задеваемые общественнымъ презрѣніемъ проститутки испавидать лечение разикъ только потому, что это мѣшаетъ имъ зарабатывать деньги, — какъ разъ болѣе приличные элементы (въ особенности, женщины) избѣгаютъ, по уважительнымъ причинамъ, обращаться къ врачу, если ихъ постигаетъ несчастье такого рода. Странно имъ открыть свою тайну, и такъ же странно попасть въ отвратительное общество проститутокъ въ венерическихъ отдѣленіяхъ госпиталей. Эти чувства надо щадить. Я не вижу иного выхода, кромѣ учрежденія приличныхъ госпиталей, гдѣ было бы рационально поставлено лечение венерическихъ болезней, при строгомъ соблюденіи тайны и анонима; такіе госпитали должны быть устроены во всѣхъ, болѣе или менѣе, значительныхъ городахъ, и, притомъ, также и для бѣдныхъ людей. Такъ какъ, благодаря этимъ учрежденіямъ, уменьшилась бы опасность зараженія, то это было бы гуманитарнымъ актомъ не только для больныхъ, но и для всего народа.

Конечно, остается еще лечение у частнаго врача. Но его трудно сдѣлать анонимнымъ, да къ тому же оно не всегда по карману бѣдному люду. Устраиваемыя въ Западной Европѣ кассы для больныхъ въ такихъ случаяхъ, по болѣе части, отказываются помогать своимъ членамъ. Тѣмъ не обходимо, поэтому, въ общихъ интересахъ, создать такія учрежденія, которыя сдѣлаютъ для соціальнаго оздоровленія гораздо больше, чѣмъ нелѣпое урегулированіе проституціи, о которомъ мы говорили выше.

Также важно лечение половыхъ извращеній. Въ этомъ отношеніи есть важныя общія правила, съ которыми я хотѣлъ бы познакомить читателя. Говоря вообще, половыя извращенія основываются на унаслѣдованной склонности мозга, или же они являются результатомъ самовнушенія или скверныхъ привычекъ. Въ обоихъ случаяхъ есть, собственно говоря, одно только средство, которое, посредствомъ созданія хорошихъ привычекъ, можетъ непосредственно противодействовать злу—это гипнотическое внушеніе. Другія средства, напр., отлученіе отъ порока трудомъ, физическія упражненія и т. п., а также массажъ, электризація и т. д. дѣйствуютъ лишь путемъ косвеннаго внушенія. При извращеніяхъ, пріобрѣтенныхъ въ силу привычки или посредствомъ самовнушенія, главнымъ образомъ, при онанизмѣ, всегда слѣдуетъ прибѣгать къ гипнотическому внушенію. Это послѣднее зло, онанизмъ, можетъ быть навсегда излеченъ нормальными половыми отношеніями, бракомъ, если только у больного имѣется нормальное побужденіе къ другому полу, и если причиной возникновенія дурной привычки было отсутствіе случаевъ къ удовлетворенію нормальнаго полового побужденія.

Однако, надо остерегаться слишкомъ поспѣшно объяснять половыя извращенія привычкой или самовнушеніемъ. За исключеніемъ очень обычнаго вынужденнаго онанизма и недерастіи, которыя, собственно говоря, являются не извращеніями, а вспомогательными средствами, — извращенія, пріобрѣтенныя въ силу привычки, вовсе не такъ часты, какъ это думаютъ, и, при томъ, они обыкновенно связаны съ само-внушеніемъ. Но — что самое главное — лица, вынужденныя заниматься онанизмомъ, недерастіей и тому подобными манипуляціями, сами не вполне ясно сознаютъ, что это лишь вспомогательное средство, что они въ остальныхъ отношеніяхъ нормальны и что они предпочли бы нормальное совокупленіе, еслибы къ этому представился случай, или если бы они имѣли средства, — говоря короче — еслибы имъ въ этомъ не препятствовали никакія внѣшнія условія. Иногда же въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ сознательными сладострастниками, которые прибѣгаютъ къ противонатуральнымъ эксцессамъ или ради разнообразія, или съ цѣлью не допустить дѣторожденія, или во избѣжаніе зараженія. Такіе индивидуумы обыкновенно избѣгаютъ обращаться къ врачу. Какъ мы уже сказали, они чувствуютъ себя нормальными и не больными.

Тѣ случаи, при которыхъ обращаются къ врачу, почти всегда патологичны и принадлежатъ, цѣлкомъ или отчасти, къ наследственно-врожденнымъ извращеніямъ, иногда пріобрѣтеннымъ въ силу самовнушенія. Поэтому, когда врачъ имѣетъ дѣло съ лицомъ съ наследственно-врожденнымъ извращеніемъ, то обыкновенно онъ не долженъ советовать ему вступать въ бракъ. Фонтъ-Шренкъ-Ноллингу (а однажды и мнѣ)

удавалось, въ особенности, у мужскихъ уриниговъ, превратить, посредствомъ гипнотическаго внушенія, гомосексуальность въ половое побужденіе къ женщинамъ. Но въ то время, какъ фонъ-Шренкъ, добившись, болѣе или менѣе, длительного успѣха, рисковалъ разрѣшать даннымъ больнымъ вступать въ бракъ, я не рѣшался на такой шагъ, такъ какъ я не былъ гарантированъ въ томъ, что при такомъ глубоко-укоренившемся конституціональномъ пороку возможенъ длительный успѣхъ. Я старался, по мѣрѣ возможности, подавлять въ такихъ людяхъ половое побужденіе и заставлялъ ихъ довольствоваться самопроизвольными ночными поллюціями. Я всегда настойчиво отговаривалъ уриниговъ вступать въ бракъ, я старался выяснить ему, что такой поступокъ его былъ бы равносильнъ преступленію: пусть, въ крайнемъ случаѣ, онъ занимается онанизмомъ или, въ концѣ концовъ, имѣетъ вольныя половыя сношенія, которыя, по крайней мѣрѣ, не грозятъ никакими болѣе серьезными послѣдствіями. Во всякомъ случаѣ, дѣторожденія онъ долженъ бояться, какъ огня. Къ сожалѣнію, наши современные законы и взгляды не позволяютъ намъ совѣтовать уринигамъ вступать въ бракъ съ собой подобными людьми, что они сдѣлали бы съ огромнѣйшимъ удовольствіемъ. Какъ мы уже сказали, это, собственно говоря, было бы совершенно безвредно въ социальномъ отношеніи. Злочастные грѣховодники успокоились бы, а нормальные люди были бы лучше защищены отъ нихъ. Поэтому, я, какъ уже говорилъ въ главѣ XIII, безусловно присоединяю свой голосъ къ тѣмъ врачамъ, которые требуютъ отъ насъ наказанія гомосексуальной любви и педерастіи, совершаемыхъ взрослыми при обоюдномъ согласіи. Пока они не беспокоятъ нормальныхъ въ половомъ отношеніи людей, или не наносятъ имъ вреда, или не соблазняютъ малолѣтнихъ, слѣдуетъ, какъ мы уже сказали, оставлять въ покоѣ всѣхъ такихъ людей, страдающихъ неопасными для другихъ половыми извращеніями (содомитовъ, уриниговъ, мазохистовъ, фетишистовъ и т. д.). Но если такой больной обращается къ врачу въ виду того, что стыдится своего порока, нервно возбужденъ, то его слѣдуетъ гипнотизировать, отвлекать и занять какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ. Въ этомъ случаѣ психическое леченіе можетъ сдѣлать очень многое. Если удастся установить, что извращеніе является чисто благопріобрѣтеннымъ и если оно легко излечимо, то послѣ полного излеченія можно разрѣшить бракъ, а въ лучшемъ случаѣ даже дѣторожденіе. Я не говорю здѣсь объ уже упомянутыхъ бездѣтныхъ бракахъ между извращенными въ половомъ отношеніи и психопатами, — бракахъ, которые всегда позволительны съ врачебной точки зрѣнія, если только обѣ стороны сознаютъ, что онѣ дѣлаютъ.

Можно успѣшно излечивать гипнотическимъ внушеніемъ также чрезмѣрныя поллюціи, онанизмъ, половую гиперестезію и психическую импотенцію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда половое возбужденіе въ остальныхъ отношеніяхъ нормально, бракъ слѣдуетъ запрещать далеко не всегда, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо считаться съ индивидуальными особенностями.

Напротивъ, при половой анестезіи бракъ — безсмыслица, основанная на тяжеломъ недоразумѣніи. Онъ можетъ быть безсмыслицей даже при частичной анестезіи мужчины. Выпескаланное относится, конечно, только къ мужчинамъ, такъ какъ большинство дѣвушекъ до брака страдаютъ анестезіей въ половомъ отношеніи въ томъ смыслѣ, что онѣ не знаютъ *orgasmus venereus*, если только онѣ жили цѣломудренно. Онѣ не могутъ точно знать, насколько сильно разовьется дремлющее въ нихъ половое побужденіе. Во всякомъ случаѣ, выясненіе половыхъ отношеній дѣвушкамъ приведетъ къ тому, что тѣ изъ нихъ, которыя испытываютъ форменное отвращеніе при мысли о совокупленіи, будутъ избѣгать половыхъ отношеній, разъ онѣ знаютъ, въ чемъ они заключаются, и это очень хорошо. Впрочемъ, послѣдствія половой анестезіи у женщины значительно безвреднѣе, чѣмъ у мужчины, такъ какъ она не препятствуетъ совершенію совокупленія. Во всякомъ случаѣ, дѣвушки съ холоднымъ темпераментомъ или вполнѣ или почти анестезичныя въ половомъ отношеніи могутъ вступать въ „бракъ“ съ анестезичными въ половомъ отношеніи мужчинами, если только обѣ стороны ясно сознаютъ, что онѣ могутъ заключить такой бракъ, основанный на чисто братскихъ дружескихъ чувствахъ; такой бракъ вовсе или почти совсѣмъ не будетъ половой связью, а лишь психическимъ и хозяйственнымъ союзомъ двухъ одинаково чувствующихъ и одинаково мыслящихъ душъ. Въ такихъ случаяхъ мы

имѣть дѣло съ настоящей платонической любовью, каковою она изображается въ теоріи. Но очень часто она не бываетъ такою, и ее, прежде всего, не слѣдуетъ смѣшивать съ гомосексуальными наклонностями. Она имѣетъ свое оправданіе, такъ какъ люди, страдающіе половой анестезіей, могутъ же чувствовать потребность въ духовной и сердечной любви и въ семейномъ очагѣ. Къ сожалѣнію, люди, страдающіе полной анестезіей, такъ же абсолютно неспособны судить о половыхъ чувствахъ, какъ слѣпые о цвѣтахъ. Они не могутъ даже представить себѣ половыхъ чувствъ, не замѣчаютъ ихъ у другихъ и потому рискуютъ заключить бракъ съ лицомъ, нормальнымъ въ половомъ отношеніи: а такіе браки очень несчастны. Эти обстоятельства врачи должны знать.

Въ мою задачу не входитъ описаніе спеціальнаго леченія мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ. Но я хочу еще сдѣлать общее заключеніе, что врачи по спеціальнымъ болѣзнямъ часто дѣлаютъ большую ошибку, ограничиваясь мѣстнымъ леченіемъ половыхъ органовъ, между тѣмъ, какъ причиной заболѣванія является только расстройство мозговыхъ функций, а, вслѣдствіе этого, данная болѣзнь можетъ быть устранена лишь посредствомъ психическаго леченія, спеціально посредствомъ гипнотическаго внушенія. Назову, напримѣръ, значительную часть нарушеній правильности менструацій у женщинъ, психическую импотенцію, чрезмѣрные поллюціи, онанизмъ, если только онъ не обусловленъ фимозой или глистами, и т. п. Но мое замѣчаніе, конечно, не оправдываетъ противоположной ошибки, состоящей въ томъ, что врачи иногда пренебрегаютъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ или леченіемъ дѣйствительно существующаго мѣстнаго заболѣванія.

ГЛАВА XV.

Половая этика, или половая мораль.

Трудно провести границы морали и права. При прежнемъ пониманіи права и, въ особенности, при истолкованіи судебного наказанія, какъ искупленія, эти границы, повидимому, было легче опредѣлить. Но все же, именно, старое право на основѣ религіозно-метафизическихъ догмъ разрѣшило наибольшее число вторженій въ этическую область, объявляя преступленіемъ покушенія противъ господствующихъ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній и предразсудковъ (какъ мы это видѣли уже въ главѣ XIII) и, наоборотъ, санкціонируя прямо таки безнравственные и несправедливые поступки и законы, разъ они основывались на религіозныхъ принципахъ и даже прямо предписывались ими.

Съ другой стороны, если мы будемъ разсматривать право только, какъ учрежденіе для защиты общества и индивида отъ вредныхъ вторженій въ его жизнь, то оно тѣсно связано съ этикой и не отграничивается отъ нея такъ рѣзко, какъ бы этого хотѣла чисто догматическая школа, такъ какъ, что такое, собственно говоря, этика, что такое истинная, человѣческая мораль?

Правда, люди создали догматическую этику, состоящую изъ собранія якобы божественныхъ предписаній. Различныя религіи часто выставляли заповѣди по отношенію къ Богу, и эти заповѣди, отчасти, совершенно безчеловѣчны. Отсюда часто возникало противорѣчіе между этикой, провозглашенной якобы Богомъ, и чисто человѣческой этикой. Въ каждой религіи имѣются свои собственные божественныя заповѣди. Такъ, мы знаемъ, что богъ малайцевъ предписываетъ имъ пожирать сердца своихъ враговъ, что Іегова метителемъ и ревнивцемъ, что Онъ для испытанія Авраама приказываетъ ему принести въ жертву сына, что Онъ силой оружія своихъ уполномоченныхъ истребляетъ цѣлыя народы и даже топить всѣхъ людей при всемірномъ потопѣ, что Аллахъ, напротивъ, правитъ фаталистически и предписываетъ убивать христіанъ и не пить спиртныхъ напитковъ, тогда какъ Христосъ предписываетъ любовь къ и не пить спиртныхъ напитковъ, тогда какъ Христосъ предписываетъ любовь къ врагамъ и, наоборотъ, разрѣшаетъ вино (даже претворяетъ воду въ вино); что богъ индусовъ предписываетъ вдовѣ слѣдовать за умершимъ мужемъ въ могилу, а многіе другіе боги требуютъ человѣческихъ жертвъ, — то мы должны согласиться, что врядъ ли возможно на основаніи различныхъ религіозныхъ этикъ построить что-либо строй-

ное и святое. Специально въ половомъ вопросѣ, якобы, божественныя заповѣди относи-тельно разнѣмъ и моногаміи диаметрально противорѣчатъ другъ другу.

Исходя изъ этого простаго изображенія, мы представимъ мораль откровеннаго жреца, различныхъ религій и кбронспонданий, которые считаютъ, что они получили ихъ непосредственно отъ Бога; здѣсь же мы ограничимся чисто человѣческой моралью. Но и эта мораль, съ своей стороны, не должна основываться на какой-либо формальной догматикѣ, какъ божественная — на религіозной, а должна вытекать изъ естественныхъ жизненныхъ условий людей. Мы только что видѣли, какъ она скрывается съ правомъ. Такъ же тѣсно соприкасается она и съ гигиеной (медицина). Тамъ, гдѣ на первый взглядъ проявляется противорѣчіе между этикой и гигиеной, это объясняется тѣмъ, что принимаютъ во вниманіе только индивидуальную, а не общественную или социальную гигиену. Но мы уже видѣли, что врачъ обязанъ ставить социальную гигиену выше индивидуальной, т. е. сообразовывать гигиеническое благо индивида съ гигиеническимъ благомъ всего общества. И между этой социальной гигиеной и человѣческой этикой не должно и не можетъ быть никакого внутренняго противорѣчія.

Но что же мы должны понимать подъ моралью или этикой? Освобожденная, по возможности, отъ всѣхъ гипотезъ, этика теоретически — это изслѣдованіе того, что хорошо и что дурно въ поступкахъ людей, а практически — это мораль, обязанность дѣлать добро и удерживаться отъ совершенія дурныхъ поступковъ. Но это говорить намъ еще очень мало, такъ какъ, какіе же поступки мы должны считать хорошими, а какіе дурными? Не только одни считаютъ хорошимъ то, что другіе считаютъ дурнымъ, но и слова, вкладываемыя Гёте въ уста Мефистофеля:

(„Ich bin ein Theil von jener Kraft

Die stets das Böse will und stets das Gute schafft“ *)

всегда остаются глубоко истинными. Если мы скажемъ: „часть силы, часто творящей добро, изъ желанія сдѣлать зло“, то мы получимъ вѣрную картину того, какъ мало хороша или дурныя послѣдствія нашихъ дѣлъ согласуются съ положительными и отрицательными качествами нашихъ мотивовъ. Такъ же вѣрно и обратное положеніе, такъ какъ силы, желающія добра, какъ извѣстно, нерѣдко причиняютъ зло. Поэтому мы должны тщательно отдѣлять этической мотивъ отъ хорошихъ или дурныхъ послѣдствій какого-либо поступка.

Анализируя дальше, мы придемъ даже къ такому заключенію, что одинъ и тотъ же поступокъ можетъ быть для одного хорошимъ, а для другого дурнымъ. Если волкъ съѣстъ ягнѣнка, то это хорошо для волка и плохо для ягнѣнка. Мы сами не можемъ жить безъ того, чтобы не уничтожать другой растительной или животной жизни. Деньги, которые я зарабатываю, извлекаются изъ кармановъ другихъ, что не всегда имъ полезно, и т. д. Такимъ образомъ, мораль относительна, и наша познавательная способность нигдѣ не можетъ открыть намъ чего-либо абсолютно дурного или абсолютно хорошаго. Все, чего мы, люди, достигаемъ, обмѣниваясь между собой мудростью и доброй волей, это то, что мы стараемся причинить одинъ другому возможно меньше зла и возможно больше добра, т. е. что мы уменьшаемъ количество нашихъ физическихъ и психическихъ страданій, улучшая, по мѣрѣ силъ, наши взаимныя житейскія отношенія, а тѣмъ самымъ мы, вообще, увеличиваемъ сумму добра. Но даже это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда мы будемъ распространять понятія дурного и хорошаго только на одно человѣчество и, въ общемъ, не будемъ заботиться объ условіяхъ жизни и развитія другихъ существъ, а, наоборотъ, безъ всякихъ стѣсненій используемъ ихъ для своихъ цѣлей. Какъ мы уже видѣли, практически даже чрезвычайно трудно распространить понятіе социального блага на всѣхъ живущихъ въ настоящее время человѣческихъ расъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ такъ плодотворны и такъ малочисленны, что еслибы мы дружелюбно и добродушно предоставили имъ возможность размножаться среди насъ, они вскорѣ вытѣснили бы всѣхъ насъ. Но тогда снова одержало бы верхъ ужасное варварство, коренящееся

*) Я часть той силы, которая постоянно желаетъ зла и постоянно творитъ добро.

въ ихъ инстинктахъ, а также приняло бы болѣе общій характеръ, какъ это показывать примѣръ республики Гаити. Следовательно, избытокъ этического чувства, воплощающагося на ложныхъ основаніяхъ и примѣненнаго на практикѣ, вносившій бы практическій крайне тяжелый ущербъ для морали. Для полноты прибавимъ, что одна и та же вещь можетъ имѣть сначала страданіе, а затѣмъ принести добро, или же сначала добро, а затѣмъ — страданіе, на примѣръ, не-пріятное наставленіе и, наоборотъ, чрезмѣрное удовлетвореніе страсти къ законамъ.

Изъ этихъ простыхъ соображеній вытекаетъ, что наши моральныя обязанности лишь относительныя и, что онѣ не могутъ быть обязательны для насъ въ одинаковой степени и съ одинаковой силой по отношенію ко всемъ живымъ существамъ и даже по отношенію ко всемъ людямъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, приходилось бы приносить высшее въ жертву меньшему. Въ такомъ случаѣ, теоретически опредѣленіе морали заключается въ правильномъ, т. е. научномъ, опредѣленіи соціальнаго блага и требованій, предъявляемыхъ къ отдельнымъ индивидамъ, а практически — въ дальнѣйшемъ развитіи и успѣшномъ проведеніи его индивидуальными и социальными усиліями. Соціальное благо требуетъ, прежде всего, воспитанія доброй воли и альтруистическихъ чувствъ въ каждомъ человѣкѣ. Такое воспитаніе можетъ быть осуществлено не посредствомъ поученій и проповѣдей, а дѣломъ, примѣромъ, самой жизнью.

Послѣ купанія. Съ картины Чермака.

Высшей задачей этической дѣятельности является работа для блага будущихъ поколѣній.

Альтруизмъ и эгоизмъ, правильно понятыя, не представляютъ собою противополо-

ложностей или, по меньшей мѣрѣ, они лишь относительно противоположны. Если было бы ошибкой стараться построить социальный порядок на неограниченномъ признаніи и на предоставленіи полной свободы всѣмъ нашимъ эгоистическимъ побужденіямъ, то такъ же бессмысленно было бы противопоставлять этимъ послѣднимъ презрѣнный и неестественный аскетизмъ, въ которомъ отражается лишь совершенно некажущийся идеалъ альтруизма. Когда пчела или муравей кормитъ своихъ товарищей медомъ изъ своего желудка, то послѣднимъ это, конечно, доставляетъ наслажденіе. Если же пчела или муравей жертвуетъ своей жизнью ради общины, то этимъ они удовлетворяютъ свой альтруистическій инстинктъ, превратившійся въ страсть. Не могутъ ли и люди давать съ такимъ же легкимъ счастливымъ сердцемъ, какъ и брать? Какъ, вообще, можно было бы понять актъ добровольнаго подвига самоотверженія, какъ объяснить психологію мученика, страдающаго или умирающаго за свою родину, семью или науку, еслибы людей къ этому не побуждало одушевленіе—чувство удовольствія—или еслибы въ этомъ не находило удовлетворенія какое-либо внутреннее побужденіе къ добру? Отыскивая средства, при помощи которыхъ мы могли бы облагородить посредствомъ социальнаго приспособленія нашъ еще столь хищный и столь апатичный человѣческій эгоизмъ, свести его къ надлежащему, т. е. необходимому масштабу и уравновѣсить его, по мѣрѣ силъ, дѣятельнымъ, готовымъ на жертвы альтруизмомъ и хорошими социальными привычками, мы тѣмъ самымъ подготовили бы нашимъ потомкамъ земной рай, хотя еще очень и очень относительный; во всякомъ случаѣ, онъ стоялъ бы гораздо выше нашей современной анархической борьбы интересовъ.

Чего, главнымъ образомъ, не достаетъ людямъ, такъ это хорошаго наслѣдственнаго качества человѣческихъ индивидовъ, качество которыхъ, въ настоящее время почти вполне опредѣляется случайностью жалкаго подбора; чего намъ дали не достаетъ—такъ это воспитанія воли и характера у нашихъ дѣтей. Наша школа и наша религія не могли извлечь широкіе слои народа изъ состоянія варварства, т. е. изъ апатіи, грубости чувствъ, безволія и трясины невѣжества и предковъ. Правда, культура и этика вызвали извѣстный прогрессъ нравовъ. Но тогда и ученія церкви, а также и школы уже устарѣли и не приспособлены уже больше къ нашимъ современнымъ требованіямъ и знаніямъ, а также къ запросамъ будущаго.

На только что описанномъ фундаментѣ естественной человѣческой морали мы должны построить половую этику или половую мораль, и намъ не трудно будетъ уяснить ее себѣ, если разсматривать въ этомъ свѣтѣ факты и отношенія, которые мы обсуждали въ первыхъ тринадцати главахъ. Не заботясь о мотивахъ поступка, мы можемъ назвать его социально-положительнымъ, т. е. полезнымъ, социально-нейтральнымъ, т. е. безразличнымъ, и социально-отрицательнымъ, т. е. вреднымъ. Однако, уже въ маленькомъ кругу данный поступокъ можетъ быть по отношенію къ другому или немногимъ другимъ лицамъ хорошимъ (положительнымъ), дурнымъ (отрицательнымъ) или безразличнымъ. Но, какъ мы уже сказали, въ этикѣ дѣло идетъ не о поступкѣ, какъ таковомъ, а, прежде всего, объ его побудительныхъ мотивахъ. Вообще, трудно человѣку совершать положительные социальные поступки, если у него нѣтъ этического чувства, т. е. совѣсти, чувства долга. Но, съ другой стороны, глупый, неловкій, ошибочно судящій о вещахъ человѣкъ, можетъ, исходя изъ моральныхъ побудительныхъ причинъ, совершать социально-отрицательные поступки, тогда какъ, наоборотъ, человѣкъ, руководясь морально превратными мотивами, можетъ случайно или, между прочимъ, совершать социально-положительные поступки. Такъ, напримеръ, изъ тщеславія или изъ мести можно сдѣлать „великодушное“ зазываніе на общепользныя дѣла,—завываніе, наносящее ущербъ интересамъ одного лица и приносящее пользу обществу. Но мотивы, не будучи извращенными, могутъ быть также чисто эгоистическими, честолюбивыми, и общее благо достигается какъ результатъ расчетливаго эгоизма.

Альтруистами мы называемъ такихъ людей, которые обладаютъ сильными этическими положительными чувствами и стремятся воплотить ихъ въ хорошія социальные дѣла. Подъ чистыми эгоистами мы подразумеваемъ такихъ людей, чувства сим-

Изъ трактирной жизни. Кутящие ландскнехты. Съ карт. Э. Гильдебранда.

Страдания любви. „Онъ танцуетъ съ ней?“ Съ карт. К. Кизеля.

патій которыхъ направлены исключительно на милое ихъ сердцу собственное „я“. Самъ по себѣ, эгоистъ этически индифферентенъ, пока онъ не приноситъ вреда другимъ, и, въ свою очередь, альтруистъ не можетъ жить безъ достаточной дозы эгоизма. Такимъ образомъ, идеаль социальнаго чувства заключается во взаимодействии эгоизма и альтруизма, совершенно приспособленномъ къ потребностямъ общества и его членовъ. Какъ и у муравьевъ, у насъ должно было бы установиться вполне компенсированное урегулированіе эгоистическихъ и социальныхъ чувствъ и побужденій. Противоположностью альтруиста является этически-извращенный или активный этически-отрицательный человѣкъ. Правда, эгоизмъ такъ непреодолимо влечетъ человѣка наносить вредъ другимъ, съ цѣлью извлечь отсюда выгоду самому себѣ, что чистый эгоистъ очень рѣдко можетъ быть этически вполне безразличенъ. Уже по одному этому представляется невозможнымъ основывать социальный порядокъ на чистомъ эгоизмѣ, какъ къ этому и некоторые стремятся.

Изъ этихъ положеній сама собою вытекаетъ половая этика. Половое побужденіе само по себѣ этически безразлично. На основаніи религиозныхъ недоразумѣній возникла тяжелая путаница понятій, которая привела къ тому, что выраженія „прав-

дственность“, „моральность“, вообще, и моральное (т. е. безупречное, съ точки зрѣнія, данной догмы) поведение въ области половыхъ отношеній стали считать чуть ли не вполне тождественными. Человѣкъ, страдающій анестезіей, само собою разумѣется, чрезвычайно „правдивенъ“ въ половомъ отношеніи, но, тѣмъ не менѣе, онъ можетъ быть отъявленнымъ негодяемъ. Его

Ухаживаніе. „Въ последнемъ положеніи“. Изъ карт. Маттеуццо.

половая холодность и безразличность не имѣютъ ни малѣйшей этической цѣнности. Если урини́нгъ не соблазняетъ дѣвушку, то это не есть преимущество въ моральномъ отношеніи, и т. п. Но, тѣмъ не менѣе, половое побужденіе приводитъ къ крупнымъ конфликтамъ съ этикой, такъ какъ при немъ объектомъ наслажденія является человѣкъ. Фетишизмъ (и также еще содомія) врядъ ли могутъ приводить къ конфликтамъ съ моралью въ нашемъ смыслѣ, такъ какъ здѣсь половое побужденіе направлено на неодушевленные предметы или животныхъ. Какъ различны воззрѣнія на половую этику, показываетъ, напримеръ, мнѣніе многихъ людей, что примѣненіе противозачаточныхъ средствъ якобы безнравственно, между тѣмъ, какъ тѣ же люди очень часто защищаютъ проституцію. Человѣкъ, который считаетъ въ высшей степени безнравственнымъ рожденіе извѣрнаго ребенка, въ то же время считаетъ нравственнымъ подвергать опасности здоровье своей жены, заставляя ее непрерывно рожать такъ наз. законныхъ дѣтей. Другіе проповѣдники морали, даже духовныя лица, осуждаютъ молодого человѣка, который хочетъ жениться на своей возлюбленной, и совѣтуютъ ему отказать отъ нея и ей избѣ-

наго ребенка деньгами и т. д. Но не будемъ повторяться. Непоследовательность людей, съ какою они стараются внести якобы этическія понятія въ сферу половыхъ отношеній, прямо такъ неукротима, и ее мы видимъ на каждомъ шагѣ. Здѣсь смѣшиваются лицемеріе, мистика, предразсудокъ, мода, преклоненіе передъ общепринятыми, такъ наз. добрыми правами, жажда денегъ и Богъ знаетъ еще что, и все это совершенно затемняетъ понятіе здоровой половой этики. Надо только видѣть негодованіе и возмущеніе родителей, когда ихъ дѣти влюбляются въ лицъ низшаго сословія, и т. д. И при этомъ люди совершенно не сознаютъ своей безправственности, выступающей здѣсь подъ флагомъ морали. Но къ чему же мы должны стремиться, съ этической точки зрѣнія, въ области половыхъ отношеній? Вотъ единственный вопросъ, который можетъ задать себѣ человекъ, свободный отъ предразсудковъ и въ то же время обладающій истиннымъ этическимъ чувствомъ.

Его первымъ принципомъ долженъ быть извѣстный врачебный принципъ: „прежде всего, не вредить“, а вторымъ: „приносить возможно больше пользы индивиду и обществу“. Такимъ образомъ, заповѣдь социальной морали будетъ гласить такъ: „Своимъ половымъ побужденіемъ и своими поступками въ половой области ты долженъ не вредить сознательно ни отдельнымъ индивидамъ, ни—самое главное—всему обществу, а стараться способствовать счастью тѣхъ и другого“.

Соціальный человекъ, надѣленный половымъ побужденіемъ и способностью любить, долженъ стараться, по возможности, не использовать эти чувства на благо общества и себя самого. Если онъ честно берется за это, то ему предстоитъ не легкая задача, но за то онъ испытаетъ тѣмъ большее удовлетвореніе, такъ какъ хороший поступокъ въ себѣ самомъ веситъ себѣ награду. Онъ долженъ имѣть въ виду, напр., слѣдующія картины.

1. Дурной человекъ соблазняетъ дѣвушку въ минуту чувственной страсти; она дѣлается беременной отъ него, а потомъ онъ скрывается отъ нея. Въ этомъ случаѣ онъ вредитъ дѣвушкѣ, да и самому себѣ. Его поступокъ какъ этически, такъ и эгоистически отрицателенъ и предосудителенъ.

2. Мечтательная хорошая дѣвушка, побуждаемая религіозно-этическими мотивами, выходитъ замужъ за безпутнаго пьяницу, съ цѣлью спасти его. Но такое спасеніе удастся рѣдко или не выполнѣ. Это спасеніе эгоистически отрицательно, альтруистически же, хотя и очень положительно по своимъ мотивамъ, но тѣмъ отрицательнѣе въ социальномъ отношеніи по своимъ результатамъ. Быть можетъ, ей удастся, въ самомъ лучшемъ случаѣ, исправить пьяницу, но, если отъ этого брака родятся дѣти, то эта женщина, сама того не сознавая, тяжко согрѣшила по отношенію къ своимъ дѣтямъ, и ея поступокъ отомстится на ея потомкахъ.

3. Импульсивно психопатическій человекъ, съ тяжелыми наследственными пороками, отличается сильнымъ половымъ побужденіемъ и находитъ нужнымъ жениться на здоровой дѣвушкѣ изъ хорошей семьи и производить съ ней дѣтей. Этотъ поступокъ эгоистически положителенъ, такъ какъ мужчина безусловно приноситъ пользу своему излюбленному „я“, но этически онъ отрицателенъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ несчастной здоровую женщину и производитъ на свѣтъ (по меньшей мѣрѣ, весьма вѣроятно) несчастныхъ дѣтей съ дурными склонностями.

4. Способный, трудолюбивый, идеалистически настроенный и физически здоровый человекъ ищетъ соответствующую подругу жизни и находитъ ее. Оба они не стараются облегчить себѣ жизнь, а обременяютъ себя множествомъ работы, въ особенности, социальна-полезными задачами, и черезъ извѣстные промежутки времени производятъ на свѣтъ столько дѣтей, сколько можетъ произвести на свѣтъ жена, безъ вреда для своего здоровья. Здѣсь передъ нами идеальное сочетаніе положительнаго альтруизма съ положительнымъ эгоизмомъ.

Правда, не всякій такъ счастливъ, чтобы быть въ состояніи выполнить эту послѣднюю комбинацію. Но и при менѣе благоприятныхъ условіяхъ не исключена положительная половая этика. Нервные психопаты и страдающіе физическими пороками люди могутъ вышеуказаннымъ образомъ вступать въ браки, не производя по-

томства, и находить возмѣщеніе, съ одной стороны, въ возможности тѣмъ больше посвятить себя общественной работѣ, а, съ другой стороны, въ томъ, чтобы воспитывать покинутыхъ сиротъ. Я нахожу вполне совмѣстимымъ съ положительной этикой, что, въ болѣе или менѣе, отдаленномъ будущемъ, въ случаѣ заключенія брака между здоровымъ и нездоровымъ человекомъ, послѣдній представитъ первому производить на свѣтъ потомство только съ здоровымъ третьимъ лицомъ.

Однимъ словомъ, тотъ, кто понялъ истинную половую этику, всегда найдетъ средства и пути осуществить ее, т. е., съ одной стороны, создавать положительное добро,

Мистическое въ половомъ вопросѣ.
„Гаданье“. Съ карт. А. Ринбергера.

съ другой стороны, избѣгать отрицательнаго зла и, при этомъ, удовлетворять свои естественныя побужденія, если они не извращены въ дурную сторону.

Прежде всего, онъ никогда не будетъ соучастникомъ какой-нибудь социальной низости и гадости, напр., сводничества, проституціи, со всеми ея побочными явленіями, а, наоборотъ, открыто будетъ бороться съ нею. Онъ будетъ остерегаться вредить въ половомъ отношеніи какому-либо человеку и, если подъ вліяніемъ страсти совершить необдуманный поступокъ, то приложить все свои силы къ тому, чтобы исправить его послѣдствія.

Въ десяти заповѣдяхъ Моисея о половой этикѣ говорится дважды.

Седьмая заповѣдь: Не предлюбодѣйствуй.

Десятая заповѣдь: Не пожелай жены ближняго твоего...

ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ни всякаго скота его и ничего, что у ближняго твоего.

Но въ известной заповѣди Христа принципъ: „Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“ выражаетъ, приблизительно, ту же точку зрѣнія, на какой должна стоять современная этика. Во всякомъ случаѣ, современное социальное знаніе требуетъ болѣе полной формулировки, въ родѣ, наиримѣрь, слѣдующей: „Ты долженъ любить человѣчество болѣе, чѣмъ себя самого, и искать своего счастья въ будущемъ счастьѣ всего человѣчества“. Изъ этого принципа вытекаетъ приведенное нами выше предписаніе половой этики.

Въ заповѣдяхъ же Моисея женщина считается, прежде всего, собственностью, и посягательство на жену ближняго считается посягательствомъ на его имущество, за что человеку грозитъ божеская кара. Само собою разумѣется, что такіе взгляды должны быть основательно пересмотрѣны, разъ на женщину будутъ смотрѣть, какъ на свободное, равное мужчине существо. Мы видѣли, что даже нѣкоторыя формы нарушенія брака, съ взаимнаго соглашенія, могутъ быть этически положительны.

Но все же, несмотря на все это, главная задача половой этики всякаго человека будетъ всегда состоять въ томъ, чтобы,

въ общемъ, подавлять въ себѣ полигамическія вожделѣнія, такъ какъ они въ высшей степени способны вредить счастьемъ другихъ людей. Мы, какъ уже сказано выше, исключаемъ отсюда спеціальные случаи, при которыхъ никто не приноситъ другому вреда (см., напр., приложение: Гюй де Монас-санъ „Monche“ и Кувреръ „La Graine“).

→ Какъ мы видѣли, наши романисты изображаютъ выходящіе изъ ряда вонъ, по большей части, трагическіе и фатальные эротическіе конфликты, дѣлая это часто лишь съ цѣлью пробудить въ читателѣ чувственность. Но нельзя строить свою половую этику на основаніи такой литературы. Средній человѣкъ и даже нормальный человѣкъ, съ нѣсколько болѣе высокими задатками, обыкновенно, не бываетъ такимъ страстнымъ, какъ личности, выводимыя въ романахъ. Онъ не кончаетъ жизнь самоубійствомъ изъ-за отвергнутой любви, но (даже и женщины) черезъ нѣкоторое время изходитъ себѣ возмущеніе и утѣшается. Ревность, въ концѣ концовъ, онъ тоже преодолеваетъ. Преувеличеніемъ, основаннымъ, отчасти, на внушеніи и самовнушеніи, является требованіе любовной этики, заявляющее, что два лица должны на всю жизнь и даже за гробомъ сливаться въ одно цѣлое ихъ „я“. Мы уже видѣли, что этика такого рода сводится къ эгоизму пары и не является идеаломъ человѣческаго счастья. Какъ прекрасна супружеская вѣрность сама по себѣ, такъ нехорошо ея преувеличеніе, признающее лишь подобный идолослуженію культъ отдѣльнаго лица, живого или мертвого, и относящееся къ остальному міру съ полнымъ равнодушіемъ или даже ненавистью.

Выше мы доказали, что альтруистическія чувства человѣка представляютъ собою непосредственные или косвенные *) филогенетическіе отпрыски полового побужденія и спеціально половой любви. Такимъ образомъ, настоящая тайна половой этики состоитъ въ культѣ альтруизма въ области половыхъ отношеній. Но этотъ культъ долженъ состоять не въ произнесеніи этическихъ фразъ, а въ совершеніи этическихъ поступковъ. Печальнымъ доказательствомъ человѣческой слабости является современный родъ этики, проявляющійся въ салонныхъ разговорахъ или безконечныхъ общественныхъ рѣчахъ и докладахъ. Онъ прекрасно уживается съ чистѣйшимъ эгоизмомъ. Безъ социальной работы нѣтъ этики.

Жизненная борьба велась раньше противъ животныхъ и, въ особенности, противъ людей-враговъ. Въ настоящее время первыя побѣждены, а войны часто принимаютъ форму гигантской борьбы между отдѣльными крупными государствами и вскорѣ должны привести сами себя *ad absurdum*. Уже по этому одному, какъ мы уже видѣли, этика бога войны и отечественнаго шоввинизма теряетъ почву подъ ногами. Истинная современная этика уже стала интернаціональной социальной этикой человѣчества и должна становиться таковою во все большихъ и большихъ размѣрахъ. Подобно тому, какъ герой стараго времени, Гекторъ или Вилкельрихъ, соединялъ любовь къ своей женѣ и отечеству для того, чтобы съ помощью ея накопить въ себѣ силы для борьбы за поставленный идеалъ, точно такъ же борьба за благо должна закалить нашъ современный идеалъ любви. Здѣсь мужчина и женщина должны бороться, взаимно помогая одинъ другому. Но это требуетъ напряженной работы въ теченіе всей жизни, и какъ разъ эта работа становится благомъ для нихъ самихъ. Она поддерживаетъ и укрѣпляетъ не только тѣло, но, самое главное, духъ и энергію головного мозга. Соціальная борьба за благо доставляетъ высшія и идеальныя радости. Она научаетъ человѣка быть господиномъ своего собственнаго „я“, научаетъ его преодолевать его естественную лѣнь, стремленіе къ наслажденіямъ, его зависимость отъ всевозможныхъ малоцѣнныхъ привычекъ и болѣе низкихъ инстинктовъ. Она воспитываетъ волю, подавляетъ слабыя, дурныя и эгоистическія побужденія и развиваетъ способность дѣлать добро и приносить пользу. Подъ вліяніемъ этой

*) Конечно, можно сказать, что дружескія соединенія индивидуумовъ одного и того же пола часто стоятъ на основѣ филогенетическаго развитія животныхъ, а также человѣческихъ обществъ; этого мы отнюдь не отрицаемъ. Но чувства симпатіи, на основѣ которыхъ только и могутъ развиваться дружественныя общенія людей, всегда представляютъ собою лишь отпрыски примитивнѣйшаго чувства симпатіи одного индивидуума къ другому, — симпатіи, основанной на подлинномъ влеченіи.

борьбы даже мозгъ съ средними способностями становится все болѣе и болѣе пригоднымъ социальнымъ орудіемъ.

Теперь, спрашиваю васъ, найдется ли у ведущаго такую жизнь человека время и охота разыгрывать тѣ половые любовные романы, которыми наводняютъ книжный рынокъ бульварные романисты, я которые составляютъ ежедневную духовную пищу нашихъ женщинъ и мужчинъ? На это я скажу вамъ: „Если онъ нормаленъ — то нѣтъ!“ Лишь патологическія натуры, съ болѣзненно повышенной чувствительностью и болѣзненными страстями, остаются, несмотря на энергичную работу за общее благо, совершенно неспособными подавлять въ себѣ страсти или преодолевать ихъ съ теченіемъ времени. Другіе же люди, вполне или наполовину нормальные, искусственно доходятъ до такой преувеличенной мечтательности въ половой области, вследствие бездѣльности, чтенія дурныхъ романовъ, разжигającychъ половое побужденіе и сентиментализмъ, а часто также вследствие односторонняго вліянія и другихъ ненормальностей городской жизни.

Мы уже сказали, что просто работы не достаточно, но что работа должна быть социальная. Дѣйствительно, отъ постояннаго монотоннаго занятія спеціальной профессіей, и даже исключительно научной спеціальностью, самъ мозгъ становится одностороннимъ. Вслѣдствіе этого, этическихъ чувства атрофируются. Далѣе, односторонность профессіи легко соединяется съ исключительностью въ любви (не въ половомъ побужденіи). Въ такомъ случаѣ, очень часто два эгоиста (а иногда и нѣсколько семействъ) соединяются для эксплуатаціи общества. Они, могутъ быть, вѣрны другъ другу и сравнительно счастливы, пока живы оба и здоровы, пока дѣла идутъ хорошо, пока дѣти-неудачники или вторженіе эгоистическихъ плановъ другихъ не разрушаетъ ихъ расчетовъ и надеждъ. Ну, а тогда? Но тотъ человекъ, который въ теченіе всей своей жизни соединялъ семейную любовь съ энергичной любовью ко всемъ людямъ, тотъ, даже послѣ самыхъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, находитъ въ этихъ чувствахъ утѣшеніе и возмѣщеніе. Онъ не озлобляется, не падаетъ духомъ, онъ спокойно переноситъ свои страданія, онъ не перестаетъ любить людей, не ожидая отъ нихъ чего-либо для себя, такъ какъ онъ въ теченіе всей своей жизни привыкъ работать не изъ личныхъ цѣлей.

Если мнѣ на это возразятъ, что я мечтаю о недостижимыхъ идеалахъ, то я рѣшительно запротестую противъ этого. Хорошія привычки не достижимы, и среди самыхъ скромныхъ людей, каковы рабочіе и крестьяне, мы встрѣчаемъ альтруистовъ, которые дѣйствительно понимаютъ и осуществляютъ только что нарисованный нами идеалъ. Въ главѣ XVII мы увидимъ, какъ можно и должно воспитывать въ этомъ смыслѣ естественные задатки ребенка. Само собою разумѣется, что никогда нельзя воспитать въ альтруистическомъ духѣ такихъ чистыхъ эгоистовъ и этически активно отрицательныхъ, т. е. также вредныхъ для общества натуръ, которыя являются таковыми въ силу глубоко укоренившихся естественныхъ задатковъ. Большинство болѣе вялыхъ и равнодушныхъ людей можно, путемъ социальной работы и соответствующаго воспитанія, приучить къ относительно хорошему, если только будутъ устранены вѣншія условія, толкающія ихъ на дурной путь, какъ, на примѣръ, алкоголизмъ и власть денегъ, а также ихъ источники, а съ другой стороны, будутъ установлены такія условія, которыя воспитываютъ въ человекѣ добрыя начала.

Наконецъ, какъ мы уже сказали, все вниманіе человечества должно быть направлено на правильный подборъ для того, чтобы увеличивалось число людей съ хорошими и пригодными для жизни задатками, а число слабыхъ и безсильныхъ индивидовъ постоянно уменьшалось. Но для этого необходимо, чтобы въ теченіе цѣлѣхъ столѣтій шла просвѣтительная и сознательная работа, — работа, которую мы теперь только можемъ начать. Здѣсь мы наталкиваемся на главную слабость человеческой натуры, а именно, на то, что человекъ сочувствуетъ и выступаетъ лишь за тотъ прогрессъ, осуществленія котораго надѣется достигнуть само его сердце „я“ въ его маленькой эгоцентрической жизни. Если это маленькое „я“ видитъ, что успѣхъ ужь не такъ близокъ, то человекъ становится вялымъ, разочарованнымъ, идетъ какимъ-нибудь предлогомъ отваливается отъ данной реформы и говоритъ: „ничего не подѣлаешь, люди слишкомъ плохи“. Приведемъ лишь одинъ примѣръ. Одинъ

молодой гимназистъ увлекся реформой, преслѣдующей цѣль полного уничтоженія алкоголизма. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ со страстью отдается этому дѣлу, пользуется всеми случаями, чтобы выступить публично и повсюду выступать, какъ апостолъ трезвости, какъ социальный реформаторъ. Затѣмъ, онъ поступилъ въ университетъ. Однажды, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, онъ внезапно охладѣлъ къ этому дѣлу, заявивъ,

Поссорились. Съ карт. Шюттгена.

что, по его мнѣнію, „движеніе въ пользу трезвости не имѣетъ будущаго“. Затѣмъ, онъ и совершенно отстранился отъ этого дѣла. Движеніе въ пользу трезвости шло, конечно, впередъ и безъ него. Спустя нѣсколько лѣтъ, его какъ-то просили признаться по совѣсти, почему онъ, собственно говоря, оставилъ это дѣло, и онъ, въ концѣ концовъ, сознался, что сдѣлать это для того, чтобы не прослыть оригиналомъ. Онъ признался, что, воздерживаясь отъ спиртных напитковъ, онъ чувствовалъ себя очень хорошо; при чемъ былъ немного удивленъ, узнавъ, что движеніе сдѣлало безъ него такіе блестящіе успѣхи, сознавъ, въ концѣ концовъ, свою ошибку и пообѣщавъ снова принять участіе въ этомъ движеніи.

Въ подобныхъ повседневныхъ, я хотѣлъ бы сказать, банальныхъ легкихъ случаяхъ скрыта тайна медленности, съ какой обыкновенно осуществляются хорошія социальныя реформы. Люди, увлекающіеся ими на одинъ моментъ, всегда думаютъ, что въ дѣйствительной жизни все должно совершаться съ такою же быстротою, какъ въ ихъ фантазіи; они охладѣваютъ и разочаровываются, какъ только увидятъ, что большинство не такъ ужъ скоро увлечено, за собой, такъ какъ у нихъ нѣтъ достаточной дозы личнаго мужества и личной выдержки для того, чтобы оставаться въ меньшинствѣ.

Такой же недостатокъ выдержки и вдумчивости, какимъ отличался нашъ юный поборникъ трезвости, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ области воспитанія дѣтей. Лишь очень медленно удается привести людей къ лучшему и болѣе ясному пониманію дѣла воспитанія.

Мы, кажется, уклонились отъ нашей темы, такъ какъ занялись тѣмъ отраженіемъ любви (см. гл. V), которое составляетъ предметъ социальныхъ чувствъ, т. е. этики, вообще. Но изъ этого правильно понятого и осуществляемого въ жизни социального отраженія любви состоитъ та плоть, которая удерживаетъ социально вредныя отклоненія нормальнаго полового побужденія и отводитъ его въ правильное этическое чувство. Но правильную половую этику не создадутъ ни вишнее припужденіе строгихъ, такъ наз. нравственныхъ законовъ, ни угрозы адскими муками, ни обѣщанія рая, ни высоко нравственныя проповѣди священниковъ, ни аскетическія мечтанія. Я не буду здѣсь повторять то, что сказано въ главахъ X, XI, XII и XIII. О цѣнности нравственныхъ ученій надо судить не по ихъ словамъ, а по ихъ плодамъ. Во всякомъ случаѣ, вполне ясно, что половая жизнь людей приметъ вышнія формы лишь тогда, когда она не будетъ больше покоиться на основѣ мистической, религіозно-догматической этики, а на основѣ истинно человѣческой этики, считающей съ нормальными потребностями человечества и имѣющей въ виду, прежде всего, счастье нашихъ потомковъ.

Бракъ надо считать одновременно средствомъ нормальнаго удовлетворенія полового побужденія и этической, социальной жизненной школой, но не какъ то или другое. Раздѣленіе труда, раздѣленіе обязанностей, полное равноправіе и совмѣстная социальная работа прекрасно приспособлены для того, чтобы все прочтѣе и прочтѣе закрѣплять половую связь между супругами. Подъ вліяніемъ развитія въ людяхъ социально-человѣческой вдумчивости, имъ будетъ легче преодолевать эгоистическія чувства, и прежде всего, ревность. Благодаря совмѣстной работѣ, совершенной съ цѣлью достиженія счастья и, специально, счастья въ половой области, такіе супруги научатся и прощать слабости людей въ этой области. Они не будутъ уже высокомерно и презрительно смотрѣть на дѣвушку съ вибратнымъ ребенкомъ, на разведенную жену, на конкубинатъ, даже на несчастнаго уринига и на другія слабости и недостатки, проявляемыя ихъ близкими въ области половыхъ отношеній; наоборотъ, они будутъ стараться сдѣлать ихъ счастливыми, т. е. помогать тѣмъ, кому помощь можетъ еще принести пользу. Эта помощь близкимъ доставитъ имъ величайшую радость, и если кто-нибудь изъ нихъ самъ поддастся какой-нибудь слабости въ половомъ отношеніи, то, во-первыхъ, это ему болѣе извинительно, а, во-вторыхъ, онъ сможетъ легче преодолѣть ее. Тогда прямо будетъ некогда отравлять жизнь другъ другу сквернымъ настроеніемъ духа и мелочными супружескими стычками. Мужъ не будетъ уже больше играть роль деспотическаго властелина и господина, а жена не должна будетъ искать спасенія въ фальши и унижаться до нея. Религіозныя догмы не будутъ больше вносить отчужденія между супругами; духовная власть не будетъ вмѣшиваться въ бракъ. Наконецъ, не будутъ больше испытывать страха передъ смертью, а относиться къ ней, какъ къ желанному успокоенію послѣ исполненной работы и выполненнаго долга — результатъ хорошо исполненной жизни.

Я не могу не упрекнуть въ ограниченности и, прямо таки, въ глупости тѣхъ людей, которые называютъ такой идеалъ на вѣки вѣчныя недостижимой грезой, бреднями непрактичныхъ мечтателей. Конечно, онъ не достижимъ для людей, воспитанными непрактичныхъ мечтателей. Конечно, онъ не достижимъ для людей, погруженныхъ въ пороки, лѣни и страсти къ наслажденіямъ; онъ не достижимъ для людей, мозгъ которыхъ уже утратилъ свою эластичность и способность къ дальнѣйшему развитію, или, быть можетъ, никогда не обладалъ этими свойствами. Но лучшие люди уже часто достигали его. Поэтому, надо оказывать вліяніе на людей (см. гл. XVII) и стараться производить путемъ подбора, а равно и воспитанія, молодежь съ все болѣе и болѣе хорошими задатками.

„Аллаху не зачѣмъ болѣе создавать; мы сами создаемъ нашъ міръ“.

Приложеніе къ главѣ XV.

„С л у ч а й“.

Въ критической статьѣ, посвященной первому изданію этой книги (Schmidt's Jahrbücher der Medizin, 1905) несправедливо женщины д-ръ П. Мебіусъ, авторъ книги „Физиологическое слабоуміе женщины“, пишетъ слѣдующее.

„Иногда у насъ возникаютъ опасенія, напримѣръ, по поводу усердія Фореля, ратующаго за аболіціонство, по поводу его мечтаній о „равноправіи“ половъ. Отдѣльныя мѣста его книги прямо таки поразительны: такъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о психологіи половъ, что интеллигентность мужчины выше, чувства половъ различны, но, приблизительно, одинаково сильны; но у женщины воля, якобы, сильнѣе, чѣмъ у мужчины (такъ какъ де она дома послѣдовательно проводитъ свою волю!)“.

Не говоря уже о наивной мотивировкѣ, которую приписываетъ мнѣ Мебіусъ относительно моего взгляда на волю женщины и которую, вѣроятно, найдетъ въ моей книгѣ внимательный читатель, я не хочу защищаться противъ его критики, а, въ качествѣ отвѣта, приведу лишь слѣдующій случай, за достовѣрность котораго ручается Ю. В. Эд. Вундзамъ (Цюрихъ). Приношу глубокую благодарность господину Вундзаму за сообщеніе этого крайне поучительнаго случая и за разрѣшеніе опубликовать его. Изъ этого случая мы можемъ понять, какую внутреннюю цѣнность имѣетъ наша современная половая мораль.

„Мой двоюродный братъ, сообщаетъ онъ, молодой австрійскій морской офицеръ, пошелъ въ Тунисъ съ товарищами въ публичный домъ. При его появленіи одна изъ дѣвушекъ вскрикнула и убѣжала въ свою комнату, гдѣ заперлась и не входила въ общую залу до тѣхъ поръ, пока, по ея мнѣнію, не ушли офицеры. Мой кузенъ былъ очень удивленъ ея поведеніемъ и, желая узвать причину, остался одинъ въ укромномъ уголкѣ дома до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не появилась опять, будучи убѣждена, что всѣ офицеры ушли. Онъ незамѣтно подошелъ къ ней и, къ своему великому удивленію, узналъ въ ней дочь изъ хорошей мѣщанской семьи его родного города.

Скрыться вторично дѣвушка не могла, и мой кузенъ сталъ умолять плачущую дѣвушку, чтобы она поговорила съ нимъ. Только послѣ долгаго колебанія и послѣ того, какъ онъ пообѣщалъ ей хранить тайну, ему удалось побудить дѣвушку рассказать свою судьбу.

Дѣвушка рассказала, что у нея была любовная связь съ лейтенантомъ гарнизона, стоявшаго въ ихъ городѣ, и что, въ концѣ концовъ, она совершенно отдалась своему возлюбленному. Замѣтивъ, что ихъ связь повлекла за собою извѣстныя послѣдствія, она сообщила о нихъ своему возлюбленному, который послѣ этого устроилъ такъ, что его вѣкоръ перевели въ Триестъ! Лишь черезъ нѣкоторое время родители замѣтили положеніе дѣвушки, такъ какъ она, боясь гнѣва отца, старалась при помощи корсета долгое время скрывать свое положеніе.

Когда ея беременность была замѣчена, отецъ очень грубо обошелся съ нею, и семья отказалась отъ нея: тогда несчастная дѣвушка поѣхала въ Триестъ, надѣясь встрѣтить поддержку у своего возлюбленнаго и соблазнителя. Тамъ она испытала первое и самое тяжкое разочарованіе, влившее первую каплю яда въ ея сердце. Ея возлюбленный сказалъ ей, что онъ не можетъ ни жениться на ней, ни заботиться о ней, и, предлагая ей деньги, старался побудить ее уѣхать изъ Триеста и, вообще, не причинять ему никакихъ дальнѣйшихъ затрудненій! Несмотря на свое положеніе, она отказалась отъ предложенныхъ денегъ, вѣроятно понимая, что человѣкъ, которому она отдалась изъ слѣпой любви и безконечнаго довѣрія, хочеть теперь отдѣлаться деньгами отъ дальнѣйшихъ заботъ о ней.

Ея собственныя матеріальныя средства были очень ограничены, къ семьѣ она не смѣла, да и не хотѣла обращаться и потому она была вынуждена поступить на мѣсто. Это дѣло значительно осложнилось, вслѣдствіе ея беременности, сильно подвинувшейся впередъ. Она наняла бывшей кухаркѣ своихъ родителей, вышедшей замужъ въ Фіуме за ресторатора, призналась ей въ своемъ положеніи и попросила

разрѣшенія прѣхать къ ней. Ее приняли, и тамъ, работая по хозяйству, она ожидала разрѣшенія отъ бремени. Наступили роды — преждевременныя, — ребенокъ родился мертвымъ, а она сама долгое время еще хворала послѣ родовъ. Хотя семья бывшей кухарки приняла ее въ самомъ затруднительномъ положеніи и ухаживала за ней во время ея болѣзни, несчастная дѣвушка не могла болѣе тамъ оставаться; положеніе кельнерши въ матроской тавернѣ было ей отвратительно. Благодаря содѣйствію одного агента, часто посѣщающаго таверню, ей представился случай получить мѣсто въ нѣмецкой семьѣ въ Генуѣ, гдѣ якобы она могла также научиться французскому и итальянскому языкамъ. „Нѣмецкая семья“ — это былъ публичный домъ, откуда она черезъ нѣсколько мѣсяцевъ попала въ Тунисъ.

Тамъ она жила уже съ годъ, совершенно отупѣвъ нравственно, наполовину примирившись съ своей судьбой, такъ какъ она больше не надѣялась выбраться на новую дорогу. Тамъ ее встрѣтилъ мой кузень. Эта встрѣча пробудила въ ней воспоминанія о пережитомъ, которое, какъ она сама говорила, представлялось ей какимъ-то лихорадочнымъ бредомъ. Мой кузень рассказывалъ мнѣ, что когда эта дѣвушка, подъ вліяніемъ неожиданной встрѣчи, сознала все свое положеніе, ея психическое состояніе было ужасно.

Онъ совѣтовалъ ей мужаться и предложилъ, что при посредствѣ консула онъ можетъ освободить ее изъ публичнаго дома. Она отказалась отъ этого наотрѣзъ — она не желала возвращенія домой, боясь стыда! Безъ ея вѣдома, мой кузень обратился къ ея соблазнителю и указалъ ему, что долгъ чести требуетъ, чтобы онъ позаботился о несчастной дѣвушкѣ. Впослѣдствіи онъ сожалѣлъ объ этомъ шагѣ, такъ какъ полное игнорированіе его письма показало ему, какого сорта этотъ „кавалеръ“. Не предупреждая ни о чемъ дѣвушку, онъ обратился къ однимъ знакомымъ въ Вѣнѣ, и ему удалось добиться того, чтобы эта семья взяла ее къ себѣ въ бонны. Мой кузень лишь, отчасти, познакомилъ эту семью съ судьбой дѣвушки, сказавъ только, что, вѣдѣвствіе несчастной любви, она ушла изъ дому и теперь, покинутая женихомъ, очень нуждается. Онъ умолчалъ о томъ, какъ низко пала эта несчастная; когда я упрекнулъ его, почему онъ такъ поступилъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ, съ одной стороны, боялся наткнуться на непреодолимый предразсудокъ семьи, а съ другой — что стыдливость помѣшаетъ дѣвушкѣ занять это мѣсто.

Сначала дѣвушка не соглашалась на предложенную помощь, такъ какъ чувствовала себя настолько падшей, что, по ея мнѣнію, она не сможетъ болѣе занять положенія честной дѣвушки. Мой кузень въ трогательныхъ выраженіяхъ рассказывалъ мнѣ о душевной борьбѣ дѣвушки, объ ея пробудившейся надеждѣ, о томъ, какъ гнетуще тяжело было для нея сознаніе ея настоящаго положенія.

Съ большимъ трудомъ ему удалось внушить дѣвушкѣ новую вѣру въ будущее и убѣдить бѣдняжку, что возвратъ еще возможенъ.

Его стремленія освободить дѣвушку изъ публичнаго дома очень затруднялись тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ долженъ былъ скрывать свое namѣреніе отъ хозяина дома, такъ какъ, еслибы цѣль его частыхъ визитовъ къ дѣвушкѣ была преждевременно обнаружена, дѣвушку могли бы отправить въ другой домъ. За нимъ подозрительно наблюдали, такъ какъ — по его словамъ — въ публичныхъ домахъ зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы дѣвушки не слишкомъ часто принимали одного и того же поѣтителя. Недовѣріе хозяевъ притоновъ, въ особенности, пробуждается въ тѣхъ случаяхъ, когда они замѣчаютъ, что сношенія не носятъ обычнаго характера чувственности.

Освобожденія дѣвушки изъ публичнаго дома онъ добился лишь послѣ того, какъ заявилъ, что онъ заплатитъ за нее все долги, и что онъ офицеръ австрійскаго флота и, въ случаѣ нежеланія отпустить дѣвушку, обратится за содѣйствіемъ къ властямъ; одного заявленія объ уплатѣ ея долговъ было недостаточно.

Въ Вѣнѣ дѣвушку встрѣтили очень радушно и обращались съ ней очень хорошо. Мой кузень болѣе никогда не видѣлъ ее. Послѣ поѣздки въ Тунисъ, гдѣ онъ гостилъ у знакомаго морскаго врача, онъ отправился въ дальнее плаваніе.

Сначала дѣвушка писала ему довольно часто и въ теплыхъ словахъ описывала свою новую спокойную и счастливую жизнь; ею были довольны и съ ней обращались, какъ съ родной дочерью. Иногда мой кузень обращался съ неизменными запросами

къ хозяйкѣ дома относительно самочувствія дѣвушки, и она отвѣчала ему въ дружескихъ выраженіяхъ, что очень довольна ею.

Вслѣдствіе значительнаго разстоянія отъ родины, переписка на время почти прекратилась, и, не задолго до возвращенія моего кузена на родину, онъ не имѣлъ объ дѣвушкѣ никакихъ извѣстій. Онъ также не писалъ ей, а вернувшись въ Позу, рѣшилъ съѣздить ненадолго въ Вѣну и застать всѣхъ красилохъ своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ. Онъ пришелъ къ знакомымъ, но дѣвушки тамъ уже не было. Ему самому было оказано довольно „холодный“ пріемъ, и на его вопросъ, гдѣ же его знакомая дѣвушка, хозяйка дома стала упрекать его въ томъ, что онъ порекомендовалъ имъ проститутку, которая — какъ это ему было извѣстно — уже была въ публичномъ домѣ.

Хозяйка говорила, что дѣвушкѣ вполне довѣряли, что къ ней относились, какъ къ родной дочери, и не могутъ на нее пожаловаться ни въ какомъ отношеніи. Она прекрасно умѣла скрывать свое прошлое, пока, послѣ года жизни въ ихъ домѣ, о немъ не узнали совершенно случайно.

„Случай“ былъ таковъ. Гостя у родныхъ въ Триестѣ, дочь хозяевъ несчастной дѣвушки познакомилась съ капитаномъ N. и послѣ непродолжительнаго знакомства обручилась съ нимъ. Когда капитанъ пріѣхалъ въ Вѣну, чтобы представиться родителямъ своей невѣсты, онъ встрѣтилъ въ ихъ семьѣ дѣвушку и узналъ ее. И она, повидимому, узнала его, такъ какъ при встрѣчѣ съ нимъ была очень взволнована и попросила разрѣшенія остаться въ своей комнатѣ, подъ предлогомъ нездоровья. Капитанъ N. пробылъ въ Вѣнѣ лишь одинъ день и больше не встрѣчался съ дѣвушкой. Черезъ нѣсколько дней по его отъѣздѣ, отъ него пришло письмо, объяснявшее его поведеніе. Онъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить, конечно, о дѣвушкѣ, встрѣченной въ ихъ домѣ, такъ какъ онъ думаетъ, что ихъ взаимное смущеніе при встрѣчѣ не осталось незамѣченнымъ. Онъ знаетъ эту дѣвушку нѣсколько лѣтъ тому назадъ; она изъ хорошей семьи, но рано пала и пошла по дурному пути. Онъ самъ встрѣтилъ ее въ Триестѣ въ кафе-шантанѣ, а затѣмъ онъ получилъ отъ товарища вполне достоверное извѣстіе, что M-elle X. изъ П. находится въ одномъ изъ публичныхъ домовъ Туниса! Онъ убѣжденъ, что хозяевамъ неизвѣстно прошлое дѣвушки, такъ какъ иначе ее не взяли бы въ бонны. Но честь не позволяетъ ему послѣ этой встрѣчи умолчать о дѣйствительномъ положеніи дѣла, такъ какъ ему, какъ жениху, не безразлично, съ кѣмъ ежедневно встрѣчается его невѣста, молодая дѣвушка.

Мой кузень самъ читалъ это письмо. Капитанъ N. былъ тотъ самый офицеръ, который соблазнилъ и потомъ бросилъ дѣвушку.

Послѣ этого письма ее, согласно просьбѣ капитана, немедленно отпустили съ миромъ, заплативъ ей за мѣсяць впередъ.

Въ своемъ письмѣ этотъ почтенный господинъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ — какъ это мнѣ особенно отбѣнилъ мой кузень — что „эта дѣвушка, въ концѣ концовъ, несчастное созданье, которое надо пожалѣть!“.

Дѣвушка приняла расчетъ, не спрашивая причины его. Сознывая свою вину, она уклонялась отъ всякаго объясненія, но „изъ гордости и высокомерія“ отказалась отъ предложеннаго мѣсячнаго жалованья“.

Послѣ этого никто о ней ничего не слыхалъ, и до сихъ поръ неизвѣстно, что съ ней стало.

Всѣ поиски ея, предпринятые моимъ кузеномъ, остались безуспѣшны.

Ему не удалось спасти бѣдную дѣвушку изъ несчастнаго положенія, но за то ему удалось спасти дочь хозяйки отъ брака съ милѣйшимъ капитаномъ.

Вотъ разсказъ г. Вундзама. Мы отъ себя прибавляемъ: „Пусть мученичество этой несчастной благородной дѣвушки поможетъ тому, что бы наша гнусная оффиціальная лицемерная мораль въ половомъ вопросѣ была бы замѣнена новой, рациональной моралью“. Для нашей обычной половой этики этотъ случай представляетъ pendant къ случаю Фриды Келлеръ въ области отношеній права къ половому вопросу.

ГЛАВА XVI.

Половой вопросъ въ политикѣ и политической экономіи.

Къ сожалѣнію, главными цѣлями политики были всегда власть и деньги. Съ своей стороны, политическая экономія — это наука, изучающая народное хозяйство и условія его существованія. Она стремится построить на основѣ статистики, исторій и наблюдений общіе законы, касающіеся условій производства, потребления и распредѣленія благъ, труда и заработной платы, социальной организаціи народовъ, народнаго здравія, а также и численныя отношенія народонаселенія, прироста и убыль, цифру рождаемости и смертности и т. д. Я не могу здѣсь вдаваться въ политико-экономическія детали, да и не чувствую себя достаточно компетентнымъ въ этой области. Вслѣдствіе своей традиціонной связи съ политикой, эта наука издавна обращала слишкомъ мало вниманія на естественныя науки. Въ новѣйшее время замѣтенъ поворотъ къ лучшему въ этомъ отношеніи. Вотъ что писалъ въ 1894 году Тилле: „Послѣднее пятилѣтіе принесло поразительное открытіе, о которомъ не свилось ни Адаму Сміту, ни Мальтусу, ни Кобдену, а именно, что народъ состоитъ не изъ продуктовъ, не изъ странъ, а изъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, это нѣчто новое, хотя теперь, когда оно сдѣлано, каждый готовъ говорить, что это, молъ, было ему извѣстно и раньше“. Наконецъ-то расовой гигиенѣ стали удѣлять столько вниманія, сколько она заслуживаетъ. Коньетти де Марцисъ (*Le forme primitive nella Evoluzione economica* 1881) уже сдѣлалъ попытку приложить эволюціонную теорію къ политической экономіи. Недавно то же сдѣлалъ проф. Евг. Швидлауцъ (Вѣна) въ интересной статьѣ о потребности и алчности въ человѣческой психологіи: „Die psychologischen Grundlagen der Wirtschaft“ (*Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, 1905: Sept. bei G. Reimer, Berlin). Раньше считались почти исключительно съ количествомъ, а не съ качествомъ людей, руководясь ошибочнымъ воззрѣніемъ, что человѣкъ, образъ и подобіе Божіе, могъ появиться на свѣтъ только хорошимъ; одни лишь его грѣхи, дурныя поступки его отвѣтственной свободной воли повинны въ его часто наблюдаемомъ физическомъ и психическомъ уродствѣ. Даже наследственное вырожденіе „до третьяго и четвертаго колѣна“ считали божескимъ наказаніемъ за грѣхи отцовъ.

Деспоты старыхъ и новыхъ временъ всегда смотрѣли на людей, какъ на орудія для достиженія своихъ цѣлей, а иногда просто лишь какъ на пушечное мясо. Когда Наполеонъ I устанавливалъ преміи для женщинъ, рождавшихъ много дѣтей, то, при этомъ, онъ имѣлъ въ виду особенно то количество солдатъ, которые будутъ наводиться въ распоряженіи его сына. Онъ имѣлъ полное основаніе позаботиться о своемъ времени замѣщенія. Психическія качества, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ слояхъ народа, его, при этомъ, интересовали гораздо меньше. Войны — это губительный факторъ для человѣческаго подбора. Онѣ уничтожаютъ и калѣчатъ именно лучшую часть населенія въ его самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, оставляя въ живыхъ калѣкъ, больныхъ и стариковъ. Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, на производительную способность солдатъ губительно дѣйствуютъ — въ особенности, качественно, хотя также и количественно — различныя венерическія болѣзни и алкоголь. Послѣ нѣкоторыхъ продолжительныхъ войнъ мужское населеніе настолько уменьшалось численно, что нельзя было обойтись безъ полигаміи. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что войны наносятъ тяжкій ущербъ половымъ отношеніямъ людей и, вслѣдствіе этого, крайне вредно отражаются не только на количествѣ, но и на качествѣ націи.

Однако, для насъ еще важнѣе политическая экономія. Мы отнюдь не сомнѣваемся въ правильности цифръ, говорящихъ, что, при такихъ-то и такихъ-то экономическихъ условіяхъ населеніе растетъ, а при противоположныхъ уменьшается и т. п. Но все это лишь суммарные результаты, настоящая причина которыхъ остается намъ неясной. При этомъ, надо очень точно учитывать факторы эмиграціи и иммиграціи и жизненныя условія народовъ, часто оказывающія чрезвычайно сильное вліяніе на цифры. Какъ извѣстно, *post hoc* далеко не всегда означаетъ *propter hoc*. Здѣсь обнаруживаются все болѣе и болѣе интересныя явленія.

Мы видимъ, что — при прочих одинаковыхъ условіяхъ — трезвое или совершенно не употребляющее алкоголя населеніе болѣе плодотворно, чѣмъ то, которое потребляетъ въ болѣе или менѣе, неумѣренномъ количествѣ спиртные напитки. Это можно наблюдать въ Россіи на пьющихъ сектантахъ. Такъ какъ алкоголь — какъ мы уже это видѣли — чрезвычайна понижаетъ посредствомъ бластофторін уровень качества людей, то мы должны согласиться съ такими авторитетами, какъ Гладстонъ, Дарвинъ, Кобденъ, О. Контъ и ми. др., которые говорили, что потребление алкоголя вредитъ человечеству значительно больше, чѣмъ война, голодъ и чума, взятые вмѣстѣ. Это — политико-экономическій факторъ первостепенной важности, но большинство политико-экономовъ, какъ бы ослѣпнувъ, не замѣтили его. Правда, надо быть очень близорукимъ, чтобы въ продуктахъ производства спирта видѣть источникъ народнаго благосостоянія, и эта близорукость наводитъ на очень печальныя размышленія. Сколько труда, сколько хорошей пахотной земли, сколько человеческихъ силъ, вообще, тратится на то, чтобы производить это губительное вещество, которое не является ни питательнымъ средствомъ, не приноситъ пользы ни въ какомъ другомъ отношеніи, кромѣ примѣненія въ аптекахъ и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности; что же касается его дѣйствія на человеческій организмъ, то оно только губитъ его какъ въ психическомъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Было бы смѣшно, еслибы не было такъ печально наблюдать, съ какой серьезной миной высокопоставленные чиновники и даже ученые вычисляютъ и пересчитываютъ доходы съ акциза на спиртъ, отъ экскорта и импорта, отъ монополіи производства и т. д. Странно видѣть, какъ поддерживаютъ равновѣсіе государственнаго бюджета путемъ отравленія народа алкоголемъ и увѣряютъ людей, а иногда и самихъ себя, что этимъ совершаютъ великій политико-экономическій подвигъ: между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, правительство приноситъ въ жертву Молоху силу и здоровье народа,

Постоянство и долговѣчность любви.

— Ты ли было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ?

а Молохъ, съ своей стороны, въ благодарность за то, что питается мозгомъ народа, наполняетъ казенный карманъ деньгами, столь легко и легкомысленно вытянутыми у людей. Этотъ родъ политической экономіи заслуживаетъ лишь одного названія: „Ложь и мошенничество“. Никогда не будетъ достаточно говорить о томъ, какое ужасное дѣйствіе ока-

зываетъ эта система на людскія отношенія и наслѣдственность людей.

Что касается количества народонаселенія, то здѣсь мы встречаемъ диаметрально противоположныя взгляды. Нѣкоторые люди видятъ спасеніе народа въ неограниченномъ размноженіи его и, вмѣстѣ съ Бебелемъ, думаютъ, что при рациональномъ использованіи всѣхъ угловъ и закоулковъ земли можно ее продуктами про-

кормить еще неограниченное количество людей. Этотъ странный китайскій идеаль, стремящійся къ тому, чтобы превратить всю поверхность земного шара въ унавоженное картофельное или хлѣбное поле и устроить на немъ, такъ сказать, своего рода кроличій садокъ, — такой идеаль насъ не привлекаетъ. Впрочемъ, мы имѣемъ полное право насатъся, что когда китайцы достигнутъ той ступени цивилизаціи, что будутъ смѣшиваться съ другими народами, они безъ нашей помощи превратятъ земной шаръ въ такой именно человѣческой кроличій садокъ, конечно, если мы своевременно не примемъ противъ этого мѣръ.

Съ другой стороны, мы встречаемъ своего рода идеалистовъ — такъ наз. неомальтузіанцевъ, которые находятъ количество людей слишкомъ большимъ и объясняютъ войну приросту населенія. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ, которое я получилъ отъ знаменитаго представителя англійскихъ неомальтузіанцевъ (Д-ръ Драйсдаль), онъ мнѣ заявилъ, что съ моей стороны было преступленіемъ производить на свѣтѣ четырехъ дѣтей. Такіе неомальтузіанцы считаютъ не только съ количествомъ, но и съ качествомъ и составляютъ поразительно наивные расчеты. Они, какъ и мы, рекомендуютъ примѣненіе противозачаточныхъ средствъ. Но, къ сожалѣнію, при этомъ они поступаютъ не критически. Они апеллируютъ, прежде всего, къ болѣе образованной и интеллигентной части населенія и, такимъ образомъ, побуждаютъ къ возможно меньшему размноженію лучшіе элементы, которые наиболѣе необходимы нашему обществу: при этомъ они не замѣчаютъ, что при такомъ способѣ дѣйствія не только негры и китайцы, но и самыя грубые и неразвитые слои нашихъ народовъ нисколько не считаются съ ихъ суровыми правилами, такъ что, въ концѣ концовъ, достигается результатъ, противоположный тому, къ какому они стремятся. Поэтому у сѣверо-американцевъ и ново-зеландцевъ, среди которыхъ неомальтузіанство очень распространено, мы видимъ сильное пониженіе числа рожденій и уменьшеніе лучшихъ рабочихъ силъ, тогда какъ негры и китайцы размножаются въ Сѣверной Америкѣ съ очень большою быстротой. То же, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто во Франціи, гдѣ отъ дѣтороженія воздерживаются по мотивамъ близорукой бережливости.

Давно пора, чтобы раціональный и хорошо обдуманнй подборъ занялъ мѣсто между этими двумя односторонними крайностями, нелѣпость которыхъ вполнѣ очевидна. Мы должны послѣдовательно рекомендовать неомальтузіанство больнымъ, неспособнымъ, тупымъ, плохимъ и низшимъ расамъ. Что же касается сильныхъ, хорошихъ, здоровыхъ и болѣе интеллигентныхъ элементовъ населенія, то имъ, какъ мы уже говорили не разъ, надо соѣтовать сильное размноженіе. Въ этомъ, конечно, заключается первостепенный политико-экономическій моментъ, даже болѣе: я иду такъ далеко, что рѣшаюсь утверждать, что этотъ моментъ — важнѣйшій изъ всѣхъ. Конечно, дѣйствіе его проявляется чрезвычайно медленно и только въ теченіе столѣтій можетъ дать ясный положительный результатъ. Но, если онъ будетъ признакъ, то мы имѣемъ полное основаніе ожидать лучшаго будущаго для нашихъ потомковъ. Должно наступить время, когда человѣческое населеніе земли достигнетъ относительно стационарнаго состоянія. Если до тѣхъ поръ удастся значительно повысить качество и уничтожить современное, находящееся въ связи съ голодомъ и нищетой отупѣніе пролетаріата въ физическомъ и психическомъ отношеніяхъ посредствомъ окончательнаго его устранения, то только тогда современная теорія неомальтузіанцевъ будутъ имѣть извѣстное значеніе для лучшей части населенія. Если же человечество не дойдетъ до отупѣнія и паденія китайцевъ, то наши потомки сами будутъ остерегаться прекращать раціональный подборъ. Способный человѣкъ дастъ своимъ трудами обществу гораздо болѣе, чѣмъ онъ получаетъ отъ него, и потому онъ является изысканіемъ съ политико-экономической точки зрѣнія. Наоборотъ, калѣка въ психическомъ или физическомъ отношеніи беретъ отъ общества болѣе, чѣмъ ему дается, и потому съ политико-экономической точки зрѣнія является дефицитомъ.

Въ главѣ VI мы видѣли, что нѣкоторые обычай чистоты человѣческаго происхожденія постепенно становятся составными частями религіи. Къ несчастію для человечества, религія и политика — какъ извѣстно — издавна соединились другъ съ другомъ, обыкновенно, для того, чтобы приносить зло. Такъ, напримѣръ, безбрачье

свидѣніемъ (у католиковъ), основанное на своего рода религиозной политике, чрезвычайно способствовало тому, чтобы сдѣлать безплодной болѣе интеллигентную часть населенія католическихъ странъ и тѣмъ самымъ нанесла сильный ущербъ этимъ странамъ.

Другимъ отвратительнымъ учрежденіемъ, введеннымъ Наполеономъ I, является запрещеніе развѣсывать отцовство. Мы уже говорили объ этомъ. Такіе законы ведутъ къ вытравленію плода и чрезвычайно поощряютъ распущенность мужчинъ, между тѣмъ, какъ, наоборотъ, мы искали и нашли, что благо семьи и половыхъ отношеній заключается въ исполненіи родителями обязанностей по отношенію къ своимъ дѣтямъ.

Главная задача политической экономіи, а также политики, стремящейся къ дѣйствительному благу народа, должна была бы заключаться въ содѣйствіи производству счастливыхъ, пригодныхъ для жизни, здоровыхъ и очень трудолюбивыхъ дѣтей. Правда, очень хорошо говорить о просвѣщеніи и любви къ ближнимъ то обстоятельство, что наши страны покрываются все большей и большей сѣтью больницъ, домовъ для умалишенныхъ, убѣжищъ для бѣдныхъ и неспособныхъ къ труду и т. п., что эти учрежденія строятъ по вѣсѣмъ правиламъ науки и даютъ имъ раціональную постановку. Но что при односторонней заботѣ о человѣческихъ развалинахъ, этихъ результатахъ нашихъ социальныхъ безобразій, постепенно растрачиваются и уничтожаются силы еще здороваго и работоспособнаго населенія, — этого мы не замѣчаемъ. Еще гораздо гуманнѣе и лучше — хотя этотъ родъ гуманности менѣе бросается въ глаза — уничтожать зло въ самомъ корнѣ и положить конецъ рожденію психическихъ и физическихъ калѣкъ. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ наши политики и политико-экономы совершенно не задавались этой задачей. Это считалось безполезнымъ, именно, потому, что плоды такихъ усилій не придется пожать самому. Человѣка, стремящагося къ такимъ реформамъ, самое большее сочтутъ за фантазера, чудака или даже сумасшедшаго. Поэтому, предпочитаютъ довольствоваться общепринятой, бросающейся въ глаза благовидной гуманностью, которая считается, прежде всего, съ негѣлыми чувствами массъ, и протягиваютъ руку состраданія и милосердія непосредственно видимымъ и слышимымъ страданіямъ. Однимъ словомъ, мы занимаемся починкой развалинъ, но боимся тронуть самого разрушителя.

Нѣкогда великій спартанскій законодатель Ликургъ пробовалъ законодательнымъ порядкомъ установить своего рода подборъ. Ликургъ хотѣлъ сдѣлать изъ спартанцевъ крѣпкій, здоровый народъ, такъ какъ тогда физическая сила была почти исключительно идеаломъ народовъ. Онъ понималъ всю цѣнность закалыванія, но не понималъ цѣнности труда. Онъ уже понималъ значеніе для народа устраненія всѣхъ больныхъ и слабыхъ, но въ его время законы природы были извѣстны лишь въ очень незначительной степени. Но все же, несмотря на большіе недостатки ликурговъ законовъ, до извѣстной степени удалось сдѣлать изъ спартанцевъ сильный здоровый народъ.

Законы Ликурга запрещали, чтобы спартанцы наследовали какую-нибудь земельную собственность и позволяли себѣ какую-нибудь роскошь. Они должны были жить очень просто, ѣсть сообща черную похлебку и постоянно заниматься упражненіями для развитія силы и ловкости. Всѣ должны были вступать въ бракъ, и брачные законы были очень строги. Зато всѣхъ слабыхъ здоровьемъ или уродливыхъ дѣтей устраняли, т. е. убивали. Но спартанская организація страдала, какъ мы уже намекали, двумя недостатками.

Во-первыхъ, спартанецъ былъ воиномъ, но не работникомъ и, хотя суровымъ и закаленнымъ, но все же аристократомъ. Работу онъ предоставлялъ рабамъ или илотамъ, относясь къ ней съ презрѣніемъ. Этимъ онъ во многихъ отношеніяхъ усиливалъ илотовъ и ослаблялъ себя. Тогда еще не знали, какъ укрѣпляюще дѣйствуетъ на мозгъ и на все тѣло физическая работа, и этого не понимали ни самъ Ликургъ, ни тѣ, кто составлялъ ликурговы законы. Во-вторыхъ, спартанцы направляли всѣ свои усилія на развитіе мускульной силы, физической ловкости, мужества, суровости и нетребовательности, но не на развитіе интеллекта и высшихъ чувствъ, и не стремились къ идеальнымъ цѣлямъ. Но, вслѣдствіе односторонности, съ какой система

Ликурга способствовала почти исключительно физическому развитію людей, не обращая вниманія на психику, что препятствовало гармоничному развитію человѣка; далѣе, послѣдствіе пренебреженія къ труду, — однимъ словомъ, вслѣдствіе пренебреженія законами органическаго развитія — пренебреженія, основаннаго на незнаніи — вся система Ликурга должна была, въ концѣ концовъ, привести къ отрицательнымъ результатамъ. Впрочемъ, позидѣйшій упадокъ страны былъ вызванъ не законами Ликурга, а, наоборотъ, несоблюденіемъ ихъ и отказомъ отъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, спартанцы всегда стремились лишь къ силѣ, а это вызывало къ нимъ ненависть и недоброежелательность со стороны другихъ. Этимъ, косвеннымъ образомъ, сказались отрицательные результаты односторонности ликурговыхъ законовъ. И все же они остаются на все времена замѣчательной и гениальной попыткой осуществить особаго рода человѣческій подборъ.

Въ настоящее время, мы находимся въ несравненно лучшемъ положеніи относительно этого вопроса. Но за то теперь у тѣхъ людей, которымъ ввѣрено руководство ихъ собратями, вѣтъ, главнымъ образомъ, инициативы и воли. Эти люди такъ поглощены интересами и вопросами власти, что у нихъ атрофированъ умъ для пониманія высшихъ соціальныхъ идеаловъ. Только могучее социальное потрясеніе можетъ вызвать поворотъ къ лучшему.

„*Où est la femme?*“ какъ извѣстно, задаетъ себѣ вопросъ французъ, если въ политикѣ или гдѣ-нибудь совершается какой-либо непонятный фактъ. Но въ такихъ случаяхъ надо было бы нѣсколько расширить вопросъ и, пожалуй, формулировать его такъ: „Гдѣ побудительная половая причина?“ Поступки людей, а, слѣдовательно, и ихъ властелиновъ, какъ въ маломъ, такъ и въ большомъ, опредѣляются, къ сожалѣнію, гораздо больше ихъ чувствами и страстями, чѣмъ интеллектуальными соображеніями, т. е. разумомъ и логикой. Но никакія чувства не могутъ быть сильнѣе непосредственныхъ или производныхъ половыхъ чувствъ любви, ревности и ненависти. Отсюда вытекаетъ фактъ, на который социалистическія системы обращаютъ слишкомъ мало вниманія, а, именно, что во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности половыя страсти и ихъ психическія отраженія, прямо или косвенно, играютъ роль и часто очень вредную. Жена профессора можетъ, напримѣръ, изъ ревности не допускать способнаго человѣка до высшей школы, или, наоборотъ, проводить въ нее своего неспособнаго любимца. Метрессы и куртизанки всегда играли значительную роль въ политикѣ, особенно, при всѣхъ автократіяхъ. Не всегда дѣло доходитъ до трагическаго скандала, какъ, напр., убійства сербской королевской четы. Часто наиболѣе дѣйствительными и имѣющими наибольшее значеніе оказываются самыя мелкія, скрытыя, обыденныя вліянія. Во все времена мы находимъ примѣры того, что половыя интриги великихъ міра сего вершали судьбами цѣлыхъ народностей. Многое объ этомъ рассказываетъ намъ уже официальная исторія, но несравненно больше неаннотированная, дѣйствительная исторія народовъ. Намъ достаточно лишь обратить вниманіе на этотъ фактъ, а всякій мыслящій человѣкъ самъ найдетъ достаточно примѣровъ для иллюстраціи его какъ въ исторіи прошлыхъ временъ, такъ и въ политикѣ нашихъ дней, какъ при дворахъ могучихъ монарховъ, такъ и въ исторіи мѣстныхъ правовъ небольшой области, въ своей общинѣ и, наконецъ, среди своихъ близкихъ знакомыхъ и родственныхъ. Поэтому, тотъ социалистъ, который сказалъ, что социальный вопросъ — это вопросъ желудка, не вполне понялъ его значенія и человѣческой психологіи. Какъ ни регулируйте экономическія соціальныя отношенія, намъ никогда не удастся устранить часто вѣроломное вмѣшательство половыхъ страстей въ социальную жизнь. Вотъ, что единственно можно сдѣлать въ этомъ отношеніи: посредствомъ воспитанія обоихъ половъ, повышающаго ихъ социальную совѣсть, мы можемъ болѣе смягчать дурныя вліянія социальныхъ поступковъ личными половыми чувствами. Такимъ образомъ, здѣсь проявляется важное вмѣшательство полового вопроса въ политику и всю социальную жизнь. Мы, впрочемъ, признаемъ, что еслибы было устранено въ значительной степени отрицательное вліяніе денегъ и ихъ притягательная сила, то тѣ социальныя поступки, которые лишь косвеннымъ образомъ основаны на половыхъ страстяхъ, были бы въ значительной степени менѣе опасными и низкими.

И здѣсь надо ожидать очень многого отъ правильной и гармонической эмансипации женщинъ и ихъ равноправнаго сотрудничества въ области социальныхъ вопросовъ. Неустанныя и гармоничная совместная работа женщинъ и мужчинъ будетъ все сильнѣе и сильнѣе выявлять обоимъ поламъ всю серьезность ихъ социальной жизненной задачи. Тогда и половая жизнь будетъ скорѣе способствовать, чѣмъ тормозить дѣло социального развитія, такъ какъ тогда она не будетъ считаться уже

Долговѣчность любви.

Белка вдова. Съ рис. Н. Н. Бореля.

больше самоцѣлью или, вѣрнѣе, средствомъ эгоистическаго наслажденія, а будетъ побудительной причиной къ трудовому существованію. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ женщинамъ предоставлено право голоса, мы видимъ, что послѣднія умѣютъ использовать его въ цѣляхъ достиженія социального прогресса. Если мы на это возразимъ, что женщины консервативнѣе и болѣе привержены къ рутинѣ, чѣмъ мужчины, то я отвѣчу на это слѣдующимъ образомъ: эта черта перевѣшивается склонностью женщинъ увлекаться и идти по стопамъ, въ общемъ, благородно-мыслящихъ, социально-чувствующихъ и трудолюбивыхъ мужчинъ, а не какихъ-либо другихъ (см. гл. V въ

Покинутая Фаономъ поэтесса Сафо бросается въ море съ Левкадскихъ скалъ.
Съ картины А. Ж. Гро.

Соперники. Съ карт. Т. Моргитан.

Задѣять, ихъ обильная выносливость и самоотверженность являются необходимыми свойствами для прогрессивной социальной работы.

Въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи Швидландъ вполне правильно указываетъ на то, какъ важно въ политической экономіи дѣлать различіе между потребностью и алчностью. Правда, на практикѣ очень трудно установить, что такое: потребность и что такое роскошь. То, что наши предки считали роскошью (матрасы, удобная квартира, чистота и проч.), мы въ настоящее время считаемъ потребностью. Алчность человека не знаетъ границъ: она ненасытна въ своемъ стремленіи къ наслажденію и разнообразію. Было большою ошибкой нѣкоторыхъ социалистовъ (но, въ особенности, анархистовъ) провозглашать право на удовлетвореніе каждого нашего вожделѣнія. Это — провозглашеніе непорочности и вырожденія. Насколько справедливо право требовать удовлетворенія естественныхъ потребностей, настолько же несправедливо и вредно освящать всякое вожделѣніе.

Поэтому здѣсь надо — какъ я уже сдѣлалъ въ другомъ мѣстѣ (Гигіена нервовъ и ума) — дѣлать различіе между хорошими и дурными „потребностями“ и вожделѣніями. Хороши всѣ тѣ потребности, которыя необходимы для здоровой жизни, но, самое главное, всѣ инстинкты къ социальной работѣ; дурны, наоборотъ, всѣ тѣ потребности, которыя приносятъ вредъ жизни и здоровью индивида, или нарушаютъ права, или вредятъ благу и блага. Потребности послѣдней группы относятся, по большей части, къ роскоши, т. е. вожделѣнію, если не къ нравственной испорченности. Средию между ними занимаютъ, сами по себѣ, индифферентныя вожделѣнія, напримѣръ, стремленіе имѣть красивыя вещи. Нѣкоторые объекты челоѣческаго вожделѣнія, вообще, вредны сами по себѣ: напр., потребленіе алкоголя и наркотическихъ веществъ. Другія становятся вредной роскошью лишь въ случаѣ излишества, напр., обжорство, половые эксцессы, деньги, украшенія и т. д. Среди предметовъ вожделѣнія половые объекты играютъ огромнѣйшую роль. Если султанъ или папа держатъ при себѣ огромное число женщинъ, то это — социально-вредное излишество, посягающее на права другихъ. Этотъ вопросъ мы достаточно полно обсуждали уже въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь я хотѣлъ только отмѣтить вмѣстѣ съ Швидландомъ, какъ необходимо съ политико-экономической точки зрѣнія отмѣнять и проводить границы между вожделѣніемъ и потребностью, какъ бы они ни были субъективны и относительны.

ГЛАВА XVII.

Половой вопросъ въ педагогикѣ.

Если мы сопоставимъ факты, сообщенные нами въ главахъ IV, VI, VII и VIII, то у насъ не возникнетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что половое ощущеніе и половое побужденіе каждаго челоѣка складывается изъ двухъ группъ элементовъ: 1) изъ унаслѣдованныхъ, или приносимыхъ съ собою на свѣтъ, въ качествѣ задатка, филогенетическихъ элементовъ (наслѣдственной мнемы) и 2) изъ элементовъ, прибрѣтенныхъ въ теченіе жизни, въ результатѣ воздѣйствія вѣшнихъ раздраженій, въ силу привычки и раздраженія. Первая группа элементовъ дремлетъ въ челоѣкѣ сначала въ качествѣ зародышевой энергіи или склонностей и принадлежитъ къ его характеру. Лишь, по наступленіи половой зрѣлости, происходитъ фактическое проявленіе большинства изъ нихъ и ихъ дальнѣйшее развитіе на основаніи воздѣйствія вѣшнихъ раздраженій, равно какъ и ихъ переработка самимъ индивидомъ и его волей. Въ первыхъ педагогика не можетъ ничего измѣнить. Они уже предначертаны и образуютъ основу некусства воспитанія. Такимъ образомъ, задача послѣдняго сводится лишь къ тому, чтобы направлять вышеозначенныя наслѣдственные половыя склонности по возможно болѣе дѣлагообразному, хорошему и здоровому пути. Если имѣются, налицо совершенно извращенныя задатки, напр., ясно выраженный гомосексуализмъ,

садимъ и т. п., то этическое воспитаніе, въ особенности, можетъ сдѣлать что-либо для характера и бороться съ тѣмъ, что раздражаетъ это побужденіе. Но качества его оно измѣнить не въ состояніи. Здѣсь нельзя строить себѣ никакихъ иллюзій. Повсюду же, гдѣ имѣются нѣсколько средніе нормальныя задатки, воспитаніе можетъ въ очень большой степени способствовать тому, чтобы человекъ избѣгалъ патологическихъ уклоненій и привычекъ, чтобы его побужденіе развивалось нормально и по нормальному пути.

Мы уже видѣли, въ особенности, въ главѣ VII, что привычка къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ чувствъ всегда уменьшаетъ ихъ эротическое дѣйствіе и что, наоборотъ, эротизмъ, *Libido sexualis*, особенно возбуждается непривычными картинами и другими чувственными впечатлѣніями и раздраженіями, относящимися къ другому

полу. При воспитаніи своихъ дѣтей человекъ всегда дѣлаетъ одну и ту же ошибку, а именно, онъ безсознательно вкладываетъ свои чувства (чувства взрослого) ребенку. То, что возбуждаетъ половое чувство у взрослого, совершенно не дѣйствуетъ на не созрѣвшаго въ половомъ отношеніи ребенка. Поэтому съ нимъ можно очень откровенно говорить извѣстными образомъ о нѣко-

Въ школѣ. „Удобный случай“. Рис. Н. Батыкова.

торыхъ вещахъ и объяснять ихъ ему, не возбуждая, при этомъ, его полового чувства. Наоборотъ, въслѣдствіе того, что ребенокъ привыкъ считать половыя отношенія и вещи чѣмъ-то естественнымъ, послѣднія будутъ въслѣдствіе возбуждать его эротизмъ и любопытство въ гораздо меньшей степени, такъ какъ они потеряютъ для него всю прелесть новизны. Если ребенокъ привыкаетъ къ виду голаго тѣла взрослого, то онъ не видитъ ничего особеннаго въ его половыхъ органахъ и найдетъ само собою понятнымъ, если, наиримѣръ, въ извѣстномъ возрастѣ у него вырастутъ волосы на половыхъ частяхъ. Наоборотъ, дѣти, воспитанныя въ крайней ложной стыдливости и въ полномъ невѣдѣніи всего того, что имѣетъ отношеніе къ половому вопросу, очень волнуются и стыдятся, когда у нихъ начинаютъ расти эти волосы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждаются эротически. Еще въ большей степени это наблюдается при наступленіи первыхъ менструаций у дѣвочекъ и первыхъ истеченій сѣмени у мальчиковъ. Тайна, которой окружены всѣ эти вещи и, вообще, все, что связано съ отравленіями половыхъ органовъ, составляетъ не только предметъ страха и мученій для многихъ дѣтей, но, кромѣ того, она возбуждаетъ ихъ любопытство и начинающійся развиваться эротизмъ; въ результатъ этого они, въ концѣ концовъ, просвѣщаются на этотъ счетъ въ высшей степени неподходящимъ образомъ и съ очень дурной стороны порочными людьми или непо-

ценными детьми, посредством наблюдения надъ совокупленіями животныхъ, посредствомъ чтенія порнографическихъ книгъ и т. п. Самымъ худшимъ при этомъ является то, что въ такихъ случаяхъ это просвѣщеніе соединяется обыкновенно съ онанистическими манипуляциями или даже съ соблазномъ къ онанизму или половымъ извращеніямъ, или же съ посѣщеніемъ публичныхъ домовъ. Невинность, какъ ее называютъ, т. е. наивное невѣжество созрѣвающего въ половомъ отношеніи ребенка, обладаетъ особой притягательной силой для сладострастниковъ обоихъ половъ, которые видятъ особую прелесть въ томъ, чтобы соблазнять такія молодыя существа. Къ сожалѣнію, родители лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ сознаютъ все значеніе своей небрежности, стараясь отдѣлаться отъ наивныхъ дѣтскихъ вопросовъ относительно половыхъ отношеній и т. п. уклончивыми отвѣтами, отговорками и ложью. Я счастливъ, что могу привести здѣсь мнѣніе просвѣщенной матери семейства, г-жи Шмидъ-Легеръ (*De l'éducation sociale de nos filles, Lausanne, Maison du Peuple, 1904*), съ которымъ я вполне согласенъ. Ниже я приблизительно передаю ея разсужденія.

Всѣ, или, по меньшей мѣрѣ, почти всѣ, матери воспитываютъ своихъ дочерей для брака: можно ли говорить, что онѣ готовятъ ихъ къ этому насколько возможно хорошо? Конечно, нѣтъ. Еще теперь дѣвушкѣ не сообщаютъ самыхъ простыхъ знаній, какія необходимы ей, будущей супругѣ и матери, и въ теченіе столѣтій молодыя дѣвушки выходятъ замужъ, въ болѣе или менѣе, полномъ невѣдѣніи относительно своихъ естественныхъ функцій и обязанностей. Правда, ихъ учатъ, довольно часто, стряпать, шить и вести хозяйство, но имъ ничего не говорятъ объ ихъ половыхъ функціяхъ и послѣдствіяхъ ихъ. Въ Цюрихѣ недавно открыта школа для сидѣлокъ, которыя тамъ учатся ухаживать за роженицами. Эта школа открываетъ свои двери также тѣмъ дѣвушкамъ, которыя, не желая стать профессиональными сидѣлками, хотятъ пройти курсъ практической госпитальной школы, чтобы ухаживать въ своей семьѣ за больными и специально за новорожденными роженицами. Это въ высшей степени похвальное учрежденіе, и его слѣдовало основывать повсюду и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Какой неловкой, неуклюжей и неспособной оказывается молодая женщина, не понимающая ничего изъ вещей, и какъ дорого ей иногда приходится расплачиваться за это невѣдѣніе. настоящее время положеніе вещей у человѣка не такъ просто, какъ у животныхъ, которымъ достаточно инстинкта, чтобы ухаживать за дѣтенышами. Въ настоящее время, то есть въ наше время, женщины-врачи Гильфикеръ (*Dr. med. Hilfiger*) предложила еще болѣе дерзкій планъ, для осуществленія котораго необходима, однако, помощь законодательства. Она говоритъ, что мужчины для упражненія мускульной силы имѣютъ привычку поступать на военную службу. Поэтому всѣ здоровыя дѣвушки по достиженіи совершеннолѣтія должны — если имъ не препятствуетъ какое-либо физическое недугъ, — вмѣсто военной службы, прослужить одинъ годъ въ какомъ-либо изъ слѣдующихъ заведеній: въ больницахъ, въ народныхъ кухняхъ, въ школахъ, въ ремесленныхъ мастерскихъ, въ женскихъ клиникахъ, въ ясляхъ или въ народныхъ кухняхъ. Это, конечно, гораздо лучше, чѣмъ то, что имѣетъ место въ настоящее время. Разъ можно убить двухъ зайцевъ: женщины будутъ получать социальное образованіе, а данныя учрежденія будутъ обладать нужными силами. Только одни мужчины должны отправлять обязательную социальную службу, а къ мужской службе также должны быть привлечены и женщины. Само собою разумѣется, что такая революціонная идея вызоветъ много возраженій и оппозицію. Прежде всего, матери буржуазныхъ семействъ, оскорбленные въ своихъ самыхъ заветныхъ чувствахъ, заявятъ намъ, что онѣ не могутъ позволить, чтобы ихъ дочери слышали и видѣли тамъ такія вещи, которыя для нихъ должны быть тайной до замужества. О святая простота! Почему эти вещи должны быть тайной? Не было бы ли логичнѣе подготовить нашихъ дѣтей къ браку, къ семейной жизни и т. п. что мы будемъ имъ разъяснять, что такое бракъ, чего онъ требуетъ и каковы его обязанности? Родители и педагоги, уклоняющіеся отъ своихъ обязанностей, дѣлаютъ половой вопросъ, совершая, хотя и безсознательно, но все же очень большую ошибку. Молодые мужчины, вступающіе въ бракъ, лучше знаютъ, что они дѣлаютъ, чѣмъ женщины. Они знаютъ, что они дѣлаютъ, и знаютъ, что имъ нужно. Женщины, напротивъ, не знаютъ, что имъ нужно, и не знаютъ, что они дѣлаютъ. Поэтому, въ одной изъ нашихъ книгъ, посвященной этому вопросу, мы не думаемъ, что это первый шагъ въ ходъ эту смѣшную и вредную игру.

что чистая женщина не должна знать ровно ничего о предназначенной ей природою роли и о своих обязанностях до того момента, когда она, связав себя на всю жизнь, приступает къ исполненію своих супружескихъ обязанностей? Уголовный законъ караетъ тѣхъ, кто убѣждаетъ другихъ людей вѣсти на себя такія обязанности, истинная природа и послѣдствія которыхъ отъ нихъ намеренно скрыта. Не подlezать ли такому же наказанію и родители, отдающіе своихъ ничего незнающихъ дочерей ужаснымъ, которые требуютъ такъ наз. чистыхъ дѣвушекъ? Нѣкоторыя женщины на это возражаютъ, что бракъ былъ бы слишкомъ печальнымъ и слишкомъ мало привлекательнымъ, еслибы насчетъ дѣвушки не строили никакихъ иллюзій. Было бы очень печально, еслибы въ двадцать или двадцать пять лѣтъ у насъ не было уже никакихъ иллюзій. Въ юности мы всегда строимъ много иллюзій во всѣхъ областяхъ. Тѣ иллюзій, которыя находятся въ связи съ самой природою, здоровы и хороши; но не хороши и не здоровы фантастическія мечты, стоящія въ рѣзкомъ противорѣчій съ дѣйствительностью, такъ что за ними должно слѣдовать быстрое разочарованіе. Тотъ, кто живетъ въ эмпіреяхъ до самаго брака, тому, обыкновенно, грозитъ опасность пережить тяжелыя испытанія. Болѣе правильное воспитаніе, при которомъ дѣтямъ выясняются половыя отношенія, лишь спасло бы молодыхъ, слишкомъ довѣрчивыхъ женщинъ отъ внезапныхъ и тяжелыхъ разочарованій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повысило бы этический уровень мужчинъ, вступающихъ въ бракъ. Когда будущая супруга будетъ точно знать, что она дѣлаетъ, вступая въ бракъ, то она будетъ требовать отъ своего жениха болѣе прочныхъ гарантій относительно будущаго, а также отчета въ его прошлой жизни.

Впрочемъ, вся оппозиція новымъ воззрѣніямъ въ этой области, въ концѣ концовъ, приведетъ ни къ чему. Уже теперь наши молодыя дѣвушки не идутъ такъ слѣпо

Въ

торыхъ вещахъ. Наобо-
щенія и ве-
его эротизмъ
ряютъ для
голаго тѣла
нахъ и
растѣ-
таніи

Воспитаніе и обученіе въ школахъ.

имѣе-
нихъ и
въ больш-
чекъ и перв-
вещи в. во-
не только
буждаетъ ихъ
этого она, в-
подходящимъ
тобы смотре-
ихъ батерей и тому подобныхъ несчастныхъ, она будетъ разумно утѣшать
имъ во всемъ; вмѣсто того, чтобы вступать въ жизнь съ иллюзіями,
араться смягчить суровую дѣйствительность благородными социальными
и какъ должны мы начинать объясненіе полового вопроса? Конечно,
женно передъ свадьбой, а, если это возможно, уже въ дѣтскомъ возрастѣ.
ители вполне соглашаются съ тѣмъ, что дѣтямъ нельзя знать, если мы
они имѣли непоколебимое довѣріе къ своимъ родителямъ и говорили

за нами; онѣ сами все болѣе
и болѣе стремятся къ освобо-
жденію. Не лучше ли было бы
пойти имъ въ этомъ отношеніи
навстрѣчу и своевременно пред-
упреждать ихъ? Съ невѣроят-
нымъ равнодушіемъ многіе ро-
дители отпускаютъ своихъ до-
черей далеко отъ себя на мѣста,
не думая о томъ, что онѣ мо-
гутъ стать жертвами какого-
нибудь безсердечнаго и несо-
вѣстнаго Донъ-Жуана, разъ ихъ
воспитываютъ въ полномъ не-
знаніи, наивности и внушаютъ
имъ быть довѣрчивыми. Мы не
говоримъ уже о тѣхъ дѣвуш-
кахъ, которыя разставляются
всякими сводниками (см. гл. IX).
Кромѣ того, дѣвушка, созна-
тельно относящаяся къ половому
вопросу, могла бы утѣшить много
несчастныхъ женщинъ. Вмѣсто

тези. Но этого одного не достаточно. Эти патологическія явленія начинаютъ проявляться уже въ дѣтствѣ. Много, много времени пройдетъ до тѣхъ поръ, пока извращенный въ половомъ отношеніи ребенокъ догадается, что его любовныя склонности или его побужденія другіе люди считаютъ ненормальными или противоестественными. Эти психическія отраженія его ненормальнаго побужденія часто составляютъ святое святыхъ, самое заветное въ его чувствахъ, предметъ его смутныхъ надеждъ и борьбы. Они противорѣчатъ натурамъ и склонностямъ его товарищей, вследствие чего онъ въ этомъ отношеніи никакъ не можетъ понять окружающихъ, а тѣ — его. Надъ его склонностями подсмѣиваются, ихъ не понимаютъ или относятся къ нимъ съ отвращеніемъ. Боязнь и стыдливость чередуются у него съ извращенными вожделѣніями. Лишь, мало-по-малу, впоследствии, когда данный субъектъ достигнетъ половой зрѣлости, онъ постепенно сознаетъ всю исключительность своего положенія въ мірѣ. Онъ чувствуетъ себя отвергнутымъ, одинокимъ, не возлагаетъ никакой надежды на будущее, видитъ, что его чувственные идеалы попираются людьми, какъ смѣшныя карикатуры и даже какъ наказуемыя чудовищныя преступленія, и потому онъ долженъ скрывать свою страсть, какъ какой-то преступникъ. Такъ какъ характеръ его часто бываетъ импульсивенъ и слабъ и соединяется съ сильнымъ часто преждевременнымъ половымъ побужденіемъ, онъ чрезвычайно легко сбивается съ пути, особенно, если онъ знакомится съ послушными объектами его страсти или даже съ одинаково настроенными тоже извращенными въ половомъ отношеніи товарищами. Такимъ образомъ, уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ часто образуются группы молодыхъ гомосексуалистовъ: уринигамъ-дѣвочкамъ удается хитростью соблазнять въ пансіонахъ подружъ и т. п. Достаточно обратить вниманіе на эти явленія, которые постоянно повторяются то тамъ, то сямъ и вызываютъ скандалы въ школахъ, чтобы пояснить умному и непредубѣжденному человеку, что уже особенно изъ этого соображенія необходимо объяснять въ свое время дѣтямъ половыя отношенія, и это просвѣщеніе является какъ заповѣдью гігіены, такъ и разумности и этики. Вполнѣ ясно, что если родители и учителя непринужденно и свободно, но соответствующимъ приличнымъ образомъ будутъ обмѣниваться съ дѣтьми мыслями по этому вопросу, то послѣдніе вскорѣ поймутъ свои половыя свойства. При этомъ обнаружатся холодныя и равнодушныя въ половомъ отношеніи дѣвушки, а также другого характера, которыя, наоборотъ, очень преждевременно проявляютъ эротическія чувства и склонности: само собою разумѣется, что съ ними надо говорить совершенно различнымъ образомъ: первому можно разъяснить все безъ всякихъ стѣненій, со вторыми, наоборотъ, надо обращаться осторожно, самое главное, оберегать ихъ отъ всякаго раздраженія полового побужденія, указывать имъ, особенно, на опасность зараженія венерическими болѣзнями, на возможность имѣть вѣбращныхъ дѣтей, вообще, на совращеніе безсовѣтными мужчинами. Иногда можно натолкнуться на истеричныхъ натуръ съ урниниическими склонностями, которыя влюбляются въ другихъ дѣвушекъ, а къ мужчинамъ чувствуютъ половое отвращеніе: иногда можно обнаружить въ дѣвушкѣ также садистку. У мальчиковъ обнаруживаются подобныя же различія въ интенсивности и вредности. У мальчиковъ развитіе полового чувства: у обоихъ половъ надо обращать вниманіе, въ особенности, на онанизмъ. Наконецъ, внимательный наблюдатель мальчиковъ можетъ натолкнуться на сравнительно распространенныя гомосексуальныя побужденія, рѣже на всевозможныя другія побужденія, каковы: садизмъ, мазохизмъ, фетишизмъ и т. п.

Вліаніе наслѣдственности.
Потомство алкоголиковъ.

Большое преимущество такихъ открытій заключается въ томъ, что извращенныхъ въ половомъ отношеніи дѣтей можно тогда подвергать особому наблюденію и — что самое главное — не отдавать ихъ въ интернаты, гдѣ ихъ, обыкновенно, ждутъ наибольшія искушенія. Положеніе гомосексуалиста въ интернатѣ можно сравнить, какъ мы уже сказали, съ положеніемъ юноши, которому позволяютъ спать въ одной комнатѣ съ дѣвушками; а объ этой опасности, по большей части, никто не думаетъ.

Если въ человѣкѣ обнаруживаются, однако, такое половое извращеніе, то на него надо смотрѣть не какъ на преступника, не какъ на порочнаго дурного человѣка, а какъ на ненормальнаго нервного больного, таящаго въ себѣ опасность какъ для себя, такъ и для другихъ. Его надо лечить и въ то же время препятствовать тому, чтобы онъ не сдѣлался очагомъ заразы для другихъ. Что касается специально гомосексуалистовъ, то ихъ надо, прежде всего, заботливо наблюдать и лечить, пока они еще не достигли совершенствленія. Затѣмъ, они могутъ строить свои собственные города, обмѣниваться кольцами и вступать въ бракъ, что они такъ охотно дѣлаютъ: это—довольно невинное занятіе, и имъ слѣдовало бы разрѣшать его. Нормальные взрослые люди, въ обществѣ, могутъ легко защититься отъ нихъ, если только они хорошо осведомлены въ половыхъ вопросахъ. Напротивъ, ребенокъ имѣетъ полное право претендовать на защиту отъ всякихъ половыхъ извращеній и всевозможныхъ половыхъ покушеній, и общество обязано организовать эту защиту. Но оно не можетъ этого сдѣлать, если само не просвѣщено на этотъ счетъ, а юношество не просвѣщено тѣмъ рациональнымъ способомъ, который мы указали здѣсь. Если при этомъ обнаруживаются опасныя извращенія, напр., садизмъ или прирожденную половую любовь къ дѣтямъ, то пред-

Вліяніе наслѣдственности.
Потомство алкоголиковъ.

охранительныя мѣры въ высшей степени необходимы и въ крайнемъ случаѣ слѣдуетъ прибѣгать къ продолжительной изоляціи больного. Противъ онанизма нѣтъ лучшаго средства—кроме внушенія, — какъ именно тотъ видъ воспитанія, который господствуетъ въ сельскихъ воспитательныхъ пріютахъ, самое главное, постоянныя физическія упражненія, въ связи съ психической возбуждающей работой. Если такое воспитаніе проводится послѣдовательно съ дѣтства, то, вообще, половое побужденіе проявляется позже, умѣреннѣе и спокойнѣе, что является въ высшей степени желательнымъ и что дѣлаетъ позднѣйшую половую жизнь человѣка болѣе счастливой.

Вліяніе наслѣдственности.
Потомство алкоголиковъ.

Впрочемъ, при обсужденіи онанизма въ главѣ VIII, мы уже видѣли, что онъ можетъ быть проявленіемъ очень различныхъ состояній. Съ этимъ надо считаться, когда приходится имѣть дѣло съ онанизмомъ.

Другое преимущество своевременнаго ознакомленія дѣтей съ половымъ вопросомъ—это ихъ собственное успокоеніе. Многіе юноши и дѣвушки прямо отчаиваются, задумываются или становятся меланхолическими и нелюдимыми подъ вліяніемъ тѣхъ ошибочныхъ мыслей, которыя приходятъ имъ на умъ относительно половыхъ отношеній. Съ одной стороны, они слышатъ разныя порнографическія гадости, которыя имъ противны, между тѣмъ какъ ихъ родители молчатъ объ этой великой тайнѣ, а, съ другой стороны, въ нихъ властно даетъ себя чувствовать половое вожделѣніе, требующее удовлетворенія. Когда у юноши начинаются истеченія сѣмени, сами ли собою или вслѣдствіе искусственнаго раздраженія, то въ немъ пробуждается стыдъ и страхъ, ему даже чудятся всевозможныя ужасныя болѣзни, пороки, испорченность и Богъ знаетъ еще что. Человѣку одинокому, который стыдится и боится поговорить объ этомъ съ родителями или друзьями, часто стоитъ почти героической рѣшимости, прежде чѣмъ онъ рѣшится поговорить объ этомъ съ врачомъ или даже съ отцомъ. Такое состояніе можетъ довести до самоубійства, въ особенности, нервныхъ, склонныхъ къ меланхоліи и ипохондріи натуръ.

Дальнѣйшее преимущество разъясненія дѣтямъ половыхъ отношеній заключается въ томъ, что одновременно съ этимъ ихъ можно познакомить съ вопросомъ о наслѣдственности и объ опасности веществъ, вредящихъ зародышу, а также съ венерическими болѣзнями. Съ другой стороны, надо строго слѣдить за тѣмъ, чтобы при такихъ

объясненійхъ не возбуждать эротизма ни у себя, ни у дѣтей и не распространяться на тему о половых отношеніяхъ болѣе, чѣмъ это необходимо. Насколько полезно выясненіе половых отношеній, настолько излишне и вредно постоянно заниматься этими вещами. Наоборотъ, надо посредствомъ другихъ интересовъ и работъ отвлекать, насколько возможно, вниманіе молодежи, отъ половых вещей, пока она не созрѣетъ для вступленія въ бракъ. Сюда относится, конечно, борьба съ вредной эротической литературой, съ порнографіей, проституціей и т. д. Къ сожалѣнію, часто даже „высоко нравственные“ сочиненія, такъ наз. хорошіе романы и всякаго рода театральныя представленія, заслуживающіе за ихъ вѣтше приличную форму, одобренія даже отъ приличныхъ дамъ, изобилуютъ плохо скрытымъ эротизмомъ и, какъ мы уже говорили выше и разъясимъ въ главѣ XVIII, возбуждаютъ половое побужденіе гораздо болѣе, чѣмъ откровенныя реалистическія описанія Золя, Бріе и, пожалуй, Гюи де-Мопассана (исключая картинъ въ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ Золя и Мопассана).

Одинъ опытный врачъ рассказывалъ мнѣ, что тамъ, гдѣ онъ жилъ, крестьянскія дѣти наблюдали актъ совокупленія у животныхъ, а затѣмъ во время купанья и въ другихъ случаяхъ часто дѣлали попытки къ совокупленію. Само собою разумѣется, что этого нельзя рекомендовать, и что съ этимъ надо бороться. Но, несмотря на это, крестьяне этихъ мѣстъ не болѣе развращены и испорчены, чѣмъ городскіе жители: наоборотъ. Своевременное разъясненіе и ласковое предупрежденіе, особенно, дѣвочекъ, будетъ и здѣсь лучшимъ лекарствомъ, въ особенности, если наша культура избавитъ когда-нибудь отъ алкоголя и отъ классовой эксплуатаціи также и деревню. Впрочемъ, какъ разъ, вслѣдствіе такихъ попытокъ мальчиковъ, дѣвочки научаются защищаться. Но что же сказать о тѣхъ австрійскихъ судьяхъ, которые приговаривали четырнадцатилѣтнихъ мальчиковъ къ тюремному заключенію или въ каторжнымъ работамъ за то, что они совокуплялись съ дѣвочками того же возраста или дѣлали ихъ беременными? Неужели этимъ приговоромъ были наказаны дѣйствительно виновные? Или такимъ путемъ хотѣли исправить этихъ дѣтей?

Очень дурную роль въ педагогическомъ отношеніи играетъ въ половой области католическая исповѣдь. Если даже болѣе благородно мыслящіе священники могутъ смягчать и истолковывать упомянутыя выше предписанія Литургии такъ, что послѣднія совсѣмъ или почти не вредятъ неиспорченнымъ молодымъ людямъ, то все же даже самый правотѣрный католикъ долженъ признать, что священники — это люди, и что далеко не всѣ они благородны и тактичны. Но этого вполне достаточно, чтобы превратить исповѣдь въ развращающій въ половомъ отношеніи институтъ, по меньшей мѣрѣ, въ очень многихъ случаяхъ. Въ высшей степени поучительны въ этомъ отношеніи переживанія упомянутого уже въ главѣ XII геніальнаго и высоко стоящаго въ нравственномъ отношеніи бывшаго католическаго священника, патера Хиникви, который первый сталъ бороться съ пьянствомъ въ Канадѣ.

Характеренъ также слѣдующій случай. Одинъ щепетильный господинъ, увидѣвъ, что маленькіе ребята обоего пола купаются вмѣстѣ, сказалъ имъ, что это неприлично. На это одинъ маленькій мальчикъ наивно отвѣтилъ: „Мы не знаемъ, кто изъ насъ мальчикъ, кто дѣвочка, такъ какъ на насъ нѣтъ платьевъ“. Изъ такихъ мѣткихъ отвѣтовъ мы ясно видимъ, что нѣкоторыя предупрежденія, имѣющія цѣлью оказать нравственное воздѣйствіе на молодежь, наоборотъ, могутъ лишь привлечь вниманіе ея на половые вопросы и способны возбудить въ ней похотливость.

Въ недавнее время по поводу одного ужаснаго преступленія общественное вниманіе было обращено на слѣдующій крайне важный фактъ: выяснилось, что учителя и воспитатели въ нѣкоторыхъ случаяхъ ищутъ и находятъ удовлетвореніе своихъ садистическихъ побужденій въ тѣлесномъ наказаніи ввѣренныхъ имъ учениковъ. Еще не забыть случай съ домашнимъ учителемъ Динпольдомъ *), который, подѣлившись своими садистическими побужденіями, такъ ужасно мучилъ двухъ ввѣренныхъ его попеченію учениковъ, что одинъ изъ нихъ даже умеръ отъ этихъ пытокъ. Вполнѣ заслуживающая довѣрія „Рабочая Газета“ („Arbeiter-Zeitung“) въ Вѣнѣ обнародовала

*) Динпольдъ былъ студентомъ и частнымъ, но не профессиональнымъ учителемъ.

(съ указаніемъ имени) фактъ, что владѣтельный князь одного немецкаго государства собственными руками съѣлъ учениковъ всякій разъ, когда въ его резиденціи какой-нибудь учитель приговаривалъ ихъ къ тѣлесному наказанію. Газета объясняетъ это своеобразное пристрастіе высочайшей особы ея садистическими побужденіями. Въ другомъ случаѣ одинъ господинъ, выдававшій себя за полицейскаго агента, съѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ дѣтей и заставлялъ молчать объ этомъ бѣдныхъ юношей, угрожая имъ доносомъ въ полицію и судебнымъ наказаніемъ, если они захотятъ пожаловаться на то, что онъ ихъ ѣстъ. Наконецъ, одинъ смѣлый мальчикъ рѣшился пожаловаться на него, и, такимъ образомъ, это дѣло выплыло наружу. Слѣдовательно, садизмъ отнюдь не всегда проявляется какъ страсть къ убійству. Несоизмѣнно, гораздо чаще встрѣчаются болѣе мягкія формы его, проявляющіяся въ видѣ страсти къ съѣданію и всевозможнымъ истязаніямъ (психическимъ и физическимъ). Эти формы образуютъ, такъ сказать, дополненіе къ половому сладострастію у патологическихъ индивидовъ, половое побужденіе которыхъ извращено лишь отчасти. Этотъ фактъ, на который до сихъ поръ не обращали почти никакого вниманія, долженъ служить еще одной причи-

ной отмычкой тѣлеснаго наказанія во всѣхъ школахъ, такъ какъ утонченность и хитрость людей, извращенныхъ въ половомъ отношеніи, не знаетъ границъ. Ихъ извращенное побужденіе саркается подлѣ безчисленнымъ количествомъ разныхъ лицемѣрныхъ покровокъ, которые могутъ — какъ это показать опытъ — вводить въ заблужденіе въ теченіе долгаго времени даже самыхъ умныхъ и прощательныхъ людей; это можно было наблюдать и въ случаѣ Двинполя и въ большинствѣ другихъ. Тѣлесное наказаніе дѣтей — это безполезная и прямо-таки вредная жестокость. Позоръ нашей культуры.

Вліяніе наслѣдственности.
Потомство алкоголиковъ.

Вліяніе наслѣдственности.
Потомство алкоголиковъ.

что оно сохраниено еще во многихъ мѣстахъ въ школѣ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, отмычено даже для каторжанковъ. Но грубые родители и опекуны тоже часто ужаснѣйшимъ образомъ истязаютъ, въ особенности, пріемышей или вѣнчаныхъ дѣтей, и при этихъ истязаніяхъ большую роль играютъ половыя отношенія и алкоголизмъ. Здѣсь мы — ради экономіи мѣста — снова отондемъ читателя къ новѣйшему произведенію Лидія фонъ-Вольфвингъ (*Das Recht des Kindes: Vorschläge für eine gesetzliche Regelung. Allgemeine Oesterreichische Gerichtszeitung, 1904*). Авторъ, поставившій себя спеціальною цѣлью правовую защиту дѣтей, предлагаетъ слѣдующіе проекты противъ ограниченія правъ всѣхъ тѣхъ родителей и опекуновъ, которые совершаютъ надъ своими дѣтьми или опекаемыми наказуемыя дѣянія, натакивая ихъ на наказуемыя дѣянія или не могутъ охранить ихъ отъ третьихъ лицъ, приносящихъ подобнымъ же образомъ вредъ дѣтямъ (это имѣетъ мѣсто, особенно, при конкубинатѣ, въ случаѣ, если мать или отецъ вдовы и т. д.):

1. Устраненіе родительской или опекунской власти и назначеніе (или перемѣна) опекуна.
2. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изыятіе дѣтей изъ-подъ власти опекуна или родителей.
3. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оставшійся въ живыхъ супругъ, имѣющій несовершеннолѣтнихъ дѣтей, вступаетъ во второй бракъ или конкубинатъ, слѣдуетъ назначать „соопекуна“.
4. Лишеніе родительской и спеціально отцовской власти всѣхъ тѣхъ отцовъ (или матерей), которые сваливаютъ матеріальное бремя воспитанія дѣтей на частную или общественную благотворительность, не будучи вынуждены къ этому неспособностью къ труду.

посли чужеземца. Из данного общества всегда найдется извѣстное число очень хороших, очень плохихъ и посредственныхъ людей. Но если опредѣленный сильный общій факторъ, напримеръ, алкоголизмъ или денежная неуроченность, болѣе или менѣе, понижаетъ всѣ отдѣльныя цѣнности, то цѣлое передвигается кверху по скалѣ ценностей, и наоборотъ. Галатонъ показываетъ, что средняя цѣнность можно значительно повысить, если высшія категоріи побуждать къ разноразличію, а низшія удерживать отъ этого. Профессоръ Жюль Аманъ прочелъ недавно въ Лозаннѣ въ „Ligue pour l'action morale“ очень интересный докладъ на эту тему. Такъ, напримеръ, онъ вполне правильно указалъ на то, что переселеніе гугенотовъ въ Германію и Швейцарію, послѣдовавшее послѣ отмены папскаго эдикта Людовикомъ XIV (1685 г.), сильно способствовало и теперь еще способствуетъ повышенію духовнаго уровня въ этихъ странахъ.

Мнѣ всегда становится тяжело, когда я вижу, что хорошие, способные, трудолюбивые, въ высшей степени полезные въ социальномъ отношеніи люди остаются безплодными по милости господствующихъ у насъ социальныхъ предрасудковъ и обычаевъ. Такіе люди должны были бы вступать въ бракъ очень рано и производить на свѣтъ много дѣтей. Если случится такое несчастье, что безплодіе одной стороны (безплодіемъ особенно часто страдаютъ женщины) сдѣлаетъ дѣторожденіе невозможнымъ для другой стороны, то этотъ вредъ надо было бы устранять бигаміей или конкубинатомъ, допускаемыми закономъ и нравами общества *). Я не могу достаточно сильно подчеркнуть, какъ необходимо компенсировать недопустимость размноженія жалкихъ непригодныхъ людей, а также отдыхъ, необходимый для женщины между двумя періодами беременности, тѣмъ, чтобы усиленно содѣйствовать размноженію способныхъ, здоровыхъ и пригодныхъ людей. Прямо таки ужасно, что въ настоящее время такъ много хорошихъ, трудолюбивыхъ и пригодныхъ дѣвушекъ должны оставаться старыми дѣвами потому, что у нихъ нѣтъ денегъ, или же бросаться въ объятіе перваго попавшагося проходимца. Право, было бы гораздо лучше дозволить полигамію въ извѣстныхъ границахъ при условіи равноправія обоихъ половъ, чѣмъ допускать гибель столькихъ хорошихъ зародышей. Отсылаю здѣсь читателя къ тому, что я говорилъ уже въ главѣ XIII объ обязанностяхъ родителей по отношенію къ дѣтямъ и государства по отношенію къ производителямъ хорошаго качества. Если бы это дѣло превратилось въ послѣдовательно проведенный обычай, то въ теченіе столѣтій намъ удалось бы улучшить качественный составъ народа, а спустя нѣсколько столѣтій, наши потомки съ благодарностью вспоминали бы о насъ. Въ то же время они удивлялись бы тому, что происходить отъ такихъ варваровъ-предковъ, какъ мы, предковъ, среди которыхъ было такъ много пьяницъ, преступниковъ и идіотовъ. Вмѣстительство мистики подъ именемъ „религіи“ въ половую жизнь будетъ представляться имъ приблизительно въ такомъ же свѣтѣ, въ какомъ намъ представляется грубѣйшій культъ идоловъ или вѣра въ колдуновъ у дикихъ народовъ. Затѣмъ, нашъ алкоголизмъ, его послѣдствія и наша современная проституція будутъ производить на нихъ такое же впечатлѣніе, какое испытываемъ мы, осматривая орудія средне-вѣковыхъ пытокъ въ музеяхъ или читая о подвигахъ инквизиціи, о процессахъ вѣдьмъ, о сожженіяхъ на кострахъ. Это сравненіе покажется большинству моихъ читателей фанатическимъ и преувеличеннымъ, такъ какъ они какъ бы связаны нашимъ современнымъ образомъ мыслей и безъ сильнаго напряженія фантазіи, безъ помощи многихъ чуждыхъ опыта и объектовъ сравненія не могутъ представить себѣ ни образа мыслей прошлаго, ни образа мыслей будущаго. Поэтому тѣмъ, кто скептически относится къ моимъ словамъ, я рекомендую прочесть „Ключъ къ хитрости дяди Тома“ Бичеръ-Стоу (не самый романъ). Эта книга содержитъ въ себѣ много документовъ изъ эпохи рабства негровъ передъ американской войной за освобожденіе. Кто прочтаетъ о тогдашнихъ дѣлахъ и узнаетъ, что тогда, напримеръ, въ газетахъ помѣщались объявленія о превосходныхъ собакахъ ищейкахъ для поимки бѣглыхъ рабовъ, причемъ на каждой рекламѣ изображалась собака, догоняющая негритянку, — тотъ, въ концѣ концовъ, долженъ сознаться, что я правъ. То, что намъ теперь пред-

*) См. Andre Couvreur, „La Graine“ (прилож.).

ставляется чудовищнымъ, казалось тогда совершенно естественнымъ. Даже благочестивые священники защищали тогда рабство, подобно тому, какъ теперь защищаютъ алкоголизмъ.

Наконецъ, я долженъ въ краткихъ словахъ выяснить значеніе педагогической реформы, являющейся какъ въ области половыхъ отношеній, такъ и въ другихъ областяхъ (см. гл. XIII) одной изъ важнейшихъ положительныхъ реформъ, наряду съ искусственнымъ человѣческимъ подборомъ. Прошу припомнить то, что я говорилъ объ этомъ въ главѣ XVII, въ связи съ главой XIII. Если хорошее качество человѣческихъ зародышей составляетъ главное условіе человѣческаго счастья въ области половыхъ отношеній, какъ и повсюду, то все же этого недостаточно. Подобно тому, какъ изъ сравнительно неудовлетворительныхъ зародышей можно воспитать сравнительно болѣе хорошихъ и годныхъ индивидовъ, такъ и гораздо легче, наоборотъ, можно фалогенетически хорошіе зародыши погубить онтогенетически посредствомъ превратныхъ вредныхъ вліяній. Общество должно посвятить все свое вниманіе правильному всестороннему физическому и психическому развитію дѣтей. Умъ, чувство, воля, характеръ, альтруизмъ и эстетика должны быть гармонически развиваемы согласно, напр., тѣмъ принципамъ, какіе проводятся въ сельскихъ воспитательныхъ приютахъ (см. гл. XVII). Хорошій наследственный типъ долженъ достигать полного развитія посредствомъ правильнаго воспитанія и труда. У неудовлетворительнаго наследственнаго типа можно, до нѣкоторой степени, развить, по крайней мѣрѣ, болѣе пригодные къ жизни зачатки, и заставить его примѣнять ихъ въ жизни, для того, чтобы дурные зачатки не получили преобладанія въ мозгу. Удовлетворюсь этимъ общимъ указаніемъ и отсылаю читателя къ главѣ XVII, гдѣ я говорилъ по этому вопросу. Пусть наши школы повсемѣстно послѣдуютъ импульсу, завоуанному такими людьми, какъ Руссо, Песталоцци, Редди и Лицъ. Но при всемъ увлеченіи рациональной педагогикой не надо забывать, что она отнюдь не можетъ замѣнить искусственнаго подбора. Она служитъ непосредственно ближайшимъ цѣлямъ, а именно, возможно лучшему использованию имѣющагося на лицо человѣческаго матеріала, хотя сама по себѣ ничего не улучшаетъ въ качествѣ будущихъ зародышей. Но все же, объясняя юношеству социальное значеніе подбора, она можетъ подготовить практическое осуществленіе послѣдняго.

Утопическія мысли объ идеальномъ бракѣ будущаго.

Внѣшняя жизнь людей движется въ значительной своей части подъ вліяніемъ толчковъ извнѣ, внутренняя же жизнь состоитъ изъ воспоминаній о прошломъ, связанныхъ съ наследственной мнемой. Изъ этихъ двухъ факторовъ возникаютъ стремленія къ будущему. Но прошлое никогда не должно быть тираническимъ и жестокимъ тюремщикомъ нашей внутренней жизни; наоборотъ, оно должно служить для него всегда готовой къ его услугамъ справочной книгой, заключающей въ себѣ собраніе опытовъ человѣчества и его собственнаго „я“ и помогающей ему при образованіи новыхъ идей и плодотворныхъ рѣшеній.

Будущій бракъ предполагаетъ людей, вполне освѣдомленныхъ съ дѣтства о половыхъ отношеніяхъ и связанныхъ съ ними возможныхъ опасностяхъ. Затѣмъ, членами такого брака должны быть люди, воспитанные безъ алкоголя и другихъ изрочическихъ средствъ и обладающіе правомъ использовать для жизни и содержанія семьи полный продуктъ своего труда, но не капитализировать его для себя или для дѣтей, т. е. не отдавать заработанные деньги подъ проценты, не завѣщать его другимъ, а также не создавать изъ него силы, эксплуатирующей съ эгоистической цѣлью работу другихъ. Пусть люди съ дѣтства знаютъ, что трудъ — жизненное условіе для каждаго индивида. Мальчики и дѣвочки воспитываются вмѣстѣ въ полнѣйшемъ равноправіи, но изъ нихъ внушается сознаніе различія ихъ жизненныхъ задачъ, обусловленнаго различіемъ половъ и индивидуальностей. До 16 лѣтъ и, можетъ быть, еще дольше они получаютъ въ народныхъ школахъ гармоническое развитіе и образованіе въ интеллектуальномъ, физическо-техническомъ, эстетическомъ и социальномъ направленіяхъ. Не закутывая ихъ адескими наказаніями, не обвѣщая имъ рай послѣ смерти,

имъ внушаютъ, что цѣль ихъ жизни — это стремленіе къ достиженію часто человѣческихъ идеаловъ. Имъ внушаютъ, что истинное и высшее удовольствіе они могутъ найти только въ прилежномъ исполненіи различнѣйшихъ задачъ, соответствующихъ ихъ склонностямъ, а также въ совместной работѣ на благо общества и ихъ отдѣльныхъ близкихъ. Затѣмъ, ихъ учатъ презирать ненужныя бездѣлушки и роскошь и не придавать никакой цѣны собственности; имъ внушаютъ, что честолюбіе ихъ лучше всего будетъ удовлетворено тогда, когда всю свою энергію они приложатъ на наилучшее исполненіе своей работы въ возможно большемъ количествѣ.

Подготовленные такимъ воспитаніемъ, они приучатся къ тому, чтобы самимъ зарабатывать каждое удовольствіе и не требовать даже ѣды и питья, не отработавъ этого какимъ-нибудь образомъ. Въ различномъ возрастѣ, смотря по индивидуальностямъ, у нихъ пробудится половое стремленіе, но приученные съ дѣтства не поддаваться каждому побужденію, а согласовывать свои вожделѣнія съ благомъ общества, они сами не сразу поддадутся ему. Кромѣ того, они уже понимаютъ все его значеніе. Они также знаютъ, что ихъ терпѣніе не будетъ слишкомъ долго подвергаться испытанію, они знаютъ, что могутъ безъ всякаго стѣсненія поговорить объ этомъ съ учителями, родителями и даже лицами, принадлежащими къ другому полу. Каковъ же будетъ результатъ такого положенія вещей?

Различныя склонности будутъ опредѣляться рано. Тогда не будутъ, какъ теперь, составлять всякіе расчеты относительно денегъ, общественнаго положенія, условія и т. д., не будутъ скрывать свои внутреннія свойства подъ маской условныхъ формъ вѣжливости, не будутъ идти окольнымъ путемъ, вмѣсто того, чтобы поступать прямо, не будутъ стараться блеснуть своими преимуществами, чтобы ослѣпить противную сторону, — вообще, люди, въ среднемъ, будутъ куда болѣе откровенными, такъ какъ тогда будетъ меньше поводовъ къ скрытности. Люди будутъ разсказывать другъ другу свои планы относительно будущаго; можно будетъ испытывать взаимное постоянство и искренность, не опасаясь возникновенія дурныхъ мѣтій у окружающихъ. Отношенія между обоими полами будутъ свободнѣе и не сопряжены съ какими-либо опасностями, такъ какъ, во-первыхъ, оба пола будутъ вполне освѣдомлены относительно половыхъ отношеній, а, во-вторыхъ, потому, что нравы будутъ свободнѣе. При такихъ условіяхъ мужчина и женщина, даже не входя въ болѣе интимныя сношенія, смогутъ вскорѣ опредѣлять, подходятъ ли ихъ темпераменты другъ къ другу въ половомъ отношеніи или нѣтъ. Затѣмъ, періодъ послѣ обрученія дастъ возможность обѣимъ сторонамъ свободнѣе выяснить другъ другу свои воззрѣнія на жизнь, лучше узнать характеръ другъ друга и т. д., такъ что постепенно и своевременно обнаружится, подходятъ ли два данныхъ человѣка для совершенія продолжительнаго и прочнаго союза или нѣтъ. Обѣ стороны свободно и безъ всякаго стѣсненія будутъ обсуждать вопросъ о наслѣдственности, о дѣторожденіи и воспитаніи дѣтей. Это, конечно, будетъ болѣе нравственно, чѣмъ разговоры современныхъ намъ „благочестивыхъ“ обрученныхъ, которые въ своихъ сланныхъ разговорахъ, по большей части, могутъ обсуждать эти вопросы лишь поверхностно, не вдаваясь въ сущность дѣла. Если молодой способный человѣкъ захочетъ, напр., учиться дальше, то бракъ отнюдь не долженъ быть помѣхой этому. Онъ можетъ даже уже въ 24 года жениться на 18 лѣтней дѣвушкѣ и учиться до 26 лѣтъ; это не бѣда, такъ какъ простота нравовъ обуславливаетъ простоту домашней жизни, и, наконецъ, примѣная противозачаточныя средства, можно годъ—два и даже больше не имѣть дѣтей.

Какъ же тогда будетъ происходить самъ бракъ? Прежде всего, люди сведутъ до минимума всю ненужную роскошь, всѣ условныя вышности. Мужъ и жена будутъ оба работать, отдѣльно или вмѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ. Само собой разумѣется, что часть труда будетъ посвящена дѣтямъ. Если окажется, что мужъ обладаетъ болѣе хорошими склонностями для воспитанія дѣтей, чѣмъ жена, то, конечно, онъ можетъ заняться этимъ, что мы иногда видимъ уже и теперь. Это бываетъ нерѣдко. Равноправіе женщины и матриархатъ (см. гл. XIII) отнюдь не сдѣлаютъ брачныя отношенія менѣе тѣсными, наоборотъ, они станутъ болѣе высокими, болѣе глубоко коренящимися. Но зато будетъ оставаться меньше времени для вышшняго блеска. Семьи не будутъ дѣлать официальныхъ приглашеній, сопровождающихся

всякими усложненіями и неудобствами. Такія вещи созданы для богатыхъ дѣтвей, которые могутъ тратить свое время и деньги на всякіе пустяки. Если придетъ другъ или знакомый, то его безъ перемонъ приглашаютъ къ столу, конечно, если данный человекъ симпатиченъ и їды довольно. Одежда тоже будетъ проста, удобна и гигиенична. Но это не мѣшаетъ искусству и эстетикѣ царить повсюду, наряду съ тщательнѣйшей чистотой. Пышность и роскошь — это не искусство, а чванство, не говоря уже о томъ, что онѣ нерѣдко даже антиэстетичны. Я видѣлъ такія въ высшей степени скромныя, небольшія, рабочія квартирки, гдѣ царила безупречная чистота, гдѣ были удовлетворены все требованія эстетики; да я мнѣ самому приходилось жить въ такихъ условіяхъ (см., впрочемъ, гл. V).

Если занятія супруговъ или число дѣтей потребуютъ помощи постороннихъ, то послѣдніе не будутъ занимать въ домѣ того положенія, какое теперь занимаетъ наша прислуга. Равная семья и по общественному положенію, и по воспитанію, она, скорѣе, будетъ играть въ семьѣ роль незамужней сестры, тетки или бабушки. Она не только будетъ ѣсть за однимъ столомъ съ супругами и ихъ дѣтьми, но и дѣлить вмѣстѣ съ ними радость, горе и труды, являясь членомъ одного и того же класса людей. Никакая работа по хозяйству не будетъ считаться ниже, хуже какой-либо другой, или, вообще, считаться унизительною. Если супруги не имѣютъ дѣтей, то они будутъ усыновлять дѣтей изъ тѣхъ семействъ, гдѣ ихъ много, или сиротъ и т. п., конечно, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ (о которыхъ мы говорили выше) супруги не предпочтутъ по социальнымъ соображеніямъ конкубинатъ, который при такихъ измѣнившихся условіяхъ былъ бы равносильнъ бигаміи. Но и въ такихъ случаяхъ все будетъ рѣшаться съ общаго соглашенія и вполне открыто. Кто не можетъ подавить въ себѣ ревности, можетъ разводиться.

Но если все же бракъ оказывается несчастливымъ, если съ теченіемъ времени окажется, что по характерамъ супруги не подходятъ другъ къ другу, то законъ урегулируетъ отношеніе и обязанности родителей по отношенію къ дѣтямъ, и бракъ или половая общность будутъ расторгнуты. Затѣмъ, обѣ стороны могутъ вступать въ бракъ безъ всякихъ затрудненій. Разводъ былъ бы тогда не чаще, чѣмъ теперь, а даже рѣже, въ особенности, если имѣются дѣти, такъ какъ при наличности дѣтей разводъ всегда представляетъ собою очень непріятную и неудобную вещь.

Затѣмъ, самымъ здоровымъ средствомъ для отклоненія отъ полового побужденія является и всегда будетъ трудъ, а также преслѣдованіе социальныхъ жизненныхъ идеаловъ. Въ особенности, праздность, роскошь и порча нравовъ въ большихъ городахъ способствуютъ одностороннему развитію этого побужденія, культивируя его, какъ самоцѣль, и доводя до вырожденія, что мы можемъ наблюдать теперь у обоеихъ половъ, выводимыхъ въ современныхъ романахъ. Кромѣ того, трудъ оскѣжаетъ любовь и оставляетъ мало времени для семейныхъ ссоръ и неурядицъ.

Вмѣсто того, чтобы высокомерно осмѣивать мою утопію, слѣдовало бы попытаться практически осуществить ее. При нѣкоторой независимости характера ее можно было бы въ значительной части осуществить уже теперь.

Искусство долго любить. Въ № 30 „Симплиссимуса“ (7-ой годъ изд., стр. 240) подъ заглавіемъ „хозяйка“ помѣщены двѣ карикатуры изъ семейной жизни. На первомъ рисункѣ мы видимъ женщину въ рваномъ капотѣ, грязную, непричесанную, съ щеткой въ рукѣ; она пѣлуетъ мужа, которому этотъ поцѣлуй не доставляетъ, повидимому, особеннаго удовольствія; онъ скорчилъ физиономію, какъ человекъ, проглатывающій съ отчаянною рѣшимостью отвратительное кушанье. Рядомъ стоитъ ребенокъ, такой же неряшливый и грязный, какъ мать. Подъ рисункомъ подписи: „Такъ она одѣвается для мужа“.

На второмъ рисункѣ мы видимъ ту же женщину, стоящую передъ дверью, въ полномъ туалетѣ, съ искусственно поднятымъ бюстомъ, шиньономъ, и пригнѣвную немалымъ другимъ искусственнымъ средствомъ, которымъ женщина пользуется для усиленія своихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ прелеостей. Рядомъ съ ней стоитъ разряженный ребенокъ, и въ двери входятъ гости. Подъ рисункомъ подписи: „А такъ она одѣвается для гостей“.

Въ этихъ двухъ рисункахъ сатирически освѣщена важная часть психологій любви въ моногаміи. Мы говорили уже, что идеалъ истинной любви обнаруживается лишь послѣ того, какъ пройдетъ первое любовное опьяненіе. Затѣмъ, мы видѣли, что для прочной гармоничной любви необходимы, прежде всего, высшія психическія отраженія чувства симпатіи, а также и половое побужденіе, съ которыми они должны оставаться тѣсно связанными, но меньшей мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока продолжается активная половая жизнь человѣка. Послѣ этого достаточно однихъ психическихъ отраженій чувства симпатіи.

Огромную ошибку дѣлаетъ, къ сожалѣнію, большинство людей, вступающихъ въ бракъ, а именно, когда брачный союзъ заключенъ священникомъ и гражданской властью, и выходъ какъ бы закрыть навсегда, они успокаиваются на этомъ и безъ всякаго сопротивленія съ своей стороны поддаются своимъ лѣнивымъ привычкамъ, настроеніямъ, склонностямъ, слабостямъ и побужденіямъ. Каждая сторона ожидаетъ многого отъ другой и даетъ ей по возможности меньше. Каждая сторона думаетъ: „теперь онъ мой“ или „теперь она моя“, больше не беспокоится о другой и всю свою энергію направляетъ на внѣшній міръ. Когда пройдетъ первый пылъ любовнаго опьяненія, жена перестаетъ нравиться мужу, онъ влюбляется въ другихъ женщинъ, бережетъ свои ласки и любезности для нихъ, а капризы для жены; равно какъ и послѣдняя не считаетъ нужнымъ блистать своими прелестями дома, не дѣлаетъ больше никакихъ усилій, чтобы нравиться мужу и моется, наряжается и, вообще, приводить себя въ порядокъ лишь тогда, когда выходить на улицу, идти на балы и другія развлеченія.

Мы съ самаго начала согласны съ тѣмъ, что человѣкъ не можетъ долго скрывать свою истинную природу; онъ — то, чѣмъ можетъ быть въ силу наслѣдственности. Но есть искусство быть пріятнымъ въ жизни, и оно пріобрѣтается привычкой и воспитаніемъ; даже бѣдные супруги должны считать его своей обязанностью по отношенію другъ къ другу, а „воспитаніе“ и „самовоспитаніе“ никогда не должны прекращаться въ нашей жизни.

Вышеупомянутое цугало „Симплисисимуса“ надо было бы отпечатать въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и дарить къ свадьбѣ каждой молодой четѣ. Прочное половое влеченіе, вмѣстѣ съ высшимъ чувствомъ любви и взаимнымъ уваженіемъ, представляетъ собою крайне цѣнное звено, гарантирующее прочное и счастливое сожительство мужа и жены въ бракѣ. Поэтому оба супруга должны избѣгать всего того, что можетъ ослабить или разорвать это звено. Вмѣсто того, чтобы дома опускаться и пренебрегать своей наружностью, женщина именно здѣсь должна пускаться въ ходъ все свое граціозное привлекательное искусство, диктуемое ей невиннымъ женскимъ кокетствомъ и чувствомъ симпатіи къ мужу. Поэтому она должна и въ домашнемъ бытіи быть пріятнымъ и привлекательнымъ центромъ хорошо организованнаго домашнего обихода и быть желанной и пріятной во всѣхъ мелочахъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ мельчайшихъ подробностей алькова и интимнаго брачнаго наслажденія. Поступая такъ, она будетъ ежедневно все сильнѣе и сильнѣе привлекать къ себѣ мужа. Такую цѣль она должна преслѣдовать, конечно, не грубо чувственными способами или искусствомъ извращеннаго стремленія нравиться, а тѣмъ здоровымъ утонченными тактомъ и инжностью, тѣмъ инстинктомъ приличія, высшее развитіе котораго является, конечно, только какъ цвѣтъ благороднѣйшей женственности, но представляетъ собою женскую наслѣдственную черту въ большей степени, чѣмъ мужскую.

Мужчина, съ своей стороны, долженъ тактично и умно принимать участіе въ этой любовной игрѣ, разыгрывающейся въ четырехъ стѣнахъ дома. Онъ долженъ относиться къ своей женѣ съ такимъ же рыцарскимъ уваженіемъ, какое онъ считаетъ долгомъ проявлять къ другимъ женщинамъ. Дома онъ также не долженъ поддаваться своимъ привычкамъ, являющимся для другихъ тяготой; онъ долженъ представлять для своей жены въ домашнемъ обиходѣ физически и психически нечто большее, чѣмъ лѣнивую беспечную фигуру въ туфляхъ и халатѣ, а для него самого жена должна быть чѣмъ то большимъ, чѣмъ производимъ для раздраженій, которое охватываетъ его вне дома, на заботахъ, по которымъ онъ тамъ часто долженъ

сдерживать. Если этого надо избежать, если только муж не привык считать свою жену просто экономкой, а сверх того, самое большое, какъ машиной для рожденія дѣтей и существомъ „пригоднымъ для кровати“, т. е. для удовлетворенія чисто животнаго полового побужденія. Въ такомъ случаѣ его такъ же хорошо, а, можетъ быть, еще лучше могла удовлетворить дешовая потаскушка, и потому онъ чувствуетъ невольнѣ дозволеннымъ и въ порядкѣ вещей довольно часто прибѣгать къ такому способу удовлетворенія страсти. Но если такой взглядъ на положеніе и значеніе жены въ домѣ крайне недостоемъ умнаго и порядочнаго человѣка, хотя, въ сознаніи, раздѣляется еще многими мужчинами, то, съ другой стороны, мы должны подчеркнуть, что болѣе высокій взглядъ на жену, какъ на хорошую, вѣрную спутницу жизни, тоже окажется невѣрнымъ и непригоднымъ для жизни, если супруги связываютъ умъ лишь чисто духовной гармоніи.

Если мужъ и жена дѣйствительно хотятъ найти въ бракѣ продолжительное счастье, какое онъ способенъ дать, то психическая любовь должна сопровождаться половой, и послѣдняя никогда не должна исчезать. Мужчина не долженъ уважать въ женщинѣ, которую онъ цѣнитъ и которая соединена съ нимъ брачными узами, лишь какъ бы воплощеніе всѣхъ домашнихъ и женскихъ добродѣтелей; она должна быть для него всегда, болѣе или менѣе, богиней, каковой она представлялась ему въ началѣ его любви, когда ее украшала прелесть юности, волновавшая его чувства. Послѣ многихъ лѣтъ брачной жизни онъ долженъ испытывать къ ней физическое влеченіе и чувствовать себя счастливымъ въ ея страстныхъ объятіяхъ. А это можетъ и должно быть также и послѣ того, какъ пройдетъ ея молодость, конечно, при условіи, если палило имѣлись и сохранились чувства благородной и высшей любви. Тогда они будутъ преобразовывать какъ всю личность, такъ и вѣнность любимой жены, и она останется для своего мужа такой же богиней, каковой она была для него когда-то въ ранніе дни любви. Но она сама должна желать этого и вышеуказаннымъ способомъ стараться удовлетворять скромныя и справедливыя эстетическія требованія, какія мужъ предъявляетъ къ ея личности. Если она этого не хочетъ или не понимаетъ, то мужу при его поэтическихъ склонностяхъ будетъ не всегда легко оставаться нечувствительнымъ къ прелестямъ другихъ женщинъ и сдерживать свое половое побужденіе къ нимъ, разъ онъ легко встрѣчаетъ взаимность. Однако и здѣсь примочка и фантазія могутъ сдѣлать очень многое. Въ особенности мужчинѣ (хотя нашъ совѣтъ можетъ иногда пригодиться и женщинамъ) мы рекомендуемъ слѣдующее. Если его чувственная страсть раздражена другой женщиной, и ему угрожаетъ опасность поддаться ей, то онъ долженъ постараться мысленно украсить свою жену тѣми прелестями, какими обладаетъ обольщающая его женщина. Приложивъ нѣкоторыя усилія, ему это, болѣе или менѣе, удастся во многихъ случаяхъ. Благодаря этому, повысится его половое побужденіе къ жей, что, въ свою очередь, усилитъ и ея влеченіе, если она отличается болѣе податливымъ характеромъ. Такимъ образомъ, пламя, грозившее уничтожить семейное счастье, можетъ не разъ послужить для того, чтобы снова подновить и укрѣпить его, подогрѣвая взаимное чувство любви у супруговъ. Правда, Гете въ первой части своихъ „Wahlverwandtschaften“ называетъ такое положеніе вещей духовнымъ разрывомъ брака. Но мнѣ кажется, что это скорѣе выраженіе духовной вѣрности въ бракѣ, которую стремятся укрѣпить чувственной подстановкой.

Если обѣ стороны испытываютъ другъ къ другу истинную любовь, если онѣ воодушевлены хорошими желаніями, то подобныя опыты въ жизни часто способствуютъ тому, что отношенія между супругами постепенно дѣлаются все тѣнѣе и искреннѣе. Такимъ образомъ не только заблудившаяся любовная страсть будетъ возвращена въ брачное ложе, но, наоборотъ, будетъ устроена почва для семейныхъ раздоромъ, и супруги будутъ связывать новое любовное влеченіе, новая, болѣе сильная, страсть. Такимъ путемъ можно, несмотря на нѣкоторыя слабости, превратить брачную жизнь въ вѣчную весну любви, причемъ ежедневно будутъ распускаться новые ростки, почки и цвѣты, а сорная трава и шипы тщательно выпалываться или обламываться. А для этого необходимо не только непрерывно бороться съ собственными слабостями и недостатками, но и постоянно работать въ бракѣ въ

эстетическомъ направленіи, причѣмъ культъ Венеры никогда не долженъ охлаждать.

Матріархатъ. Въ связи съ выясненіемъ семейныхъ отношеній, намъ остается обсудить еще одинъ важный пунктъ, котораго мы уже коснулись въ главѣ XIII (Гражданско-правовыя условія дѣтей). Въ результатѣ господства мужчины и патріархальныхъ отношеній появился обычай называть семью по отцу. Это не только естественно, но влечетъ за собою очень дурныя послѣдствія. Хотя и вѣрно, что человекъ, въ среднемъ, наследуетъ отъ отца столько же зародышевой плазмы, какъ и отъ матери, но все же мать стоитъ къ нему гораздо ближе во всѣхъ отношеніяхъ. Въ народности, у которыхъ въ семьѣ мать играетъ (не только въ смыслѣ наименованій, но и въ другихъ отношеніяхъ) рѣшающую роль, т. е. у которыхъ господствуетъ матріархатъ, гораздо правильнѣе повліяніе зачатъ природы. Прежде всего, тотъ фактъ, что мать носитъ ребенка девять мѣсяцевъ въ своемъ тѣлѣ, а послѣ рожденія его въ теченіе многихъ лѣтъ связана съ нимъ куда тѣснѣе, чѣмъ отецъ, даетъ ей на ребенка извѣстное право, которое не дано природою отцу. Выше мы уже говорили, что дѣти должны называться по материнской линіи. Затѣмъ, надо поставить за правило, чтобы при разводѣ дѣти оставались у матери, конечно, если какія-нибудь другія серьезныя основанія не побудятъ судъ принять другое рѣшеніе.

Вполнѣ ясно, что при современномъ состояніи культуры мы не можемъ уже больше вернуться къ матріархату прежнихъ временъ. Подобно тому, какъ древній патріархъ не могъ быть единымъ повелителемъ надъ всѣми своими потомками, не вызывая этимъ самыхъ тяжелыхъ злоупотребленій, точно такъ же нельзя передать эту власть старой бабушкѣ или прабабушкѣ. Когда мы говоримъ о матріархатѣ, то подъ этимъ мы подразумѣваемъ — не говоря о наименованіи по матери — лишь то, что домашнее хозяйство и заботываніе имъ юридически должны были бы принадлежать женѣ, такъ какъ она въ дѣйствительности является центромъ семейнаго очага. Отъ этого брака, въ которыхъ мужъ находится подъ баннакомъ у своей жены, будутъ наблюдаться не чаще, чѣмъ теперь. Мужъ является болѣе сильной стороной и остается таковою, и ему нечего бояться господства жены въ семейномъ очагѣ. Если онъ не доволенъ семейной жизнью, то при брачныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на свободномъ договорѣ, ничто не заставляетъ его оставаться жить съ женой, а жена будетъ стараться сдѣлать ему пріятной семейную жизнь, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, она рискуетъ выжить его изъ дому. Съ своей стороны, мужчина тоже долженъ подтянуться и взять себя въ руки, разъ онъ уже больше не хозяйинъ и не глава дома, но все же долженъ содержать дѣтей и домъ своимъ заработкомъ. Мы кажется, что въ этомъ отношеніи необходимы нѣкоторыя реформы, которыя я могу формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Наименованіе по материнской линіи.
2. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда влѣдствіе неспособности, злоупотребленій, душевнаго разстройства и т. п. жена лишается своихъ материнскихъ правъ или ихъ отнимаютъ у нея судебной властью, ей по праву принадлежитъ власть и опека надъ дѣтьми, пока это представляется необходимымъ.
3. Жена должна быть хозяйкой и главной руководительницей семейнаго очага. Исполняемая ею по дому работа и выполненіе материнскихъ обязанностей должны соответственно оцѣниваться, т. е. давать ей право на соразмѣрное вознагражденіе, подобно тому, какъ ее мужъ получаетъ извѣстную плату за свой профессиональный трудъ.
4. Пока продолжается бракъ, мужъ имѣетъ право пользоваться жилищемъ, заботами и услугами своей жены за то, что онъ оказываетъ семьѣ извѣстную защиту, принимаетъ участіе въ домашней работѣ и въ воспитаніи дѣтей, а также дѣлаетъ денежные взносы на то и на другое.
5. За вычетомъ взносовъ на хозяйство, а также на воспитаніе и на уходъ за дѣтьми, заработокъ мужа и его личное состояніе принадлежатъ ему одному, подобно тому, какъ заработокъ жены и ея личное состояніе принадлежатъ ей одной. Въ случаѣ развода, состоянія тоже раздѣляются, а дѣти остаются у матери, кромѣ вышеуказанныхъ случаевъ, когда судъ выноситъ иное постановленіе. Но зато отецъ, пока

онъ живъ и работоспособенъ, обязанъ вносить соразмѣрную долю на содержаніе и воспитаніе рожденныхъ ими еще несовершеннолѣтнихъ дѣтей.

Само собою разумѣется, что эти положенія (2—5) имѣютъ значеніе законодательныхъ нормъ лишь на тотъ случай, если супруги не могутъ добромъ прийти къ взаимному соглашенію, но они не препятствуютъ любящимъ и уважающимъ другъ друга супругамъ устроить свою жизнь такъ, какъ они найдутъ наиболѣе удобнымъ. Слабая смиренная жена все-таки подчинится взглядамъ и совѣтамъ своего болѣе сильнаго и умнаго мужа. Само собою разумѣется, что при разводѣ или раздѣлѣ не всегда все будетъ идти такъ гладко и просто, но все же онъ будетъ сопряженъ съ меньшими затрудненіями, чѣмъ теперь. Мужъ всегда будетъ имѣть право предъявлять опредѣленные требованія, и судъ будетъ разбирать ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ какъ тогда суды не будутъ находиться уже исключительно въ мужскихъ рукахъ, то женскія права будутъ гарантированы въ достаточной мѣрѣ. Вѣдь нерѣдко бывають случаи, что мать не способна воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей и оказывается дурной женщиной, между тѣмъ, какъ отецъ способенъ на большее самоотверженіе и самоотреченіе. Но все же такіе случаи представляютъ собою исключенія.

Нельзя ожидать, чтобы, при лѣнивыхъ консервативныхъ склонностяхъ и *vis inertiae* господствующаго въ настоящее время большинства, высказанныя нами желанія заслужили одобреніе или даже были осуществлены правящими группами, имѣющими въ своихъ рукахъ рѣшающую власть. Наоборотъ, возникаетъ вопросъ, не даетъ ли намъ современное законодательство какихъ-либо средствъ для осуществленія подобныхъ идеаловъ въ бракѣ и внѣ его. По моему мнѣнію, ихъ пока имѣется два.

Во-первыхъ, можно—какъ объ этомъ уже упоминалось въ главѣ XIII—заключать брачные контракты, совершенно раздѣляющіе имущество, и, кромѣ того, смотри по мѣстнымъ законодательствамъ, при этомъ можно осуществлять еще нѣкоторыя другія изъ выставленныхъ выше положеній. Такъ, напримѣръ, женщина могла бы обезпечить за собою въ контрактѣ право на владѣніе и завѣдываніе домашнимъ хозяйствомъ и т. д.

Во-вторыхъ, въ настоящее время вѣнчающія дѣти повсюду называются по матери. Вотъ этого-то мы и хотимъ! Тамъ, гдѣ конкубинатъ не наказуется непосредственно, можно заключать свободные браки на основѣ частныхъ договоровъ, соответствующихъ вышеприведеннымъ положеніямъ. Скромные люди должны обладать днѣ этого извѣстной долей мужества, такъ какъ не всякій рѣшится оскорбить общественное мнѣніе,—вѣдь при этомъ онъ теряетъ что-либо и, прежде всего, свое доброе имя. Кромѣ того, такіе союзы не будутъ находиться подъ покровительствомъ государства. Но все же нѣкоторая энергія и настойчивость обоихъ супруговъ приведутъ постепенно къ тому, что посторонніе будутъ называть жену „госпожа, мадамъ“, а не „барышня, m^{lle}“. Датье, не невозможно, что такіе благородные и приличные союзы будутъ постепенно все учащаться и учащаться, и, такимъ образомъ, общество будетъ мало-по-малу вынуждено признать эти свободные брачные союзы равноцѣнными и равноправными съ обычно заключаемыми брачными союзами и относиться съ уваженіемъ къ происходящимъ отъ нихъ дѣламъ. При такихъ свободныхъ союзахъ фамилія можно соединять. Если госпожа Мюллеръ заключаетъ свободный брачный союзъ съ господиномъ Майеромъ, то она можетъ называться госпожой Мюллеръ-Майеръ, а онъ—господиномъ Майеръ-Мюллеръ.

Но хочу ли я этимъ сказать, что при измѣненныхъ такимъ образомъ условіяхъ будетъ царить райское счастье и идеальныя отношенія, хотя настоятельныя качества людей будутъ еще хуже, чѣмъ теперь? Надѣюсь, что читатель не считаетъ меня такимъ наивнымъ, если только онъ все время внимательно слѣдитъ за ходомъ моихъ мыслей. Низость, грубость, интриги, глупость, ссоры, ненависть, зависть и ревность, лѣнь, беспорядочность, неистинность, любовь къ эплетикамъ, неряшливость, капризы, безразумство и т. п.,—все это будетъ проникать въ общество такъ же, какъ теперь. Но они будутъ проникать уже съ менѣе тиранической силой, ихъ не будутъ такъ легко возмущать, какъ теперь, а люди съ такими дурными свойствами будутъ считаться малопригодными или патологическими субъектами, равнонадежными кото-

рыхъ надо постепенно по возможности устранять посредствомъ цѣлесообразнаго подбора, въ связи съ подходящей гигиеной и воспитаніемъ.

Но зато честные, независимые и выдающіеся люди смогутъ развиваться куда свободнѣе и естественнѣе, чѣмъ теперь. Они не будутъ уже больше играть роль пасынковъ на службѣ у власти, денегъ, предразсудка и тираніи нравовъ. Имъ не придется больше постоянно лицемѣрить какъ въ религіозныхъ вопросахъ, такъ и въ обществѣ: они смогутъ жить согласно своимъ убѣжденіямъ, т. е. такъ, какъ хотятъ. Карьеристы, не стѣсняющіеся въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, не смогутъ уже захватывать въ свои руки всю власть, какъ теперь. Бракъ или, вообще, половыя сношенія не будутъ болѣе превращаться въ условную ложь. Не подавляемые болѣе чувства примутъ черзмѣрный или патологическій характеръ лишь тогда, когда они вытекаютъ изъ патологическихъ задатковъ, такъ какъ мотивы и, въ особенности, денежные интересы, подталкивающіе людей на дурные поступки и привычки, будутъ устранены изъ жизни людей, конечно, поскольку это представляется возможнымъ. По тѣмъ же причинамъ проституція, продажа своего собственнаго тѣла станетъ, такъ сказать, невозможна и немислима. Конечно, и тогда будутъ имѣть мѣсто свободныя, необузданныя половыя отношенія и эксцессы, но все же и имъ трудъ, котораго нельзя будетъ избѣжать, положить извѣстныя границы.

Позволю себѣ буквально привести здѣсь заключительныя положенія изъ „Исторіи матеріализма“ Фридриха Альберта Ланге (Лейпцигъ, Л. Бедеккеръ, VII изд. 1902 г.), написанныя имъ въ 1874 году (3 изд.) за годъ до смерти:

„Мы кончаемъ нашу критику въ тотъ моментъ, когда Европу волнуетъ социальный вопросъ,—вопросъ, въ широкой области котораго всѣ революціонные элементы науки, религіи и политики, какъ кажется, нашли себѣ арену для великой рѣшительной борьбы. Останется ли эта битва лишь кровавой борьбой умовъ, или, подобно землетрясенію, съ грохотомъ обратитъ въ прахъ руины прошлаго мірового періода и похоронитъ милліоны подъ ихъ обломками,—но все же новое время не побѣдитъ; оно сможетъ побѣдить только подъ знаменемъ великой идеи, которая уничтожитъ эгоизмъ и на мѣсто старой цѣли—неустанной работы, имѣющей въ виду только личную выгоду—поставитъ новую, а именно, совершенствованіе людей въ человеческомъ обществѣ. Конечно, предстояція битвы могли бы смягчиться, если бы большее число руководящихъ умовъ поняло природу человеческого развитія и историческаго процесса, и имѣть основанія терять надежду, что въ отдаленномъ будущемъ совершатся крупнѣйшія преобразованія, причѣмъ человечество не заплатитъ себя кровью и пожаромъ. Прекраснѣйшей наградой за изнурительную психическую работу было бы, еслибы она могла уже теперь облегчить путь неизбѣжному, неизбежаніе ужаснѣйшихъ жертвъ и перенесеніе въ новую эпоху сокровищъ культуры въ полной сохранности; однако, надежды на это мало, и мы не можемъ скрывать отъ себя, что слѣпая партійная страсть разгорается все сильнѣе и сильнѣе, и что не считаящаяся ни съ чѣмъ борьба интересовъ все болѣе и болѣе замыкается отъ вліянія теоретическихъ изслѣдованій. Но все же наши стремленія не будутъ напрасны. Запоздавшая истина все же появляется еще довольно рано, такъ какъ человечество еще не умираетъ. Счастливыя натуры угадываютъ моменты, но мыслящій наблюдатель никогда не имѣетъ права молчать только потому, что вполнѣ понимаетъ, что теперь къ его голосу прислушиваются лишь немногіе“.

Тридцать лѣтъ тому назадъ пессимизмъ Ланге былъ вполнѣ понятенъ. Теперь же передъ нами открываются новыя перспективы, способныя пробудить въ насъ мужество и энергію къ выполненію социальной работы. Но пророческое подчеркнутое нами требованіе Ланге теперь, какъ и раньше, сохраняетъ свою полную силу. Если социализмъ будетъ этическиимъ, или его не будетъ. Это въ видѣ мѣръ раздѣломъ также уже тридцать лѣтъ.

Высказанныя мною утопическія мысли отнокъ не претендуютъ на новизну. Руководящіе анализомъ фактовъ въ самыхъ различныхъ областяхъ, мы только хотимъ установить, какое изъ множества высказываемыхъ въ настоящее время желаній и вожделѣній можетъ разрѣшить половую проблему самымъ правильнымъ и благопріят-

нѣмъ способомъ для современныхъ социальныхъ отношеній вида Homo. Каждый изъ насъ, въ концѣ концовъ, согласенъ съ тѣмъ, что наши условія половой жизни остаются желать много лучшаго. Однако, общество боится прикоснуться въ мидамъ основамъ. Предоставляю самимъ читателямъ и читательницамъ рѣшить вопросъ, являются ли высказанныя мною „утопическія“ мысли действительно утопіей или нѣтъ; прошу только ихъ обдумать этотъ вопросъ по возможности хладнокровно и безипристрастно, а потомъ уже рѣшать его.

Въ концѣ концовъ, намъ приходится выбирать между двумя рѣшеніями: или относиться фаталистическо-пессимистически къ гибели нашей расы (на пользу монголовъ), или немедленно, дѣятельно и энергично заняться воспитаніемъ ея, подготовляя ее къ новому расцвѣту. Кто рѣшится на второй шагъ, тотъ долженъ заняться половымъ вопросомъ и объявить войну алкоголизму, власти капитала и предрассудкамъ вообще, въ сѣтихъ которыхъ мы изнываемъ, убаюканные слѣпымъ довѣріемъ къ вызываемымъ ими иллюзіямъ.

Приложеніе.

Мнѣнія отдѣльныхъ лицъ о половомъ вопросѣ.

Меня могутъ упрекнуть въ томъ, что я обращаю слишкомъ мало вниманія на существующую литературу. Но я хотѣлъ изложить мои взгляды на половой вопросъ, по возможности, независимо отъ постороннихъ вліяній, и потому намѣренно прочиталъ сочиненія различныхъ серьезныхъ писателей на эту тему лишь послѣ окончанія своей работы. Ниже я хочу кратко разсмотрѣть лишь наиболѣе важныя изъ нихъ.

1. Августъ Бебель. Женщина въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Цюрихъ, 1883 г.

Въ этомъ крупномъ и замѣчательномъ сочиненіи отразилась вся мощная и выдающаяся личность автора, со всеми ея свѣтлыми и темными сторонами: проникательный умъ съ глубокимъ и тонкимъ пониманіемъ социального вопроса, self-made шапъ съ очень развитымъ самосознаніемъ и въ то же время страстный политическій догматикъ, не выносящій никакихъ возраженій и претендующій на непогрѣшимость своихъ взглядовъ. Когда Бебель говоритъ, наиримѣръ, о „господахъ противникахъ“, то уже чувствуется, какъ его охватываетъ гнѣвъ, затуманивающий ясность его сужденій, такъ какъ „господа противники“ уже осуждены однимъ этимъ названіемъ. Если вы хотите составить себѣ правильное представленіе о книгѣ, то, во-первыхъ, вы не должны забывать, что она написана вождемъ политической партіи, вслѣдствіе чего сначала придется изъ нея выбросить все партійно-политическое, а во-вторыхъ, что у Бебеля не хватило ни способностей, ни знаній критически разобратъ въ научныхъ источникахъ. Наконецъ, въ-третьихъ, современный критикъ не долженъ забывать, что книга написана болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Съ этими оговорками мы можемъ назвать сочиненіе Бебеля выдающимся и солиднымъ трудомъ, съ главными положеніями котораго надо безусловно согласиться.

Женскій вопросъ, говоритъ Бебель, это часть социального вопроса. Милліоны женщинъ не способны выполнять свою естественную роль, другимъ же бракъ противенъ изъ-за рабства, связаннаго съ нимъ. Волюй справедливо Бебель упрекаетъ тогдашнихъ сторонниковъ эмансипаціи въ томъ, что они хотѣли разрѣшить женскій вопросъ помимо социального, и что они лишь подвергли женщинъ всемъ ужасамъ конкуренціи, которую они увеличили еще больше. Несмотря на попытки эмансипаторовъ, несмотря на женское образованіе и т. п., женщинамъ изъ народа приходится выбирать или подневольный бракъ или проституцію. Богатые и интеллигентные мужчины очень довольны, если въ низшихъ профессіяхъ женщина составляетъ конкуренцію мужчине, такъ какъ, благодаря этому, удешевляется рабочая сила; но они очень недовольны, если женщина пробиваетъ себѣ путь къ болѣе высокимъ профессіямъ.

Женщины и рабочіе сходны въ томъ отношеніи, что они издавна находились подъ гнетомъ сильныхъ и рѣдко сознавали это; женщина была рабыней еще раньше работника. Здѣсь Бебель дѣлаетъ ошибку, выводѣ матриархатъ изъ промискуитета

(см. т. VI, § 3); затѣмъ, онъ старается доказать, что женщины первобытныхъ народовъ были такъ же сильны, какъ мужчины и обладали мозгомъ такой же величины, какъ у нихъ. Онъ подтверждаетъ этотъ взглядъ тѣмъ, что у низшихъ дикихъ народовъ разница между мужскимъ и женскимъ мозгомъ меньше, чѣмъ у культурныхъ народовъ. Но этотъ взглядъ совершенно невѣренъ. Во-первыхъ, уже у самцовъ орангутанга, гориллы и т. д. вѣсъ тѣла и мозга больше, чѣмъ у самокъ. Во-вторыхъ, изъ нижеприводимой таблицы, которую любезно предоставилъ въ мое распоряженіе мой другъ, профессоръ Рудольфъ Мартинъ въ Цюрихѣ (крайне способный и добросовѣстный антропологъ), мы видимъ, что между дикими и культурными народами въ этомъ отношеніи нѣтъ существеннаго различія, и что вездѣ разница между вмѣстимостью черепа мужчины и женщины достигаетъ, въ среднемъ, 150 гр. Правда, для того, чтобы получить вѣскіе выводы, въ распоряженіи ученыхъ имѣется слишкомъ мало нормальныхъ мозговъ, въ особенности, нормальныхъ мозговъ дикихъ народовъ. Поэтому приходится ограничиваться измѣреніемъ вмѣстимости черепа, что отнюдь не равноцѣнно, но все-таки даетъ приблизительное правильное соотношеніе. Согласно вычисленіямъ проф. Мартина, можно сказать, что вѣсъ мозга составляетъ 87% вмѣстимости черепа (слѣдовательно, на 87 вѣсовыхъ частей мозга приходится, приблизительно, 100 единицъ вмѣст. черепа). Само собою разумѣется, что здѣсь мы имѣемъ въ виду нормальные и здоровые мозги; при патологическомъ сжигиваніи мозга, потеря мозговой субстанции въ черепѣ возмѣщается соответствующимъ количествомъ кровяной жидкости (смотря по объему). Затѣмъ, различные изслѣдователи измѣряютъ нѣсколько различнымъ образомъ. Слѣдующая таблица средней вмѣстимости черепа основывается, какъ заявляетъ проф. Мартинъ, на вполне достоверныхъ цифрахъ.

Средняя вмѣстимость череповъ отдѣльныхъ народностей.

			Муж- чины.	Жен- щины.	Раз- ница.
Культурные на- роды	баденцы	48 мужск. череп.	1513	1330	182
		26 женск.			
	баварцы	100 мужск.	1503	1335	168 (11,2%)
		100 женск.			
Средне-культур- ные народы	малайцы	26 мужск.	1414	1223	191
		2 женск.			
	айно	87 мужск.	1462	1308	154
		64 женск.			
Низшія расы	ведды	22 мужск.	1277	1139 *)	138 (10,8%)
		10 женск.			

Изъ этой таблицы мы ясно видимъ, что разница между обоими полами вездѣ почти одинакова. Чѣмъ больше абсолютныя цифры, тѣмъ больше должны быть, конечно, и абсолютная (не относительная) разница и величина колебанія. Правда, абсолютная разница между мужской и женской вмѣстимостью у баварцевъ (168) и у

*) Если мы положимъ въ основу своихъ вычисленій среднее отношеніе между вѣсомъ мозга и вмѣстимостью черепа (87%), то найдемъ, что средній вѣсъ мозга у веддовъ равенъ 1,111 гр. у мужчинъ и 991 гр. у женщинъ. У представителей нашихъ расъ такой вѣсъ мы встрѣчаемъ лишь у идиотовъ и при болѣзни мозга, наз. мозговымъ сжигиваніемъ (прогрессивный параличъ и старческое слабоуміе), но въ такихъ случаяхъ измѣняется также и качество мозговой субстанции. Отсюда съ достаточной ясностью вытекаетъ, что ведды стоятъ на болѣе низкой ступени эволюціи, чѣмъ мы. У насъ вѣсъ мужского мозга выше 1,250 гр., а женскаго — ниже 1,120 гр. считается патологическимъ; и къ этому заключенію я пришелъ на основаніи собственныхъ прежнихъ изслѣдованій (544 мозга) въ лечебницѣ для душевно-больныхъ Бургхольца (см. „Allg. Zeitschrift für Psychiatrie“, Bd. 54, 1897. Verl. von Georg Reimer: Berlin Arnold, Ueber die Todesfälle und Sektionsbefunde der Zürcher Heilanstalt Bургхольц 1879—1896).

мозговъ (138) очень значительна, но выраженная въ процентахъ она очень мала (11,2 и 10,8). Поэтому въ среднемъ можно принять слѣдующее подраздѣленіе:

Средняя вместимость черепа:

	Мужчины.	Женщины.
	Вместимость черепа.	
Аристотелофалы (величайший мозгъ)	выше 1.450 гр.	выше 1.300 гр.
Эвристофалы (средній мозгъ)	1.300—1.450 "	1.150—1.300 "
Олистофалы (маленькій, слаб. мозгъ)	ниже 1.300 "	ниже 1.150 "

Къ этому проф. Мартинъ прибавляетъ, что при своихъ изслѣдованіяхъ очень примитивныхъ народовъ Малакки онъ нашелъ, что у нихъ существуетъ во всѣхъ отношеніяхъ такое же различіе между полами, какъ у европейцевъ.

Точно такъ же Бебель ошибается, говоря, что женская одежда появилась, какъ результатъ мужской ревности, такъ какъ де нагота возбуждаетъ похоть. Мы видѣли (гл. VI), что вѣрно какъ разъ обратное: кромѣ того, часто бывало, что мужчины уже цѣликомъ закрывали свое тѣло, тогда какъ женщины еще ходили полуобнаженными.

Наоборотъ, очень характерна приводимая Бебелемъ жалоба „Ифигенія въ Тавридѣ“.

Въ „Ифигенія въ Тавридѣ“ Ифигенія жалуется: „Хуже всего женская доля. Если мужчина улыбнется счастью, онъ властвуетъ и покрываетъ себя славой на полѣ битвы; если же боги пошлютъ ему несчастье, онъ падаетъ впереди всѣхъ, умирая прекрасною смертью. Счастье же женщины связано; за нее выбираютъ всегда другіе, часто совершенно чужіе, и, если домъ постигнетъ разрушеніе, побѣдитель уводитъ ее изъ дымящихся развалинъ, таща ее по кровя убитыхъ близкихъ ей людей...“.

Бебель иллюстрируетъ свои утвержденія относительно униженія женщинъ въ древности очень удачными примѣрами. Онъ напоминаетъ, какъ Авраамъ отдавалъ свою жену торговцамъ, какъ Давидъ и Соломонъ имѣли цѣлые гаремы. Въ Египтѣ былъ обычай, чтобы дѣвушки добывали себѣ приданое проституціей. Дочери царя Хеопса были проститутками и на заработанныя такимъ путемъ деньги воздвигли пирамиду отцу. Мудрый Соломонъ организовалъ въ Греціи проституцію; тамъ — какъ мы уже видѣли — гетеры пользовались большимъ почетомъ, чѣмъ замужнія женщины, къ которымъ относились, какъ къ вѣрнымъ собакамъ и которыхъ считали лишь аппаратомъ для рожденія дѣтей. Платонъ стоялъ за промискуитетъ и за естественный подборъ, между тѣмъ какъ Сократъ и Аристотель мечтали о мужской гомосексуальной любви, а въ Римѣ положеніе дѣлъ было еще хуже. Бебель возстаетъ противъ того низкаго социальнаго положенія, которое христіанство отводило женщинамъ, требуя отъ нихъ послушанія и услужливости (какъ извѣстно, апостолъ Павелъ сказалъ: „жениться хорошо, а не жениться еще лучше“). И въ то время, какъ наши предки, съ одной стороны, организовывали (часто даже по порученію князей) публичные дома, доходъ съ которыхъ нерѣдко былъ княжеской, а иногда даже церковной регаліей, и покровительствовали проституткамъ, они, съ другой стороны, преслѣдовали, мучили и убивали ужаснѣйшимъ образомъ бѣдныхъ навишихъ женщинъ, въ особенности, тѣхъ, которыя изъ страха и стыда убивали своихъ дѣтей. На встрѣчу Карлу V въ Брюгге была отправлена депутація изъ красивыхъ и знатныхъ голыхъ дѣвушекъ, а въ романтическую эпоху миннезингеровъ дворяне считали въ порядкѣ вещей увозъ женщинъ и грубѣйшее обращеніе съ ними. Бебель доказываетъ, что чувственность мужчины господствующимъ сословіемъ повсюду играла рѣшающую роль, и показываетъ, какъ онъ подчинилъ себѣ женщину и пролетаріатъ. И женщина, и пролетаріатъ подчинялись силѣ привычки, и муженькъ былъ сильный толчокъ, чтобы заставить ихъ сбросить часть своихъ цѣпей. Но средіе вѣка были все же откровеннѣе, искреннѣе и менѣе лицемерны въ вопросахъ, связанныхъ съ половыми отношеніями, чѣмъ наше современное благоустроенное общество, укрывающееся подъ покровъ условныхъ формъ, или набожнаго лицемерія. Очень характерна въ этомъ отношеніи цитата изъ сочиненія Лютера, указывающая на здравыя воззрѣнія этого реформатора.

Лютеръ сказалъ: „За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имѣтъ свыше рѣдкой милости, женщина такъ же мало можетъ обходиться безъ мужчины, какъ безъ бѣды,

сна, питья и другихъ естественныхъ потребностей. Съ другой стороны, мужчина тоже не можетъ обходиться безъ женщины. Причина этого въ слѣдующемъ: побужденіе производить дѣтей заложено въ нашу природу такъ же глубоко, какъ стремленіе есть и пить. Поэтому Богъ снабдилъ тѣло членами, сосудами, жидкостями и всѣмъ, что надо. Кто станетъ противиться этому и идти наперекоръ природѣ, тотъ хочетъ не чего другого, какъ того, чтобы огонь не жегъ, вода не мочила, а человекъ не ѣлъ, не пилъ и не спалъ“...

Затѣмъ, узко-набожные протестантскіе филистеры стали преслѣдовать свободную любовь и конкубинатъ. Но, вопреки церковному аскетизму, кастовому духу и формализму, конкубинатъ все болѣе и болѣе распространялся и вмѣстѣ съ тѣмъ росла эксплуатация женщины, какъ работницы-рабы. Для характеристики взглядовъ нѣкоторыхъ высоко стоявшихъ лицъ типично слѣдующее выраженіе Фридриха Велкаго: „Я считаю людей лишь стадомъ оленей въ паркѣ знатнаго господина, и назначеніе ихъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы населять и наполнять его“.

Бибель подчеркиваетъ также тотъ фактъ, что крестьянинъ радуется приплоду телятъ и свиней, во сердится, когда у него рождается дочь.

Уже Бибель вполне правильно требуетъ, чтобы людямъ выясняли половой вопросъ. Но онъ, основываясь на данныхъ нѣкоторыхъ врачей, слишкомъ высоко чтищихъ Эроса, преувеличиваетъ до необычайныхъ размѣровъ непосредственные дурные результаты полового воздержанія.

Бибель говоритъ: „При такой интенсивности полового побужденія нечего удивляться тому, что половое воздержаніе въ зрѣлые годы такъ сильно дѣйствуетъ на нервы и на весь организмъ человека, что вызываетъ серьезнѣйшія заболѣванія, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ привести къ сумасшествію и ужасной смерти“...

Выше мы доказали, какъ ошибочно это воззрѣніе. Въ доказательство своего взгляда Бибель приводитъ большое число холостыхъ душевно-больныхъ. Вполнѣ вѣрно, что въ домахъ для умалишенныхъ число неженатыхъ больныхъ нѣсколько превышаетъ число женатыхъ. Но совершенно неправильно дѣлать отсюда выводъ, что продолжительное или абсолютное воздержаніе отъ половыхъ сношеній въ теченіе всей жизни является причиной психическихъ заболѣваній. Дѣлая такой выводъ, забываютъ, что очень многіе не женятся и не выходятъ замужъ и не должны этого дѣлать именно потому, что они въ молодости проявили признаки психического расстройства. Такимъ образомъ, *post hoc* и здѣсь не означаетъ *propter hoc*. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что „быть холостымъ“ это отнюдь не значитъ „воздерживаться отъ удовлетворенія полового побужденія“. Затѣмъ, недоразумѣнія и раздоры современной брачной жизни служатъ тоже причиной душевнаго расстройства у тѣхъ, у кого есть къ этому извѣстные задатки. Бибель утверждаетъ, что нимфоманія и истерія являются якобы слѣдствіемъ подавленнаго полового побужденія: этотъ взглядъ невлѣстенъ: и нимфоманія, и истерія коренятся въ наслѣдственной склонности.

Приведу нѣсколько крайне удачныхъ выдержекъ и цитатъ изъ книги Бибеля. „Бракъ — это единственное дѣйствительное крѣпостное право, признаваемое закономъ (Джонъ Стюартъ Милль)“...

Кантъ говоритъ: „Лишь мужчина и женщина составляютъ вмѣстѣ цѣльнаго человека; одинъ полъ дополняетъ другой“.

Еще задолго до Канта Будда сказалъ: „Половой истяннѣтъ острѣ крюка, которыми усмиряютъ дикихъ слоновъ, жарче пламени: онъ подобенъ стрѣлѣ, вонзающейся въ духъ человека“.

Профессоръ Лоренцъ фонъ Штейнъ изображаетъ женщину и бракъ таковымъ, какой трудно встрѣтить хотя бы одинъ изъ тысячи и какой врядъ ли можетъ существовать. Но тысячи несчастныхъ браковъ и связаннаго съ ними конфликта между долгомъ и желаніемъ, безчисленнаго количества отдельныхъ женщинъ, не могущихъ выйти замужъ, милліоновъ другихъ женщинъ, которыя съ ранняго утра до поздняго вечера должны, какъ выучныя животныя, вмѣстѣ съ мужьями изнурять себя непосильной работой, чтобы заработать кусокъ хлѣба на день, — всего этого не видѣть, обо всемъ этомъ ничего не знаетъ уважаемый г. профессоръ. Со всѣхъ бѣднѣе

жестокая суровая действительность легче стираетъ поэтическую окраску, чѣмъ рука стираетъ пылью съ крыльевъ мотылька. Белибы господинъ профессоръ вынулъ изъ этихъ женщинъ, то его поэтическая картина была бы разрушена, а концемъ испорчена“...

„Деньги сглаживаютъ всѣ недостатки, уравниваютъ всѣ пороки, всѣ отрицательныя стороны человѣка; широко организованный брачный бюро, всевозможныя сводницы и сводницы подмарзываютъ себѣ добычу, выискивая кандидатовъ и кандидатокъ, желающихъ „святого таинства брака“. Такія запятія приносятъ особенно большой процентъ тогда, когда они „работаютъ“ для представителей высшихъ сословій. Такъ, въ 1878 году въ Вѣнѣ разбирался уголовный процессъ противъ одной сводницы, обвинявшейся въ отравленіи: ее осудили на пятнадцать лѣтъ каторжной тюрьмы, причемъ во время процесса выяснилось, что бывший французскій посланникъ въ Вѣнѣ графъ Ванвиль заплатилъ сводницѣ 22.000 франковъ за то, что она доставила ему въ жены жеманну, которая ему нравилась. Въ этомъ процессѣ были также скомпрометированы и другіе члены высшей аристократіи. Нѣкоторые представители государственной власти предоставляли въ теченіе многихъ лѣтъ этой женщинѣ свободно заниматься ея темной и преступной дѣятельностью. Почему же? После всего сказаннаго причины этого вполне ясны“...

„Такимъ образомъ, люди остаются прикованными одинъ къ другому; одного человѣка дѣлають рабомъ другого и заставляютъ его „въ силу супружеской обязанности“ выносить самыя пытмныя объятія и ласки другого, хотя, быть можетъ, эти ласки для него невыносимѣ ругани и побоевъ“.

„И вотъ, спрашивается, не есть ли такой бракъ — а таковыхъ очень много — хуже проституціи? Проститутка, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени свободна, можетъ перестать заниматься своимъ позорнымъ ремесломъ и имѣть право, если она не живетъ въ публичномъ домѣ, не продаваться тому, кто ей почему-нибудь не нравится. Но продавая супруга обязана выносить ласки мужа, хотя бы у нея были сотни причинъ ненавидѣть и презирать его“...

„Въ богатыхъ кругахъ общества женщина нерѣдко опускается, какъ и въ древней Греціи, просто до аппарата для рожденія законныхъ дѣтей, до заведующей домашнимъ хозяйствомъ, до сидѣлки для ухода за больнымъ супругомъ. Мужъ имѣетъ для своего удовольствія и удовлетворенія любви куртизанокъ и гетеръ, которыя теперь у насъ называются метрессами; во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ эlegantныя квартиры этихъ дамъ составляютъ лучшіе кварталы города“...

„Наше „христіанское“ государство, „христіанство“ котораго тщетно ищутъ тамъ, гдѣ заветы его должны были бы находить примѣненіе, и которое находятъ тамъ, гдѣ оно излишне или вредно,—это христіанское государство колеблется вводить законы, которые ограничивали бы въ извѣстной степени женскій трудъ и совершенно запрещали бы дѣтскій; само государство не предоставляетъ многимъ изъ своихъ чиновниковъ ни полнаго воскреснаго отдыха, ни установленія нормальнаго рабочаго дня и, такимъ образомъ, разрушаетъ ихъ семейную жизнь“...

„Когда въ началѣ 60-хъ годовъ въ англійской текстильной промышленности десятки тысячъ работницъ остались безъ работы, вслѣдствіе сѣверо-американской освободительной войны, то врачи сдѣлали поразительное открытіе, а именно, что, несмотря на большую нужду, испытывавшуюся населеніемъ, смертность дѣтей уменьшилась. Причина этого была очень проста. За дѣтьми теперь лучше смотрѣли, ихъ кормили лучше, и такъ хорошо имъ не жилось даже тогда, когда родители прекрасно зарабатывали. Такой же фактъ былъ установленъ врачами во время кризиса 70-хъ годовъ въ Сѣверной Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ и Массачузетсѣ. Въ силу общей безработицы женщины принуждены были не работать и могли ухаживать за дѣтьми“.

„Въ домашней промышленности, которую романтически настроенные теоретики любятъ изображать такъ идиллически, условія семейной жизни и нравственности были отнюдь не лучше. Здѣсь жена вмѣстѣ съ мужемъ должна была работать съ утра до поздней ночи, и дѣти съ раннихъ лѣтъ тоже должны были принимать участіе въ этой работѣ. Скупиавшійся въ крошечномъ помѣщеніи, мужъ, жена, дѣти, парни и дѣвушки жили вмѣстѣ, посреди отбросовъ производства, въ ужаснѣйшей атмосферѣ.

же соблюдая самыя примитивнѣйшія правила чистоты и опрятности. Такъ же плохи были и помѣщенія для сна. Это были обыкновенно мрачныя каморки безъ всякой вентиляціи, крайне вредныя для здоровья, еслибы въ нихъ спало даже четверо меньше людей. Однимъ словомъ, здѣсь царилъ такіе условия, которыя приводятъ въ дрожь всякаго, привычнаго къ сноенному и достойному человека существованію.

„Все усиливающаяся тяжелая борьба за существованіе часто принуждаетъ мужчинъ и женщинъ совершать также поступки, которые они никогда не совершали бы при другихъ условіяхъ. Такъ, въ 1877 году въ Мюнхенѣ было констатировано, что въ числѣ проститутокъ, зарегистрированныхъ полиціей и находящихся подъ ея наблюдениемъ, было 203 женъ рабочихъ и ремесленниковъ. А сколько замужнихъ женщинъ изъ нужды занимаются этимъ позорнымъ ремесломъ, избѣгая полицейскаго контроля, глубоко оскорбляющаго стыдливость и человѣческое достоинство“...

Здѣсь Бебель упоминаетъ о воспитательныхъ домахъ, гдѣ воспитываются незаконныя дѣти буржуа (онъ забываетъ прибавить „и рабочихъ“), питающихъ родительскія чувства лишь къ законнымъ дѣтямъ. (См. ниже подъ рубрикой: „Мопассанъ“: здѣсь снова проявляется односторонность Бебеля; какъ среди рабочихъ, такъ и среди буржуа встрѣчаются люди, обнаруживающіе, смотря по индивидуальному характеру, любовь или нелюбовь къ внѣбрачнымъ дѣтямъ).

„У мужчины образованіе направлено на развитіе разсудка, на развитіе глубины мышленія, на расширеніе реальнаго знанія, на укрѣпленіе силы воли, говоря короче, на развитіе функцій разума. У женщины же развитіе направлено, главнымъ образомъ, на углубленіе чувствительности, это — чисто формальное воспитаніе обученія искусствамъ, воспитаніе, повышающее преимущественно чувствительность (нервность) и фантазію; такое вліяніе оказываютъ на женщину обученіе ея музыкѣ, занятія беллетристикой, искусствомъ, поэзіей. Это — самое ошибочное и нездоровое направленіе, какое, вообще, себѣ можно представить: выборъ его указываетъ, что власти, въ рукахъ которыхъ находится воспитаніе женщины, руководятся исключительно своими предразсудками о сущности женскаго характера и ограниченномъ социальномъ положеніи женщины. Наши женщины достаточно много живутъ въ мірѣ чувствъ и фантазій: про нихъ нельзя сказать, что онѣ обнаруживаютъ недостатокъ въ нервности или формальномъ изящномъ знаніи; въ этомъ направленіи женщины развились уже достаточно хорошо, и современное воспитаніе лишь увеличиваетъ зло. И для самой женщины и, несомнѣнно, для мужчины было бы лучше, еслибы женщина, вмѣсто излишней чувствительности, часто проявляющейся въ непріятныхъ формахъ, обладала бы хорошей порціей глубокаго разсудка и точнаго мышленія, вмѣсто нервности и пугливости — мужествомъ и крѣпкими нервами, вмѣсто чисто формальнаго знакомства съ изящными искусствами — знаніемъ міра, людей и силъ природы“...

Затѣмъ Бебель рассказываетъ, какъ туфетъ женщина, занятая постоянно стиркой и уборкой квартиры. Онъ стоитъ за естественное воспитаніе женщины, при которомъ обращалось бы вниманіе также и на развитіе физической силы, мужества и рѣшимости, и вспоминаетъ Спарту, гдѣ оба пола воспитывались вмѣстѣ и ходили въ рѣшimoto, и говоритъ онъ, сами виноваты въ тѣхъ недостаткахъ, которыми страдаютъ женщины, а именно, въ мелочности, въ любви къ нарядамъ, т. е. во всемъ томъ, что они порицаютъ въ женщинахъ. Бебель выводитъ характерныя свойства женскаго характера изъ угнетенности женщины мужчиной, но при этомъ упускаетъ изъ виду силу филогенетическаго унаслѣдованія. Онъ подчеркиваетъ ревность женщинъ, которая яко бы смотритъ другъ на друга чуть ли не какъ враги — ну, а это, конечно, слишкомъ преувеличено. Вмѣстѣ съ Кантомъ — и вполне справедливо — онъ требуетъ для созданія истиннаго человѣка, чтобы женщина дополняла мужчину, и наоборотъ. Онъ вполне правильно осуждаетъ также грубость Шпенгера къ женщинамъ и отдѣливаетъ его по заслугамъ, какъ стараго холостяка. Возставая противъ полигаміи, онъ указываетъ на то, что въ Алжирѣ изъ 18,282 заключенныхъ въ 1898 году мусульманскихъ браковъ было 17,319 моногамныхъ, 888 бигамныхъ и лишь въ 75 случаяхъ мужъ имѣлъ болѣе двухъ женъ.

чѣмъ у крупныхъ, такъ какъ разнообразіе функций одинаково велико у тѣхъ и другихъ, и, несмотря на меньшую величину тѣла, требуетъ почти столькихъ же нервныхъ элементовъ, по меньшей мѣрѣ, въ большомъ мозгу, независимо отъ массы мускуловъ и площади ощущеній. Отсылаю читателя къ главѣ III, гдѣ я говорилъ по этому вопросу. Далѣе, Бебель утверждаетъ, что мужской мозгъ увеличился вследствие воспитанія (см. выше). На самомъ же дѣлѣ это явленіе было обусловлено половымъ подборомъ и связанными съ нимъ или независимыми отъ него энцефалическими процессами развитія. Въ пониманіи дарвинизма сказывается односторонность Бебеля, хотя онъ вполне правильно называетъ его демократическимъ. Нижеслѣдующее мѣсто содержитъ въ себѣ глубокую истину, сторонниками которой мы всегда были.

„Бѣ счастью, съ согласія или противъ воли этихъ господъ ученыхъ человечество доходитъ до познанія законовъ, обуславливающихъ его развитіе: такимъ образомъ, ему остается только примѣнить это знаніе къ социальнымъ, политическимъ и религіознымъ учрежденіямъ и преобразовать ихъ. Слѣдовательно, разница между человѣкомъ и животнымъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ — мыслящее животное, но животное не есть мыслящій человѣкъ. Это упустили изъ виду ученые господа дарвинисты, отсюда и порочный кругъ, въ который они попадаютъ“...

Конечно, здѣсь Бебель очень несправедливъ къ дарвинистамъ, которымъ онъ обязанъ своими знаніями по этому вопросу. Онъ не долженъ былъ бы выдавать ошибки отдельныхъ лицъ за заблужденія всѣхъ ученыхъ. Вполнѣ справедливо онъ стоитъ за допущеніе женщинъ къ высшему образованію и въ видѣ примѣра указываетъ на дѣльныхъ женщинъ врачей.

Въ главѣ о женщинахъ и правѣ онъ требуетъ избирательнаго права для женщинъ и, вообще, равноправія обоихъ половъ. Бебель рѣзко осуждаетъ тѣхъ, кто насмѣхается надъ беременными женщинами, выступающими на публичныхъ собраніяхъ, вообще требуетъ, чтобы къ беременной женщинѣ относились съ уваженіемъ и, наряду съ этимъ, вполне справедливо осмѣиваетъ мужчинъ съ ихъ отроченными брюшками. Онъ сравниваетъ опасности, которыя грозятъ родильницѣ на ея почетномъ ложѣ, съ рискомъ мужчинъ на полѣ битвы; онъ стоитъ также за выясненіе полового вопроса дѣтямъ.

Не понимая значенія законовъ наслѣдственности, Бебель воображаетъ, что путемъ социальнаго воспитанія можно превратить всѣхъ преступниковъ въ полезныхъ и годныхъ членовъ общества. Здѣсь онъ совершенно не понимаетъ филогеніи и бластофоріи (см. гл. I, II и VIII моей книги).

Изъ нижеслѣдующаго отрывка мы можемъ составить себѣ ясное представленіе о социалистической морали Бебеля, имѣющей силу также и для полового вопроса.

„Нравственность и мораль не имѣютъ ничего общаго съ религіей: лишь дураки или ханжи могутъ утверждать противное. Нравственность и мораль — это только выраженія для обозначенія понятій, регулирующихъ взаимныя отношенія людей и ихъ поведеніе; религія регулируетъ отношенія людей къ сверхъ-естественному существу; но какъ религія, такъ и понятія о морали вытекаютъ изъ соответствующаго социальнаго состоянія людей. Людьми считаются люди; дѣтство нравственнымъ поступкомъ; нравственнымъ считали греки и римляне рабство; феодалы среднихъ вѣковъ считали нравственнымъ крѣпостное право; современные капиталисты считаютъ высокоинтереснымъ отношеніемъ, вытекающимъ изъ наемнаго труда, эксплуатацію женщинъ почтовой работой, деморализацію дѣтей фабричнымъ трудомъ. Четыре общественныя ступени, четыре нравственныхъ понятія, каждое выше предыдущаго, но ни одно не высшее. Высшимъ моральнымъ состояніемъ, несомнѣнно, является то, при которомъ люди всѣ равны, при которомъ надъ всѣми человѣческими отношеніями незыблемо царитъ всѣобщій нравственный принципъ: „не дѣлай другимъ того, чего ты не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ“. Въ средніе вѣка цѣлилась родословная человѣка, въ наше время — собственность, въ будущемъ человѣкъ будетъ цѣниться, какъ таковой. И будущее принадлежитъ социализму“...

Бебель цитируетъ слѣдующій отрывокъ изъ сочиненія Рихарда Вагнера.

„Искусство и революція: Если для нашего будущаго свободнаго человѣка до бывающаго средоточія къ существованію не будетъ больше пѣсню жизни, и, благодаря

новой дѣлательной истрѣ или, лучше сказать, жизнью, добывание средствъ къ существованію не будетъ составлять для насъ, благодаря соотвѣствующей естественной дѣлательности, никакой серьезной задачи. — однимъ словомъ, если промышленность не будетъ болѣе нашей властительницей, а станетъ нашей служанкой, то цѣль нашей жизни будетъ жизнерадостность и стремленіе воспитать дѣтей способными дѣйствительно наслаждаться этой радостью. Воспитаніе, исходящее изъ упражненія силъ, изъ ухода за физической красотой, будетъ чисто художественнымъ уже въ силу безпримѣсивной любви къ ребенку и радости при видѣ расцвѣта его красоты: при такихъ условіяхъ каждый человѣкъ будетъ въ какомъ-либо отношеніи истиннымъ художникомъ. Различіе естественныхъ склонностей приведетъ къ прямо таки неслыханному расцвѣту и богатству многообразнѣйшихъ направленій“...

Итакъ, Бебель требуетъ, чтобы женщины были предоставлены полная свобода, и чтобы она была равноправна мужчинамъ, конечно, принимая во вниманіе различіе половъ. Бракъ долженъ быть частнымъ договоромъ, основанномъ на взаимной склонности, а удовлетвореніе полового побужденія—тоже частнымъ дѣломъ; если одна изъ обѣ стороны почувствуютъ другъ къ другу отвращеніе, то бракъ расторгается. Что касается вопроса объ удовлетвореніи полового побужденія, то онъ требуетъ для великихъ женщинъ такихъ же правъ, какъ и для великихъ мужчинъ, т. е. для Жоржъ-Зандъ и Лукреціи Флоріани такихъ же правъ, какъ, напримѣръ, для Гете. Принудительный бракъ—это продуктъ буржуазной морали, такъ какъ для буржуа нужны законныя дѣти, какъ наследники, и здѣсь, слѣдовательно, все приспособляется къ деньгамъ и капиталу. Здѣсь Бебель совершенно забываетъ объ естественныхъ семейныхъ чувствахъ и инстинктахъ человѣка, а также о правахъ дѣтей на семью. Онъ упускаетъ также изъ виду тѣ обязанности, которыя налагаются на родителей рожденіемъ дѣтей, а также естественный подборъ, отнюдь не сообразующійся съ половымъ побужденіемъ. Это—очень слабая сторона всей его логики. Отсылаю читателя къ главамъ XII, XIII, XIV и XVI, гдѣ я касаюсь этого вопроса.

По вопросу о перенаселеніи Бебель выставляетъ свой знаменитый расчетъ о недостаткѣ людей. Онъ хочетъ поселить 500 милліоновъ людей въ Канадѣ, 1.000 милліоновъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Африкѣ, Бразиліи и т. д., обнаруживая при этомъ полное незнаніе климатическихъ условій и почвы каждой страны, а также незнакомство съ стремленіями человѣческаго сердца и потребностями человѣческаго счастья. Для него все дѣло сводится къ продуктамъ труда и къ прокормленію. Раздѣляя такую точку зрѣнія, нашимъ идеаломъ долженъ былъ бы быть Китай, гдѣ на крошечномъ кусочкѣ земли живетъ, т. е. прозябаетъ, наибольшее число жителей. Тогда маленький земной шаръ превратился бы просто въ картофельное или хлѣбное поле. Но Бебель не говоритъ намъ, какъ было бы возможно тогда расширеніе нашего психическаго горизонта путемъ изслѣдованія, и что тогда побуждало бы къ этому людей. Зачѣмъ же тогда производить на свѣтъ такое колоссальное количество людей, ради чего разводить ихъ на подобіе кроликовъ? Спасибо за такой социализмъ! Къ счастью, умственный уровень людей, жаждущихъ социальныхъ реформъ, повышается, и мы еще дойдемъ до того, что будемъ считать своей цѣлью не увеличеніе количества людей, а качественное улучшеніе человѣка. Бебель совершенно не правъ, полемизируя съ Мальтусомъ и Каутскимъ, хотя и послѣдніе обращали болѣе вниманія на количество людей, чѣмъ на ихъ качество. Но Бебель вполне правильно обрушивается на тѣхъ дарвинистовъ, которые примѣняютъ законы животнаго міра къ людямъ, не считаясь съ тѣмъ, что „человѣкъ, являющійся животнымъ, стоящимъ на высшей ступени организаци, можетъ, познавая законы природы, управлять и распоряжаться ими“. Въ этомъ я вполне согласенъ съ Бебелемъ. Въ своей книгѣ я исходилъ изъ этого самого принципа, хотя тогда еще не зналъ его. То, къ чему мы прилагаемъ терминъ „искусственный“, представляетъ собою не что иное, какъ плодъ накопленныхъ продуктовъ человеческой природы.

Очно также безусловно соглашаюсь съ слѣдующими двумя выводами Бебеля. Во все предыдущія эпохи человечество дѣйствовало въ отношеніи производственнаго распредѣленія, а также увеличенія населенія, не зная законовъ, управляю-

дѣлать этими процессами, т. е. совѣтъ безсознательно, — въ новомъ обществѣ оно будетъ дѣйствовать планомерно, зная всѣ законы своего развитія”...

„Соціалнаго — это наука, вполне сознательно примененная ко всѣмъ областямъ человеческой дѣятельности”...

Хотя я въ своемъ разборѣ вѣстивалъ противъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ Бебель, по моему мнѣнію, не правъ, но все же, однако, не колеблясь, могу заявить, что я, въ общемъ, вполне раздѣляю его точку зрѣнія (впрочемъ, читатель и самъ, должно быть, замѣтилъ это) и считаю его книгу въ высшей степени выдающимся произведеніемъ.

II. Элленъ Кей. О бракѣ и любви.

Передъ нами новый трудъ, написанный женщиной. Ни отъ кого не ускользнетъ сходство ея взглядовъ съ моими, и это тѣмъ болѣе радуется меня, что для обсужденія полового вопроса крайне важно знать чувства и мнѣнія обоихъ половъ. Отъ души рекомендуемъ читателямъ эту гениально задуманную и написанную книгу, и пожелаемъ автору полнаго успѣха. Здѣсь мы вкратцѣ разберемъ эту книгу.

Люди крайне различны по своимъ индивидуальнымъ свойствамъ. Можно доказать, что жизненная сила какого-либо народа зависитъ, прежде всего, отъ способности и желанія его женщины рожать и воспитывать пригодныхъ для жизни людей. Элленъ Кей доказываетъ, что по отношенію къ браку протестантизмъ перекинулъ мостъ между католицизмомъ и монистическимъ міросозерцаніемъ. Она клеймитъ бракъ, заключенный насильно и безъ любви между мужчиной и женщиной. Любовь должна становиться все болѣе и болѣе частнымъ дѣломъ, а дѣти, наоборотъ, все болѣе и болѣе жизненнымъ вопросомъ для общества. Къ тому, кто любить лишь одинъ разъ, какъ и къ тому, кто любитъ неоднократно, можно прикладывать лишь одинъ нравственный масштабъ, а именно — масштабъ повышения жизнедѣятельности. Поэтому тотъ, кто, полюбивъ второй разъ, становится выше и дѣятельнѣе, тотъ имѣетъ право на эту любовь; но тотъ, кто изъ-за нея становится незначительнѣе или подлѣе, тотъ поступаетъ дурно въ нравственномъ отношеніи.

Элленъ Кей очень энергично и вполне справедливо возстаетъ противъ аскетическихъ воззрѣній Толстого. Чисто по-женски она мечтаетъ о быстромъ прогрессѣ; она видитъ слишкомъ много сверхъ-людей и слишкомъ мало людей-звѣрей въ нашемъ обществѣ и ошибочно (какъ и Бебель) вѣрить въ способность быстрого эволюціоннаго улучшенія нашей расы; она думаетъ, что наше современное поколѣніе значительно выше по своимъ внутреннимъ качествамъ, чѣмъ прежнія поколѣнія, смѣшивая успѣхи культуры съ улучшеніемъ расы. Она, какъ и мы, хотѣла бы видѣть гармонию между чувствомъ любви и половымъ побужденіемъ. Но при этомъ она недооцѣниваетъ полигамическій инстинктъ мужчины, кружащаго женщинами головы и разстраивающаго счастливый бракъ другихъ паръ.

Уже животныя любятъ другъ друга, и любовь вовсе не представляетъ собою результатъ человѣческой моногаміи. Любовь — это не только желаніе совокупленія, размноженія и совмѣстной работы, но и стремленіе пріобрѣсти сочувствующую душу, которая уничтожила бы чувство оторванности и которая спасла бы индивида отъ холодности окружающаго общества; любовь — это стремленіе пріобрѣсти сочувствующую душу, которая смягчаетъ страданія и „освобождаетъ наше сердце отъ сознанія отчужденности въ мірѣ“. Мы ищемъ любви „такой души, тепло которой согрѣло бы нашу душу, застывшую отъ мірскаго холода и дало бы ей возможность раскрыть свои тайны и развернуть свое великолѣпіе“. Элленъ Кей цитируетъ стихи Демеля:

„Любовь — это освобожденіе отъ мірской суеты, отъ оковъ своей собственной души“.

Элленъ Кей касается конфликтовъ между половымъ побужденіемъ и высшей любовью, а также тѣхъ масокъ и переодеваній, какія пускаютъ въ ходъ люди для прикрыванія своихъ слабостей. „Поэтому извѣстные виды флирта представляютъ собою не что иное, какъ попытку пробудившейся любви къ разоблаченію, — фехтовальное искусство, стремящееся открыть проблемы въ плотно пригнанномъ панцирѣ“. Любовь —

это соединеніе душъ, причемъ наша душа сохраняетъ свою свободу, она ищетъ близости сердца, которое успокоило бы наше сердце, и поэтому является спителемъ, воздержанія и дружбы. Эдленъ Кей сравниваетъ ее съ воздухомъ, смѣсью азота съ кислородомъ. Подобно обоямъ газамъ, чувствительность и симпатія въ любви должны быть смѣшаны въ правильныхъ пропорціяхъ. Она встаетъ противъ замысли любви дружбой и думаетъ, что съ теченіемъ времени больше людей будетъ испытывать возвышенную, сильную любовь. Она видитъ прогрессъ въ томъ, что мужчины начинаютъ понимать, что, кромѣ эротизма, у нихъ есть душа, а женщины — что онѣ обладаютъ эротическими склонностями. Вслѣдствіе этого, въ личной любви растетъ взаимность. Поэтому современные молодые люди стремятся сохранить въ женщинѣ индивидуальность, а не подавлять ее, какъ это бывало раньше. Роджъ восхваляетъ

Аресъ. Мраморная статуя въ виллѣ Лудовизи въ Римѣ.

любовь своей парочки именно потому, что здѣсь каждая сторона отъ слиянія дѣлается возвышеннѣе. Любовь современной женщины отличается отъ женской любви прежнихъ временъ безграничностью своихъ требованій. Современная женщина хочетъ, чтобы мужчина не только ласкалъ ее, но и любилъ духовно. Но Эдленъ Кей сознается, что люди испытываютъ разочарованіе отъ того, что представляютъ себѣ любовь болѣе высокой, чѣмъ она можетъ быть въ большинствѣ случаевъ. Прежнее брачное счастье требовало лжи и хитрости — чувствъ, уничтожившихъ оба пола.

Новыя женщины требуютъ отъ мужчины чистоты. Но подозреваютъ ли онѣ, какъ ихъ отношеніе къ робкому, неуверенному въ себѣ юношѣ, съ одной стороны, и къ опытному, самоуверенному свѣтскому льву, съ другой, дѣйствуетъ на перваго? Подозреваютъ ли онѣ, что онѣ, быть можетъ, борется за свою чистоту въ половомъ отношеніи, надѣясь получить въ награду за побѣду улыбку женщины, но встречаетъ съ ея стороны высокомерное состраданіе, тогда какъ она сама съ восхищеніемъ смотритъ на свѣтскаго льва?

Всѣ ли молодыя женщины, съ отвращеніемъ относящіяся къ грязнымъ половымъ привычкамъ мужчинъ, сами руководятся только нужнымъ благороднымъ стремленіемъ къ радости? Дѣйствительно ли онѣ не позволяютъ себѣ самой отвратительной изъ всѣхъ комедій — игры въ любовь?

Эдленъ Кей бичуетъ женщинъ, которымъ нравится „кошачья игра флирта“, которая раздуваетъ „сорекованіе ревности“, вызывающую эксцессы со стороны мужчинъ, и прибавляетъ, что „чистыя“ женщины соблазняютъ куда больше мужчинъ, чѣмъ „нечистыя“. „При посредствѣ такъ наз. женоненавистниковъ женщина часто можетъ ознакомиться съ природою мужчины. Дѣло въ томъ, что женоненавистникъ — это такой человѣкъ, который любитъ женщину чисто по-мужски и въ проявленіяхъ своего разочарованія онъ обнаруживаетъ глубочайшія желанія мужчины“. Тутъ Эдленъ

Кей очень мѣтко анализируетъ Стриндберга и Ницше, называя ихъ такими же нечестивцами, и показываетъ, какія поучительныя свѣдѣнія можетъ почерпнуть женщина изъ ихъ теорій. Ницше дѣлитъ женщинъ на кошекъ, коровъ и обезьянъ. На это Эленъ Кей съ полнымъ правомъ отвѣчаетъ: это все равно, что раздѣлять мужчинъ на лисичъ, буйвозовъ и павлиновъ. Здѣсь не достаётъ не только характерныхъ для животныхъ Ницше, орла и змѣи, но и другихъ видовъ, какъ, напр., прежде всего, льва и осла. Она показываетъ, какъ глубоко ошибается Ницше, прилагая ко всему женщинамъ одну и ту же мѣрку и утверждая, что лишь мужчины обладаютъ индивидуальными свойствами.

Современныя женщины требуютъ или отъ мужчины женской чистоты, или для женщины мужской свободы. И то и другое неправильно. Въ настоящее время нашъ книжный рынокъ кишитъ всякими „Reinheitsschriften“, т. е. „сочиненіями на тему о чистотѣ“, написанными мужчинами въ области изысканной и неизысканной литературы.

Эленъ Кей думаетъ, что можно исправить зло добромъ, а именно, обоюднымъ воспитаніемъ обоихъ супруговъ. „Нѣжная, цѣломудренная, чуткая и кроткая жена — это лучший путь къ блаженству для измученнаго страданіями мужчины. Уже такая мать, сестра или подруга можетъ вдохнуть мужчине мужество и силу. Но увѣренной въ побѣду можетъ быть только любимая супруга“. А. Андреасъ-Сальме („Человѣкъ, какъ женщина“) очень мѣтко замѣчаетъ, что „какъ разъ болѣе сильная чувственность женщины дѣлаетъ ее менѣе чувственной, чѣмъ мужчине: на почвѣ материнства и всего, находящагося съ этимъ въ связи, женщина чувствительна, такъ сказать, съ ногъ до головы круглый годъ; у мужчины же чувственность только острая и мѣстная“.

Далѣе Эленъ Кей пишетъ: „Несомнѣнно, женщины преувеличиваютъ, говоря, будто „чистая“ женщина чувствуетъ силу требованій своего пола лишь тогда, когда она любитъ. Но огромная разница между ней и мужчиной заключается въ томъ, что она не можетъ выполнять эти требованія, не любя. Конечно, правда, что женщина, наряду съ любовью, можетъ преслѣдовать и другую какую-нибудь жизненную задачу. Но глубокое различіе между нею и мужчиной состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что мужчина чаще является дѣятелемъ, чѣмъ любовникомъ, а женщина — наоборотъ. Мужчина цѣнится по его дѣламъ, женщина — по ея любви. Правда, женщина хочетъ быть очаствленной мужчиной также и чувственно. Но тогда какъ это чувство пробуждается перѣдко уже послѣ того, какъ она полюбила мужчину настолько, что готова для него пожертвовать жизнью, у мужчины часто пробуждается желаніе обладать женщиной прежде, чѣмъ онъ полюбилъ ее настолько, чтобы пожертвовать за нее хотя бы какой-нибудь мелочью. Самое мучительное изъ всехъ современныхъ различій между мужчиной и женщиной это то, что у женщины, въ большинствѣ случаевъ, любовь развивается отъ души къ чувственности, а часто и не заходитъ такъ далеко, между тѣмъ, какъ у мужчины она идетъ отъ чувственности къ душѣ и часто не достигаетъ цѣли.“

Эленъ Кей, очевидно, предполагаетъ, что эти глубокія свойства человеческой природы скоро измѣнятся. Говоря о шведахъ, гдѣ въ народѣ любовь не ограничена никакими стѣснительными мѣрами, Эленъ Кей замѣчаетъ: „Съ полной увѣренностью мы можемъ утверждать одно, а именно, что въ широкихъ слояхъ народа супружеская вѣрность такъ же велика, какъ безгранична свобода до брака. Съ другой стороны, мы видимъ въ народѣ, какъ слабы и какъ вялы чувства, какъ груба и жадна чувственность въ такихъ случаяхъ, если онъ привыкъ утолять свое чувство прежде, чѣмъ пробудится душа. Тогда какъ большинство рабочихъ довольствуется, кромѣ чѣмъ пробудится душа. Тогда какъ большинство рабочихъ довольствуется, кромѣ удовлетворенія полового побужденія, вѣрнымъ и преданнымъ товарищемъ, танцующимъ съ нимъ одну лямку, современный развитой человѣкъ предъявляетъ къ женщине съ глубокія эротическія требованія, которые, однако, въ юности довольно часто маскируются любовнымъ угаромъ“.

„Люди проклинаютъ случай, который разъединяетъ любящихъ людей. Но надо скорѣе проклинать не тѣ случаи, которые разъединяютъ любящихъ сердца, а тѣ, которые соединяютъ ихъ слишкомъ рано. Человѣкъ можетъ протѣвовать свое счастье тѣмъ, что

онъ слишкомъ поздно открываетъ сущность своего собственнаго „я“ или „я“ другихъ, а не тѣмъ, что сдерживается отъ совершения поступка до выясненія этого“.

Эдленъ Кей возстаетъ противъ противозачаточныхъ средствъ, исходя изъ эстетическихъ соображеній, а также потому, что она не вѣритъ въ цѣлесообразность; мы видимъ, что въ этомъ вопросѣ она глубоко заблуждается. Она высказывается противъ слишкомъ раннихъ браковъ (свободныхъ или законныхъ), такъ какъ они доставляютъ супругамъ много труда и жизненныхъ заботъ, дѣти страдаютъ и воспитываются хуже. По ея мнѣнію, на сѣверѣ женщины не должны вступать въ бракъ моложе 20, а мужчины 25 лѣтъ; она утверждаетъ, что изъ женщинъ, вышедшихъ замужъ моложе 20 лѣтъ, врядъ ли найдется хотя одна, которая, достигнувъ 25 лѣтъ, не пожалѣетъ, что такой молодой рѣшилась на этотъ шагъ. Не надо забывать, что Эдленъ Кей живетъ на сѣверѣ, въ Швеціи. „Если вѣтъ примѣси южной крови“, говоритъ она: „то проходить много лѣтъ, пока пробудится чувственность сѣверной женщины; но мужчины нетерпѣливы“.

Нидше говоритъ, что „чувственность часто опережаетъ ростъ любви, такъ что корни ослабѣваютъ и легко вырываются“. Эдленъ Кей признаетъ, что отдающаяся въ пылу страсти дѣвушка стоитъ въ этическомъ отношеніи выше такъ наз. приличной невѣсты, которая ждетъ, пока ея женихъ получитъ хорошее мѣсто; но еще выше она ставитъ дѣвушку, которая сумѣетъ сохранить холодность чувства въ весѣ любви. До сихъ поръ Эросъ повиновался, къ сожалѣнію, только мужчинамъ; теперь женщины должны взять руководство имъ въ свои руки и укорачивать продолжительные періоды обрученія разлукой. Напротивъ, по истеченіи указанного возраста она требуетъ, чтобы браку и любви была предоставлена полная свобода. Чѣмъ нѣжнѣе любить женщина, тѣмъ больше шансовъ, что, рано или поздно, она воскликнетъ:

Deine fordernde Sehnsucht wird wohl still.
Wenn ihre Küsse mich Herzen—
Aber meine schweigt nicht,—du, ich will
Mutterschmerzen! *)

(Маргарита Бетлеръ).

Женщина жаждетъ имѣть ребенка, часто не сознавая этого. Мужчина часто не понимаетъ ее и считаетъ ее удовлетворенной уже тогда, когда на самомъ дѣлѣ она только начинаетъ испытывать опредѣленную потребность. „Потребность женщины жить и страдать для рода сообщаетъ ея любви болѣе чистый пылъ, болѣе высокое пламя, болѣе высокую колю къ вѣчности, болѣе непоколебимую вѣрность, чѣмъ мужской любви. Изъ все болѣе и болѣе страстной, все болѣе и болѣе готовой на самопожертвованіе нѣжности къ любимому человѣку вытекаетъ неудовлетворенная жажда материнства. Наоборотъ, мужчина, у котораго остается все меньше и меньше поводовъ давать, начинаетъ все меньше и меньше любить“.

Эдленъ Кей не отвергаетъ всякую „свободную любовь“ и возмущается тѣмъ, что этимъ терминомъ злоупотребляютъ. Цвѣтокъ любви долженъ оставаться собственностью любящихъ и ихъ тайной, а плодъ—создавать извѣстные отношенія между ними и обществомъ. „Поэзія рѣдко воспѣвала закономъ освященный брачный союзъ, а почти всегда только свободную и тайную любовную связь. Женихъ, объясняющій—во франкъ—свои чувства къ дочери сначала отцу—это уже такой устарѣлый типъ, что его врядъ ли можно еще сильнѣе выемѣять, да и весь процессъ обрученія и свадьбы начинаетъ становиться смѣшнымъ. „Все меньше и меньше влюбленные переносятъ инимонство за ихъ сокровенными чувствами: все больше и больше они стараются укрыться отъ таможеннаго досмотра общества, отъ домашнихъ отмычекъ, отъ карманниковъ изъ кружка знакомыхъ“.

„Родители должны предоставлять дѣтямъ идти своей дорогой: пусть дѣти сами дѣлаютъ горькіе опыты изъ жизни, но родители должны оставаться ихъ друзьями и помогать имъ своими опытами. Но если дѣти считаютъ случай за судьбу, то тутъ имъ ничто ужъ не поможетъ“.

*) „Könnte ich erlösen in Lärm und Meuterei, dein Jammer strömt in Tränen, das ich nicht weinen darf—o Jammer mörderischer Mütter“.

„Хорошо читать отца и мать; но важнѣе заповѣдь, забытая Моисеемъ: „Чти сына и дочь прежде, чѣмъ они родились“. Часто ребенокъ болѣе обязанъ своимъ предкамъ, чѣмъ родителямъ. По мнѣнію Элленъ Кей, мужчина долженъ обзаводиться семьей въ 25 лѣтъ, а послѣ 30—35 лѣтъ получать пенсію отъ государства. „До тѣхъ поръ, пока государства такъ глупо жертвуютъ своими лучшими цѣнностями, всякій другой способъ реформирования общества будетъ тканью Пенелопы, въ которой ночь распускаетъ то, что соткала день“.

Элленъ Кей думаетъ, что законъ не долженъ былъ бы допускать, чтобы между супругами было болѣе 25 лѣтъ разницы. Она рекомендуетъ, чтобы молодые люди передъ совершеніемъ брака обращались къ врачу, который долженъ рѣшить, способны ли они на это. Въ главѣ о выборѣ любви она высказываетъ очень цѣнныя мысли по вопросу объ улучшеніи расы.

Эротопластикой Элленъ Кей называетъ „ученіе о любви, какъ сознательно формирующемъ искусствѣ“, противопоставляя его слѣпому половому побужденію. Она требуетъ также допущенія свободнаго подбора въ силу родовыхъ чувствъ и т. д. Она желала бы, чтобы люди были свободны въ выборѣ любви при условіяхъ, благоприятныхъ для рода, и, наоборотъ, она желала бы не свободы любви, но свободы дѣторожденія при условіяхъ, неблагоприятныхъ для рода. Это она называетъ „линіей жизни“. Желаніе улучшенія вида не должно сознаваться любящими, подобно тому, какъ побѣдителю въ спортѣ неизвѣстна предыдущая тренировка; вполнѣ достаточно, если чувства проникнуты такими безсознательными мотивами. Элленъ Кей стоитъ за бигамію въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ супруговъ неспособенъ къ дѣторожденію (напримѣръ, боленъ). Когда точка зрѣнія улучшенія вида проникнетъ въ этические понятія людей, то человѣчество будетъ считать безнравственнымъ слѣдующія отношенія:

1. Всякое дѣторожденіе безъ любви.
2. Всякое безотвѣтственное дѣторожденіе.
3. Всякое дѣторожденіе незрѣлыхъ или выродившихся индивидовъ.
4. Всякое добровольное безплодіе супруговъ, способныхъ къ дѣторожденію.
5. Все проявленія половой жизни, связанныя съ насиліемъ или соблазномъ.

для обнаруживающія неспособность хорошо выполнять задачу дѣторожденія“.

Элленъ Кей должна здѣсь признать опасность первыхъ опытовъ. Во всякомъ случаѣ, она признаетъ, что еще не доказано, дѣйствительно ли дѣти любви—это наилучшія дѣти, но она твердо вѣритъ въ то, что это когда-нибудь будетъ признано.

Здѣсь мы не можемъ не удивляться идеализму автора, но, къ сожалѣнію, объективная наука не подтверждаетъ такого взгляда. Я могъ бы привести ей цѣлый рядъ поразительныхъ доказательствъ совершенно противоположнаго.

Элленъ Кей критикуетъ Шопентауэра, утверждающаго, что любовь возбуждается естественными противоположностями. Она думаетъ, что моногамія будетъ повсюду носить хорошій характеръ только тогда, когда выборъ въ любви предоставитъ каждой женщинѣ и каждому мужчине возможность продолжать родъ.

Касаясь возвышенной, совершенной любви, Элленъ Кей мѣтко замѣчаетъ: „Глубочайшій трагизмъ любви состоитъ въ томъ, что многіе люди становятся способными къ возвышенной, совершенной любви, создающей изъ двухъ существъ одно, болѣе совершенное, лишь послѣ того, какъ умъ и чувственность почерпнули опытъ изъ ошибокъ прежней жизни. Къ большинству можно примѣнить слова умирающаго Геббеля: „Недостаетъ или кубка, или вина“.

„Если несчастныхъ браковъ гораздо больше, чѣмъ ихъ расторгается, то это объясняется не столько чувствомъ долга, сколько тѣмъ, что лишь немногіе способны къ сильнымъ чувствамъ. Символъ Цера Гинта—луковица—олицетворяетъ эротическую сущность большинства людей. Она расцвѣтаетъ и въ пескѣ, и въ водѣ, и въ землѣ, и въ горнѣ. Но если въ такой средѣ окажется жолудь, то вслѣдствіе жизненныхъ условій дуба, онъ неминуемо въ одинъ прекрасный день взорветъ стѣны своей тюрьмы или умретъ“.

Элленъ Кей рѣшается совѣтовать женщинамъ, достигшимъ зрѣлаго возраста и способнымъ къ совершенной любви, становиться матерями, не вступая въ бракъ. Но это смѣлое рѣшеніе надо предпринимать добровольно и сознательно (а не такъ, какъ

слабыя женщины, которыхъ побуждаютъ ребенокъ и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда заключенію брака препятствуютъ какія-либо обстоятельства. Новая женщина — говорить она — должна обладать „мужествомъ для себя, состраданіемъ для другихъ“. Здѣсь я не могу воздержаться — не опровергая, впрочемъ, Элленъ Кей, — чтобы не посоветовать прочитать небольшой разсказъ Алекс. Киланда „Эротика и Идиллы“. Воздушеннейшая любовью „идеальная женскія души“ совѣтуютъ двумъ влюбленнымъ вступить въ бракъ, хотя послѣдніе не имѣютъ средствъ для поддержанія семьи. Они вѣнчаются, и у нихъ каждый годъ рождается ребенокъ; а когда жена, въѣдѣніе постоянной нужды въ деньгахъ, постепенно опускается, то тѣ же пріятельницы упрекаютъ ее въ этомъ, въ особенности, старыя дѣвы, мечтающія о „высшей любви“; онѣ находятъ, что ея любовь недостаточно „истинна“ и т. д. Но бѣдняжка задыхается въ прозѣ нужды и домашнихъ заботъ. Все возмущенно отворачиваются отъ нея, лишь Богъ не забываетъ ее, посылая ей ежегодно по „златокудрому ангелочку“. Незамужнія женщины, все болѣе и болѣе отдаляющіяся отъ нея, все же возмущаются ею и ея мужемъ: „Еслибы ихъ сердца горѣли истинной, настоящей любовью, то и ихъ жизнь сложилась бы совершенно иначе“. „Онѣ“, говоритъ Киландъ: „еще болѣе укрѣпились въ своемъ красивомъ и непоколебимомъ убѣжденіи, такъ какъ всѣ онѣ были не замужемъ“. Замужемъ или не замужемъ — это здѣсь не играетъ роли. Главное здѣсь въ средствахъ и заботахъ о дѣтяхъ!

Бисетъ весталки на Римскомъ форумѣ,
въ Римѣ.

Въ концѣ мы вернемся еще къ этому вопросу.

Элленъ Кей бичуетъ любовь гетеръ и новогречанокъ; для этихъ женщинъ любовь — лишь наслажденіе въ родѣ сигаретки, а дѣторожденіе онѣ ненавидятъ.

Эти сторонницы полиандріи прозябаютъ, точно безплодныя растенія, и кажется, что въ ихъ сердцахъ дрожитъ струна, издающая жалобный тонъ, — тонъ, говорящій о зіяющей пустотѣ ихъ души. Элленъ Кей сокрушается о томъ, что наши женщины утратили охоту рожать. Всеобщую любовь къ человечеству, какъ замѣну этого чувства, она называетъ „Dünnbrot für aller Speizung“. Ея лозунгъ — это выборъ въ любви. Она не хочетъ уничтожать семью, но лишь преобразовать семейное право: она не хочетъ устранить родителей отъ дѣла воспитанія дѣтей, а лишь ввести воспитаніе родителей, она не хочетъ разрушить семейный очагъ, а лишь прекратить безсемейность. Условно она признаетъ за женщиной въ исключительныхъ случаяхъ право отказываться отъ материнства, но этотъ отказъ былъ бы равносильнымъ поступку воина, который открываетъ себѣ жилы, чтобы приготовиться къ сраженію.

Элленъ Кей высмѣиваетъ сторонницъ женскаго равноправія, заявившихъ на одномъ конгрессѣ, что „человѣчество, находясь подъ властью мужчины, погрязло въ мрачныхъ преступленіяхъ и возродится къ новой жизни лишь женщиной“. Смѣшно отрицать заслуги мужчины въ дѣлѣ культуры и прогресса. Но женщинѣ человѣчество обязано слѣдующимъ.

„Когда природа создала половое побужденіе, женщина преобразовала его въ любовь, а когда явилась необходимость въ жилищѣ, женщина превратила его въ домашній очагъ. Низкостъ—вотъ ея вкладъ въ культуру. Вотъ ея цѣнность, уравновѣшивающая цѣнность мужчины“.

Сила женщины заключается въ ея способности любить. Эллень Кей говоритъ объ опасностяхъ науки, чиновничества и бюрократіи для женской души, которая подъ вліяніемъ ихъ теряетъ интуицію, дѣлается черствой, ищетъ повсюду доказательства и утрачиваетъ сердечную теплоту. Съ глубокой скорбью указываетъ она на тотъ фактъ, что большинство французовъ было противъ Дрейфуса, а англичанокъ—противъ буровъ; въ этомъ она видитъ подтвержденіе того, что въ отношеніи общественной морали женщины не стоятъ выше мужчинъ. Въ преступленіяхъ за спиною мужчины часто скрывается женщина. Она безпощадно бичуетъ тщеславіе феминистокъ, переоцѣнивающихъ женщину.

Эллень Кей требуетъ свободы развода; разводъ долженъ совершаться послѣ заявленія одной или обѣихъ сторонъ, если только это желаніе высказывается твердо въ теченіе нѣкотораго времени. Она хотѣла бы, чтобы общественное мнѣніе относилось къ разведеннымъ супругамъ такъ же, какъ оно теперь относится къ нарушенному обрученію. Въ любви собственность—это воровство.

Въ заключеніе Эллень Кей предлагаетъ законченный проектъ закона о бракѣ, изъ котораго мы выдѣляемъ нѣкоторыя положенія; она находитъ, что бракъ можно разрѣшать лишь при слѣдующихъ условіяхъ:

1. Мужъ и жена должны быть совершеннолѣтними.
2. Разница между супругами не должна превышать 25 лѣтъ.
3. Супруги должны быть не кровными родными по восходящей или нисходящей линіи. Она требуетъ, какъ и современные законы, запрещенія брака между свояками.
4. Обѣ стороны должны удостовѣрить, что онѣ не живутъ въ другомъ бракѣ.
5. Обѣ стороны должны предъявлять медицинское свидѣтельство о способности къ браку.

Она требуетъ судебного наказанія какъ двойныхъ браковъ, такъ и гомосексуалистовъ.

Съ другой стороны, она допускаетъ существованіе, наряду съ законными, и свободныхъ браковъ, признанныхъ однако закономъ (свободная любовь). Само собою разумѣется, что она стоитъ за полное раздѣленіе имущества супруговъ. Зараженія венерическими болѣзнями должны ex officio наказываться судомъ. Разводу должны предшествовать попытки примиренія, а вступать во второй бракъ можно не раньше, какъ черезъ годъ послѣ развода. Она требуетъ равноправія вѣнчанныхъ и законныхъ дѣтей, а также установленія одинаковыхъ обязанностей прокормленія и воспитанія ихъ родителями въ обоихъ случаяхъ.

Вотъ что она пишетъ о заключеніи брака.

„Человѣкъ, желающій вступить въ бракъ, извѣщаетъ объ этомъ завѣдующаго браками въ общинѣ и прилагаетъ къ заявленію необходимыя удостовѣренія. Послѣ того, какъ завѣдующій браками въ мѣсячный срокъ провѣрилъ свидѣтельства и нашелъ все въ порядкѣ, онъ заявляетъ, что съ его стороны никакихъ препятствій къ браку не имѣется; тогда будущіе супруги являются къ нему, каждый съ двумя свидѣтелями. Безъ всякихъ рѣчей или другихъ церемоній они записываются въ брачную книгу, какъ супруги, что удостовѣряется ихъ собственноручными подписями и подписями свидѣтелей. Если они по какой-либо причинѣ, заявленной до брака и признанной достаточной, не желаютъ оглашать бракъ, то завѣдующій браками и свидѣтели обязаны молчать о немъ, если не выяснится, что заключеніемъ его нарушены права третьяго лица“.

„Это гражданское вѣнчаніе устанавливается закономъ; религіозное же вѣнчаніе предоставляется на волю каждаго и не имѣетъ никакого юридическаго значенія“.

Эллень Кей устанавливаетъ полный кодексъ брачныхъ и семейныхъ отношеній будущаго. Намъ завело бы слишкомъ далеко, еслибы мы стали подробно разбирать его, и потому отсылаемъ читателя къ оригиналу. Хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы

согласна съ нею, но все же, съ другой стороны, не можемъ не признать, что въ ея книгѣ часто оказывается женщина, незнакомаѣ съ правомъ и наукой, — женщина, судящая на основаніи чувства, что она, впрочемъ, сама признаетъ въ предположеніи. Иногда она хитаетъ черезъ край, напримѣръ, требуя наказанія за провиненія гомосексуальнаго побужденія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно никому не вредитъ. Въ другихъ случаяхъ она, наоборотъ, слишкомъ не рѣшительна или просто списываетъ бѣду догматическихъ размысленій устарѣвшаго теперь произвольнаго законоположенія (напр., въ вопросѣ о бракахъ между родственниками, о выжидательномъ срокѣ послѣ развода и т. д.). Я не могу не упрекнуть этотъ „брачный законъ“ въ томъ, что онъ еще преждевремененъ и слишкомъ подробенъ. Какъ справедливо замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ Эллень Кей, практика должна предшествовать — и въ теченіе продолжительнаго времени — закону.

Читатель самъ увидитъ, въ какихъ пунктахъ мы сходимся съ Эллень Кей и въ какихъ — расходимся. Мы болѣе всего расходимся съ ней въ деталяхъ пунктовъ и, прежде всего, въ вопросѣ о брачномъ кодексѣ. Само собою разумѣется, что мы вносимъ подѣляемся подъ слѣдующимъ прекраснымъ заявленіемъ Эллень Кей:

„Прежде всего, мы должны стремиться къ созданію возможно болѣе цѣннаго и способнаго къ развитію человѣческаго матеріала. Возможность получать его можетъ исчезать при прочно установленныхъ формахъ половой жизни, увеличиваться при свободныхъ формахъ ея, и наоборотъ. Требования современности многообѣщающа не только потому, что современная жизнь требуетъ болѣе свободы, но потому, что эти требования все болѣе и болѣе приближаются къ центральному пункту вопроса — къ убѣжденію, что любовь является главнымъ условіемъ повышенія жизнеспособности всего человѣчества и отдѣльных лицъ“.

„Изъ этого слѣдуетъ, что новый брачный законъ долженъ воспитывать для свободы, хотя ради свободы женщины онъ отнимаетъ у мужчины нѣкоторыя изъ его нынѣшнихъ правъ, а ради дѣтей ограничиваетъ современную свободу мужа и жены. Но, въ концѣ концовъ, и то и другое окажется на пользу любви“.

Эллень Кей объявляетъ идеаломъ будущаго брачный законъ французской революціи: „тѣ, кто любятъ другъ друга, — мужъ и жена“.

Я позволилъ себѣ привести нѣсколько критическихъ возраженій и теперь хочу сдѣлать еще одно. Эллень Кей ставитъ на видъ то обстоятельство, что она принадлежитъ къ числу состоятельныхъ, незамужнихъ женщинъ, не испытавшихъ тяжести нужды и заботъ малосостоятельныхъ большихъ семействъ и всей трудности борьбы за существованіе, и потому привыкла созерцать любовь болѣе въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ яснаго дня, чѣмъ въ суровости холодныхъ зимнихъ дней. Но, несмотря на это, отъ нея не ускользаютъ требованія практической жизни, и это мы должны отмѣтить. И все же ея взгляды должны пройти черезъ горнило строгой трезвости, какую даетъ человѣку лишь личное знакомство со всей тяжестью жизненной борьбы, когда онъ испытаетъ это на себѣ, или, по меньшей мѣрѣ, будетъ наблюдать ее долгое время въ непосредственной близости. Тогда Эллень Кей еще лучше приспособитъ свои мѣткія, прекрасныя мысли къ суровой дѣйствительности. Но если вѣрно, что идеальныя требованія эротопластики (говоря языкомъ Эллень Кей) часто встрѣчаютъ непреодолимые препятствія въ тяжелой борьбѣ и угрюмыхъ разочарованіяхъ жизни, нерѣдко притупляющихъ высшія человѣческія чувства, то не менѣе вѣрно, что человѣкъ, задувающий свой любовный пылъ, вмѣсто того, чтобы постоянно поддѣрживать его, тѣмъ самымъ отрекается отъ прекраснѣйшей и самой живой силы своего существованія.

То, что книга Эллень Кей вызвала рѣзкую критику со стороны приверженцевъ стариннаго — это вполнѣ понятно. Сила ея заключается въ свободномъ отъ предразсудковъ, утонченномъ и глубокомъ, чисто женственномъ чувствованіи цѣлаго, а также въ гениальномъ психологическомъ анализѣ отдѣльныхъ отношеній и въ рѣзкомъ, отчетливомъ и живомъ изложеніи. Приведенныя нами цитаты, надѣюсь, достаточно иллюстрируютъ эти качества книги.

Перу Эллень Кей принадлежатъ также сочиненія: „Вѣкъ ребенка“ и „Любовь и этика“.

такимъ характеромъ интригантки. Она становится беременной, и дворянинъ, вѣсему-принимавшій ея искренностью, хочетъ убить извѣстному вмѣстѣ съ ребенкомъ. Изъ страха она клянется, что ребенокъ отъ другого, и тогда онъ просто прогоняетъ ее. Вслѣдствіе разочарованія, онъ становится католическимъ священникомъ и къ старости преобразуется въ жизнерадостнаго, сильнаго и бодратаго аббата. Однажды къ нему приходитъ отшатнувшийся подлый бродяга и рекомендуетъ ему его сына, показывая ему юнкесскую фотографію аббата, очень напоминающую бродягу. Долгіе годы онъ считался сыномъ другого, пока схождение не указало ему настоящаго отца, а мать на смертномъ ложѣ не сказала ему всю правду. Прогнанный и ненавидимый его мнимымъ отцомъ за унаследованный отъ матери ужасный характеръ, бродяга укралъ у него деньги, велъ жизнь преступника, а теперь явился къ своему настоящему отцу, чтобы выжать и отъ него денегъ. Священникъ пробуетъ обойтись съ сыномъ сначала по хорошему и даетъ ему есть и пить. Но когда послѣдній слишкомъ явно обнаруживаетъ свою низость, онъ бросается на него. Лампа падаетъ и тухнетъ. Въ темнотѣ несчастный священникъ приходитъ въ отчаяніе и перерѣзываетъ себя горло. Полиція подозрѣваетъ бродягу въ убійствѣ и уводитъ его въ тюрьму.

Въ разсказѣ „L'enfant“ („Ребенокъ“) разпутный мужчина искренно влюбляется въ симпатичную дѣвушку, женится на ней и затѣмъ оставляетъ всѣ свои старыя привычки, въ частности, порвавъ съ многолѣтней любовной связью. Въ день свадьбы, вечеромъ, онъ получаетъ отъ своей прежней любовницы письмо, въ которомъ она пишетъ, что она рождаетъ и находится при смерти. Подъ какимъ-то предлогомъ онъ уходитъ къ ней, присутствуетъ при ея агоніи и, уступая ея мольбамъ, обѣщаетъ никогда не покидать ребенка. Страдая душой, онъ приноситъ ребенка своей молодой женѣ. Она прощаетъ ему и говоритъ: „Ну, что жъ, будемъ вмѣстѣ воспитывать малютку“.

Въ „Histoire vraie“ („Правдивая исторія“) циничный старый дворянинъ разсказываетъ, какъ онъ когда-то сдѣлалъ беременной свою служанку, а потомъ прогналъ ее, т. е. насильно выдать ее замужъ за крестьянина, которому далъ за это денегъ. Крестьянинъ такъ колотилъ и уродовалъ ее, что она постоянно убѣгала къ своему прежнему господину и, въ концѣ-концовъ, умерла у него вмѣстѣ съ ребенкомъ. Разсказчикъ-охотникъ со смѣхомъ разсказываетъ этотъ случай, находя его очень забавнымъ. Онъ, шутя, сравниваетъ исторію своей служанки съ исторіей своей вѣрной собаки, которую онъ держалъ у себя и потомъ продалъ. Отъ грусти бѣдное животное издохло на цѣпи у чужихъ людей.

„Pierre et Jean“ („Пьеръ и Жанъ“) — это мастерски написанное произведеніе. Глухой, необразованный мужчина вмѣстѣ двухъ сыновей. Его жена, гораздо болѣе интеллигентная, чѣмъ онъ, и его оба сына не ставятъ его ни во что. Пьеръ — врачъ, а Жанъ — адвокатъ, ухаживающій за молодой вдовушкой. У Пьера — мрачный, страстный и подозрительный характеръ. Умираетъ старый другъ семьи и все свое состояніе завѣщаетъ Жану. На основаніи нѣкоторыхъ замѣчаній кельнерши въ пивной, у Пьера возникаетъ подозрѣніе, что Жанъ — это плодъ измѣны мужу его матери. Онъ хочетъ узнать истину и требуетъ старый портретъ друга семьи, спрятанный матерью. Последняя вынуждена показать портретъ, и оказывается, что онъ похожъ на Жана. Тогда Пьеръ съ неумолимой злобой начинаетъ преслѣдовать свою мать и мучить ее по цѣлымъ недѣлямъ, давая ей понять, что онъ открылъ ея тайну. Бѣдняжкѣ приходится переносить адскія муки. Жанъ объясняетъ поведение своего брата завистью къ тому, что онъ получилъ наследство отъ друга семьи и обручился.

Добродушный и жизнерадостный по натурѣ Жанъ, въ концѣ-концовъ, возмущается поведеніемъ Пьера и бранитъ его въ комнатѣ, примыкающей къ спальнѣ матери, упрекая его въ зависти и грубости. Тутъ Пьеръ раздражается, открываетъ ему истину и уходитъ, сильно взволнованный. Жанъ въ отчаяніи, но не можетъ остаться въ невѣдѣніи и, зная, что его мать должна была слышать весь ихъ разговоръ, спѣшитъ къ ней. Уткнувшись въ подушки, она сначала ничего не говоритъ, но, въ концѣ-концовъ, разсказываетъ ему всю правду и хочетъ убѣжать изъ дому. Однако, ему удается успокоить ее. Онъ прощаетъ ей все, а затѣмъ устраиваетъ такъ, что Пьеръ получаетъ мѣсто врача на суднѣ и уѣзжаетъ изъ дому. Но мать

говорить Жану, что не может ничего изменить въ своихъ чувствахъ. Ея настоящимъ мужемъ, говоритъ она, былъ ея любовникъ, его отецъ, и она успокоится лишь тогда, если онъ пообещаетъ ей признавать его внутренно отцомъ, уважать его и въ разговорахъ съ нею отзываться о немъ, какъ объ отцѣ. Жанъ обещаетъ это. Добродушный, глухой, самодовольный мужъ остается въ полномъ нещѣдѣнн. Рассказывая о Жанѣ, Монассанъ говоритъ: „Иногда онъ испытываетъ ту настоятельную потребность немедленнаго разъясненія вопроса, которая составляетъ всю силу слабыхъ, неспособныхъ что-либо хотѣть въ теченіе продолжительнаго времени“.

Въ разсказѣ „Le père“ („Крошка“) мужъ обожаетъ жену, тайно отъ него имѣющую любовникомъ своего соседа и друга дома. Жена умираетъ. После ея смерти и мужъ, и любовникъ оченъ балуютъ оставшагося ребенка и этимъ, конечно, портятъ его. Это очень не нравилось служанкѣ, и она, однажды разсердившись, сказала отцу правду, которую знаютъ все, кромѣ него. Онъ вѣшается, оставивъ обманувшему его другу такую записку: „Ухожу отъ васъ и поручаю вамъ крошку“.

Интересенъ разсказъ „L'abandonné“ („Покинутый“). Во время продолжительнаго отсутствія мужа въ Индіи жена вступаетъ въ интимныя отношенія съ однимъ женатымъ господиномъ. Плодомъ ихъ связи является ребенокъ, отданный любовникомъ на воспитаніе крестьянамъ на другомъ краю Франціи. Жена видѣла ребенка только сейчасъ же после его рожденія. Своего мужа она никогда не любила, и дѣтей отъ него у нея не было. Постоянно мучаясь мыслью объ единственномъ ребенкѣ, покинутомъ ею, она черезъ много лѣтъ, уже состарившись, уѣзжаетъ тайно съ своимъ прежнимъ любовникомъ, ставшимъ теперь другомъ дома, къ тѣмъ крестьянамъ, гдѣ воспитывается ея сынъ. Она находитъ въ какомъ-то хлѣву отупѣвшаго субъекта съ грубой женой и дѣтьми, на которыхъ родители не обращаютъ никакого вниманія. Это и есть ея сынъ. Эти люди, не имѣющіе ни малѣйшаго представленія, кто она, неохотно даютъ ей за деньги молока. Глубоко потрясенная и разочарованная, она уходитъ отсюда со своимъ старымъ другомъ.

„Le père“ („Отецъ“, въ „Contes du jour et de la nuit“). Мужчина соблазняетъ хорошую дѣвушку, дѣлаетъ ее беременной и затѣмъ подло бросаетъ ее на произволъ судьбы. Черезъ нѣкоторое время она выходитъ замужъ за хорошаго человека. Ея соблазнитель, оставшійся холостымъ, впоследствии узнаетъ объ этомъ и чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ, такъ какъ мужъ его прежней любовницы принять его сына въ свою семью. Онъ хочетъ повидать сына, но мать съ презрѣніемъ отворачивается отъ него. Приемный отецъ холодно позволяетъ ему увидѣть и поцѣловать ребенка.

Въ разсказѣ „Un parricide“ („Отцеубійца“) жена рождаетъ отъ любовника ребенка, котораго она охотно устранила бы, но кормилица беретъ его къ себѣ и ухаживаетъ за нимъ, какъ мать. Мальчикъ вырастаетъ, становится столяромъ и социалистомъ и притомъ хорошимъ рабочимъ. Тѣмъ временемъ законный мужъ его матери умираетъ, и она выходитъ замужъ за своего прежняго возлюбленнаго. Тогда родители находятъ своего сына и, не показывая вида, доставляютъ ему много работы, такъ что, въ концѣ-концовъ, наводятъ его на слѣдъ тайны. Онъ говоритъ имъ объ этомъ и требуетъ, чтобы они признали его. Этимъ онъ раздражаетъ родителей, которые пытаются отрицать правду: въ особенности, возмущается отецъ, занимающій важное мѣсто, и грозитъ побить сына; послѣдній такъ возмущенъ поведеніемъ своихъ родителей, что въ гнѣвѣ переходитъ границы самообороны и сталкиваетъ обоихъ родителей съ обрыва въ бурный потокъ, гдѣ они гибнутъ. И вотъ онъ стоитъ передъ судомъ присяжныхъ и безстрастно и толково рассказываетъ все дѣло. „Каковъ будетъ приговоръ?“ Этими словами заканчивается разсказъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ темамъ.

Полиандрія. Въ небольшомъ, прекрасно написанномъ разсказѣ „Mouche“ („Мушка“) пятеро веселыхъ хорошихъ пріятелей заняты перевозкой товаровъ по Сенѣ и ведутъ веселый хорошій образъ жизни. Но у нихъ нѣтъ подруги, и после нѣсколькихъ опытовъ съ грубыми и изнѣженными женщинами они находятъ маленькое, рѣзвое, веселое, легкомысленное созданье, которое постоянно болтаетъ, шутитъ и смѣется. Ее приглашаютъ жить на судно, и она украшаетъ его своимъ

краснымъ антикомъ. Ее называли „Мушкой“. Сначала она, повидимому, живетъ съ однимъ N, но, въ действительности, вскорѣ становится подружкой всѣхъ пяти молодыхъ людей, что создаетъ между ними известную натянутость. N сходитъ съ ней по субботамъ и воскресеньямъ, а остальные по разу въ недѣлю. N сначала дѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, но потомъ такое положеніе вещей признается открыто, и безъ компаньи живетъ душа въ душу, какъ прежде. Однажды Мушка къ своему ужасу убѣждается въ томъ, что она беременна и очень боится, что ее теперь бросятъ, но успокаивается, когда всѣ пять друзей общаются ей быть сообщница отцами и усыновить ребенка. Однажды она неловко прыгнула, вследствие чего разбѣсилась преждевременно мертвымъ ребенкомъ и сильно захворала. Но она поправилась. Всѣ

Японская свадьба.

ея пять друзей очень любятъ ее и оставляютъ у себя. Но она сильно груститъ о потерѣ ребенка, и друзья тщетно стараются успокоить ее, пока N не приходитъ въ голову блестящая идея: „мы сдѣлаемъ тебѣ другого“, говоритъ онъ. „Навѣрное?“ спрашиваетъ Мушка. „Конечно“, отвѣчаютъ всѣ пятеро.

„Un sage“ („Мудрецъ“). Мудрецъ — это мужъ эротически ненасытной женщины, которая чуть не сводитъ молодого человѣка въ могилу своею ненормальной потребностью любви; онъ не видитъ иного исхода, какъ пригласить къ ней своего друга, которого онъ втайнѣ намѣренъ сдѣлать ея любовникомъ. И вотъ они оба раздѣляютъ между собою любовную работу, и всѣ трое прекрасно чувствуютъ себя при такомъ режимѣ.

„Yvette“ („Иветта“) — это исторія красивой, жизнерадостной, довольно ординарной, но пока еще не испорченной дочери первосортной проститутки или куртизанки. Мать дѣвушки, еще красивая женщина, была раньше кухаркой, но, благодаря своей красотѣ, стала содержанкой всевозможныхъ богатыхъ господъ и нажила себѣ состояніе. Она называетъ себя маркизой и принимаетъ въ своемъ салонѣ цѣлое международное общество богатыхъ прожигателей жизни сомнительнаго происхожденія, принарождающихъ подъ ложными титулами принцевъ, графовъ или бароновъ покутить въ Парижѣ. Одинъ парижскій довелась, Сериньи, желающій сдѣлать Иветту своей содержанкой, вводитъ въ салонъ мнимой маркизы своего красавца друга. Последний тотчасъ же завоевываетъ расположеніе маркизы, такъ какъ она иногда, дѣйствительно,

влюбляется въ красивыхъ мужчинъ. Тѣмъ временемъ Сериньи хочетъ соблазнить Иветту, которая хотя и кокетничаетъ съ нимъ, но всегда отказывается въ послѣдней милости.

Но вотъ однажды вечеромъ дѣвушка, оставшаяся до сихъ поръ еще чистой и не знавшая ничего о прошлой жизни своей матери, замѣчаетъ, что послѣдняя очень странно ведетъ себя съ прекраснымъ другомъ. Она хочетъ знать истину, прячется въ садъ и видитъ, какъ любовники проходятъ въ спальню ея матери и обнимаются ея тамъ. Она приходитъ въ сильное возбужденіе, отказывается отъ пищи и затѣмъ объясняется съ матерью, бросая ей въ лицо самые тяжкіе упреки. Она хочетъ уйти отъ нея и сама зарабатывать себѣ на жизнь. Мать невозмутимо объясняетъ ей, что не будь она куртизанкой, онѣ обѣ были бы несчастными нищенками. Послѣ этого Иветта хочетъ покончить самоубійствомъ, покупаетъ во всѣхъ аптекахъ хлороформъ и однажды вечеромъ подъ предлогомъ головной боли уходитъ къ себѣ въ комнату, ложится въ кровать, выпиваетъ хлороформъ и, частью, вдыхаетъ его. Тишину въ ея комнатѣ находятъ подозрительной; гости спѣшатъ къ ней и находятъ ее въ полубезсознательномъ состояніи, вслѣдствіе принятаго наркотическаго средства. Сериньи въ отчаяніи высылаетъ всѣхъ изъ комнаты и старается привести Иветту въ чувство. Однако, хлороформъ уничтожаетъ строгіе принципы Иветты и дѣлаетъ невозможными вообще трудно выполнимые для нея ея аскетическіе планы. Медленно приходя въ себя отъ наркоза, она обнимаетъ Сериньи и отдается ему.

Но Мопассанъ умѣетъ изображать также чистую и прекрасную любовь въ различнѣйшихъ варьянтахъ.

Въ разсказѣ „Bonheur“ („Счастье“) молодая благородная и красивая дѣвушка влюбляется въ гусарскаго офицера, который увозитъ ее изъ дому; пять—десять лѣтъ она счастливо живетъ съ нимъ, работая, какъ крестьянка, въ глухомъ уголку Корсики, гдѣ ее случайно находятъ вмѣстѣ съ ея старымъ тугимъ на ухо мужемъ одинъ ея прежній знакомый. Образованныя дамы, слушая эту исторію, находятъ такую женщину глупой, такъ какъ ея потребности были, по ихъ мнѣнію, слишкомъ ограничены!

Въ разсказѣ „Une veuve“ („Вдова“) двѣнадцатилѣтній мальчикъ, потомокъ патологически страстныхъ и сентиментальныхъ предковъ, влюбляется въ семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Его высмѣиваютъ и дразнятъ. Онъ клянется, что покончитъ самоубійствомъ, если она броситъ его, и дѣйствительно убиваетъ себя, узнавъ, что она обручилась съ другимъ. Въ отчаяніи дѣвушка отказывается жениху, сохраняетъ на память доконъ мальчика и остается старой дѣвой: она считаетъ себя до самой смерти вдовой мальчика. Эта исторія патологична только со стороны мальчика.

Въ разсказѣ *Histoire d'une fille de ferme* („Исторія работницы“) хорошая сильная крестьянская дѣвушка уступаетъ ухаживаньямъ проходимца и отдается ему; онъ бросаетъ ее беременной и уходитъ неизвестно куда, хотя обѣщалъ жениться на ней. Она тайно разрѣшается отъ бремени и отдаетъ ребенка на воспитаніе въ другую деревню, а сама до изнеможенія работаетъ у стараго хозяина, чтобы только имѣть возможность прокормить своего ребенка. Хозяину нравится трудолюбіе дѣвушки, и онъ хочетъ жениться на ней, но она отклоняетъ его предложеніе, сознавая свой позоръ. Онъ настаиваетъ и, въ концѣ концовъ, женится на ней. Бракъ бездѣтенъ, и мужъ все сильнѣе и сильнѣе сердится на то, что у нихъ нѣтъ дѣтей, причемъ грубо попрекаетъ ее безплодіемъ. Но вотъ однажды, когда онъ грозитъ ей и даже бьетъ, она, въ отчаяніи, выдаетъ свою тайну и бросаетъ ему въ лицо слова: „Нѣтъ, у меня-то былъ ребенокъ!“. Мужъ, вмѣсто того, чтобы сердиться, внезапно успокаивается, сознавая, что причина безплодія онъ, а не жена, радостно цѣлуетъ ее и усыновляетъ чужого ребенка.

„Le papa de Simon“ („Симоновъ папа“). Вѣнчаемый ребенокъ терпитъ въ школѣ обиды и насмѣшки товарищей, презрительно обращающихся съ нимъ, такъ какъ они слышали, будто у него нѣтъ отца. Мальчикъ въ отчаяніи повсюду ищетъ отца, хочетъ покончить самоубійствомъ, но отъ этого его удерживаетъ одинъ честный подмастерье кузнеца и приводитъ его домой. Мальчикъ разсказываетъ ему о своемъ горѣ и проситъ его быть ему отцомъ. Мать мальчика — хорошая, трудолюбивая дѣвушка, мужественно выносящая свое несчастье. Но школьные товарища продолжаютъ издѣваться надъ Симономъ — такъ зовутъ мальчика — и высмѣиваютъ всячески

бѣднику, какъ вдругъ Симонъ заявляетъ, что у него есть отецъ, котораго зовутъ Фланшомъ. „Какой это Фланшъ?“ спрашиваютъ они. Тѣмъ временемъ кузнецъ познакомился съ матерью Симона, рѣшилъ жениться на ней и, такимъ образомъ, действительно сталъ отцомъ ребенка. Симонъ торжествуетъ, сообщая товарищамъ

Отчаяніе матери.

полную фамилію своего отца и, вмѣстѣ съ тѣмъ, угрозу послѣдняго нарвать уши всякому, кто осмѣлится обидѣть его сына.

Такъ же трогательна исторія „Rempaillieuse“, бѣдной, всеми обижаемой замарашки, которая, будучи еще ребенкомъ, влюбляется въ богатаго мальчика — эгоиста, который обращается съ ней насмѣхающагося надъ ея любовью. Несмотря на то, что онъ женится на другой, бѣдная дѣвушка продолжаетъ все хуже и хуже, а въ послѣдствіи женится на другой, бѣдная дѣвушка продолжаетъ

его любить, остается старой дѣвой и отдастъ до самой смерти своей ему все, что зарабатываетъ. Низкій итогъ принимается отъ нея это, а послѣ ей смерти даже въ наследство. „Это единственный случай искренней любви на всю жизнь, который я знаю“, — говоритъ рассказчикъ этой исторіи.

„Clochette“ („Клошкетта“). Въ этой повѣсти рассказывается о дѣвушкѣ, соблазненной трусомъ, причемъ парочкѣ грозитъ опасность быть захваченной на мѣстѣ преступленія. Для того, чтобы скрыть своего соблазнителя, который въ противномъ случаѣ потерялъ бы мѣсто, Клошкетта прыгаетъ изъ окна и переламываетъ себѣ ногу. Но она молчать и до самой смерти остается трудолюбивой портнихой, любимой всѣми дѣтьми.

Въ рассказѣ „L'infirme“ („Калѣка“) офицеръ, у котораго ядро оторвало обѣ ноги, отказывается отъ своей прежней невесты, такъ какъ не хочетъ, чтобы у нея было мужъ-калѣка. Когда она выходитъ замужъ за другого, онъ, какъ прежній женихъ, становится другомъ дома, а также мужа своей бывшей невесты и приноситъ имъ дѣтямъ подарки.

„Fort, comme la mort“ („Сильна, какъ смерть“) — это въ высшей степени тонкій психологическій этюдъ, трактующій о продолжительной любви двухъ высокообразованныхъ свѣтскихъ людей и о тонкой интуиціи женской любви и женской ревности. Фабула играетъ здѣсь второстепенную роль. Но тѣмъ поучительнѣе изображеніе утонченной жизни чувствъ въ любви, обусловленной эстетическимъ и формальнымъ общественнымъ образованіемъ у лицъ съ соотвѣтственными задатками.

Въ рассказѣ „L'inutile beauté“ („Безполезная красота“) мужъ ревнуетъ свою красивую жену, вышедшую за него противъ воли, и въ теченіе одиннадцати лѣтъ брачной жизни семь разъ дѣлаетъ ее матерью только для того, чтобы она не нравилась другимъ. Въ концѣ концовъ, онъ доводитъ ее до того, что она ненавидитъ его всѣми силами своей души и, понимая его намѣренія, заявляетъ ему, что одинъ изъ семи дѣтей не его, но отказывается назвать и ребенка и имя своего возлюбленного. Мужъ въ бѣшенствѣ сначала убѣждаетъ, но потомъ возвращается и начинаетъ вести распутную жизнь. Онъ не прикасается болѣе къ женѣ, но и не тиранитъ ее. Его жизнь — это сплошное мученіе, такъ какъ онъ все время занятъ мыслью угадать, какой изъ дѣтей не его. Но жена шесть лѣтъ остается неумолимой и не говоритъ ему. Въ концѣ концовъ, она сознается ему, что соврала, и супруги примиряются. Въ этой новеллѣ Мопассанъ обнаруживаетъ прямо таки болѣзненное отвращеніе къ природѣ и естественному. Онъ проклинаетъ Бога, создавшаго землю лишь для скотовъ и животныхъ инстинктовъ. Человѣкъ самъ долженъ возвыситься надъ этимъ божескимъ твореніемъ, грубость котораго проявляется въ актѣ полового сношенія и во всемъ размноженіи. Онъ поетъ хвалебную пѣснь искусственному, „сверхъ человѣку“, женщинѣ, считающей своимъ истиннымъ признаніемъ не продолженіе рода, а утонченность духа, наслажденіе и блескъ. Здѣсь ясно проявляется патологическая, пессимистическая, декадентская сторона автора, который при болѣзненной чувствительности думаетъ найти относительное удовлетвореніе лишь въ утонченной искусственной изысканности жизни, вмѣсто того, чтобы искать спасенія въ стремленіи къ болѣе идеальному преобразованію естественнаго.

„Notre coeur“ („Наше сердце“). Это романъ богатой кокетки, которая послѣ непродолжительнаго брака съ грубымъ человѣкомъ (уже умершимъ къ началу разсказа) не хочетъ болѣе выходить замужъ, вообще отдаваться какому-либо мужчине; высшее наслажденіе она находитъ въ томъ, чтобы имѣть вокругъ себя цѣлый хвостъ влюбленныхъ мужчинъ, и тѣшить этимъ свое безграничное тщеславіе. Къ болѣе глубокой любви она не способна. Но одинъ изъ ея поклонниковъ любитъ ее такъ глубоко и искренно, что и у нея пробуждается къ нему болѣе теплое чувство, и она отдаетъ ему, не переставая, однако, кокетничать съ другими поклонниками. А онъ такъ страдаетъ отъ этого, что убѣгаетъ въ деревню и тамъ находитъ утѣшеніе въ простой дѣвушкѣ, чисто и тепло полюбившей его. Но, въ концѣ концовъ, онъ снова возвращается на зовъ Парижа, которую онъ все еще любитъ, но беретъ и простую дѣвушку съ собой въ Парижъ, такъ какъ не хочетъ бросить ее. Открыто и имѣетъ съ тѣмъ тонко анализируя свои чувства, кокетка сознается, что она неспособна на болѣе глубокую любовь, хотя и отдается физически своему любовнику.

Полную противоположность этого изображает Мопассан в рассказе „Clair de lune“ („Лунный свет“), в котором он заставляет сурового, аскетического моралиста священника сложить оружие перед поэзией и элементарной силой естественной любви, которую он наблюдает у молодой четы.

„La maison Tellier“ („Заведеніе Телле“) — это описаніе публичнаго дома въ маленькомъ городкѣ. Въ этомъ разсказѣ великолепно описаны хозяйка дома, проститутки и постоянные ихъ гости. Но верха сатиры и въ то же время психологической правды Мопассанъ достигаетъ въ описаніи похвѣдки, предпринятой хозяйкой и дѣвушками съ цѣлью присутствовать на конфирмаціи дочери своихъ деревенскихъ родственниковъ. Во время церемоніи въ церкви легкомысленное общество внезапно расчувствовалось до того, что разрыдалось, заразило своими рыданьями всѣхъ остальныхъ присутствующихъ въ церкви, такъ что старый деревенскій священникъ ставитъ его общинѣ въ примѣръ, достойный подражанія и возвышающій душу. Очень тонко и правдиво изображенъ контрастъ, когда послѣ непродолжительной растроганности, въ дѣвушкахъ немедленно пробуждается ихъ ординарная натура проститутокъ, которыя, вернувшись домой, предаются самымъ дикимъ оргіямъ съ, по большей части, женатыми завсегдатаями публичнаго дома. Ночуя въ деревнѣ, одной изъ проститутокъ захотѣлось взять къ себѣ на кровать юную конфирмантку и поласкать ее. — Эта повелла представляетъ собою великолѣпный этюдъ для изученія психологіи проститутокъ и хозяекъ публичныхъ домовъ.

Въ разсказѣ „Les tombales“ („Могилыщцы“) Монассанъ изображаетъ одну изъ уловокъ проститутокъ для заманиванія мужчины: плача на могилахъ, какъ несчастныя вдовы, онѣ привлекаютъ къ себѣ вниманіе, возбуждаютъ сожалѣніе и, такимъ образомъ, привлекаютъ утѣшителей, которыхъ затѣмъ стараются окончательно замануть въ свои сѣти.

Грубость и тиранство необразованныхъ, простыхъ людей (рыбаковъ, крестьянъ) по отношенію къ женщинамъ Мопассанъ очень реалистически изображаетъ въ новеллахъ „Le poué“ („Утопленникъ“) и „Les sabots“ („Деревянные башмаки“), хотя въ послѣдней новеллѣ намѣренія крестьянина не безчестны.

„Ce cochon de M. . .“ („Этот свинья М.“) — это жадная сатира на суждения свѣта о половомъ вопросѣ и на сомнительное достоинство нравственнаго возмущенія многихъ женщинъ въ тѣхъ случаяхъ, если мужчина задѣнетъ въ безтактной формѣ ихъ добродѣтель. М., провинціальный простакъ, проводитъ двѣ недѣли въ Парижѣ. Голова его идетъ кругомъ, а чувственность возбуждена всеми роскошными соблазнительными женщинами, которыхъ онъ осмѣлился наблюдать только издали; и вотъ на обратномъ пути онъ оказывается вдвоемъ въ купѣ съ поразительно красивой молодой дѣвушкой, сильно взволновавшей его чувственность. Несмотря на долгія размышленія, онъ никакъ не можетъ придумать предлога, чтобы завязать съ ней знакомство и, не правильно принявъ ея улыбку за приглашеніе, глупо неуклюже бросается на нее, чтобы ее поцѣловать. Испуганная дѣвушка поднимаетъ крикъ и зоветъ на помощь. М. арестуютъ, но затѣмъ вскорѣ отпускаютъ на поруки; ему грозитъ быть привлеченнымъ къ суду. Встрѣченный женой очень и очень недружелюбно, онъ и въ послѣдствіи терпитъ отъ нея много неоріятностей, а весь городокъ смѣется надъ нимъ, называя его лишь „этотъ свинья М.“ Два пріятеля бѣдняги принимаютъ участіе въ его судьбѣ и предлагаютъ ему слѣдующее: они попытаются убѣдить семью дѣвушки, состоящую лишь изъ дяди и тети, отказаться отъ подачи жалобы въ судъ. Они уѣзжаютъ. Тетки дѣвушки нѣтъ дома. Одинъ изъ друзей обрабатываетъ дядю, другой, молодой редакторъ, остается съ дѣвушкой, которая оказывается кокеткой и легкомысленнымъ существомъ; редакторъ краемъ и смѣль — и вскорѣ онъ позволяетъ себѣ безнаказанно всякія вольности съ нею, а на слѣдующую ночь овладѣваетъ ею. Ухаживая за нею и заступаясь за бѣднягу М., онъ задаетъ ей такой вопросъ: „Ну, а еслибы я теперь поцѣловалъ васъ, чтобы было?“ — „О, Вы совѣмъ другой!“ — „Почему?“ — „Вы не такъ глупы... и не такъ противны, какъ М.“ — Жалоба взята изъ суда обратно, но бѣдняга М. остается „свиньей“ и черезъ нѣсколько лѣтъ умираетъ съ горя отъ срама и бѣднаго обращенія жены, тогда какъ журналистъ пользуется уваженіемъ за свой „благородный поступокъ“. „Когда двое дѣлаютъ одно и то же — это все-таки не одно и то же“.

„Madame Baptiste“ („Мадамъ Баптистъ“) — это исторія дѣвушки изъ хорошей семьи; къ дѣтству ея изнасиловать конохъ, послѣ чего всѣ чуждаются и презираютъ ее. Всѣ родители боязливо отстраняютъ своихъ дѣтей отъ бѣдной окверненной. Она проводитъ печальное, одинокое дѣтство, но затѣмъ выходитъ замужъ за хорошаго человѣка, не считающагося съ общественными предразсудками; выйдя за него замужъ, она оживаетъ, начинаетъ вѣрить въ возможность счастья и реабилитации, какъ вдругъ на одномъ музыкальномъ праздникѣ, гдѣ ее мужъ былъ членомъ жюри, одинъ изъ конкурентовъ съ досады, что ему не достался ожидаемый призъ, бросаетъ въ лицо мужу позоръ его жены при всей публикѣ и въ присутствіи самой несчастной. Этого она не переноситъ: она уходитъ и въшаеся.

„L'insolite“ („Неизвѣстное“) иллюстрируетъ тотъ фактъ, что физическій недостатокъ или порокъ (въ этой повелѣ — большое родимое пятно на спинѣ поразительно красивой дѣвушки), неожиданно замѣченный въ критическій моментъ любовникомъ, можетъ внезапно охладить его вожделѣніе и привести къ тому, что столь желанное имъ существо перестаетъ возбуждать его.

„Mots d'amour“ („Слова любви“) — это pendant къ предыдущему. Здѣсь типично изображается, какимъ охлаждающимъ и отрезвляющимъ образомъ могутъ подѣйствовать на тонко чувствующаго любовника банальныя ласки и избитыя слова любви хорошенькой, но глупой дѣвушки (какихъ много среди гризетокъ), употребляемыя ею въ письмахъ и тѣмъ болѣе въ нѣжномъ tête-à-tête.

„Marocca“ („Марокка“) лишь внѣшне затронутая культурой, но еще полудикая аравитянка, которая въ пылу чисто чувственной животной любви не колеблется убить своего законнаго мужа, когда ей грозитъ опасность быть внезапно застигнутой имъ во время нѣжнаго свиданія съ возлюбленнымъ.

„Aux champs“ („Въ поляхъ“). Богатая бездѣтная дама хочетъ усыновить ребенка изъ одной крестьянской семьи. Но мать гордо заявляетъ, что она не памѣрена продавать ребенка. Въ сосѣдней семьѣ мать встрѣчаетъ болѣе податливое отношеніе, и тамъ ей уступаютъ ребенка. Сосѣди осуждаютъ и презираютъ за это крестьянку, но тайнѣ завидуютъ ей, такъ какъ богатая дама щедро помогаетъ ей деньгами, тогда какъ другая семья чуть не умираетъ съ голода. Въ результатѣ между когда-то дружными сосѣдями пробѣгаетъ черная кошка. Когда же пріемный сынъ по достиженіи совершеннолѣтія посѣщаетъ своихъ родителей, то образованный счастливый молодой человѣкъ возбуждаетъ особую зависть въ сынѣ сосѣдней семьи, который самъ могъ бы быть на его мѣстѣ, еслибы его мать не была такъ горда; теперь же онъ остался бѣднякомъ и необразованнымъ человѣкомъ. Онъ бросаетъ своимъ родителямъ самыя тяжкіе упреки за то, что они любили его слишкомъ нѣжно и не захотѣли разстаться съ нимъ, а потомъ уходить отъ нихъ, уже къ этому времени стариковъ.

„Bel ami“ („милый другъ“, романъ) — это исторія выскочки, сдѣлавшаго себѣ карьеру, благодаря женщинамъ. Онѣ слѣпо влюбляются въ красавца-мужчину, который пользуется ими съ холоднымъ расчетомъ для своихъ плановъ и бросаетъ ихъ, когда онѣ перестанутъ быть ему нужны. Начавъ свою карьеру нищимъ на парижской мостовой, онъ кончаетъ ее зятемъ еврея-набоба, являясь наслѣдникомъ всѣхъ его милліоновъ. Въ этомъ романѣ жестоко бичуется также французскій журнализмъ.

Но изъ исключительныхъ случаевъ Мопассанъ бываетъ просто и плоско порнографическимъ; таковъ онъ въ „Le crime du père Boniface“ („Преступленіе отца Бонифація“) и также въ разсказѣ „La rose“ („Роза“).

Какъ мы уже сказали, не надо забывать, что Мопассанъ впоследствии сталъ душевно-больнымъ испихотомъ.

Слѣдующіе случаи относятся къ патологіи полового побужденія.

„Fou“ („Сумашедшій“). Довольно страстная, нѣсколько извращенная женщина охладѣваетъ къ своему мужу, который все еще страстно жаждетъ обладать ею, хотя въ глубинѣ души скорѣе ненавидитъ ее. Она ежедневно совершаетъ продолжительныя прогулки верхомъ и, повидимому, находитъ въ своего рода эротической нѣжности къ лошади возмѣщеніе утраченной симпатіи къ мужу. Послѣдній страстно ревнуетъ ее къ жеребцу, который и съ своей стороны проявляетъ нѣкоторые признаки

ревности. Наконецъ, онъ подстерегаетъ свою жену во время одной изъ ея поѣздокъ, застрѣливаетъ жеребна, а когда жена ударяетъ его за это хлыстомъ, то и ее. „Скажите мнѣ, развѣ я сумасшедшій?“ спрашиваетъ онъ въ концѣ разсказа.

„Un fou“ („Сумасшедшій“). Садистъ—уголовный судья совершаетъ нѣсколько утонченныхъ убійствъ и приходитъ въ экстазъ при видѣ крови своихъ жертвъ. Послѣ одного убійства, совершеннаго имъ, подозрѣнiе падаетъ на невиннаго племянника убитаго. Самъ убійца участвуетъ въ судѣ надъ нимъ и добивается того, что судьи выносить ему смертный приговоръ. Присутствуя при казни на гильотинѣ, онъ испытываетъ сладострастiе: впоследствии онъ умираетъ, добившись высокихъ почестей. Въ его дневникѣ, найденномъ послѣ смерти, разсказывается исторiя его психическаго состоянiя и его преступленiй.

„La femme de Paul“ („Жена Поля“) — это изображенiе гомосексуальной любви группы кокотокъ. Но когда одинъ молодой образованный человѣкъ безумно влюбляется въ такую вообще глупую и грубую дѣвушку, то происходитъ трагическiй конфликтъ. Крайне страдая отъ ея безчувственности и, главнымъ образомъ, отъ ея отношенiй къ немолодой, толстой бабѣ, но будучи не въ силахъ покинуть ее, онъ слѣдитъ за своей любовницей, когда та идетъ на свиданiе къ своей возлюбленной и исчезаетъ съ ней. Ему удается застать ихъ обѣихъ въ кустахъ въ моментъ лесбiйской любви, и онъ въ отчаянiи тонитъ. Его любовница, однако, скоро находитъ утѣшенiе въ объятiяхъ своей подруги.

Въ разсказѣ „Cas de divorce“ („Случай развода“) изображается процессъ молодого психопата, сдѣлавшаго глаза красивой дѣвушки буквально фетишемъ, въ который онъ влюбляется. Онъ женится на ней, сначала обожаетъ ее, но потомъ такъ игнорируетъ ее и такъ грубъ съ ней, что она проситъ развода. Находятъ его дневникъ, изъ котораго ясно видно, что мужъ переживалъ процессъ прогрессивнаго психически полового вырожденiя. Достаточно было слабого запаха изо рта его жены — результата непродолжительной лихорадки, — чтобы вызвать въ немъ отвращенiе къ ней. Зато онъ влюбляется въ цвѣты и ихъ ароматъ, замѣтившiе ему женскiе глаза: устраиваетъ себѣ оранжереи и постепенно начинаетъ испытывать настоящее половое возбужденiе къ цвѣтамъ, въ особенности, къ орхидеямъ. Здѣсь передъ нами случай полового фетишизма, въ связи съ психическимъ расстройствомъ.

До сихъ поръ въ богатомъ собранiи половыхъ мотивовъ и конфликтовъ я нашелъ у Мопассана лишь одинъ пропускъ, а именно: онъ не упоминаетъ того случая, когда одинъ мужчина искренно влюбляется одновременно въ двухъ или нѣсколькихъ женщинъ, при чемъ ни одна не поработаетъ его сердце вполнѣ. Такiе случаи очень и очень не рѣдки, и нельзя отрицать того, что нѣкоторыя, въ особенности, истеричныя женщины, могутъ любить одновременно нѣсколькихъ мужчинъ.

Предыдущiй сухой и недостаточный анализъ нѣсколькихъ темъ, художественно обработанныхъ Мопассаномъ, имѣетъ цѣлью лишь показать разнообразiе объектовъ его сексуально-психологическихъ этюдовъ. Для того, чтобы понять всю правдивость и тонкость его изображенiй, надо, разумеется, читать ихъ въ оригиналѣ. Его разсказы, по большей части, такъ же кратки, какъ сжаты, и отличаются по формѣ удивительной законченностью. Въ предисловiи (Le Roman) къ „Pierre et Jean“ Мопассанъ удивительно красиво излагаетъ свой взглядъ на искусство. Въ этомъ пунктѣ можно только соглашаться съ нимъ, и я рекомендую каждому прочесть эту книгу.

Но, съ другой стороны, мы не можемъ рекомендовать нашимъ читателямъ смотрѣть на половой вопросъ глазами Мопассана. Горькая мировая скорбь, скрывающаяся часто подъ фрявольнымъ тономъ поэта, должна быть предостереженiемъ для всякаго, умѣющаго читать между строками. Пессимизмъ Мопассана, его манера немилосердно обнажать сокровеннѣйшiе уголки человѣческой души и ея ощущений, должна производить на читателя здоровое, хотя и вызывающее отвращенiе, какъ отъ вилосладкаго лекарства. Дѣйствительно, половая жизнь людей въ достаточной степени трагична, груба, горька и отвратительна. Но для сознательнаго оптимиста это должно быть лишь лишнимъ поводомъ для того, чтобы неустанно бороться съ ней свѣтлой стороны и безъ страха и сомнѣнiя постоянно бороться за ихъ побѣду въ жизни. Затѣмъ, не надо забывать, что Мопассанъ, какъ каждый поэтъ, предпочитаетъ, съ

цѣлью прожизнени болѣе сильное впечатлѣніе и рѣзче отбѣивать событія, такая ситуация, которая наиболѣе пригодна для особаго напряженія и остроты, и потому не является повседневными явленіями; затѣмъ, онъ предпочитаетъ изображать такіа душевные состоянія, которыя—по меньшей мѣрѣ, по интенсивности—тоже выходятъ изъ обычныхъ рамокъ: поэтому изображаемые имъ конфликты легко приводятъ къ катастрофамъ, тогда какъ въ повседневной дѣйствительной жизни они, по большей части, протекаютъ не такъ бурно и часто заканчиваются очень банально. Однимъ словомъ, обычная любовная и брачная жизнь течетъ куда спокойнѣе, равномѣрнѣе и равнодушнѣе. Но все же въ ней повсюду можно найти отзвуки, соответствующіе психологическимъ описаніямъ Мопассана. Одна деталь встрѣчается, по моему, въ жизни гораздо чаще, чѣмъ это можно думать на основаніи описаній Мопассана, а именно, грубость и жестокость, какую проявляетъ, въ особенности, измѣнившій женѣ эгоистическій мужчина (но также и разлюбившая мужа эгоистическая женщина) по отношенію къ обманутой сторонѣ (см. рассказъ „Monsieur Parent“). Мы говорили уже объ этомъ: выходитъ, будто виноватая сторона должна вымѣщать угрызенія своей нечистой совѣсти, если она вообще у ней имѣется, на мѣшающей ей невинной сторонѣ, и ежедневными муками давать ей чувствовать свое отвращеніе и свою ненависть. Такъ какъ безсовѣстныхъ и потому раздражительныхъ грубыхъ эгоистовъ болѣе, чѣмъ хорошихъ людей, то и такая реакція наблюдается чаще всего. Хорошаго человека угрызенія совѣсти побуждаютъ къ хорошимъ поступкамъ по отношенію къ обманываемой сторонѣ, и часто бываетъ, что онъ стремится счастливо устроить ее въ бракъ, если его влюбленность была не позволительна съ какой-либо точки зрѣнія. У чистаго эгоиста совѣсть замѣняется боязнью быть открытымъ и злобой на все то, что препятствуетъ удовлетворенію его вожделѣній.

Вотъ, что мы можемъ сказать объ этической сторонѣ произведеній Мопассана. Тотъ, кто находитъ у него эротизмъ или даже порнографію, тотъ не понимаетъ его и пусть лучше не читаетъ его произведеній. Что въ сочиненіяхъ Мопассана есть извѣстная фривольность—объ этомъ мы, впрочемъ, уже говорили.

IV. Андре Кувреръ. „Сѣмя“.

(André Couvreur: La graine. Paris, Plon 1903).

Авторъ—врачъ. Его книга—это социальный трактатъ на тему о человѣческомъ подборѣ. Несмотря на крупный талантъ автора и увлекательное изложеніе, эта книга съ чисто художественной точки зрѣнія обладаетъ большимъ недостаткомъ, общимъ всѣмъ подобнымъ тенденціознымъ произведеніямъ. Намѣренное нагроможденіе событій и дидактический языкъ дѣйствующихъ лицъ повсюду елишкомъ обнаруживаютъ тенденцію. Но для насъ, требующихъ въ первую голову не художественности, а социального идеала на основѣ точныхъ знаній, книга Куврера представляетъ собою смѣлый социальный актъ. Въ изобилующемъ событіями романѣ онъ изложилъ великую половую проблему улучшенія нашего потомства посредствомъ подбора, а также препятствія, стояща на пути ея осуществленія въ современной жизни: онъ изобразилъ это въ такой сжатой и драматически дѣйствующей формѣ, что долженъ каждого навести на глубокія размысленія. Хотя въ дѣйствительной жизни въ одной семьѣ и ея кругу знакомыхъ врядъ ли можетъ произойти въ короткое время такое накопленіе драмъ, основанныхъ на несчастной наследственности и т. д., но стоитъ только распредѣлить ихъ на болѣе обширномъ пространствѣ и на болѣе продолжительное время, какъ мы получимъ въ высшей степени вѣрную картину тѣхъ обстоятельствъ, которыя повсюду царятъ въ нашемъ обществѣ и оказываютъ на него такое ужасное вліяніе. Герой книги, „Клодъ“,—это несчастный, этически высоко стоящій чахоточный, который, сознавая свою неспособность дать начало здоровой семьѣ, жертвуетъ своей невѣстой, своей жизнью и своимъ состояніемъ для своего лучшаго друга и человечества. Наряду съ этимъ, у другихъ людей изображаются самыя разнообразныя роковыя послѣдствія наследственности, бластофторин, распутнаго образа жизни, сифилиса, половой психопатіи, а также—мошенничества и глупости въ области половыхъ отношеній. Одна бездѣтная женщина, ставшая безплодной, вслѣдствіе кастраціи.

произведенной противъ ее воли, сама побуждаетъ своего мужа произвести на свѣтъ ребенка съ здоровой крестьянской дѣвушкой.

Подробный анализъ этого произведенія завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Но мы настоятельно рекомендуемъ прочесть эту книгу и хорошенько подумать надъ ней: это — выдающееся въ этическомъ отношеніи произведеніе, чѣмъ съ избыткомъ вознаграждается несущественный для насъ недостатокъ его художественной формы.

Этотъ же авторъ изобразилъ въ „La source fatale“ не менѣе драматически социальныя опустошенія, являющіяся результатомъ потребленія алкоголя. Сочиненія Куврера, вообще, отличаются этически-соціальною тенденціей: кромѣ того, у Куврера, какъ у Мопассана, эротическая черта выступаетъ слишкомъ сильно и даже еще въ большей степени, чѣмъ у него.

V. В. Бріе. Порченные.

(V. Brieux: „Les avariés“, драма въ 3-хъ актахъ. Парижъ).

Мы упоминали уже объ этомъ сочиненіи въ главѣ VIII, говоря о венерическихъ болѣзняхъ. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ социальнымъ трактатомъ, а именно, здѣсь трактуется объ опасностяхъ и послѣдствіяхъ венерическихъ болѣзней въ семьѣ и обществѣ. Ничто не можетъ лучше иллюстрировать ограниченность властей и тупую силу предрассудка, какъ тотъ фактъ, что во Франціи представленіе этой драмы было запрещено. Но, къ счастью, именно запрещеніе способствовало ея распространенію. Разрѣшаютъ представлять самыя безплативственныя и легкомысленныя произведенія, изображающія порокъ желательнымъ и ведущія къ гибели тысячи людей. Но когда появляется сочиненіе, безъ прикрасъ предостерегающее насъ отъ величайшихъ социальныхъ опасностей и изображающее ихъ во всей ихъ отталкивающей наготѣ, правительство и полиція запрещаютъ его, мотивируя это запрещеніе „нравственнымъ негодованіемъ“!

Въ этой драмѣ изображенъ сифилитикъ, нежелающій слушать совѣтовъ врача и вступающій въ бракъ. Здѣсь борьба между долгомъ, съ одной стороны, и жадной, наживной, сословными предрассудками и эротизмомъ — съ другой, изображена такъ, какъ она, къ сожалѣнію, слишкомъ часто имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Горячо рекомендуемъ читателямъ и эту драму.

Какъ иллюстрацію къ драмѣ Бріе „Порченные“, я приведу слѣдующій фактъ изъ статьи Шальмайера (Zeitschrift für Bekämpfung der Geschlechtskrankheiten, т. II, № 10, Leipzig bei J. Ambrosius Barth).

„Я лечилъ молодого человѣка отъ сифилиса одновременно съ его любовницей, которую онъ заразилъ этой болѣзью. Еще въ началѣ леченія онъ какъ-то сказалъ мнѣ, что онъ обручился и вкорѣ женится. На это я сказалъ ему, что онъ заразитъ жену такъ же, какъ заразилъ любовницу, что, впрочемъ, онъ зналъ и безъ меня. На это онъ мнѣ возразилъ, что его матеріальное положеніе не позволяетъ ему отказаться отъ этой женитьбы и откладывать ее. Въ концѣ-концовъ, я выгналъ его. Но затаясь отъ этой женитьбы и откладывая ее. Въ концѣ-концовъ, я выгналъ его. Но это не помѣшало ему выполнить свой планъ, и когда, полгода спустя, у его жены появились признаки зараженія сифилисомъ, онъ направилъ ее лечиться ко мнѣ. — На такихъ лицъ, очевидно, не подѣйствуетъ никакое просвѣщеніе“.

Другіе выводы Шальмайера можно только приѣтствовать. Но все же здѣсь — какъ мы уже говорили — просвѣщеніе поможетъ больше, чѣмъ законы. Во всякомъ случаѣ, всякій разумный человѣкъ долженъ прежде, чѣмъ вступать въ брачныя или вѣнчающія половыя отношенія, требовать медицинскаго освидѣтельствованія обѣихъ сторонъ, съ цѣлью установить, по крайней мѣрѣ, что ни одна изъ нихъ не больна венерической болѣзью. При бордельномъ промискуитѣ это требованіе — какъ мы видѣли — не выполнимо. Но тѣмъ настоятельнѣе рекомендуемъ мы его (и тутъ оно вполне выполнимо) при половыхъ сношеніяхъ, заключаемыхъ на извѣстное болѣе продолжительное время, будетъ ли это бракъ, конкубинатъ или свободная любовь. Противъ такого требованія не можетъ возставать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ уклоненіе было бы почти равносильно признанію болѣзни. Надо только сдѣлать этотъ обычай, посредствомъ частаго призыванія, само собою подразумевающимся закономъ чести для половыхъ сношеній: такой кодексъ чести имѣлъ бы больше правъ на существованіе, чѣмъ дуэль.

VI. Дневникъ падшей.

(*Tagebuch einer Verlorenen* von einer Toten. Обработано и издано Маргаритой Беме. Berlin, Fontane, 1905).

Эта книга является подтверждениемъ правильности нашихъ воззрѣній. Это не романъ протестантки, а дневникъ въ высшей степени талантливой „падшей“. Поэтому нельзя отрицать достоверности его. И все же дневникъ — какъ признаетъ это самъ авторъ — даетъ матеріалъ для нѣсколькихъ романовъ, но своей сухой достоверностью гораздо трогательнѣе, чѣмъ все эти романы. Надо имѣть сердце изъ пергамента, надо имѣть душу формалиста и бюрократа, чтобы не полюбить и не начать даже уважать бѣдную Тиміанъ — такъ зовутъ автора, — несмотря на все ея недостатки и слабости. Крайне интеллигентная, образованная, прямодушная по природѣ, альтруистка и лю-

Цензоръ нравовъ. Съ картины В. Шиндлера.

бящая душа, она является жертвой нашихъ лицемерныхъ нравовъ въ области половыхъ отношеній. Только въ силу ихъ она могла опуститься до положенія проститутки.

Тиміанъ — дочь легкомысленнаго, добродушнаго антексара; въ числѣ ея предковъ была кокетливая бабушка-парижанка, убѣжавшая отъ мужа. После смерти матери Тиміанъ, очень хорошей женщины, отецъ ея сталъ распутничать съ разными женщинами, и она сама въ 16½ лѣтъ была соблазнена опытнымъ негодиемъ и забеременѣла отъ него. Для того, чтобы скрыть „позоръ“, ее отираютъ въ Гамбургъ въ небольшое убѣжище подъ надзоръ женщины, принимавшей роженицъ. Тамъ же ожидала разрѣшенія отъ бремени любовника одного богатаго господина, г-жа Л., съ которой Тиміанъ очень подружилась. Когда она родила дѣвочку, родственники, несмотря на ея протесты, отняли отъ нея ребенка и отдали его въ качествѣ пріемной дочери одной богатой бездѣтной семьѣ. Затѣмъ, Тиміанъ насильно помѣстили въ такъ наз. „исправительное заведеніе“, т. е. отдали для исправленія въ семью священника, формально строго религіозную, но на самомъ дѣлѣ безсердечную, грубую и лицемерную. Здѣсь она чувствовала себя очень несчастной и озлобленной и все болѣе и болѣе возмущалась противъ такъ наз. нравовъ нашего общества. Ей удалось

сблизить отсюда и отыскать г-жу L., которая очень тепло приняла ее. Там, она познакомилась с братом кокетки, а также с опытной сводней г-жей K., амбициозной больше элитную кабину. Сначала она не хотела идти по этому пути и оставалась у г-жи L. с качествами боины. Но, в конце концов, г-жа K. соблазнила ее, и она стала кокеткой. Затем L. удалось найти богатого человека и женить его на себе. Тогда Тивань переехала к г-же K. и стала уже кокеткой высшего полета, но через некоторое время г-жа K. была увлечена в своем ремесле и попала судейное наказание. Тогда для Тивань наступили черные дни. Она поселилась в Берлинском районе и, вследствие недостатка денег, постепенно опускалась на все более и более низкую ступень проституции. Но все же ей удавалось уклоняться от полицейской регистрации, хотя она была близка к этому и спаслась лишь, благодаря лжесвидетельству сутенеров.

Впоследствии, однако, клиентура ее была почище. Но, благодаря ее доброму сердцу, у нее никогда не было денег, и, наконец, она выписала из Америки, чисто по любви, одного обвиняемого молодого графа, которого она знала на родине еще будучи ребенком, и который теперь играл около нее роль сутенера. Впоследствии она вышла за него замуж. Он был в том же алкоголиком, заразился от других женщин сифилисом, был осужден, как педераст, и умер. Тогда Тимань, любившая искренно, кетати сказать, лишь один раз (женатого врача), сдѣлалась любовницей одного пожилого богатого господина. После этого она жила уже безъ всякихъ заботъ. Она благодѣтельствовала многимъ и, въ концѣ-концовъ, умерла отъ чашотки. Передъ этимъ она встрѣтилась съ издательницей ее дневника, съ которой она познакомилась раньше въ Гамбургѣ и подружилась, но не посвящала ее въ свою жизнь. Такъ какъ она была писательницей, то Тимань передъ смертью передала ей свой цѣнный дневникъ, какъ матеріалъ для пяти (5!) романовъ. Последняя вполнѣ правильно предпочла издать его цѣликомъ лишь съ нѣкоторыми измѣненіями.

Прибавимъ еще, что свое первоначально недостаточное воспитаніе Тиміанъ очень пополнила въ Гамбургѣ чтеніемъ. Она читала Готфрида Келлера, Ницше и т. д. куда охотнѣе, чѣмъ романы. Въ ней „погибъ“, хотя и не совсемъ, большой талантъ, глубоко психологически мыслящая женщина. Объ этомъ можно судить на основаніи, напр., слѣдующей выдержки, описывающей ея тяжелые берлинскіе дни (когда она была проституткой низкаго пошиба).

„Люди, лишь поверхностно знакомые съ этими кругами, по большей части, представляютъ себѣ отношенія между мужчинами и дѣвушками совершенно иначе, чѣмъ каковы они въ дѣйствительности. Я представляла себѣ сутенера человѣкомъ, который приводитъ къ дѣвушкамъ кліентовъ, защищаетъ ее, настойчиво заставляетъ платить кліентовъ, желающихъ увильнуть отъ платы, а въ остальномъ — это работодательъ дѣвушки. Конечно, бываетъ и такъ, но, въ большинствѣ случаевъ, между дѣвушкой и ея такъ наз. сутенеромъ существуютъ такія же отношенія, какъ между дѣвушкой и любовникомъ. Да это и вполне понятно. Въ каждой дѣвушкѣ скрыта женщина съ ея потребностью опоры, съ ея жаждой любви, не находящей удовлетворенія въ чисто профессиональныхъ условіяхъ половыхъ сношеній. То же и со мной: дорого бы я дала, чтобы имѣть на свѣтѣ одного единственнаго человѣка, который принадлежалъ бы мнѣ, къ которому я могла бы прильнуть, про котораго я бы знала: онъ для меня, а я для него. Но все же я не могла бы рѣшиться на то, чтобы сблизиться съ первымъ понавшимся мужчиной; вѣдь большинство такихъ типовъ очень и очень низко пали въ нравственномъ отношеніи“.

„Иногда можно было собирать факты для цѣлой книги. Эти люди вербуются изъ всѣхъ сословій. Всѣ они, конечно сбились съ пути. Приличный мужчина не станетъ жить на счетъ женщины. Лишь немногіе изъ нихъ имѣютъ какое-либо занятіе. Но у нихъ есть клубы, гимнастическія и атлетическія общества, и по цѣлымъ днямъ они слоняются по трактирамъ“.

„Нѣсколько разъ, одинъ изъ такихъ субъектовъ пытался приблизиться ко мнѣ, но я съ благодарностью отказывалась, конечно, очень дружески и любезно. Съ этими господами ссориться неудобно. Въ особенности, слабый Фридрихъ — не знаю почему

что такъ называлось дѣвушкѣ и мужчины иногда вѣшаютъ самыя комическія прозвища) — часто подсаживается ко мнѣ въ кафе Кекъ. Онъ, собственно, докторъ правъ — показывать мнѣ свои документы? — выдержалъ государственной экзаменъ и уволенъ отъ должности ассессора. Онъ говоритъ, что его погубила женщина, но, мнѣ кажется, скорѣе алкоголь. Пока онъ не доходитъ до этой степени опьяненія и полной потери сознания, съ нимъ очень приятно болтать; видно, что это интеллигентный и образованный человѣкъ. Поэтому меня, собственно говоря, удивляетъ, что его подруга — ничтожное существо, самая ordinaria дѣвушка: мнѣ кажется, что еслибы онъ захотѣлъ, онъ могъ бы выбрать лучшую. Но я не желаю ввязать себя на шее такого пьяницы".

«Въ полусвѣтѣ столько же кастъ и круговъ, какъ и въ настоящемъ свѣтѣ. Верхнія четверста это тѣ, что живутъ на содержаніи у богатыхъ мужчинъ. Къ нимъ, собственно говоря, должна была бы принадлежать и я. Отъ тѣхъ, имѣющихъ лишь одного друга и живущихъ только съ нимъ, ведетъ (насколько я могу судить) множество ступеней и ступенекъ внизъ къ бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ, продающимъ за марку и даже меньше... Хорошаго вѣтъ, индѣ, но внизу „ужасно“...

«О, Боже мой, вообще свѣтъ... Когда я смотрю на все это, мнѣ всегда вспоминается цитата, которая здѣсь ужасна, чѣмъ гдѣ бы то ни было: „вся скорбь человѣчества горько печалитъ меня“.

«Въ концѣ концовъ, надъ всякимъ, кто вступилъ на этотъ путь, виситъ тяжелое, тусклое облако трагизма и несчастья. — Конечно, среди проститутокъ есть и такія дѣвушки, которыя пошли по этому пути лишь по легкомыслію и по собственной вѣтѣ; но утверждаю васъ, что ни одна изъ нихъ не погрузилась въ этотъ омутъ, вполнѣ сознавая, что она дѣлаетъ. Теперь я знаю безчисленное множество дѣвушекъ, живущихъ отъ продажи своего тѣла, но вполнѣ опредѣленно и достоверно могу заявить, что изъ ста не найдется и пяти, которыя не ухватились бы обѣими руками за возможность вернуться къ честной жизни, еслибы таковая возможность имъ представлялась. На свѣтѣ столько благотворительности и гуманности; существуютъ дѣтскія ясли и убѣжища для престарѣлыхъ, для преступниковъ и Богъ знаетъ сколько полезныхъ учреждений: люди устраиваютъ такъ много всякихъ благотворительныхъ базаровъ, такъ часто рялятся, танцуютъ для блага страждущаго человѣчества, во въ міръ самого ужаснаго горя, въ самый ужасный мракъ рѣдко доходитъ лучъ милосердной, дѣятельной любви къ ближнему. Сколько человѣкъ охотно дали бы „спасти“ себя. Конечно, не при посредствѣ исправительныхъ заведеній и проповѣдниковъ морали, не съ высоты величія, не съ ходулей надменной морали... Благодарю тебя, Боже, что я не таковъ, какъ другіе“, и т. д.

«—Ни одну изъ дѣвушекъ не прельститъ шарлатанство. — Нѣтъ, для того, чтобы измѣнить положеніе вещей и улучшить ихъ, необходимъ новый міровой порядокъ, необходимъ полный переворотъ понятій и условій. Люди должны были бы очистить себя отъ всякаго зла и сжечь свои предрассудки, какъ кучу вшиваго бѣлья. Оковы должны быть разбиты. Древніе греки даже восхваляли своихъ гетеръ, а финикіяне почитали ихъ, какъ жрицъ. Тогда Венерѣ служили лучшія, самыя красивыя, самыя умныя и образованныя изъ женщинъ, а эти античные народы, право, не стояли на болѣе низкой ступени культуры, чѣмъ мы. Право, каждому должно быть предоставлено право распоряжаться своимъ тѣломъ такъ, какъ ему хочется. Неужели священное судилище общественнаго мнѣнія должно обязательно вшутываться въ это дѣло и топить въ грязи униженія и пренебреженія всякаго, кто поступаетъ не такъ, какъ другіе? Еслибы проституція перестала быть позорнымъ занятіемъ, то число „торгующихъ собою“ уменьшилось бы на четыре пятыхъ, даже на девять десятыхъ. Напримѣръ, я охотно взяла бы мѣсто компаньонки или воспитательницы, и будь я проклята и осуждена, еслибы я не приложила всѣхъ стараній къ тому, чтобы честно выполнять свои обязанности, или позволила себѣ опять сойтись съ мужчиной. Но не говоря уже о томъ, что для меня, проститутки, найти такое мѣсто было бы прямо чудомъ, дамокловъ мечъ постоянно висѣлъ бы надо мною, и какъ только обнаружилось бы мое прошлое, меня съ позоромъ пинкомъ выгнали бы изъ дому и сбросили бы еще глубже въ грязь. Еслибы наша профессія гетеры не считалась позорной, и еслибы мы въ любой

моменты могли безпринужденно вернуться къ выполнению гражданскихъ профессій, большинство, испытавшихъ хоть короткое время весь ужасъ этой жизни, вернутся бы обратно. Но теперь за нами заперты двери: „Вы, входящие сюда, оставьте некую надежду“.

„Но болѣе всего раздражаетъ меня, когда эти филантропы приводятъ своихъ жещъ въ конныя кафѣ, и тѣ сидятъ, тихикаютъ, фыркаютъ, смѣются и не знаютъ, какъ бы это поспѣлѣе отстѣннить разницу между ихъ откормленной нравственностью, ихъ мѣлианскъ благополучностью безукоризненнымъ величьемъ и нами бѣдняжками, потрясенными въ пороки. Мнѣ прямо хочется плюнуть въ лицо этимъ гусынямъ. Какъ будто бы хоть одна изъ нихъ знаетъ, что такое жизнь и страданія. Что онѣ знаютъ о темныхъ путяхъ жизни, въ тѣняхъ которыхъ мы влечемъ наше жалкое существованіе? Мнѣ хочется имъ крикнуть: смотрите, вы еще не покончили всѣхъ счетовъ съ жизнью! Быть можетъ, и у васъ есть дочери, отъ которыхъ вы хотите смерти, и, быть можетъ, онѣ когда-нибудь будутъ сидѣть здѣсь подъ градомъ презрительно ядовитыхъ взглядовъ“...

„Хотѣла бы я посмотреть на одну изъ многихъ женщинъ, которыя во имя христіанскаго милосердія занимаются благотворительностью и любовью къ ближнимъ, еслибы ей предложивъ взять компаньонкой или бонной одну изъ поскитальницъ „Національнаго кафѣ“. О, Боже, какъ бы она содрогнулась, какъ бы нахмурилась, какъ бы запротестовала противъ такого предложенія“...

„Я плюю на всю христіанскую любовь и на всю благотворительную шумиху. Всѣ люди—это скоты, гіены, какой бы шкурой они не прикрывались“.

Я приведу еще одну выдержку, а именно, самоанализъ Тиміанъ, когда она устроилась любовницей у старика и зажила спокойно.

„Я прекрасно знаю, что, когда онъ бралъ меня, онъ твердо рѣшилъ быть насторожѣ и отнюдь не поддаваться моему вліянію; но какъ бы сильна, горда и тверда ни была мужская воля, умная эластичная воля женщины упорѣе и подчиняетъ себѣ мужскую. Я имѣю на него вліяніе; онъ самъ не замѣчаетъ того, что я подчиняю его волю и заставляю его поступать такъ, какъ хочу. Я могла бы теперь потребовать и получить отъ него все, что бы ни захотѣла. Конечно, при этомъ надо стараться не выказывать того, что дѣйствуешь по своей волѣ, не имѣть собственныхъ сужденій, надо всегда приспосабливаться къ мнѣніямъ другихъ; раньше я никогда не упражнялась въ этомъ искусствѣ, такъ какъ въ этомъ не было надобности, но не скажу, чтобы оно далось мнѣ особенно трудно“.

Такимъ образомъ, Тиміанъ тоже признаетъ, что женская воля сильнѣе мужской.

VII. Р а з н о е.

Въ первыхъ изданіяхъ этой книги я разбиралъ еще нѣсколько книгъ, что я теперь опускаю, такъ какъ продолженіе этой работы завело бы меня слишкомъ далеко. Я упомяну здѣсь лишь заглавія нѣсколькихъ книгъ, кратко указавъ ихъ содержаніе:

1. Charles Secretan. Le droit de la femme. IV изд. Парижъ. Alcan 1888. Въ этомъ сочиненіи извѣстный швейцарскій философъ далъ вскую и строго логическую характеристику безправнаго общественнаго положенія женщины и требуетъ равноправія ея съ мужчиной.

2. Mutterschutz. Zeitschrift zur Reform der sexuellen Ethik. Изд. д-ра философіи Елены Штекеръ. Berlin, Wilmersdorf (Sauerländers Verlag, Frankfurt a. M.). 1 годъ изд. 1905. Этотъ органъ находится въ связи съ „Союзомъ защиты матерей“, ставящимъ себѣ цѣлью помогать бѣдствующимъ матерямъ (состоящимъ и не состоящимъ въ бракѣ), доставляя имъ убѣжище и защиту.

3. а) Ruth Bré. Ecce mater. 1905. Соціальный романъ. Та же тенденція. б) Также: Staatskinder oder Mutterrecht. Leipzig. 1904. W. Malende.

4. W. Bölsche. Das Liebesleben in der Natur. 3 тома. Leipzig. Diederichs. 1903—1904. Юмористическое изображеніе любви во всемъ мірѣ живыхъ существъ, включая человека.

5. D-r. Otto Weininger, *Geschlecht und Charakter*. Wien und Leipzig. W. Braumüller. Сочиненіе рано сформированное, очень молодое, можно сказать, гениально-галантинного душевно-больного; отличается соответствующими странностями. Авторъ покончилъ самоубійствомъ вскоре послѣ выхода въ свѣтъ этой книги.

6. Charles Albert, *Die freie Liebe*. Aus dem Franz. von T. Schlesinger-Eckstein. Leipzig. Max. Spohr. 1901. Мысли о новыхъ реформахъ въ половомъ вопросѣ. То же мы можемъ сказать и о книгахъ:

7. D-r. Queyrat, *La demoralisation de l'idée sexuelle*. Paris. G. Rueff, 1902.

8. G. Vacher de Lapouge, *Les sélections sociales*. Paris. Fontemoing. 1896. Авторъ изучаетъ подборъ людей различныхъ расъ и вліяніе, оказываемое на нихъ культурой. Онъ смотритъ очень пессимистически на будущее.

9. *Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie*. Подъ ред. д-ра А. Плетца, Viktoriastz. 41, Schlachtensee bei Berlin. Изд. „Archiv-Gesellschaft“. Berlin S. W. 12. Этотъ солидный и заслуженный журналъ изучаетъ проблему улучшения расъ во всѣхъ отношеніяхъ и тѣмъ самымъ находится въ тѣсной связи съ задачей нашей книги.

Настоятельно рекомендуя этотъ журналъ, назову, въ частности, статьи Плетца, Шальмайера, Туривальда, Рюдина и т. д. 1904—1905. Также рекомендую:

10. D-r. Wilhelm Schallmayer, *Vererbung und Auslese im Lebenslauf der Völker*. Jena. G. Fischer. 1903.

11. *Die politisch-anthropologische Revue* (D-r. Volkmann-Hildburg-hausen) преслѣдуетъ, отчасти, такія же цѣли.

12. D-r. Max Thal, *Sexuelle moral*. Breslau. W. Koebner. 1904. Относите-льно брака и дѣтей приходитъ къ такимъ же выводамъ, какъ и мы.

13. Philipp Frey, *Der Kampf der Geschlechter*. Wiener Verlag. 1904. Это нѣсколько безсвязно и напыщенно написанная книжечка содержитъ серьезныя и заслуживающія одобренія идеи, совпадающія съ нашими взглядами по этому вопросу.

14. Caspar Wirz, V. D. M. *Der Uranier vor Kirche und Schrift*. Leipzig. Max. Spohr. 1905. 2-е изд. — Здѣсь нашу точку зрѣнія разделяетъ ортодоксальный ученый, священникъ и историкъ; онъ съ большимъ знаніемъ дѣла принимаетъ подъ свою защиту извращенныхъ въ половомъ отношеніи людей, къ которымъ законъ относится съ ничѣмъ неоправдываемой строгостью. Мы приветствуемъ гуманную точку зрѣнія автора и рекомендуемъ эту книжечку.

15. A. Forel, *Human Perfectibility in the Light of Evolution* in „The International Monthly“ (Burlington Vermont. Leipzig, Stechert, August. 1901). Въ этомъ сочиненіи, я отбѣнялъ, какъ необходимо отличать эволютивную способность людей къ совершенствованію отъ традиціонной или энциклопедической (т. е. приобрѣтенной индивидуально, благодаря продуктамъ культуры).

16. Mantegazza, Paolo, *Die Physiologie der Liebe*. Перев. E. Engel. 1888. Jena. Costenoble. Послѣ апологій любви авторъ становится защитникомъ проституціи.

17. D-r. Alfred Ploetz, *Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen*. Berlin. S. Fischer. 1905. Въ этой крайне цѣнной работѣ Плетцъ старается принципиально разъяснить условія сохраненія и развитія нашей расы. При этомъ онъ опредѣляетъ понятіе „раса“, нѣсколько иначе, чѣмъ это принято въ зоологіи и антропологіи (какъ совокупность людей). Плетцъ уже приходитъ къ тѣмъ выводамъ, которые сдѣлали мы.

18. M. Hirschfeld, *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*. Leipzig. Max. Spohr. 1899—1904. Богатая коллекція случаевъ гомосексуализма, гермафродитизма и т. д.

19. Ellen Key, *Liebe und Ethik*. Pan.-Verlag. Berlin. SW. 1905.

Ограничуясь этими немногими краткими поясненіями. Въ концѣ книги Элленъ Кей (см. примѣчанія) приведенъ краткій литературный указатель, къ которому я— ради краткости — отсылаю читателей. Книги подъ №№ 1, 3b, 4, 5, 6, 7, 8 и 10 я кратко излагаю въ первыхъ изданіяхъ моего „Полового вопроса“.

Оглавление второго тома.

стр.

Гл. XI.	Вліяніе внішніхъ условій на половую жизнь. Климатъ. Сельская и городская жизнь. Бродяжество. Семейство Зеро. Американизмъ. Трактиръ и алкоголь. Богатство и бѣдность. Звать и сословія. Итернаты. Разныя вліянія	241 254
Гл. XII.	Религія и половая жизнь	
Гл. XIII.	Право въ половой жизни. А. Общія правовыя понятія. Естественное право. Традиціонное право. В. Гражданское право. Бракъ и половыя отношенія. Гражданско-правовое положеніе дѣтей. Матріархатъ. Формы и продолжительность гражданского брака. Бракъ межу родственниками. Ограниченія личной свободы социальна опасныхъ людей въ отношеніи половой жизни. Право наслѣдства. С. Уголовное право. Крово-смѣшеніе	265 305
	Приложеніе къ главѣ XIII. Случай изъ судебной практики	
Гл. XIV.	Медицина и половая жизнь. Общія замѣчанія. Средства для регулированія и предупрежденія зачатія. Предупредительныя мѣры со стороны женщины и мужчины. Гигіена брака. Врачебная тайна. Леченіе половыхъ болѣзней	309 329
Гл. XV.	Половая этика или половая мораль	340
	Приложеніе къ главѣ XV. „Случай“	343
Гл. XVI.	Половой вопросъ въ политикѣ и политической экономіи	349
Гл. XVII.	Половой вопросъ въ педагогикѣ	365
Гл. XVIII.	Половая жизнь и искусство	
Гл. XIX.	Взглядъ назадъ и перспективы будущаго. А. Отрицательныя данныя: прямые или косвенные источники злоупотребленій въ области половыхъ отношеній, и соответствующихъ социальныхъ безобразій, устраненіе которыхъ необходимо. В. Положительныя задачи	373 384
	Утопическія мысли объ идеальномъ бракѣ будущаго	
	Приложеніе.	
	Мнѣніе отдѣльныхъ лицъ о половомъ вопросѣ. I. Августъ Бебель. „Женщина въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ“. II. Эллисъ Кей. „О бракѣ и любви“. III. Гюи де Монассанъ. Романы и повѣсти. IV. Андре Кувреръ. „Сѣмя“. V. В. Бріе. „Порченныя“. VI. Дневникъ падшей. VII. Разныя произведенія	392

СПИСОКЪ

отдѣльных картинъ, вошедшихъ въ томъ II-й.

	нѣ стр.
1) Похищеніе Прозерпины	268
2) Виллелдорфская Венера	268
3) Жанна д'Аркъ на пути къ мѣсту казни	300
4) Ревность	300
5) Исповѣдь Амура	316
6) Страданія любви	332
7) Кутящіе Ландскнехты	332
8) Покинутая Фаономъ поэтесса Сафо бросается въ море съ Ленкадскихъ скалъ	348
9) Соперники	348
10) Амвонъ прогоняетъ обезчещенную имъ Тамаръ	380
11) Судъ Париса	380
12) За женщину	396